

ЛУЧШЕЕ

ПИРАТСКОЕ ФЭНТЕЗИ

АНТОЛОГИЯ

Кейдж БЕЙКЕР, Майкл МУРКОК, Гарт НИКС,
Наоми НОВИК, Говард УОЛДРОП
и многие другие

ЛУЧШЕЕ

ПИРАТСКОЕ

ФЭНТЕЗИ

АНТОЛОГИЯ

Санкт-Петербург
Издательская Группа «Азбука-Классика»
2010

УДК 82/89
ББК 84.7 США
П 33

Fast Ships, Black Sails © 2008 by Ann & Jeff VanderMeer
All rights reserved

Перевод с английского
Анастасии Бродоцкой, Александра Гузмана,
Николая Кудрявцева, Карины Павловой, Веры Полищук,
Михаила Пчелинцева, Ольги Ратниковой,
Марии Савиной-Баблюн, Извы Сергиенко,
Галины Соловьевой

II 33 **Пиратское фэнтези: Антология** / Пер. с англ.
А. Бродоцкой, А. Гузмана, Н. Кудрявцева и др. —
СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика»,
2010. — 448 с.

ISBN 978-5-9985-0986-5

Восхитительная смесь захватывающих баталий и мистики на страницах новой антологии «Пиратское фэнтези»! Впервые на русском языке!

Мастера с мировым именем, такие как Кейдж Бейкер, Майкл Муркок, Гарт Никс, Наоми Новис, Говард Уолдроп и многие другие, представляют жизнь морских разбойников в картинах на новом свете. Под одной обложкой собраны рассказы на любой вкус: о карibbeanских интригах и пиратской кухне, о романтической любви и кровавых сражениях, о несметных сокровищах и экзотических открытиях. Увлекательные истории об отважных негодяях, путешествующих по бескрайним морям под черными парусами, придется по душе преданным поклонникам приключенческой литературы.

УДК 82/89
ББК 84.7 США

© А. Бродоцкая, А. Гузман, Н. Кудрявцев,
К. Павлова, В. Полищук, М. Пчелинцев,
О. Ратникова, М. Савина-Баблюн,
И. Сергиенко, Г. Соловьева, перевод, 2010
© Издательская Группа «Азбука-классика»,
2010

ISBN 978-5-9985-0986-5

Одержанность пиратами

Пираты кажутся столь привлекательными, в том числе и нам, из-за своей вольной жизни, путешествий к далеким горизонтам, жажды приключений и экзотических открытий. В данной антологии, включающей рассказы мастеров с мировым именем, вы найдете все вышеперечисленное и даже больше. От карибских интриг до пиратской кухни, от неожиданно романтичных сюжетов до кровавых сражений. В сборнике «Пиратское фэнтези» есть истории на любой вкус. Например, рассказ «Араминта, или Крушение „Амфидрейка“» Наоми Новик представляет собой восхитительную смесь захватывающих баталий и мистики. Гарт Никс, чьи книги потрясли миллионы читателей, предлагает озорную и дерзкую повесть «За морскими ворогами учесных-пиратов Сарске», рассказывающую о парочке мошенников, столь очаровательных, что их похождения достойны быть запечатленными на бумаге. С другой стороны, Стив Айлетт с уморительной историей «Путешествие „Игуаны“» покажет вам жизнь морских разбойников в кардинально новом, забавном свете. Одни названия чего стоят, вам уже должно быть интересно!

Работая над составлением данной антологии, мы посетили несколько любопытных ресурсов, включая исчерпывающий по содержанию фан-сайт keeptothecode.com и talklikeapirate.com, а также познакомились с книгой Гейл Сэлинджер «Пираты: Справочник для чайников» («The

Idiot's Guide to Pirates). Мы спросили у Сэлинджер, какими качествами нужно обладать, чтобы стать пиратом. И знаете, что она ответила? «Необходимо сильное желание быть хозяином собственной судьбы. Готовность умереть в любую минуту... Полное пренебрежение законом. Отправляясь в путешествие, пират должен иметь при себе огнестрельное оружие и хотя бы одну шлю. И конечно, ему следует обладать какими-нибудь навыками моряка или быстро всему научиться».

Кое-что из ее слов удивило нас не меньше, чем рассказы, вошедшие в сборник: «Я бы прибавила, что пират обязан любить ром, но ведь великий Бартоломью Робертс, по кличке Черный Барт, вообще не употреблял спиртного!» Да уж, нельзя быть пьяным все дни напролет. А дальше мы оказались совершенно обескуражены, потому что, как выяснилось, метка «Х» никогда не обозначала на карте тайник. Вот что поведала Гейл: «Нам следует благодарить писателей девяностого и двадцатого веков за этот миф. Команда ни за что не позволила бы капитану зарыть ее долю. Капитан, решивший присвоить всю добычу, был обречен. Просто помыслите логически: головорезы и воры, с какой стати они пожелали бы кому-то облегчить задачу в поисках сокровища, добывшего с таким трудом».

Кое-что Сэлинджер все-таки подтвердила: людям нравятся герои-негодяи, эти «прохвосты с золотыми сердцами». На страницах нашей антологии вы встретите их в большом количестве. С золотыми сердцами и сердцами черными. Увидите капитанов, влюбленных в русалок. Столкнетесь с двурушничеством, надувательством и лицемерисм. Всерьез вы увлечены темой пиратства или находите ее не более чем развлекательной, ностальгия либо по детству, или вам еще предстоит открыть для себя этот мир, мы надеемся, что ваше удовольствие от чтения антологии «Пиратское фэнтези» будет столь же велико, как и наше от работы над нею.

Энн и Джейф Вандермеер

Буджум

Своего имени у корабля не было, и человеческий экипаж назвал его «Лавиния Уэйтли»¹. По всей видимости, зверюга совсем не возражала. Во всяком случае, ее длинные лопасти-манипуляторы сворачивались — с нежностью? — когда кто-нибудь из главных механиков поглаживал переборку и ласково приговаривал «Винни», и с важностью вспыхивали огоньки внутренней биолюминесценции по пятам за каждым из членов команды. Корабль исправно снабжал экипаж светом для передвижения, работы и жизни.

«Лавиния Уэйтли» была буджумом, обитателем космических глубин, но ее род возник в кипящих оболочках газовых гигантов, и молодые особи ранний период своей жизни до сих пор проводили в облаках-ялях, клубящихся над извечными штормами. Обтекаемая, для человеческого глаза больше похожая на гигантскую рыбу-зебру, на боках она несла газовые мешки, наполненные водородом. Лопасти и крылья плотно прижаты, а сине-зеленая окраска настолько темная, что казалась глянцево-черной, если на нее не

¹ Лавиния Уэйтли — персонаж повести Говарда Лавкрафта «Данвичский кошмар».

падал луч света. Кожу покрывали симбиотические водоросли.

Там, где присутствовал свет, «Лавиния» могла вырабатывать кислород. А где был кислород, она производила воду.

Сама себе экосистема, подобно тому, как капитан была сама себе законом. А в недрах машинного отделения работала Черная Элис Брэдли, просто человек и к законам не имевшая никакого отношения, но «Лавинию» очень любившая.

Черная Элис отреклась от данных ею клятв в тридцать втором, после Венерианских мятежей. Причин она не скрывала, и капитан, поглядев на нее холодными, темными, хитрыми глазами, произнесла тогда: «Делай свое дело, и я тебя не трону, дорогуша. Предашь меня — отправишься назад на Венеру в замороженном виде». Видимо, поэтому, а также потому, что Черная Элис не смогла бы ирожечь борт корабля лучевой пушкой, ее и направили в машинное отделение, где вопросы этики были последним по важности пунктом. Впрочем, бежать куда-то в планы Элис не входило.

Именно в ее смену «Лавиния Уэйтли» почуяла добычу. Дрожь предвкушения пробежала по палубам и переборкам. Станный рефлекс, реакция, свойственная «Винни» во время погони. И вот они уже мчатся на полном ходу по гравитационному колодцу курсом на Солице, и мониторы в машинном отделении, которые капитан Сонг распорядилась держать выключенными большую часть рейда, считая, что салагам, палубным матросам и простым механикам не обязательно знать, куда направляется судно и по какому делу, ожили, вспыхивая один за другим.

Все задрали головы, и Пол-Джек крикнул:

— Смотрите! Смотрите!

Пятно, прежде казавшееся лишь масляным разводом на экране, неожиданно пришло в движение, едва «Винни» приступила к маневру: грузовое судно, большое, неповоротливое и безнадежно устаревшее. Легкая добыча. Легкая нажива.

«Если нам вообще что-нибудь перепадет», — подумала Черная Элис. Вопреки слухам и байкам, которыми пестрело киберпространство, пиратская жизнь не состояла из бесконечной дегустации награбленных деликатесов и торговли рабами. Как бы не так, если три четверти какой бы то ни было добычи доставались «Лавинии Уэйтли», дабы поддерживать ее здоровье и благостное расположение духа. Но никто не возражал. Все помнили историю «Марии Кюри».

Голос капитана по оптоволоконному кабелю, натянутому рядом с нервным узлом «Лавинии», звучал чисто и без всякого статического треска, как если бы Сонг стояла перед носом у Черной Элис.

— По местам! — скомандовала капитан, и все бросились исполнять.

Два солнечных года минуло с тех пор, как Сонг «килевала» Джеймса Брэди, но никому не забыть его выпученных глаз и истошного крика.

Черная Элис заняла свое место и посмотрела на экран. Золотым по черному на корме судна значилось «Жозефина Бейкер»¹. О порте приписки можно было судить по венерианскому флагу, крепко привязанному к флагштоку. Корабль из стали, не буджум, так что шансов у него не оставалось. На миг Элис решила, что «Жозефина Бейкер» попытается оторваться.

¹ Жозефина Бейкер (1906—1975) — американская танцовщица, певица и актриса.

Но она развернулась и открыла огонь.

Движение, ускорение, смена курса не ощущались вовсе. Никакого хлопка вытесняемого воздуха. Картишка на экране просто сменилась другой, едва «Винни» прыгнула — буквально перенеслась — на новую позицию и нависла над кормой «Жозефины Бейкер», брюхом круша флагшток.

Элис почувствовала плотоядную дрожь в корпусе. И вовремя ухватилась за консоль, прежде чем «Винни» жадно вцепилась в жертву своими длинными лопастями.

Краем глаза Брэдли видела, как Пастырь, единственный на борту, кто мало-мальски подошел бы на роль капеллана, крестится и по привычке бормочет *«Ave, Grandaevissimi, morituri vos salutant»*¹. Все, на что он был способен сейчас, да и после вряд ли сможет больше. Капитан Сонг не возражала, когда кто-то беспокоился о своей душе, если только это не шло вразрез с ее текущими требованиями.

Голос капитана раздавал приказы, распределял членов команды по палубам и бортам. Внизу, в машинном отделении техники следили за шкурой «Винни» и готовились отразить атаку, если на грузовозе вдруг решатся на абордаж. «Лавиния» все делала сама, правда, всегда наступал момент, когда приходилось сдерживать ее аппетит, чтобы успеть снять все ценное с захваченного судна. Весьма непростая, деликатная задача, решение которой доверяли лишь главным механикам, но Черная Элис наблюдала и слушала, и даже если ей никогда и не выпадет шанс, она втайне считала, что сиравилась бы.

---

¹ «Здравствуйте, старейшие, идущие на смерть приветствуют вас» (*цит.*). Подобными словами императора Клавдия приветствовали гладиаторы, отправляющиеся на арену.

Такая маленькая мечта, о которой она никому не говорила. Было бы чертовски здорово стать кем-то, кого слушается буджум.

Элис сосредоточилась на скучных экранах своего сектора, стараясь не отвлекаться на те, где транслировался настоящий бой. Пастырь обходил всех, раздавая оружие, так, на всякий случай. Едва сопротивление «Жозефины Бейкер» будет подавлено, младшие техники перейдут на ее борт за добычей.

Иногда на захваченном корабле кто-нибудь прятался. Порой неосторожных пиратов подстреливали.

Попытка предрешить исход боя, находясь в машинном отделении, — дело бесполезное. Васаби, как всегда, установил таймер на одной из вспомогательных панелей, и все посматривали туда время от времени. Пятнадцать минут — ничего страшного, гадких сюрпризов пока нет. Чёрная Элис как-то встретила парня, который был на «Маргарет Мид»¹, когда та начала на грузовоз, перевозивший пехотинцев на спутники Юпитера. Тридцать минут — порядок. Сорок пять. Скоро час, и вокруг принялись проверять оружие. Самый продолжительный бой, в котором Элис довелось участвовать, длился шесть часов сорок три минуты пятьдесят две секунды. Тот рейд стал последним, когда «Винни» работала в паре, — предательство «Генри Форда» послужило тому причиной. Капитан Сонг до сих пор хранила голову капитана Эдвардса под вакуумным колпаком на мостике, а «Винни» достались уродливые шрамы — следы от челюстей «Генри Форда».

На этот раз таймер замер на пятнадцати минутах тридцати секундах. «Жозефина Бейкер» сдалась.

Пастырь хлоинул Элис по плечу:

— Со мной. — И она не возражала.

¹ Маргарет Мид (1901 -1978) — американский антрополог.

Он прибыл на борт всего за шесть недель до Брэдли, но по нраву был крут, равно как и набожен, и, кстати, далеко не глуп. Элис проверила застежку кобуры и поднялась за Пастьрем по лестнице, не упустив возможности погладить на ходу переборку «Винни». Корабль не отреагировал. Элис ведь не капитан, даже не один из четырех главных механиков.

Интендант обычно не спорил с тем, кого члены команды выбирали себе в партнеры для рейда, и как только Черная Элис и Пастьр надели спечьеджу, — никто бы не удивился, если бы команда «Жозефины Бейкер» предпочла плечу гибель в открытом космосе, — он вручил обоим пистолеты для маркирования и рентген-планшеты, предварительно просканировав сетчатку глаз механиков. Все самое ценное хранилось в переборках, и раз уж «Винни» «поймала» грузовоз, повторного визита на борт «Жозефины Бейкер» могло и не быть.

На море разграбленные суда пираты пускали ко дну. Использование буждумов предполагало куда более эффективный метод.

Черная Элис развесила полученный инвентарь на поясе и проверила герметичность скафандра Пастьря.

Придерживаясь за лини и раскачиваясь, они спустились из брюха «Винни» к раскрывшемуся с чавканьем шлюзу. Большая часть команды не любила смотреть на морду корабля, но Элис обожала. Все эти зубы, алмазные резцы, отполированные до блеска, и несколько дюжин сапфировых глаз, которые моргают ей вслед...

Элис бессознательно помахала «Лавинии» рукой и представила, что та подмигнула в ответ, по очереди закрыв глаза.

На грузовоз Брэдли вплыла вслед за Пастьрем.

После проверки воздуха они сняли шлемы — нет смысла тратить кислород из собственных запасов, — и их внимание сразу привлек запах.

«Лавиния Уэйтли» пахла особенно, озоном и мускатным орехом, другие корабли не пахли столь приятно, а уж запах на этом судне...

— Кого они убили и почему не выкинули его в космос? — прохрипел Пастьрь.

Черная Элис с трудом подавила приступ тошноты:

— Ставлю двадцатку, мы те самые счастливчики, кто это узнает.

— Что-то не очень хочется.

Они вскрывали люки, осматривали помещения. Дважды натыкались на членов команды, жестоко убитых. Один раз встретили живых.

— Джилли, — сказала Элис.

— Все равно непонятно, что за запах, — отозвался Пастьрь и добавил, обращаясь к джилли: — Можете перейти к нам на службу, или наш корабль вас сожрет. Выбирайте. Нам все равно.

Джилли обменялись друг с другом жестами, моргая огромными влажными глазами, и быстро закивали.

Пастьрь прикрепил метку на переборку.

— Кого-нибудь пришлют за вами. Уйдете, мы решим, что вы передумали.

В ответ несчастные только замотали головами и опустились на палубу — ждать.

Пастьрь размещала маркеры: зеленые там, где ничего нет, пурпурные — для товаров, красные — для того, что могло бы прийтись по вкусу «Винни» и не представляло никакой ценности для самих пиратов. Черная Элис составляла карту. Коридоры грузовоза петляли, изгибались, заблудиться тут — проще простого. Элис сомневалась, верно ли все зарисовала, и радовалась, что дополнительно помечала стены мелом. Но в любом случае у механиков при себе был маячок, да к тому же «Винни» всегда могла выгрызть их отсюда.

Черная Элис любила свой корабль.

Она думала о том, что пиратская доля, в конце концов, не так уж горька и, без сомнений, гораздо выгоднее работы на янтарных рудниках Венеры...

И вдруг наткнулась на запертый грузовой отсек.

— Эй, Пастырь, — позвала она товарища, тот прикрыл ее, и Элис выстрелила в замок.

Люк распахнулся, и пираты уставились на ряды серебристых цилиндров, каждый чуть меньше метра высотой и около полуметра диаметром. Абсолютно гладкие, если не считать нескольких углублений на каждом. Запах ощущался здесь сильнее.

— Черт побери! — выругалась Элис.

Пастырь, гораздо более практичный, чем напарница, прикрепил оранжевую метку для крайне важной находки рядом с входом и сказал лишь, что капитан захочет на это посмотреть.

— Ну да, — согласилась Элис, но по спине пробежал холодок. — Сваливаем.

Разумеется, вышло так, что они с Пастьрем оказались среди тех, кого послали за добычей, и, конечно, капитан Сонг не собиралась оставлять цилиндры на съедение «Вишни».

Что, по сути, весьма справедливо. Черная Элис не хотела бы, чтобы «Лавиния Уэйтли» слопала эту дрянь, но зачем вообще с этим связываться?

Она украдкой поделилась своими соображениями с Пастьрем и высказала жуткую догадку:

— Наверно, она знает, что там?

— На то она и капитан.

— Да, но... Друг, ты не думай, я не спорю, просто, если не знает, то... — Элис заговорила шепотом, едва разбирая собственные слова: — Что, если кто-нибудь откроет один из контейнеров?

Пастырь посмотрел па нее страдальческим взглядом:

— Никто ничего не откроет. Но если тебе не сидится на месте, пойди потолкай с капитаном.

Вот как. Бросил ей вызов. И Элис приняла его:

— Пойдешь со мной?

Пастырь замешкался. Взглянул на нее, заворчал, стянул левую, потом правую перчатку.

— Твою мать, — буркнул он, — придется.

Для тех, кто участвовал в захвате добычи, вечесрина уже началась. Пастырь и Черная Элис в конце колцов нашли капитана в каюте-компании, где матросы уже упивались краденым вином, сбивая горлышки бутылок. Половина содержимого проливалась под ноги на гравипластины, но Элис не сомневалась, что там, откуда эти бутылки доставали, их было еще предостаточно. Чем быстрее команда покончит с ними, тем быстрее просохнет.

Сама капитан возлежала в огромной ванне, в розовой пене с ароматическими добавками. Тут и там шипели солевые шарики. Черная Элис не могла отвести глаз. Ванны она не видела уже семь лет. И порой мечтала вот так же попрежнему.

— Капитан, — начала Элис, потому что Пастырь, похоже, говорить не собирался, — мы считаем, вы должны знать, что мы обнаружили опасный груз.

Капитан Сонг лениво подняла бровь:

— Дорогуша, вы полагаете, мне это неизвестно?

Вот черт! Но Черная Элис не собиралась сдаваться:

— Мы решили удостовериться.

Капитан вытащила из воды длинную ногу, чтобы оттолкнуть от края ванны обнимающуюся парочку. Они повалились на пол, толкаясь и царапаясь в борьбе за право быть сверху, но не прерывая поцелуя.

— Ах, вы решили удостовериться.

Темные глаза сверлили вспотевшее лицо Элис.

— Очень хорошо. Скажите мне, что вы узнали. И тогда вы поймете, что я уже в курсе, и успокоитесь.

Пастырь издал недовольный гортанный звук, который можно было истолковать как «Я тебе говорил».

Когда Элис присягала на верность капитану Сонг, она сделала надрез на большом пальце и пролила кровь на палубу, чтобы «Лавиния» запомнила ее запах. Тогда Бредли казалось, что, набрав в легкие побольше воздуха, она совершила решительный прыжок. Вот и сейчас у нее было такое же ощущение.

— Там мозги, — отчеканила Элис. — Человеческие мозги. Краденые. Черный рынок. Грибы...

— Ми-Го, — прошипел Пастырь, и капитан оскалилась, демонстрируя невероятно белые крепкие зубы.

Он послушно прикусил язык, но не ретировался, и Черная Элис исполнилась благодарности, пусть и совершенно нелепой.

— Ми-Го, — повторила Элис.

Ми-Го, Грибы, какая разница? Они пришли с окраин Солнечной системы, с черных ледяных глыб облака Эпика-Оорта. Как и буджумы, Ми-Го обладали способностью «плавать» среди звезд, передвигаться в космосе без защитных приспособлений.

— Они собирают их. Это черный рынок. Никто не знает, зачем они это делают. Естественно, это незаконно. Мозги... они там живые. Сошли с ума, полагаю.

Вот и все. Вот и все, что могла сказать Черная Элис. Она решила, что дальше будет помалкивать.

— Я поняла, — произнесла капитан, нежась в ароматной пене и с удовольствием вытягиваясь в ванне.

Кто-то подал ей бокал белого вина, тут же запотевший. Она не пила из шербатых пластиковых бутылок.

— Разве Ми-Го не заплатят за этот груз? Они добывают редкие минералы по всей системе. Говорят, они невероятно богаты.

— Так и есть, капитан, — поддакнул Пастьрь, когда стало ясно, что из Элис больше не вытянешь ни слова.

— Хорошо, — ответила Сонг.

Элис почувствовала, как дрогнул пол под ногами, и раздался звук, означавший, что «Винни» принялась жевать. Ее зубы разделяются с «Жозефиной Бейкер» очень быстро. На глаза попались джилли. Те самые с грузовоза? Элис никогда их не различала, если только у них не было шрамов. Эти двое тряслись от страха, вцепившись в свои кандалы.

— Нас ведь не волнует, кто нам платит, вы согласны? — улыбнулась капитан.

Черная Элис понимала, что пора бы уже перестать думать о цилиндрах. Слово капитана — закон. Но это как чесотка, не остановишься. Контейнеры составили внизу, в третьем трюме, там, где их никому никогда не найти, ни одно оборудование не засечет. Холодные, покрытые конденсатом, распространяющие вонь, которая казалась живым существом.

И Элис все думала. Пустые? Или там мозги, человеческие мозги, пораженные безумием?

Сама мысль доводила ее до бешенства, и наконец спустя четыре смены после захвата «Жозефины Бейкер» Брэдли решила, что обязана посмотреть.

— Что за глупость, Черная Элис, — бормотала она себе под нос, спускаясь в трюм. Бусины в волосах звенели, касаясь сережек. — Глупо, глупо, глупо.

«Винни» исправно освещала ей путь биolumинесценцией, нисколько не беспокоясь о том, была Черная Элис идиоткой или все-таки нет.

На вахте у главного трюма стояла Полурукая Салли. Они обменялись кивками. Черную Элис частенько посыпали с поручениями для машинного отделения и других отсеков, потому что она не курила дури и не жульничала, играя в карты. Ей доверяли.

Элис совсем не хотела этого делать, но вот она здесь, и от вони из третьего трюма ее просто выворачивало. Может быть, если она все для себя прояснит, то навязчивые мысли наконец покинут ее.

Элис открыла люк, и дурной запах вырвался наружу.

Просто металлические цилиндры, плотно, герметично закрытые. Никаких щелей, откуда мог бы пробиваться запах настолько отвратительный, что Элис пожалела об отсутствии респиратора.

Нет, это было бы подозрительно. Ей вообще не следовало соваться сюда, но, о боги и маленькие рыбки, эта вонь... Даже когда дышишь через рот, не лучше. Элис ощущала смрад в глотке, как бывает с запахом подгоревшего масла, который забивает ноздри и словно заполняет все полости тела.

Как можнотише Брэдли переступила порог и зашла в помещение. «Лавиния Уэйтли» услужливо включила свет, не просто биолюминесцентный, а светодиодный, имитирующий дневное освещение, который обычно использовали во время транспортировки растений и животных. Элис прищурилась — гладкие бока цилиндров ослепительно засверкали. Она двинулась вперед и обнаружила, что контейнеры не доходят ей и до пояса.

«Я просто поброджу здесь», — заверила себя Элис. И тут же онасливо коснулась ближайшего цилиндра. Воздух был такой сухой, что конденсата не образовывалось: в течение долгих недель между захватами добычи на борту возгорялась настоящая засуха — у всей

команды трескались губы и шла носом кровь. Впрочем, поверхность цилиндров оставалась холодной. И была покрыта чем-то жирным, вроде машинного масла. Элис отдернула руку.

«Не стоит открывать ближайший к входу...» И тут Брэдли осознала, что собирается заглянуть в контейнер. Здесь должен быть секретный замок или кодовая панель... Она механик, в конце концов.

Элис остановилась в третьем ряду и осмотрелась. От вони кружилась голова.

Все оказалось довольно просто. На противоположных сторонах цилиндров располагалось по три углубления. Они предназначались для рук немного меньших, чем человеческие. Элис приложила к ним пальцы и с силой нажала.

Раздалось характерное шипение, крышка поднялась. Брэдли только радовалась, что вонь не сделалась сильнее. Элис нагнулась — рассмотреть содержимое. Прозрачная мембрана защищала некое желобобразное вещество, наполнявшее цилиндр. «Винни» хорошо его освещала.

В этом «желатине» что-то хранилось. И едва свет коснулся серой массы, Элис готова была поклясться, что это жалкое, бесцелесное «нечто» вздрогнуло.

Она поспешила закрыть цилиндр, едва не прищемив кончики пальцев, — с такой силой захлопнула крышку.

— Прости, — шепнула Элис, хотя, господи боже, несчастное «нечто» не могло ее слышать. — Прости, прости...

И бросилась к выходу, сильно ударившись бедром о косяк, нервно заколотила по кнопкам, чтобы этот чертов люк поскорее закрылся. А потом в углу рухнула на колени, и ее рвало до тех пор, пока перед глазами не потемнело и пока все запахи и вкусы не перебил один — желчи.

«Винни» поглотит недавнее содержимое желудка Черной Элис, как поглощала, фильтровала, перерабатывала и выводила все отходы команды. Дрожа всем телом, Брэдли выпрямилась и начала долгий подъем из трюмов.

Добравшись до первого, она вынуждена была остановиться, прижавшись плечом к гладкой, мягкой, бархатистой коже «Винни» и тяжело хватая ртом воздух. И хотя «Винни» не стала бы слушать ее, ведь Элис не капитан и не один из главных механиков, она все же прохрипела:

— «Винни», прошу, воды...

И как же удивилась Брэдли, когда на боку «Винни» образовалась выпуклость в форме раковины, куда немедленно потекла струйка холодной воды.

Что ж, теперь Черная Элис знала наверняка. Но по-прежнему была бессильна изменить ход событий. Она не капитан, и, если станет болтать лишнее, вокруг решат, что она со странностями. Еще мятеж устроит... Черная Элис вовсе не хотела привлекать внимание капитана Сонг и особенно давать повод для подобных слухов. Она старалась не поднимать головы и делала свою работу молча, ни с кем не обсуждаяочных колпаков.

А кошмары ей снились. Столько потов с нее сходило по ночам, что, пожалуй, хватило бы, чтобы заполнить до краев капитанскую ванну.

Впрочем, невелика беда. Элис могла с этим жить. Но спустя пару десятков смен она обеспокоилась всерьез: творилось что-то неладное, и было это гораздо хуже кошмаров, потому что неладное творилось с «Лавинией Уэйтли».

Сначала Элис стала замечать, что главные механики хмурятся и совещаются между собой после стран-

ных сбоев в системах. А потом и сама почувствовала, что «Винни»... Ей трудно было подобрать точное слово, ведь прежде Элис не сталкивалась ни с чем подобным. Она сказала бы, что «Винни» *упрямилась*, по этого просто не могло быть. Однако все чаще Брэдли убеждалась, что «Винни» исполняет команды медленнее обычного и на приказы капитана реагирует с задержкой. Будь «Лавиния» человеком, сказали бы, что она еле волочит ноги.

Но ведь нельзя килевать корабль за то, что он недостаточно быстр на подхвате.

Позже, до головной боли изматывая себя догадками, Черная Элис заметила кое-что еще. Капитан Сонг приказала курсировать вдоль орбит газовых гигантов — Юпитера, Сатурна, Нептуна, — держась где-то посередине между астероидным поясом и Ураном. Никто не знал точно почему, но Элис и Пастырь решили, что капитан желала потолковать с Ми-Го на нейтральной территории, подальше от гиусных, холодных глыб их мира. И, как ни странно, «Винни» стала более покладистой и менее *несчастной*, когда курс сменили.

Элис помнила, что «Лавиния» родилась возле Урана.

— Ты хочешь домой, «Винни»? — спросила она как-то в ночную смену, когда рядом не было никого, кто мог бы заметить, что она болтает с кораблем. — В этом все дело?

И прижала ладонь к стене, и хотя ей могло просто показаться, но словно дрожь пробежала по боку «Винни».

Черная Элис не питала иллюзий: она знала крайне мало и даже не рискнула бы поделиться своими соображениями с кем-либо из старших по званию. Уж им-то паверняка известно, в чем проблема и что предпринять, чтобы у «Лавинии Уэйтли» не съехала крыша,

как случилось с «Марией Кюри». Эту историю рассказывали шепотом и только по ночам, когда гасили свет и вся команда забиралась в гамаки.

«Мария Кюри» сожрала собственную команду.

Поэтому, когда четырьмя сменами позже Васаби заявил: «Черная Элис, есть работенка», она ответила: «Да, сэр» — в надежде, что ей предстоит сделать что-то, что поможет «Лавиции Уэйтли» вновь стать счастливой.

Васаби сказал, что это локальная ремонтная работа и что Черную Элис выбрали для этого дела, поскольку она слыла надежным и сообразительным членом команды, умевшим держать язык за зубами, на нее рискнули возложить серьезную ответственность. Слова Васаби повергли Элис в трепет, ведь это означало, что капитану напомнили о ее существовании, но потом она решила, что капитан, похоже, о ней и не забывала.

Брэдли покорно взяла снаряжение, выслушала инструкции и ознакомилась со схемами, распределив информацию в памяти и имплантатах. Работа предстояла ювелирная: ручная перенастройка цепей иннервации. Элис уже имела дело с оптоволоконным монтажом, но то были просто семечки... К тому же на этот раз ей придется действовать в плохо гнующихся, герметичных перчатках.

Сердце глухо, часто билось, пока Элис надевала шлем, и не потому, что она страшилась выходить в открытый космос. Ей ведь выпал шанс — возможность приблизиться к должности главного механика.

Может быть, капитана впечатлила благородумность Брэдли?

Элис вышла в шлюз, защелкнула на поясе карабин страховочного троса и выбралась наружу, на шкуру «Винши».

Глубокий сине-зеленый отлив, напоминавший цвет азурита, цвет бесчисленных венерианских морей, скрытых под густыми облаками, сейчас не был виден. Они находились слишком далеко от Солица — желтой точки, которую разглядеть мог лишь тот, кто знал, куда смотреть. Шкура «Винни» казалась просто черной. Впрочем, когда шлюз закрылся, биолюминесценция буджума тут же осветила лопасти и боковые гребни: темно-красные, насыщенно-зеленые, ярко-голубые огни. Должно быть, «Винни» заметила, как Черная Элис аккуратно поднимается к ней на спину. Шипы на ботинках Брэдли не причиняли «Лавинии» боль — ничто меньшее астероида не могло навредить ей, — но впивались в кожу буджума они весьма глубоко.

Элис направлялась к главному узлу первой системы «Винни». Буджумы не обладали ничем сколько-нибудь похожим на мозг людей или джилли. По всему огромному телу «Лавинии» располагались нервные узлы. Да, она думала не слишком быстро. Но буджумы и не обязаны блистать интеллектом — достаточно способности к обучению примерно как у обезьян.

Пока Элис карабкалась по боку «Винни» вверх — вверх, разумеется, условно говоря, — она не переставала беседовать с кораблем и могла бы поклясться, что буджум отзывался. И от этого по спине бежал холодок. Не просто вспыхивали вслед огоньки, но изгибалась усики и лопасти, как если бы «Винни» поворачивала голову, чтобы посмотреть на Элис.

Брэдли аккуратно обогнула большой глаз — вряд ли ботинки навредили бы сетчатке, но ведь невежливо заслонять чье-либо поле зрения, — размышиляя, было ли доверенное ей дело проверкой перед повышением, или Элис выбрали потому, что без труда нашли бы ей замену, случись что.

Она решила отбросить эти мысли до поры до времени, поскольку приблизилась к своей цели — бутру на спине «Винни». И вот тогда бортовые огоньки погасли.

Элис позвала по коммуникатору:

— Васаби?

— Я здесь, Чернушка. Не обращай внимания, продолжай.

— Хорошо.

Секунд на пятнадцать Элис замешкалась, а потом сделала два глубоких вдоха, слишком глубоких, учитывая ограниченный запас кислорода, так что голова тут же закружилась.

Брэдли понятия не имела, как могло выглядеть воспаление на коже буджума, но не было никаких сомнений, что перед ней именно оно. Шкуру вокруг интерфейса, который требовалось починить, сплошь покрывали царапины и отеки. Элис старалась двигаться как можно аккуратнее, хмурясь и бормоча извинения. И с каждым ее шагом усики буджума свивались в кольца все ближе.

Она опустилась на колени рядом с модулем и приступила к проверке соединений. Четыре метра на три и полметра в глубину — таков был размер консоли, установленной прямо в толще кожи «Винни». Модуль до сих пор функционировал, но, вероятно, ему сильно досталось от обломков космического мусора.

Элис не спеша протянула руку. Нашла панель доступа, открыла ее: больше красных огоньков, чем зеленых. Недовольно щелкнув языком, Брэдли вынула из карманов необходимые инструменты и распределила их так, чтобы они, соединенные шнурами, парили вокруг в удобном порядке.

Разумеется, не было слышно никакого звука, но кожа под ногами неожиданно затряслась. Элис поверну-

ла голову и увидела, как «Винни» шлепнула саму себя одним из усиков, мстрах в десяти от нее. А затем все тело буджума содрогнулось от мучительного спазма, совсем как тогда, когда «Генри Форд» вырвал кусок плоти из бока «Винни». И вспыхнули огоньки на панели доступа: красный, красный, желтый, красный.

Черная Элис языком отключила микрофон, чтобы Васаби не мог ее слышать. Она коснулась обширного кровоподтека на никуре «Лавинии» одновременно с поврежденным участком консоли.

— «Винни», здесь болит?

«Винни», разумеется, не ответила. Но, без сомнений, она глубоко страдала. И возможно, за вмятину на панели ответственен вовсе не космический мусор. Может... Черная Элис выпрямилась, огляделась и обнаружила, что консоль разместили именно там, куда «Винни» не смогла бы дотянуться.

— Для чего же эта штука служит? — пробормотала Элис. — Какого черта я тут исправляю то, что причиняет ей боль?

Она снова опустилась на колени, пристально рассматривая интерфейс.

Как механик Черная Элис была по большей части самоучкой. Имплантты она раздобыла краденые, на черном рынке, купила у одного мокрушника-джилли на станции «Провидэнс». Технические термины Брэдли узнала от Очкастого Кима, который погиб в стычке с кораблем «В. И. Ульянов». Но почему Элис действительно доверяла, так это своим инстинктам. Так что, сполна насмотревшись на панель, вживленную в позвоночник «Винни», и все эти красные и желтые огоньки, она включила микрофон и произнесла:

— Паршиво тут все выглядит, Васаби.

— В каком смысле? — Голос был растерянный, чemu Элис очень обрадовалась.

Она хмыкнула и пояснила:

— Думаю, воспаление нервного узла налицо. Мы можем вытащить эту штуку и установить ее где-нибудь в другом месте?

— Нет!

— Но ты бы видел сам, все очень плохо.

— Слушай, Чернушка, если все мы не хотим отправиться в путешествие по Большой Пустоте, то не станем перемещать регулятор. Просто почини этот чертов блок — и все, ясно тебе?

— Да, сэр, — отозвалась Элис, усиленно размышляя.

Во-первых, Васаби в курсе, что творится. Ему известно, для чего здесь консоль и что «Лавинии» это не доставляет радости. Приятного мало. Во-вторых, тут замешана Большая Пустота, ледяное, бесжизненное пространство между звездами. Значит, не домой «Винни» собирается. Она рвалась за пределы системы, прочь.

Что ж, вполне логично, судя по тому, что Элис было известно о буджумах. Их детство проходило в кипящей атмосфере какого-нибудь газового гиганта; становясь старше, они поднимались все выше и выше, пока не достигали верхних ее слоев. А потом, следуя инстинктам или, возможно, призывам сородичей, они совершали свой первый прыжок в вакуум, подобно тому, как птенцы на Земле впервые вылстывают из гнезд. И что, если Солнечная система для буджума — это просто еще одно гнездо?

Черная Элис знала, что «Лавиния Уэйтли», по меркам буржумов, уже не молода. Капитан Сонг была не первым ее капитаном, хотя вы никогда не станете упоминать капитана Смита, если, разумеется, вам дорога жизнь. Так что если для «Винни» наступал новый этап, она была, по всей видимости, к нему готова. А команда не хотела ее отпускать.

Иисус и хладные рыбы боги... Не потому ли «Мария Кюри» съела свой экипаж? Потому что ее не отпустили?!

Элис взялась за шнурки, чтобы подтянуть инструменты поближе, не рассчитала силы, и в результате кабельный склейщик врезался ей в плечо. Пока она возилась, раздался голос Васаби:

— Чернушка, ты можешь побыстрее? Капитан говорит, у нас гости.

«Гости?!» — собираясь переспросить Элис, но, подняв глаза, увидела силуэты на фоне звездных россыпей, и словно ледяное дыхание коснулось ее затылка.

Несметное количество. Их были сотни. По спине побежали мурашки, а нервы напряглись до предела, ни буджумы, ни джилли никогда на нее не действовали. Эти твари... Размером с человека, но скорее походившие на псевдотараканов с Венеры, кошмары о которых до сих пор преследовали Черную Элис. Множество ног и жуткие костяные крылья... Яйцевидные, сморщеные головы, ни намека на лица, а оттуда, где должны были располагаться рты, росли извивавшиеся, словно змеи, щупальца.

Некоторые несли с собой серебряные цилиндры, толь-в-точь такие, как в трюме «Винни».

Черная Элис не знала, заметили ли ее, прильнувшую к спине буджума за небольшим куском пластика... Но в одном она не сомневалась: если и заметили, то значения этому не придали.

Гости огибали бок корабля, направляясь вниз, по всей видимости, к тому шлюзу, через который вышла Черная Элис. Может, это торговая делегация, и они прибыли, чтобы договориться о покупке груза?

Впрочем, вряд ли для подобных бесед требуются посланники в количестве нескольких батальонов.

Брэдли хотела дождаться, когда скроется последний, но Ми-Го все прибывали. Васаби не отвечал. У Элис даже не было оружия, и рассчитывать она могла только на себя. Вспыхах собирая инструменты, она как попало рассовывала их по карманам и чехлам. Все было как в тумане. Лишь несколько секунд спустя Брэдли осознала, что глаза ей застилают слезы.

Соединительные кабели. Где эти чертовы соединительные кабели? Элис нашупала двухметровый кусок оптоволокна с подходящим разъемом. Один конец к консоли, другой — к скафандру.

— «Винни», — прошептала она, когда решила, что связь установлена. — «Винни», ты меня слышишь?

Биолюминесценция под ногами однократно мигнула.

Господь и маленькие рыбки...

Элис вынула лазерный резак и принялась за крышку регулятора. Васаби, вероятно, был уже мертв или умирал... Васаби, Пастьярь и... Мертвые, если им повезло.

Потому что иначе их ждали контейнеры Ми-Го.

Элис надеялась, что Пастьярь оказался среди счастливчиков.

— Хочешь уплыть? — шептала она «Лавинии». — Хочешь в Большую Пустоту?

Брэдли не знала, насколько хорошо буджум понимает человеческую речь, но огоньки вновь мигнули.

— А эта штука тебя не пускает. — Утверждение, не вопрос.

Наконец крышка поддалась, и взгляду Элис предстали «внутренности» регулятора. Чертова дрянь... Тело «Винни» задрожало, и наушники вдруг заполнил внезапный резкий звук: крики. Человеческие крики.

— Знаю, знаю, — бормотала Элис. — Через минуту они будут здесь... — И судорожно сглотнула, борясь

с тошнотой. — Все равно я эту мерзость из тебя вытащу. И когда они уйдут, ты сможешь услыть, хорошо? И прости меня. Я понятия не имела, что мы держим тебя...

Пора прекратить разговаривать, иначе ее наверняка вырвет... Нахмутившись, Элис взялась за нужные инструменты и принялась вытаскивать регулятор из первого узла «Винни».

Новые звуки: голос, нечеловеческий. Плоский, жужжащий, пробирающий до костей.

— Мы не заключаем сделок с ворами.

И крик. Элис никогда прежде не слышала, как кричит капитан Сонг.

Брэдли вздрогнула, начала считать, чтобы выровнять дыхание. Когда ты в скафандре, самое худшее — это рвота. На втором месте гипервентиляция.

Дисплей ее шлема нуждался в настройке, изображение двоилось. Но Элис безошибочно определила знак, внезапно появившийся на экране: вопросительный.

«?»

— «Винни»?

Мучительные крики и еще один вопросительный знак:

«?»

— Черт побери, «Винни»! Ничего... Ничего, забудь. Они, м-м, собирают человеческие мозги. В контейнеры. В такие же, как в третьем трюме.

Огоньки мигнули однократно. Элис продолжила работу.

На дисплее появилось: «ЭЛИС». Пауза. «?»

— Что ж... думаю, меня ждет та же участь. Контейнеров они с собой захватили с избытком.

«Винни» мигнула, и последовало долгое молчание, пока Брэдли разрезала соединения и отвинчивала болты.

«ХОТЕТЬ, — спросила „Лавиния Уэйтли“... ?»

— Хотеть? Хочу ли я?.. — Смех вышел недобрый. — Нет, вообще-то. Нет, я не хочу быть мозгом в канистре. Но, иное, выбирать мне не придется. Даже если я отсоединю трос и улечу в космос, они все равно поймают меня. Сейчас они в таком бешенстве, что без труда это сделают.

С крепежными системами по краям регулятора было покончено; корпус отсоединился и уплыл в темноту. Элис недовольно поморщилась. Но процессор уплыл тоже, и остались только хирургические нити, толстый пучок оптоволокна и сверхпроводники.

«ПОМОЧЬ».

— Я делаю все, что могу, «Винни», — процедила сквозь зубы Элис.

Короткий двойной сигнал огоньков. «Лавиния» повторила: «ПОМОЧЬ».

И добавила: «ЭЛИС».

— Хочешь помочь мне?!

Утвердительный сигнал. «ПОМОЧЬ ЭЛИС».

— Очень мило с твоей стороны, но я сомневаюсь, что ты сможешь. В смысле Ми-Го ведь к тебе претензий не имеют, и я хочу, чтобы так и оставалось.

«СЪЕСТЬ ЭЛИС».

Бредли едва не отпилила себе пальцы резаком.

— Э... «Винни», э-э-э... Что ж, пожалуй, это лучше, чем стать мозгом в канистре. — Или задохнуться в скафандре, улетев в космос и так и не дождавшись Ми-Го.

Двойной световой сигнал. Но Элис не понимала, в чем ошибка. «СЪЕСТЬ ЭЛИС» — выглядело весьма недвусмысленно.

«ПОМОЧЬ ЭЛИС», — настаивала «Лавиния».

Бредли согнулась в три погибели, выковыривая остатки схем регулятора из нервного узла.

«СПАСТИ ЭЛИС».

— Слонав меня?! Слушай, я знаю, что происходит с тем, что ты ешь, и это не лучший...

Она прикусила язык. Потому что действительно знала, что происходит с пищей «Лавинии». Абсорбация. Фильтрация. Переработка.

— «Винни»... ты считаешь, что сможешь спасти меня от Ми-Го?

Утвердительный сигнал.

— Съев меня? — повторила Элис. Необходимо удостовериться, что догадка верна.

Утвердительный сигнал.

Брэдли вспомнила зубы «Лавинии».

— Скажи мне, о какой части меня мы тут говорим?

«ЭЛИС», — ответил буджум. Последний пучок оптоволокна отправился в свободный полет. Трясущимися руками Черная Элис отключила соединительный кабель от скафандра и отшвырнула подальше. Может, попав в атмосферу какой-нибудь планеты, он станет для детишек инопланетян падающей звездой.

Надо решить, что делать.

По сути, выхода только два. Первый — вернуться в шлюз и узнать, берут ли Ми-Го плених. Второй — спуститься в пасть «Лавинии».

Черная Элис не питала надежд относительно первого.

Она повернула голову, чтобы в последний раз посмотреть на сверкающую черную бесконечность космоса. Что ж, ничего другого не остается. Потому что если она поняла «Винни» неправильно, то худшее, что с нею приключится, это смерть. А это в сто световых лет приятнее, чем возможные предложения Ми-Го.

Черная Элис Брэдли любила свой корабль.

Она спускалась по левому борту, и «Лавиния» сопровождала ее огоньками, сгибалась лонасти, расчищая путь. Элис обошла каждый глаз «Винни», и каждый

подмигнул ей. А потом показалась часть буджума, полная великолепных зубов.

— Пусть будет быстро, ладно, «Винни»? — только и сказала Элис и шагнула внутрь своего левиафана.

Осторожно продвигаясь между острыми как бритва зубами, Элис понимала, что смешно в ее положении беспокоиться о дырке в скафандре. Зев «Винни» напоминал скорее кристаллическую пещеру. Здесь не было ни языка, ни неба — только отполированные, перемычающие пилу камни. Которые, к удивлению Элис, не сомкнулись над ее головой. Такое впечатление, что «Винни» задержала дыхание.

Что-то вроде того.

Буджум внутри сиял или подсвечивал себя, чтобы Элис было комфортнее. Чем дальше, тем мельче и реже становились зубы, показался туннель. Глотка, репила Элис. Я внутри «Винни».

И тогда стены сдвинулись, и ее проглотили.

Запертая в жестком скафандре, она чувствовала себя пилюлей, пока пульсирующее давление перистальтики проталкивало ее по пищеварительной системе. А потом давление усилилось многократно, удушающее, жестокое... Резкая боль. Хруст ломающихся ребер. Раздавленные легкис.

Кричать в скафандре тоже противопоказано. С разорванными легкими Элис все равно не смогла бы сделать это как следует.

элис.

Она парила. В теплом мраке. Глубина, кунель... Ей было хорошо. Покалывание между лопатками напоминало легкий лучевой ожог.

элис.

Кажется, ей знаком этот голос. Она попыталась ответить; рот заскрипел, зубы заскрежетали.

элис. говори здесь.

Она повторила попытку. На этот раз не ртом.

Говорить... так?

Вспышка живительного тепла позади. Она... шла по течению. Плыла. Чувствовала потоки на своей коже... Что-то со зрением. Она моргала и моргала, но все вокруг как в калейдоскопе...

Впрочем, смотреть было не на что, кроме звезд.

элис говори так.

Где я?

съесть элис.

«Винни». Голос «Винни», а не просто символы на дисплее шлема. Живой голос, с эмоциями и особенностями нотками, и с эхом, ведь «Винни» огромна...

Ты съела меня, — сказала Элис и поняла вдруг, что оцепенение — это не следствие шока. Границы ее тела стерты и очерчены заново.

!

Согласие. Облегчение.

Я... в тебе, «Винни»?

=/=

Не отрицание. Скорее указание на неверность формулировки. Черная Элис ощущала тепло космоса, мимо проплывала огромная, щедрая звезда. Стремительные волны ее гравитации, и гравитации ее спутников... Элис огибала их, осязала их... И неслась все быстрее и быстрее прочь.

Я это ты.

!

Восторг осознания и неимоверное облегчение. Не мертвa. В конце концов, не мертвa. Просто... другая. Поглощенная. Заключенная в плоть корабля, заключенного в ней самой.

«Винни», куда мы?

прочь, — ответила та. И, нежась в ней, Черная Элис впервые могла оценить всю прелесть открытого космоса, глубокого космоса, движущегося все быстрее, по мере того как ускорялся буджум, рвущийся совершить первый гигантский прыжок в межзвездную тьму Большой Пустоты.

Они направлялись в неведомое.

Прочь, — повторила Черная Элис и велела себе оставить печали. Не горевать. Не сходить с ума. Это куда лучше, чем стать мозгом в канистре.

Тела членов экипажа уже переваривались в ней, и когда «Винни» прыгнула, Элис пришло на ум, что очень скоро напуганные астронавты начнут рассказывать по ночам новую жуткую историю -- о загадочном исчезновении буджума «Лавиния Уэйтли».

РИС ХЬЮЗ

Как Щепкинс по волнам

С коро он разменяет шестой десяток, нап Кастор Щепкинс, и для стереотипного валлийца это весьма почтенный возраст, если не сказать преклонный. Впрочем, Кастор с гневом отмстает малейшие упреки в стереотипности. Не все же, мол, настоящие валлийцы пытаются исключительно картошкой фри с пивом и как огня бегут любой работы, ответственности и физической нагрузки — нет, это всё его личные, щепкинсовские особенности, а то, что они совпадают с клише, — совпадение и есть, не более.

Впрочем, с возрастом это не все так просто, и возможно, что на самом деле Щепкинс вдвое старше, чем говорит, поскольку однажды случилось нечто невероятное и спутало карты — во всех смыслах. Он сидел в любимом пабе с двумя своими лучшими друзьями, Надди Делюксом и Одерджимием Харрисом, предвкушая очередную партию в покер и очередной выигрыш, немалый и неминуемый, когда возник спор о результатах прошлых игр, угрожая испортить весь вечер. Началось с того, что Надди пожаловался на состояние Касторовых карт. Вот как он сформулировал свои претензии:

— Не карты, а черт-те что, считай крапленые. Да ты все эти пятна от пива небось наперечет знаешь,

не говоря уж о брызгах жира, ну и видишь, что вынадает.

— Словом, жульничаеть, — добавил Одержимец Харрис.

Кастор Щепкинс заявил, что оскорблен таким обвинением, но его друзья продолжали ворчать, слово за слово — и вот они уже настрез отказывались сыграть хоть одну партию какой-либо колодой, кроме новой, нераспечатанной, которую Падди позаботился прихватить с собой. Речь зашла даже о возмещении былых проигрышней, намекали и на компенсацию морального ущерба; в конце концов Кастор сдался и признал, что в пятнах от пива и картошки теоретически можно и вправду усмотреть нечто подозрительное.

Они принялись играть новой колодой, и Кастор продул все партии до единой, оставшись в итоге должен приятелям около сотни фунтов. С собой у него таких денег не было, и он сказал, что выйдет поищет банкомат, одна нога здесь — другая там. Падди с Харрисом кивнули.

— Разумное предложение, — сказали они.

— Вернусь через десять минут, — провозгласил Кастор.

Он встал и направился к выходу, а они торжествующе смотрели ему вслед, но торжество это было сродни ликованию рыбы, ухватившей червяка на крючке, и глаза их болезненно блестели в ожидании подвоха — Падди с Харрисом и помыслить не могли, что Кастор беспрекословно выполнит обещанное, не попытавшись тем или иным образом взять реванш. Десять минут прошло, он не возвращался. На звонки по мобильному не отвечал. Падди потер нос, а Харрис почесал подбородок — не обязательно в таком порядке.

Вернулся Кастор через час, нетвердой походкой и тяжело дыша, а упав наконец на свой стул, еще какое-

то время пыхтел и что-то бормотал то ли по-испански, то ли по-арабски (Падди с Харрисом так и не пришли к единому мнению), прежде чем содрогнуться, облизать губы и подергать себя за мочки ушей. Приятели молча смотрели, как он медленно приходит в себя, и вот он обратился к ним.

— Вы ни в жизнь не поверите, что со мной случилось! — сказал он.

— Рассказывай, — ответили они.

— Сейчас-сейчас, — проговорил он, — горло только промочу, а то нервы совсем ни к черту. Не возражешь, если я у тебя отхлебну? Ага, так-то лучше. И у тебя глоточек? Ну да, полкружки — это не совсем глоточек, но слушайте внимательно: меня похитили! Понимаю, звучит ислепо, но это чистая правда. Так вот, выхожу я отсюда, иду по эспланаде и вдруг вижу недалеко от берега корабль — старинный галеон! С него спускают шлюпку, она гребет к берегу, и тут я заметил кое-что странное.

— В каком смысле странное? — спросил Падди.

Кастор понизил голос до шепота:

— Люди в шлюпке были одеты как пираты, ну, в таких черных штанцах в облипку и белых рубахах, пузырящихся на ветру, с повязанными на головах пятнистыми платками, одноглазые, с колючими бородами, и многие размахивали абордажными саблями или сжимали в зубах ножи, ну я и подумал, что снимается кино, правда, не видел ни режиссера, ни камер. Хотелось задержаться посмотреть, но первый мой долг был добыть для вас деньги, так что я поспешил дальше.

— Какая забота, — отметил Харрис.

Кастор кивнул:

— Я дошел до банкомата, вставил карту, ввел ПИН-код, забрал новенькие хрустящие банкноты, но, как только деньги оказались у меня в руке, меня схватили,

вскинули в воздух и куда-то понесли. Улицу заполнила толпа беснующихся головорезов. Банкомат они тоже прихватили с собой — заложили пороховой заряд и выбомали из стены. У меня от этого взрыва все в голове смешалось. Я вообще не понимал, что происходит, пока не стало слишком поздно. Вокруг был полный хаос, асфальт усеян битыми бутылками, от паров рома не продохнуть. Когда дым рассеялся, я увидел, что меня запихнули в шлюпку... Только тогда я понял, что никакие это не актеры, а настоящие пираты. В учебниках истории написано, что пираты нападали не только на другие корабли, но и на прибрежные городки, разоряли их и грабили. Порткол — типичный прибрежный городок, так и напрашивается на подобный налет. Видно, пираты решили наскочить по-быстрому, схватить что плохо лежит и смыться до приезда полиции. Представляю, как они были разочарованы скучной добычей — единственный банкомат и единственный пленник, то бишь я.

— Да уж, не зажирайся, — согласились Надди и Харрис.

— Вот именно, — вздохнул Кастор. — Может, им просто надо было потренироваться. Короче, на галеоне меня заперли в какой-то темный затхлый чулан, и я с ужасом начался вспоминать, как пираты обычно поступают с пленниками, но потом успокоился и понял, что вряд ли мне предстоит «пройти по доске». Если бы они хотели меня убить, зачем им вся эта морока — спокойно могли перерезать горло прямо у банкомата. Значит, скорее всего, они замышляли продать меня в рабство. Мне было ужасно неудобно, что вы так и сидите там и ждете денег, но я никак не мог передать вам весточку.

Дни тянулись медленно, налетел жуткий шторм, и я заблевал весь чулан, а держали меня только на хлебе

и воде. Когда я просил нормальную еду, они хотели на пиратский манер и относились к другим моим просьбам с таким же презрением. Я уж думал, они хотят спноить меня в этой темнице, но однажды утром головорез, куда благороднее прочих головорезов, отворил дверь и выпустил меня. Он представился капитаном Костяком и сказал, что у него ко мне серьезный разговор. Отвел меня в свою каюту, предложил сесть и угостил пивом с картошкой, которых мне так не хватало. Когда я набил живот, он пристально оглядел меня и сказал:

«Нам не хватает одного человека, и, чтобы эффективно управлять кораблем, я должен срочно найти замену. Вы единственный кандидат на вакансию, так что я хочу предложить эту работу вам. Если вас не устраивает и вы предпочли бы рабский труд в масляных копях Дерьмента — адское, кстати, местечко, — что ж, не буду настаивать».

«Мне надо подумать. А что, собственно, за вакансия?»

«Впередсмотрящего. Наш последний впередсмотрящий прошлой ночью упал с мачты и разбился насмерть, равно как и предпоследний в свое время, не говоря уж о предпредпоследнем и так далее. Без впередсмотрящего мы не будем знать, куда плывем, и не узнаем это место, когда доплывем, так что это очень важный пост и серьезная ответственность».

Я хотел заявить, что не желаю иметь ничего общего с ответственностью ни в какой форме, но тут до меня дошло, что, как у члена экипажа, у меня будет куда больше шансов сбежать и вернуть вам долг, чем если я попаду в масляные копи Дерьмента. Так что я согласился. Капитан Костяк просиял и объяснил мне мои обязанности. Я должен был забраться в «воронье гнездо» на самой высокой мачте и кричать во все гор-

ло, как только увижу что-нибудь примечательное. Он дал мне исчерпывающий список того, что следует считать примечательным, и там значились: суша, шторма, водовороты, корабли с грузом сокровищ, пираты-конкуренты, рифы, каннибалы, киты, гигантские кальмары, русалки, спасательные шлюпки, соблазнительные облака, изменение очертаний, цвета или прочности па разрыв линии горизонта.

Приступить к работе следовало немедленно, и я, преодолевая тоиноту, полез по ванtam. Я карабкался выше и выше, оскальзываясь, обдирая пальцы о грубую пеньку, по лбу моему катился пот, желтый и вязкий, как масло от картошки фри, но я говорил себе, что должен залезть наверх, чего бы мне это ни стоило. И у меня получилось, так что можете расслабиться. «Воронье гнездо» оказалось не просторней и не устойчивей крупного котелка со скользкими стенками, и сердце мое бешено забилось, причем не совсем от воссторга, вернее, совсем не. Я принялся гадать, как долго продержусь, пока тоже не полечу вниз вслед моим предшественникам. Хорошо еще, в тот момент море было сравнительно спокойным, так что яправлялся со своими обязанностями более или менее удовлетворительно. Завидев среди воли какой-нибудь объект, я лез в список и выяснял, следует кричать или нет. Если это было «большое бревно», кричать не следовало, а если «большое бревно с человеком на нем», то следовало. И так далее.

— Как же ты спал? — перебил его Падди.

— Честно говоря, хреново, — вздохнул Кастор, — но я научился сворачиваться в клубок так туго, что помещался в «гнезде». Ночью там было холодно, даже в троиках, может, потому, что я залез так высоко. Только не спрашивайте, как мне доставляли еду и питье, а то придется заодно объяснить, как я оправлялся! Пока

остальные пираты внизу обжирались арбузами и намазывали тосты маслом из Дерьмента, пили ром и сок лайма, я затягивал пояс потуже, но иногда мне позволяли спуститься. Каждый раз, как мы заходили в порт, мы разрешали сойти на берег вместе с остальным экипажем.

— И сколько портов ты видел? — поинтересовался Харрис.

— Всех не перечесть! Мы несколько раз обошли вокруг света и останавливались в Бомбее, Рангуне, Сурбае, Шанхае, Осаке, Лиме, Монтевидео, Луанде, в странных приморских городках на побережьях Нижнего Бол, Чикчирика и Посредственной Утопии, среди прочих. Однажды мы даже встали в Уэльсс, в Тенби, и я уже собирался дезертировать и доехать до Порт-кола на автобусе, с пересадкой в Суонси, но капитан Костяк задержал меня. Такой шанс пропал! Каниган хотел сказать мне что-то важное, — в общем, выбора у меня не было, пришлось выслушать.

«Штурман Щепкинс, — начал он, — из всех впередсмотрящих, какие у меня служили, никто вам и в подметки не годился. Вы кричите без промедления, никогда не ошибаетесь, до сих пор не выпали из „гнезда“ и не расшиблись насмерть. Не впередсмотрящий, а идеал! Будь моя воля, никогда бы вас не отпустил. Поклянитесь мне, что если вы когда-нибудь женитесь и заведете сына, то назовете его тоже Кастором и воспитаете так, чтобы он во всем походил на вас. Вот как высоко я вас ценю. Надеюсь, ваши друзья тоже вас ценят?»

«А как же», — заверил я его.

Так что я остался служить под началом капитана Костяка, но чем дальше, тем это было тяжелее, а не легче. Какое-то безотчетное стремление гнало его вперед, и я не мог понять, да, наверно, он и сам не пони-

мал, что за цель перед ним маячит — далекая страна, спрятанное сокровище, всемирная дурная слава или что-нибудь, что помогло бы ему забыть прошлое. Что бы это ни было, оно влекло и нас, так сказать, в духовном кильватере капитана, пока мы не стали как жертвы, сами жаждущие жертвоприношения. С содроганием вспоминаю некоторые эскапады в разрушенных храмах на заросших джунглями островах, стычки с разумными обезьянами, вооруженными духовыми трубками, гонки с кораблями-призраками.

Свою долю злодейств мы тоже совершили, а как же. Мы ведь были пиратами, не забывайте, и мис до сих пор ужасно стыдно вспоминать кое-какие из наших подвигов. Однажды мы наткнулись на фабрику, выпускавшую календари, на белом свете такая всего одна, и сбили там всю тонкую настройку — вставили палку в колеса (лопаточку, строго говоря). В другой раз мы проплыли навстречу движению на благотворительной гонке надувных плотов, разметав гонщиков, как самодовольные буржуазные кегли, которыми они, в сущности, и были. Да уж, не для слабонервных был наш промысел, и я каждый день мог ужасно покалечиться.

Однажды мы зашли в узкий пролив между двумя препятствиями, от вида которых сердце мое в ужасе захолодело. Справа был огромный айсберг, слева — дымящий вулкан, только что поднявшийся из моря. Вода в проливе бурно кипела, корабль швыряло из стороны в сторону, чуть не переворачивая, и меня мотало, как грузик на конце стрелки метронома. Когда мы проплывали мимо кратера, верхушку мачты с «вороньим гнездом» лизнуло сернистое пламя. Контакт длился лишь мгновение, но этого было достаточно, чтобы моя одежда вспыхнула. Слава богу, в следующий миг мачта откачнулась вправо и с оглу-

шительным шипением притушила меня о ледяной бок айсберга. И подобный случай был отнюдь не единичный.

Так могло бы продолжаться до бесконечности или, по крайней мере, пока капитан Костяк не завел бы нас на погибель, но одна моя встреча тихим облачным утром все изменила. Облака были густыми, но очень низкими, практически лежали на поверхности океана, и над ними поднималась лишь моя верхушка мачты. Я озирал необъятный пушистый простор, и эффект был крайне умиротворяющим. К своему изумлению, вдалеке я увидел человека, стоящего на облаках, но это была лишь оптическая иллюзия. По мере его приближения стало очевидно, что это такой же впередсмотрящий, как и я, в таком же «вороньем гнезде» на верхушке высокой мачты. Мы помахали друг другу. Все было как во сне: казалось, мы парим, подобно ангелам, совершенно забыв о кораблях внизу, и безмятежность сцены отвлекла нас от исполнения служебного долга. Внезапно я осознал, что мы идем курсом на столкновение!

Кричать и предупреждать было уже поздно. Треск ломающегося дерева и вылетающих гвоздей — вот аккомпанемент, под который я низринулся в океан. Летел я долго. Меня выбросило далеко в облачную массу, и, пронизав ее, я ухнулся в холодную соленую воду. В голове у меня помутилось, глаза обожгло; отфыркиваясь, я замолотил по воде руками и ногами и — вот уж везение так везение — случайно уцепился за бочку, выплывшую из одного или другого трюма. Я вскарабкался на нее, уселся верхом и, моргая, уставился в лицо прекрасной женщины. Больше никто не выплыл, и она любезно позволила мне разделить с ней бочку в обмен на то, что я не дам ей скучать. И я развлекал ее в меру сил моими необыкновенными, по совершен-

но правдивыми историями, пока нас не выбросило на необитаемый остров.

— Какими именно историями? — спросил Падди Делюкс. — У тебя их много.

Кастор Щепкинс хмыкнул:

— Точно уже не помню. Вроде бы без истории о короле велосипедных кентавров не обошлось. Я зачинил ему прокол в покрышке, а он меня в итоге пощадил... В общем, мы с этой женщиной стали жить на необитаемом острове, типа в райской гармонии — ели фрукты, ночами гуляли по берегу и смеялись над звездами. Почему-то созвездия казались ей уморительными, особенно Кассиопея и Близнецы, ума не приложу почему. Звали ее Шарлотта Галлон, и она была капитаном второго корабля, тоже, кстати, пиратского. Мы сблизились, и наш первый ребенок родился меньше чем через год после кораблекрушения. Я сдержал свое обещание капитану Костяку и назвал мальчика Кастор... Иногда после отлива мы находили на берегу что-нибудь полезное, например теннисные ракетки, старые боты, разбухшие от воды книги, ржавые батарейки, ломаные стулья и набор для фондю. А вот пустую бутылку нам на песок вынесло только одну и карандаш тоже один-единственный. Я взял одну из книг, выдернул оттуда пустую страницу, высушил на солнце и сочинил записку. Это был наш единственный шанс послать весточку окружающему миру, но, вместо того чтобы написать «ПОМОГИТЕ» и воззвать о спасении, я решил связаться с моими лучшими друзьями — Падди Делюксом и Одержимцем Харрисом, потому что так сильно их уважал, и, хотя Шарлотта говорила, что это без толку, я так и сделал. Потом забросил бутылку в море и смотрел, как ее уносят волны.

— Что же ты написал? — воскликнул Одержимец Харрис.

— Просто повторил то, что сказал мне капитан Костяк. Объяснил двум моим друзьям, как много они для меня значат, подробно расписал, какие они замечательные, и настоятельно попросил назвать сыновей, если у них когда-нибудь будут сыновья, тоже Падди и Одержимцем и воспитать так, чтобы те в точности походили на отцов. Это послание казалось мне гораздо важнее призыва о том, чтобы проходящий мимо корабль забрал нас с острова и благополучно доставил в уютное лоно цивилизации.

— Никакой бутылки мы не получали, — сказал Падди Делюкс.

— Получали, получали, — заявил Кастор.

— Да нет же, уверяю тебя. Никакой бутылки и никакого послания!

Кастор поджал губы:

— Океан бескрасен, и можно подумать, бутылки с записками так и носит по волнам до скончания веков, однако есть специальная система, служащая для того, чтобы записки достигали адресатов. Есть секретное место, где все бутылки с записками хранятся до тех пор, пока не будут вручены по назначению. Я узнал об этом от журналиста, который расспрашивал меня после нашего спасения с острова; он зовет себя Постмодернистским Мореходом и специализируется на морских загадках и драмах. Впрочем, я отвлекся. Так вот, мои лучшие друзья и вправду получили мою записку, более того — выполнили изложенную там просьбу, и только это позволяет нам сидеть тут и беседовать.

Ничего не понимаете, да? Сейчас объясню. Дело в том, что мы с Шарлоттой и сыном провели на этом острове долгие годы. Наконец нас подобрал танкер. Я отработал наш проезд на большую землю, но в Уэльс так и не вернулся. Мы поженились с Шарлоттой и жили; можно сказать, в мире и согласии до той

последней ссоры, когда меня случайно зашибло брошенной кастрюлей насмерть, что и поставило в ссоре точку. После похорон мой сын устроил трогательный квест. Я давно все ему рассказал, и он вознамерился найти моих дорогих друзей и вернуть им давний долг. Он долго обшаривал все пабы в Портколе.

Наконец он зашел в тот самый паб, где столько десятилетий назад состоялась та самая игра. И вот он я! Да, я не первый Кастор Щепкинс, а второй, его сын, и мне сейчас ровно столько же лет, сколько было папе, когда он отправился к банкомату. Меня же воспитали так, чтобы я походил на него абсолютно во всем!

— Но ты и есть он! — вырвалось у Падди.
— Ты ушел час назад, а никакие не полвека, — добавил Харрис.

Кастор печально покачал головой:

— У меня для вас грустные новости. Падди Делиокс и Одержимец Харрис давно умерли. Вы — их сыновья, и они воспитали вас, точно следуя моей записке, поэтому зовут вас так же и думаете вы так же, как они. Откуда и путаница. Мой отец вышел из этого паба за деньгами для ваших отцов, а теперь его сын вернулся, чтобы возвратить долг сыновьям. И никаких следов пиратского налета вы сегодня по пути домой не увидите из-за той же самой полувековой разницы: все давно отремонтировано. А теперь к более насущным делам! Какая там сумма вопроса?

— Сто фунтов, — хором ответили Падди и Харрис.
— Желаете получить в нынешних деньгах?
— Конечно! — взревели Падди и Харрис.

Кастор сунул руку в карман, извлек одну-единственную монету — потертый пенни — и шлепнул ее на стол:

— Держите. Этот пенни был в отцовском кармане во время той игры. Из-за инфляции он равен ста фунтам *нынешних* денег.

Падди Делюкс и Одерджимсц Харрис онемели.

— Очень рад, что мы наконец в расчете, — произнес Кастир. — Кстати, фабрику календарей так и не починили, и с тех пор на всех календарях печатают неверный год. Забавно, правда? Так что датам теперь веры нет, имейте в виду. Ладно, пойду-ка я возьму пива. А потом выпьем за наших предков... Да ладно, друзья, хватит вам. Драться из-за пенни недостойно джентльменов!

КЕЙДЖ БЕЙКЕР

Я не сверну, ступив на этот путь...

Они дрейфовали пять дней и наконец заметили на горизонте парус.

— Может, попробовать подать сигнал? — предложил юный Джон, приподнялся в лодке и хотел снять красный шейный платок и помахать им, но не удержал равновесия, и лодка в очередной раз едва не опрокинулась.

Дулли выругался, а Джессап схватил единственное весло и огrel недотепу.

— Сиди уж, придурок!

Лодка у них была не слишком-то мореходная. Они сделали ее сами из поваленного дерева, трудились над ней тайком, по почам, мечтая о том, как сбегут с Барбадоса и заживут жизнью свободных людей на каком-нибудь другом острове. Когда лодочка пересвернулась в первый раз, они потеряли все продукты и питьевую воду. Во второй — одно весло. Поэтому сейчас они находились в затруднительном положении и не были расположены к мотовству.

Джон взглянул на Джессапа, потирая затылок.

— Но это же корабль, — сказал он. — Как же тогда они нас заметят?

— Они так далеко, что нипочем нас не разглядят, — вздохнул Джессап. Голос у него охрип от жажды. —

Или поплынут сюда, или не поплынут. Или повезет, или нет.

— Можно помолиться Всевышнему, — предложил Джон.

— Я устал молиться Всевышнему! — Дулли выпрямился и наградил товарищем по несчастью свирепым взглядом. — Сорок лет только и делаю, что молюсь! «Миленький Христос, пусть меня не поймают! Миленький Христос, пусть меня не сошлют на каторгу! Миленький Христос, порази, пожалуйста, молнией вон того надсмотрщика, чтоб его!» Можно подумать, Он меня хоть раз услышал, хоть раз ответил!

Глаза у него опять вспыхнули, и Джон испуганно сглотнул, но Джессап (возможно, потому, что крепко держал весло) рявкнул:

— А ну, прекрати, олух недоделанный! Нечего тут богохульствовать!

— Да ну?.. — завизжал Дулли. Он запрокинул голову. — Эй, там, наверху, ты слышишь меня? Засунь мои молитвы знаешь куда?! Наше вам с кисточкой, сэр Господь Всемогущий, мерси боку! С сегодняшнего дня я молюсь сатане, слыхал? Я теперь его, сатаны! Ура сатане! Хвала сатане!

Разглагольствовал он с таким жаром, что раскачал лодку, перевалился за борт и исчез под водой почти без всплеска. Мгновение спустя Дулли вынырнул по-одаль, с другой стороны, отплесываясь и отдуваясь. Прозрачную голубую воду бесшумно прорезал большой плавник, и Дулли снова ушел под воду, испустив отчаянный вопль. Далее были одни пузыри и кровавая вода. Оставшиеся двое сидели, как нетрудно догадаться, очень смирно.

Лишь спустя довольно продолжительное время Джессап решил, что уже можно плыть дальше, однако

взялся за весло крайне осторожно, Джон помогал ему, загребая воду руками. Еще часа через два судно повернуло и двинулось к ним, и Джон не позабыл возводить благодарить Всевышнего.

Их спасительницей оказалась бригантина совсем без кормовых надстроек, длинная и низкая, имевшая вид залипленный и грязный. Флагов на ней не было. Несколько матросов, облокотившись о борт, безразлично наблюдали, как лодка подплывает к кораблю.

— Что это за судно? — крикнул Джессап.

— «Мартин Лютер», — ответили ему.

— Откуда вы?

— Из моря.

— Господи Иисусе, — пробормотал Джессап, и Джон покосился на него, не понимая, к чему это он. Джессап пожал плечами. — Ладно, деваться некуда, — добавил он и подхватил сброшенный с борта трос.

Когда Джессап выбирался из лодки, та, как назло, снова перевернулась, но Джон успел выпрыгнуть из нее и уцепиться за иланшир. Так он и болтался у борта, пока пара хохочущих матросов не ухватили его за руки и не втащили на палубу.

Ощущив под ногами твердые доски, Джон огляделся, надеясь увидеть бочку с водой. Он только раз в жизни плавал на корабле — когда его перевозили на Барбадос. То, что «Мартин Лютер» ощетинился разномастными пушками, а оснастка была великолепна, несмотря на царившие на судне грязь и беспорядок, ни о чем ему не говорило. На палубу вышел человек, и по богатству его платья в сравнении с одеждой матросов Джон заключил, что это важная персона.

— Это кто? — спросил незнакомец.

— Моряки, потерпевшие крушение, капитан, — сказал кто-то из команды.

Капитан взглянул за борт на лодку, которая уже болталаась за кормой. Он хохотнул и плонул.

— Моряки? На такой дерымовой лодчонке? Да вряд ли. Это отребье — каторжники. Беглые. Я прав? — Он обернулся и сурово посмотрел на Джона и Джессапа.

— Вы правы, сэр, так и есть, — признался Джессап.

Капитан обошел Джона с Джессапом, осматривая их так, словно они были лошадьми, которых он подумывал купить.

— Сколько там пробыли?

— Два года, сэр, — отозвался Джессап.

— Так долго? И не номерли? Лихорадкой болели?

— Да, сэр, — хором ответили они, а Джон добавил:

Извините, сэр, нельзя ли нам попить воды?

Капитан усмехнулся. Он протянул руку, а один из матросов сбежал за кружкой воды и подал ему. Капитан поднес кружку к лицу Джона.

— Вода только для команды. У нас все на счету; мы ничего не покупаем, нам никто не платит. Вы подпишете соглашение, станете матросами и будете получать свою долю — или отправитесь обратно в море. Что выберете?

Джон не понял, о чем это он, а Джессап сказал:

— Мы согласны стать матросами, сэр.

Джон закивал, думая только о воде. Капитан расхохотался и вручил ему кружку. Джон напился вдоволь, и после этого все обращались с ним ио-дружески.

Потом им принесли соглашение и прочитали его вслух. Джессап поставил закорючку. Джон написал свое имя, и судовой клерк восхищенно присвистнул. Ихвели вниз, где было грязно, зато вольготно и хорошо; им принесли одежду на смегу выбеленным на солнце и задубевшим от соли лохмотьям, а еще дали собственные сундучки и гамаки — Джон решил, что

это необычайно щедрый дар. Потом он узнал, что эти вещи остались от матросов, умерших от лихорадки, но это казалось уже неважным.

Джону было как-то совестно при мысли о том, что придется стать пиратом, — он думал, что сказала бы его матушка. Но хотя попачалу он с трудом запоминал названия снастей, а когда впервые пришлось залезть на мачту, перепугался до полусмерти, это все равно было в сто раз лучше, чем рубить тростник на удушающей жаре в полях, где кусали мухи и в уши заливался соленый пот. Джону нравилась голубая вода. Ему нравились ром, табак и морской воздух. Ему нравилась свобода.

Хотя он довольно быстро понял, что свобода и пожитки мертвцев — единственное, чего на «Мартине Лютере» было в достатке.

— Такой уж везунчик наш капитан Сталвии, — шепотом сказал Перкин. Он смахнул сплюнку, и слюна зашипела и запузырилась на крышке фонаря. — Вот уж точно — мы ничего не покунаем, нам никто не платит. Мы уже два года как плаваем и за это время взяли только один груз сахара, потом еще рабов, но они почти все к тому времени перемерли, и один корабль с фарфором.

— А тот корабль, где было сусальное золото? — напомнил ему Калман.

— Одна коробка сусального золота, — согласился Перкин, — а это сущая ерунда, если его поделить поровну, и моей доли не хватило и на неделю после высадки в Порт-Ройяле!

— А еще «Брендивайн», — добавил Купер.

Раздались неразборчивые проклятия и бурчание.

— А что оказалось на «Брендивайне»? — спросил Джон.

— Полный груз сущеного гороха, — ответил Перкин.

— Было время, когда ты обрадовался бы и горсти сущеного гороха, Джордж Перкин, — заметил Купер. — А еще у него на борту было два барана — забыл?

— Я вот что хочу сказать, если капитану Сталвину в ближайшем будущем не улыбнется удача, мы того и гляди дадим ему отставку, — заявил Перкин.

Капитан Сталвин, понимая всю шаткость своего положения, расхаживал по палубе, словно голодный хищник, и запавшими глазами изучал горизонт. Он никогда не шел одним курсом подолгу — ведь если они неделю плыли на юг и не встречали ни одного судна, команда непременно начинала роптать, и чтобы умаслить ее, капитан отдавал новый приказ, и они сворачивали на запад.

Это было совсем не похоже на железную дисциплину на том корабле, который доставил Джона на Барбадос, — там матросы так и кидались исполнять приказы, а свое мнение держали при себе. Джон в жизни не видел такой бесцельной деятельности. И все равно ему здесь нравилось — нравилось, что совсем простые ребята вроде него самого имеют право голоса в собственной судьбе.

Капитан Сталвин заметил корабль раньше вахтеных. Джон, без дела слонявшийся у борта, услышал щелчок резко сложенной подзорной трубы за секунду до того, как раздались крики: «Парус! Парус! Два румба по левому борту!»

Сейчас они шли от Фолс-Кейла, надеясь перехватить какие-нибудь суда с озера Маракайбо или из Риодес-ла-Ача — все равно откуда. Там-то, отделившись от Байя-Онда, и показался галеон, возможно торговый, под испанским флагом. Капитан Сталвин выжидал и наблюдал, хотя команда взревела — так ей не терпе-

лось взять судно. Лишь убедившись в том, что галеон не входит ни в какую флотилию, он усмехнулся и отдал приказ догонять его. Вытащили и подняли кроваво-красный флаг, и он затрепетал на ветру.

Перед тем как галеон их заметил, он шел к ветру, но тут поднял все паруса и двинулся полным курсом к северу, а матросы на «Мартине Лютере» принялись весело подталкивать друг друга локтями.

— Сдается мне, он из Рио-де-ла-Ача, — гоготнув, заметил Купер.

— А это хорошо? — спросил Джон.

— Там же добывают жемчуг!

— Может, на нем полный груз соли, и все, — буркнул Перкин, и все посоветовали ему придержать свой дурацкий язык.

В течение следующего часа Джон был очень занят — носился по вантам, словно по пологим лестницам, и поднимал все паруса, какие только были на «Мартине Лютере». Корабль развернулся против ветра и помчался — вода так и свистела вдоль борта, белая пена кипела за кормой.

Веселые пираты готовили ружья. Раздали абордажные сабли и топоры. Несколько матросов сбегали на камбуз и вымазали себе лицо жиром и сажей — для устрашения. Галеон уходил на всех парусах, но был он широк и массивен, словно курица, бьющая на бегу крыльями, а «Мартин Лютер» все приближался и приближался, будто падающий камнем ястреб.

Вскоре галеон оказался так близко, что стала видна расписанная фигура на кормовой надстройке. Это была Дева Мария — раскрашенная красным, голубым и золотым, с пристальным взором широко раскрытых глаз; одну руку она подняла в благословении, другой держала крошечного Христа, который тоже таращился и благословлял. Поначалу Джону стало от

этого не по себе, но потом он вспомнил все те бедствия, которые причиняли пленным англичанам панисты, и картина предстала перед ним в ином свете. Джон заинтересовался, из чего сделаны нимбы у фигур — просто позолоченные или из самого настоящего золота.

Еще через несколько минут пираты приблизились на расстояние выстрела, и капитан Сталвин велел заряжать носовые пушки. Бисон, канонир, выстрелил дважды — пушки лихо гавкнули с правого и с левого бортов, одно ядро полетело высоко и упало близко, подняв фонтан белой пены, а второе попало в галеон у ватерлинии, у самого киля, и застряло там, словно шипка в центре щита.

— Еще! — крикнул капитан Сталвин, и Купер с Джессапом зарядили пушки.

Бисон гандшлагом уточнил прицел. С галеона донеслось «кряк-кряк-кряк» мушкетных выстрелов, — похоже, кормовых пушек у него не было, — но мушкетные пули не долетели до «Мартила Лютера», а Бисону удалось прицелиться задолго до того, как они приблизились. Штамя коснулось пороха, и выстрел с левого борта, судя по раскатившимся над водой треску и грохоту, попал в цель. Выстрел с правого борта, судя по воплям, наделал еще больше бед.

Когда дым рассеялся, пираты увидели, что руль галеона разломан в крупные щепы, но не отвалился. Руль отчаянно пытался развернуть корабль так, чтобы дать залп из бортовых орудий, но судно не слушалось. Купер и Джессап трудались как проклятые, и Бисон снова выстрелил — теперь только с левого борта, но этого хватило: скрежет руля оборвался, и в воду посыпались обломки. Когда красный солнечный свет, пробившись сквозь дым, снова озарил галеон, пираты увидели, что тот накренился.

Но не беспомощно — он все-таки развернулся настолько, что пушки его левого борта принялись палить, надеясь причинить хоть какой-то ущерб, и хуже того — корабли теперь были друг от друга на расстоянии мушкетного выстрела. Когда «Мартина Лютера» приподняло на волне, на тех, кто оказался на его передней палубе, обрушился шквал мушкетных пуль. Джон опомнился, когда рядом с ним на палубу с волем рухнул Калман. До этого Джон лишь глазел, как дурачок на деревенской ярмарке, и приветствовал каждый выстрел; теперь он враз отрезвел и рухнул ничком на палубу, когда восьмифунтовое ядро просвистело у него над головой и пробило парус, а затем полетело дальше и рухнуло в море.

— Держитесь у него за кормой! — закричал капитан Сталвин, но рулевой и так уже выводил «Мартина Лютера» к корме галеона.

Тут они обнаружили то, чего раньше не видели: один из их выстрелов сделал из двух кормовых иллюминаторов одну дыру с зазубренными краями. Джон подумал, что, когда корабль в следующий раз поднимет на волне, можно будет заглянуть прямо в дыру, — так они и сделали. И что же показалось в дыре, как не испанец с пистолетом? Он был белый и окровавленный, будто привидение, с пустым неморгающим взглядом. Испанец нацелил пистолет прямо в лицо капитану Сталвину и нажал на курок.

Раздался щелчок, но ни вспышки, ни выстрела не последовало. В следующий миг «Мартина Лютера» опустило на волне и пронесло мимо, он со скрежетом проехался бортом по галеону, и команда с криками столпилась у борта. Джон с любопытством глянул на капитана Сталвина — тот, весь дрожа, уцепился за фок-мачту.

Тут поднялась такая волна, что корабли столкнулись бортами, и от удара Джон рухнул на колени. Он

вспомнил, где находится, и подумал о золотых нимбах. Поднявшись на ноги, он схватил абордажную саблю и перескочил на борт галеона.

Там Джону стало так страшно, что он уже не думал ни о золоте, ни о чем-то еще, кроме как о том, как бы отбиться от налетевших на него испанцев. Джон был парень крупный, с кулаками, будто ядра, и толстыми руками. Его отправили на каторгу за то, что он в трактирной драке убил человека — совершенно случайно, просто тот надрался в стельку и пошел на него с ножом. Джон тогда испугался за свою жизнь и колотил мерзавца, пока тот не затих. Так что нетрудно догадаться, что теперь, когда Джон был вооружен и боялся еще сильнее, он косил испанцев, словно спелую пшеницу.

Он спотыкался о трупы. Мушкетная пуля оцарапала ему голову и сорвала шляпу, но он этого даже не заметил. В ушах у него звенело, звуки доносились словно сквозь вату, а правая рука страшно ныла — из-за того, что ей приходилось рубить, рубить и рубить абордажной саблей всех подряд.

Наконец Джон, задыхаясь, добрался до противоположного борта, повернулся, чтобы прислониться к нему спиной, — и с изумлением обнаружил, что на ногах не осталось ни одного испанца.

На нижней палубе шла битва. Джон побежал к сходному трапу и осторожно глянул вниз. Звон клинков, удары, топот — визгливое проклятие, выстрел, а затем по трапу поднялся Бисон, со смехом вытирая клинок.

— Всех перебили, — сообщил он.

Капитан Сталвин поднялся на борт с клерком «Мартина Лютера», чтобы осмотреть груз галеона. Это оказались рис, кампешевое дерево, соль и несколько

ящиков фарфора с синими узорами — храмы и язычники. Достаточно выgodно — если будет охота изобразить купца и выгрузить добычу в каких-нибудь тихих гаванях, а там подождать, когда появятся контрабандисты и дадут за нее приличный куш.

Однако на борту не нашлось ничего, чем можно было бы набить кошелек или спустить за час на ром и приятную компанию, — не было славной звонкой монеты. Над палубой поднимался кислый дуновок разочарования, который заглушил запахи пороха и смерти. Команда ворчала, сбрасывая за борт мертвцев и раненых. Капитан Сталвин вышел из трюма галеона с недоверчивым видом.

— Еще раз обычаем, — сказал он. — Ломайте переборки. Здесь наверняка есть жемчуг, или золотые слитки, или серебро, просто его спрятали. Должно быть! Удача улыбнулась мне. Я сразу понял, что она повернулась, словно стрелка компаса, когда пистолет того ублюдка дал осечку. Теперь ветер удачи Неда Сталвина переменился, и на этом проклятом корабле мы найдем целое состояние!

— Так и есть, сеньор, — произнес голос у него из-под ног. — Но не так, как вы думали.

Джон вместе со всеми поглядел вниз и увидел, что один из испанцев приподнялся на локте и смотрит на капитана Сталвина с еле заметной улыбкой. Ему распороли живот и рассекли кожу на правым глазом, так что улыбался он из-под кровавой маски, и зубы у него были розовые от крови. Харкал он тоже кровью, но учтиво, в сторону от сапог капитана Сталвина.

— Я клянусь на кресте, что сделаю вас богатым. За это я прошу всего лишь напиться воды и насладиться последними минутами жизни, прежде чем вы предадите мое тело морю.

Капитан Сталвин потеребил бороду, с сомнением глядя в глаза раненому. Бисон толкнул умирающего сапогом — на всякий случай, вдруг у того спрятан кинжал.

— Врешь, — заявил он.

— Сеньор, я скоро предстану перед Господом. Зачем же мне ложью обрекать свою бессмертную душу на вечные муки? Все, что я говорю, истина правда, — сказал испанец. Он сунул руку за пазуху и вытащил оттуда нечто, сверкнувшее на безжалостном солнце зеленым и золотым. Он поцеловал это и протянул капитану Сталвину, порвав цепочку. Цепочка была из мягкого золота, затейливого плетения и потянулась за подарком, который оказался распятием.

Бисон присвистнул. Он глянул через плечо на остальных, стоявших на палубе. Джон нагнулся посмотреть. Сначала он решил, что распятие сделано из зеленого стекла, резные перекладины соединены золотым переплетом, а маленький распятый Иисус и буквы INRI — тоже золотые. Капитан Сталвин схватил подарок трясущимися руками.

— Изумруды! — воскликнул он.

— Миленько, — заметил Бисон. — Но если его поделить на всех, получится не слишком-то много, правда? У тебя еще что-нибудь есть?

Испанец снова улыбнулся, и из уголка его рта побежала кровь.

— Я вам расскажу, где их искать. Сначала воды.

Капитан рявкнул, чтобы испанцу принесли напиться. Притащили и откупорили бочонок, налили умирающему воды. Испанец со вздохом запрокинул голову и попросил карту. Снова раздался рев и начались ожесточенные поиски в капитанской каюте, наконец карту нашли, причем капитан Сталвин все это время обливался холодным потом от ужаса при мысли, что скотина испанец может уснуть издохнуть.

Когда карту поднесли к глазам умирающего, он долго на нее смотрел. Потом беспомощно оглянулся, словно искал перо, а затем хохотнул, обмакнул палец в собственную кровь и поставил пятно к югу от Тобаго.

— Здесь, — произнес он. — Сан-Кукао. Две горы, торчащие из моря. Там, сеньор, вы найдете копи, где добыли эти изумруды. Очень богатая порода. Изумруды зеленые, словно джунгли.

Капитан Сталвин облизнул губы:

— Там есть гарнизон?

Испанец снова улыбнулся:

— Его охраняют одни мертвецы. Остров принадлежал мне и брату; брат умер полтора месяца назад, я был его наследником. Теперь вы наследуете мне. Все, что вы найдете на острове, я по доброй воле передаю вам, Господь свидетель.

— Все врет, подонок, — заявил Бисон.

Капитан Сталвин перевел дух и огляделся. Звенящим голосом он приказал команде заняться перетаскиванием груза с галеона на «Мартина Лютера». Джон поднялся и вместе со всеми принялся за работу и забегал туда-сюда, вверх-вниз, носил бочонки соли и мешки риса, перекладывал кампешевое дерево. Пробегая мимо, он то и дело поглядывал туда, где капитан Сталвин, присев на палубу, беседовал с испанцем. Он уловил лишь несколько фраз — как и другие матросы, которые делали то же самое, что и Джон.

В последующие дни они обсудили все это между собой — и во время ночной вахты, и на нижней палубе, — и, сложив обрывки, вылепили историю испанца, которая оказалась вот какой.

Они с братом были какими-то важными шишками в Картахене, и у них имелось много земель и рабов-индейцев, а больше они ничем особенно богаты не бы-

ли. И что примерно лет десять назад брат этого испанца, дон Эмидио, отправившись куда-то в путешествие, потерпел крушение на этом самом островке Сан-Кукао. Там был источник пресной воды, а на берег выбросило достаточно всякой всячины, так что этому дону Эмидио хватило каких-то оставшихся припасов, чтобы выжить, пока он строил себе плот. В свободное время испанец исследовал остров — и обнаружил на отвесном склоне, с которогосыпалась земля, изумруды.

Когда дон Эмидио уцыпал с острова, он взял не- сколько камней с собой. Добравшись до дому, он по большому секрету рассказал обо всем брату. Они ре- шили вернуться на остров и выкопать изумруды.

Поскольку они были испанцами, то и сделали это на испанский манер — взяли с собой слуг, которые их об- хаживали, и монаха, который пел им мессу, и рабов-ин- дейцев, которые на них работали. Надсмотрщики щел- кали хлыстами, индейцы махали кирками и лопатами, и вскоре братья получили столько изумрудов чистой воды, что разбогатели, как короли, а из земли им под- мигивала еще целая гора камешков.

По потом всех индейцев скосила черная оспа. Бра- тья ужинали себе на борту своего корабля, и тут с бе- рега им прокричали новости. Братья решили спасать- ся, бросив всех работников на острове и взяв с собой только тех слуг, которые в тот момент оказались вместе с ними на корабле. В утешение им остался целый суп- дук изумрудов. Это не понравилось только монаху — он сел в шлюпку и поплыл на остров, чтобы ухаживать за умирающими и готовить их души к встрече с Гос- подом.

Братья решили выждать семь лет и вернуться на остров — за это время зараза должна была выветрить- ся. Испанец сказал, что идет уже седьмой год, а деньги,

полученные за изумруды, которые оли увезли с собой, давно закончились. Брат испанца умер, и теперь он собирался искать покровителя, который оплатил бы ему путешествие.

Ну так вот, поскольку нашел он только того покровителя, который ходит в капюшоне и с косой, то и отправляется совсем в другое плавание. Поведав свою историю, испанец пробормотал покаянную молитву и испустил дух с улыбкой. Капитан Сталвин освободил его от перстней и красивой жемчужной серьги и приказал сбросить труп в море.

— Говорят, такие изумруды привез Дрейк, — произнес Перкин, глядя на звезды. — Как здоровенные леденцы, и зеленые, будто... будто зеленые стекла в церковных окнах.

— Я тоже такие видел, — поддержал Коллер. — Я ходил с Мансвельтом, когда он взял Санта-Крус. Там стояла статуя одного ихнего святого, вся такая раскрашенная и утыканная драгоценными камнями. Изумруды казались такими крупными. Помню, один был со сливу.

— Врешь, — заявил Бисон. — И испанец этот тоже врал. Помяни мое слово, мы приплывем прямехонько в лапы испанскому гарнизону с большими ружьями.

Джессап только покачал головой, а Джон спросил:

— Зачем же ему врать-то было, раз он все равно помирал?

— Да потому что мы ему брюхо вспороли, — пояснил Бисон. — Разве ты бы на его месте не обиделся?

— Меня больше заботит черная оспа, — признался Купер. — Похоже, он надеялся, что мы ее подцепим. Жуткая смерть.

— У меня была оспа, — сказал Джон. — А черная оспа, она какая?

— То же самое, только хуже. Кожа становится черной и лопается.

— Да не бойтесь вы, — успокоил Коллер. — Внизу стоят бочонок уксуса и ящик сладких трав с того галеона, лаванда и все такое, ими доны бороды свои душат. Мы смешаем травы с уксусом и сделаем себе ароматические снадобья, чтобы от нас шахло, и ничего нам не страшно на этом острове — будем здоровеночки.

— Капитан на палубе, — прошептал Перкин.

Они умолкли, поскольку капитан Сталвин поднялся по трапу. Он взглянул на звезды и с силой втянул воздух. Потом подошел к борту и некоторое время глядел на юг. Из-под носа корабля разлеталась зеленоватая, светящаяся пена, ее отблески плясали в горящих глазах капитана.

Сан-Кукао оказался именно таким, как говорил испанец, — две горы, торчащие из моря. Почти все побережье острова состояло из отвесных утесов, лишь в одном месте нашлась каменистая бухточка, куда можно было пристать. «Мартину Лютеру» удалось подплыть довольно близко к берегу, на котором виднелись следы того, что когда-то тут высаживались люди, — заросшая травой тропа, ведущая вглубь острова, и какие-то каменные стены или хижины.

Капитан Сталвин приказал взять с собой оружие, так что команда с готовностью расхватала сабли и мушкеты. Коллер сбежал в трюм и прихватил снадобье, которое он сделал из уксуса и трав, и заставил всех матросов взять по полоске парусины и пропитать в пахучем растворе. Полоски они обвязали вокруг запястий или засунули под пялты, досадуя на вонь.

Все это время с острова, который жарился на ярком полуденном солнце, не доносилось ни звука — птицы не пели, обезьяны не верещали, ни единая цикада не звенела в высокой траве. Зеленые деревья обмякли, словно заснули.

Так же молча сошла на берег и команда «Мартина Лютера» под предводительством капитана Сталвина, на борту остались лишь два-три человека. Даже ветер не дул, так что когда они выбрались на гальку и пошли к краю джунглей — чему-то вроде заросшей лужайки, Джон уже обливался потом. Он огляделся, чувствуя себя не в своей тарелке: ему подумалось, что здесь тихо, как на кладбище. Тут Джон заметил каменный крест.

— Это кладбище, — вырвалось у него.
— Что? — обернулся капитан Сталвин.

Джон указал на крест. Все остановились, огляделись и поняли, что бугорки и холмики среди лиан и высокой травы — это разбросанные по зарослям могилы, а развалины без крыши неподалеку — это, наверное, часовня.

Джессап вышел вперед и сорвал с каменного креста плотную пелену выюнков. На кресте была пространная надпись. Джессап немного знал испанский и прочел:

— «В память Алессандро, рожденного в язычестве, но в конце дней своих прилившего Христа. Он был лучшим христианином, чем его господа».

— А вот другой, — сказал Купер и расчистил еще один камень. Это оказался крест, увенчанный грубо высеченным черепом.

Джессап наклонился поближе и прочел:

— «Диего, ставший верным христианином. Претерпел муки ада сие на земле и теперь с миром пребывает в райских кущах. После Страшного суда его хозяева,

охваченные адским пламенем, будут молить его дать им хоть каплю воды».

Пираты медленно шли по поляне, внимательно читали надписи и через каждые несколько шагов обнаруживали все новые могилы. Джон заметил, что чем дальше, тем крупнее и грубее становились надгробия. Джессап читал одну надпись за другой:

— «Бальтасар, смиренный христианин, которого предали и обрекли на смерть христиане, не заслужившие называться таковыми. Покинул сию юдоль скорби всего одиннадцати лет от роду. Ангелы вознесли его на небеса. Дьявол утащил в преисподнюю его хозяев».

— «Хуан, смиреннейший из христиан, без единой жалобы терпевший бичевание и за покорность свою оставленный умирать в час скорби. Бог видит все! Братьев Клаверия ждут все ужасы ада».

— «Нарсисо, причаствившийся священных таинств и тут же сменивший пот и страдания этого мира на Царствие Небесное. Перед смертью он невыносимо страдал. У меня не осталось ничего, чтобы утешить его. Будь они прокляты оба, лживые, бессердечные змеи!»

— «Здесь лежит Франсиско. Благодарение Богу, ушел он быстро и под конец ослеп. Душа его пребывает с Господом. Чьи пути неисповедимы».

— «Тимотео, христианин. Господи, как ты допустил это?»

Когда пираты подошли к последнему камню — огромной грубо обтесанной плите, буквы на которой были вырезаны как попало, — Джон поставил на нее ногу, завопил и рухнул, уронив саблю. Джессап с Бисоном подхватили его и вытащили из разверстой могилы — а это была именно она, затянутая какими-то побегами.

Тем временем Перкин осторожно перешагнул могилу и очистил надгробие от вьюнов.

— А тут что написано?

Джессап повернулся и посмотрел на камень:

— «Брат Касильдо Фернандес Молина. Путник, сделай доброе дело, засыль мои кости землей — пусть они упокоятся, как упокоятся когда-нибудь и твои. Я свидетельствую о вероломстве дона Эмидио Клавсрия Мартинеса и дона Бенессио Клавсрия Мартинеса. Они предатели перед лицом Божиим. Пусть они страдают и умирают в муках — подобных тем, на которые они обрекли нас, покинув на этом острове. Я свидетельствую против них. Я — орудие Господа в...»

Крупные, широкие, злобные заглавные буквы упирались прямо в край камня.

— Могила-то пустая, — заметил Перкин, заглянув внутрь.

Воцарилась тревожная типина — все задумались.

— Может, он не умер, а спасся, — предположил Джон.

Капитан Сталвин пожал плечами:

— Живой или мертвый, он нам не враг. Мы же порешили одного из них. Это ведь суд Божий, так? — Он повысил голос. — Дон Бенессио — он сs muerto!¹ Понятно?

Никто ему не ответил.

— Мы вспороли ему брюхо! — прокричал Кольер.

— И вырынули его труп в море без единой молитвы! — заорал Купер.

— Ладно, хватит, к черту это все, — оборвал их Бисон и осторожно прошел за могилу к руинам. — Глядите! Часовня.

Это было строение из каменных глыб, не скрепленных известкой, крытое пальмовыми листьями, но за прошедшие годы они упали и валялись теперь повсюду.

¹ Мертв (исп.).

ду. Грубый деревянный крест тоже упал и лежал, истощенный червями, по другую сторону развалин. Вероятно, здесь брат Касильдо устроил мастерскую — повсюду были разбросаны сломанные поржавевшие железные орудия вперемешку с осколками камня.

Пираты некоторое время копались в мусоре и, убедившись, что для них здесь нет ничего полезного, вышли из зарослей, и капитан Сталвин заметил тропу, которая тянулась с берега в джунгли. Тропа терялась в зелени, но тем не менее она была.

— Сдается мне, опа ведет к копям, — предположил капитан. — Перкин, иди первым. Прорубай нам дорогу в зарослях.

— И не забывай про монаха, — добавил Купер, боязливо оглядываясь.

И они пошли по тропе, а солнце так и жарило, и звук прибоя становился все тише. Джон на ходу осматривался, подняв саблю и то и дело шуя свою полоску парусины. Когда-то мать говорила ему, что если переболеешь оспой, то можешь больше ее не бояться, но то было в Хакни. Джону казалось, что здесь привычные правила не действуют.

На тропе было тихо-тихо, если не считать звона и свиста сабли Перкина, который прорубал путь через подлесок. Звуки эти успокаивали, словно музыка, так что все успели расслабиться и буквально подпрыгнули от неожиданности, когда Перкин вдруг завопил и повалился назад на Джессапа.

— Что это?

— Змея, что ли?

— Назад! Назад! — просипел Перкин, побелевший как полотно. — Ловушка!

Все отступили на несколько шагов и разошлись в стороны от тропы, чтобы поглядеть, куда они едва не угодили. Поперек тропы лежали искусно переплетен-

ные выюны. Когда они были свежими, с большими зелеными листьями, они, вероятно, и правда прекрасно скрывали то, что таилось внизу, но растения давно уже увяли и засохли, и без труда можно было разглядеть, что кто-то выкопал посреди дороги небольшую яму.

— Тут даже синяков не набьешь, — насмешливо заметил Купер, но Перкин трясущимся пальцем показал на бревно, которое лежало поперек тропы, одним концом нависая над ямой. Он едва не поставил ногу на конец бревна. Если бы он так сделал, другой конец поднялся бы. А другой конец бревна...

Онемев все до единого, пираты проследили за взглядом Перкина. Длинное бревно было установлено на обтесанном камне. Если бы оно качнулось, то сшибло бы деревяшку над ним... на которую опиралась другая деревяшка... и так далее — до самой вершины крутой горы, до самой груды каменных глыб, тщательно сложенной так, чтобы при малейшем движении обрушиться на тропу.

— Разрази меня Господь, — выдохнул Купер.

— Хороший он, однако, был каменщик, этот монах, — заметил Джессап с вымученным смешком.

— Но нас он не поймал. Я же говорил — мне улыбнулась удача! — воскликнул капитан Сталвин. — Перкин, тебе полагается двойная доля за острые глаза. Мы пойдем дальше, и пусть каждый, черт побери, глядит себе под ноги и вообще смотрит в оба, чтобы не проговорить еще что-нибудь!

Джон стал думать о монахе, который остался один-одинешенек, когда перемерли все индейцы, и как он, наверно, бродил по джунглям и все сильнее сходил с ума и ставил ловушки на двоих братьев, бормоча латинские слова, потому что ничего у него не осталось, кроме жажды мести. Может, он и сейчас наблюдает за ними? Изможденный, в сутане, превратившейся в лох-

мотья. Может, он залег в засаде прямо за следующим поворотом, мечтая задушить первого встречного своими честками...

— Там сломанные инструменты, — сказал Перкин. — И тропа становится шире.

— Мы подходим к копям? — спросил капитан Сталвин.

— Может быть, — ответил Перкин. Он отбросил несколько пальмовых листьев и уставился в сумрак. — Там что-то вроде шахты. Тьфу! — Он мотнул головой. — Воняет!

Перкин быстро схватил свою полоску парусины и завязал наподобие маски, закрыв нос и рот, и все остальные сделали так же, кроме Джона, у которого полоска оказалась короткая. Он прижал ее к носу, моля Бога, чтобы воняла какая-нибудь дохлая свинья. Пираты осторожно двинулись дальше и вскоре вышли на прогалину, где находилась шахта.

Поблизости не было никаких следов; песчаную почву давно выровняли ветер и дожди. Валялись разломанные бочонки и развалившиеся корзины, в которых индейцы таскали мусор. А у входа в шахту...

Капитан Сталвин несмело шагнул вперед, подняв саблю и поглядывая по сторонам. Он дошел до самой шахты, и никакие четки не обвились змеей вокруг его шеи и не задушили его. Капитан посмотрел на то, что стояло у входа, — Джон теперь рассмотрел, что это была корзина, — и рассмеялся.

— Господи боже мой! — крикнул он. — Ну, я же говорил — мне улыбнулась удача!

Он нагнулся к корзине и вытащил оттуда камень, из которого, словно растопыренные пальцы, торчали изумруды. Остальные пираты подбежали и увидели, что прогнившая корзина до краев полна необработанных изумрудов, и они так и сыплются из дыр. И кор-

зина там оказалась не одна — рядом выстроилось еще несколько, они цепочкой уходили в пещеру, и в каждой было до самого верха зеленых камней, покрытых тонким слоем пыли и сухих листьев.

У Джона от изумления глаза на лоб полезли. Он вместе со всеми принял хватать изумруды и совать в карман, отпихивая в стороны тех, кто попадался под руку. Джессап попробовал взять целую корзину, но она развалилась, и изумруды рассыпались по полу пещеры, и Перкин рухнул на колени и стал собирать их.

— Глядите! — Он показал дальше, вглубь пещеры.

Там, за грудой какого-то хлама, стояла еще одна корзина. Похоже, в нее складывали отборные камни, — они были более густого зеленого цвета, гораздо крупнее и, судя по отблескам света, отличались такой чистотой и совершенством, каких Джону никогда не доводилось видеть.

Перкин рванул туда на четвереньках. Купер ринулся следом, словно хотел добраться первым, и в спешке споткнулся о груду мусора. Коленом он задел конец спрятанного под ней бревна. Бревно дернулось. Другой его конец ударил прямо по деревянной подпорке, поддерживавшей крышу шахты. Раздался скрип, подпорка пошатнулась, с потолка посыпались пыль и камни...

Что было дальше, Джон не видел, потому что со всех ног кинулся к свету. Он уснул выбежать из пещеры, и капитан Сталвин успел, и Джессап тоже. Появились Бисон и Кольер — они выскочили прямо перед тем, как из устья шахты изверглось облако пыли, а потом послышался приглушенный рокот — это рухнул потолок.

Джон только успел подумать, что Перкину, похоже, не видать двойной доли, когда они с Купером, шатаясь, показались из пещеры, пыхтя и откашливаясь,

с головы до ног бурые, как будто вывалились в грязи. Когда их хорошенъко обсмеяли, среди пиратов зародилась мысль выпотрошить Купера — за то, что повел себя как дурак, прыгнул прямо в ловушку и завалил самые хорошие изумруды. Но капитан Сталвин поднял саблю между Купером и остальными.

— Отставить. Мы же набили карманы, так? И ни один человек не ногиб, когда обвалилась крыша. Значит, мне опять повезло! — Он клинком указал на рассыпанные кругом изумруды. — Собирайте их и несите на корабль. Завтра вернемся сюда с парой лопат и посмотрим, удастся ли еще что-нибудь откопать.

Джон, как и все, послушался и принялся поднимать камни. Он только-только задумался о том, как приятно быть пиратом, собирать самоцветы, словно землянику на лужайке, как заметил прехорошенький зеленый камень, лежавший, как ему показалось, на кучке сухих палочек. Джон протянул руку к изумруду и вдруг понял, что это кости руки. Он пригляделся и увидел рядом череп.

— Тут мертвец! — завопил он.

Капитан Сталвин и прочие подошли посмотреть.

— А, так это монах, — произнес капитан Сталвин, показывая на клочки коричневой сутаны. — Смотрите, вот его четки. Ха! Умер, не успев улечься в могилу. Ну вот и разгадка всех тайн.

— Нет, — выдавил Джессан едва ли не шепотом. — Кто его застрелил?

Все разом умолкли, уставясь на череп, в котором и правда зияла круглая дыра. Бисон кончиком сабли повернулся к черепу, и из глазницы выкатилась мушкетная пуля.

— И вот еще что, — продолжал Джессан по-прежнему тихо. — Он давно истлел. А сейчас-то что во-няст?

Джона прошиб ледяной пот, несмотря на жару. Бисон облизнул палец, поднял его и, обернувшись, посмотрел на джунгли, откуда дул ветер.

— Пахнет, однако же, не падалью, — пробормотал он.

— Падаль это или гнилая капуста, ближе я подходить не желаю, — заявил капитан Сталвин. — Давайте-ка тихо-мирно вернемся той же дорогой, какой пришли, ясно? Тихо и быстро, ребята. Моя удача нас выведет.

С этими словами он повернулся; но вдруг прогремел выстрел и швырнул его наземь, и в петлице у капитана, словно красная роза, расцвел фонтанчик крови.

Падая ничком на землю, Джон заметил, как в кустах кто-то пригнулся. Снова загрохотали выстрелы, словно стреляли трос или четверо — и все они засели в джунглях, откуда пираты только что вышли. Бисон прокричал команду, и Джон метнулся в заросли по другую сторону скелета монаха и распластался за поваленным деревом, куда Бисон успел первым. Джессап и Перкин лежали за таким же стволом в нескольких футах от них, а Кольер подбежал к ним, держась за руку, в которой застряла мушкетная пуля. Купера они больше не видели.

Когда Джон перекатился, чтобы прицелиться, Бисон уже успел перезарядить мушкет. Он положил ствол на бревно и выстрелил в заросли на другой стороне поляны. Джон зарядил свой мушкет и последовал его примеру, и Кольер с Перкином тоже, и несколько минут стояла оглушительная пальба. Мушкетные пули кромсали листву со всех сторон.

— Этот чертов испанец все-таки врал, — произнес Бисон, перезаряжая мушкет. — А я что говорил? Но кто же станет меня слушать...

Джессап подполз поближе и большим пальцем указал на деревья за спиной.

— Отступим туда, и можно будет добраться до другой стороны острова! Обойдем его и попадем к кораблю!

Бисон прицелился, выстрелил и только потом посмотрел, куда показывает Джессап.

— Ага, — согласился он.

Они отступили, отстреливаясь на ходу, и вскоре вышли из джунглей с другой стороны. Перед ними синело море, и это было замечательно... только вот тропа обрывалась на отвесном утесе. Бисон растерянно огляделясь, из джунглей им вслед раздалось еще два-три выстрела, но тут Джон заметил тропинку, которая тянулась за край утеса.

— Куда она ведет? — прокричал он.

— Там были... — начал Бисон, но тут в валун врезалась мушкетная пуля, и во все стороны полетели осколки.

Бисон пригнулся, и пираты побежали по тропинке под непрерывную ругасть Кольера — осколок камня сдланул его в ляжку. Тропинка ненадолго вывела их с линии огня, завернув за гору, но потом пошла вверх. Пираты карабкались по склону, подставляясь под выстрелы, но им несказанно повезло — преследователи могли бы прихлопнуть их, словно мух на стене, но не стали. Беглецы кучей перевалились за гребень, скатились по лабиринту кустарников и...

Джон застыл как вкопанный, и остальные налетели на него.

Пираты попали на прогалину, откуда и доносилась вонь. Вокруг центрального очага стояло три-четыре хижины. Вонь исходила от дымного костра, мерзкого отхожего места, полного до краев, горы рыбых костей и раковин моллюсков, а еще от распятого человека, который сох на солнце у края утеса.

При всем при том поселение излучало мир и покой. Морской ветерок трепал волосы мертвеца, море негром-

ко пенилось на рифах внизу, по соседству булькал ручеек... и раздавалось размеренное «тум-тум-тум» — так работают люди, которым некуда спешить. У входа в одну из хижин сидела индианка и толкла в ступе кореня.

Джон и остальные пираты словно окаменели — ведь наверняка она вот-вот поднимет голову и увидит их. Вот она подняла голову...

И не увидела их. У нее не было глаз. У нее и лица-то нормального не было.

— Господи Иисусе, — слабым голосом проговорил Джессап. — Черная оспа.

Джон схватил свою тряпку, пропитанную уксусом, и зажал ею нос и рот. Из другой хижины вышла еще одна женщина. Возможно, когда-то она была красива — с этими черными как вороново крыло и блестящими волосами, — но сейчас женщина ощупью пробиралась вдоль стены хижины к ручью, потому что на месте глаз у нее было два ярко-розовых шрама. Когда она нагнулась — совсем рядом, — чтобы зачерпнуть воды выдолбленной тыквой, Джон увидел, что нос и губы у нее тоже изъедены оспой.

Джон отвел глаза, но, наткнувшись взглядом на распятого беднягу, стал искать, куда еще посмотреть. Однако он успел заметить, что у несчастного черная борода и он раздет почти догола, если не считать набедренной повязки. Лицо ему деятельно расклевывала чайка...

Не может быть, чтобы он провисел целых семь лет, сообразил Джон. Монах уже давно превратился в чистенький скелет, а здесь свежее мясо.

— Они нас не видят, — не громче вздоха прошептал Бисон. — Мы пройдем деревню насеквоздь. Попшли. Тихо и быстро.

Пираты направились вперед, двигаясь как можно тише, и им пришлось по очереди пройти под крестом, стараясь не наступить на валявшиеся там ошметки. Джон

заметил блеск зелени и золота; Бисон тоже его заметил и нагнулся быстрее Джона. Он поднял находку на оборвавшей цепочке и рассмотрел ее. Это было распятие — точная копия того, которое спяли с испанца на галеоне.

— Вот что я вам скажу, — прошептал Бисон, — это был родной брат того ублюдка, и они таки вернулись сюда, но их тут ждали...

Дремавшая собака вскочила и яростно залаяла. Стая, которая толкла коренья, не обратила на нее внимания, — вероятно, она была не только слепая, но и глухая, — но женщина с тыквой вопросительно обернулась, и из хижин вышли еще две женщины. Они тоже были слепые, тоже страшно изуродованные. Женщины взяли палки и осторожно двинулись вперед, вытянув перед собой руки и помахивая палками. Собака прыгала и рычала, она перебегала от женщин к морякам с «Мартина Лютера» и обратно, указывая путь. Это могло бы быть забавно, но не было, волосы у Джона встали дыбом — с того времени, как его сослали на каторгу, он не видел ничего страшнее этих слепых женщин.

— Боже милостивый, — вздохнул Бисон и пристрелил собаку. — Бежим.

Джон несся далеко впереди прочих. Он горной козочкой скакал по тропинке, которая тянулась и по другую сторону деревни через узкую расщелину между склоном горы и утесами. Джон слышал за спиной пыхтение остальных, из-под ног летели камешки и сыпались вниз, на гальку у моря. Вскоре Джон услышал еще и выстрелы, но доносились они не сзади, а спереди. Затем раздался гулкий рев одной из пушек «Мартина Лютера».

— Сукины дсты! — задыхаясь, прокричал Бисон. — Шевелись, бычище!

Он отпихнулся Джона и побежал вперед. Пираты обогнули гору и увидели место, где стоял «Мартин

Лютер», только с другой стороны. Вот развалины часовни, а вот и шлюпка — на полдороге к «Мартину Лютеру» и битком набитая вооруженными людьми. На борту оставались только Калман и Джобсон, а у Калмана еще с того времени, как пираты захватили галеон, не двигалась левая рука. Они скорчились за большой цушкой на шкафуте, пытаясь поточнее навести ее на шлюпку, не подставившись под пули.

Бисон, на ходу перезаряжая мушкеты, подбежал поближе, чтобы оказаться на расстоянии выстрела от шлюпки. Когда один из сидевших в ней встал на колено на носу и прицелился в Джобсона, Бисон уложил его таким великолепным выстрелом, каких Джон в жизни не видел. Джон попробовал зарядить мушкет на бегу, но ничего у него не вышло, только весь измазался в порохе. Тут их нагнали Джессап и Перкин, а Кольер хромал за ними по пятам. Пираты заняли позиции за надгробиями и принялись лалить по шлюпке, молясь только об одном — чтобы у Калмана с Джобсоном хватило ума не потопить лодку восьмифунтовым ядром.

Минуту спустя все было кончено — людям в шлюпке пришлось стрелять сразу по двум мишеням, и они не справились. Когда выстрелы затихли, потери «Мартина Лютера» свелись к правому уху Кольера, которое почти целиком спесло пулей. Кольер рухнул наземь, истекая кровью, словно заколотый поросенок, и ругаясь последними словами, а Джон выглянул из-за надгробия брата Касильдо.

- На шлюпке никто не шевелится, — сказал он.
- А тот подонок, который висит на планшире?
- Я вижу в нем три дыры, — ответил Джон.

Он осторожно поднялся и вышел на берег. Остальные по одному поднимались и следовали за ним. Калман и Джобсон с корабля кричали им «ура» и махали шляпами.

- А как нам вернуть лодку? — спросил Перкин.
- Кто-нибудь умеет плавать?
- Я, — выразился Джон и тут же пожалел о своих словах, вспомнив печальную кончину Дулли.
- Тогда давай, — велел Бисон.

Снимая камзол и шляпу и скидывая башмаки, Джон помолился так, словно было воскресенье, — а это вполне могло быть и воскресенье. Вода оказалась чистой и прозрачной, совсем не как в грязной речушке Хакни-Брук, и синей-сишой, если не считать багрового пятна, которое расплывалось вокруг мертвеца, свесившегося с планишира. Должно быть, Господь услышал молитвы Джона и одобрительно кивнул, поскольку до лодки, всей в щепках и мушкетных пулях, Джон доплыл благополучно, хотя и пришлось, взираясь в нее, выкинуть за борт мертвеца.

Джон увидел, что неподалеку лицом вниз плавает еще два трупа. Еще трое лежали на дне лодки, изрешеченные в клочья, кроме одного рабого детины, который откинулся навзничь с открытыми глазами и остакленными зубами, зажав в кулаке кинжал...

Детина с криком сел, и Джон тоже закричал и перехватил его запястье, и несколько бесконечных секунд они боролись, причем Джону в ноги немилосердно впивалась банка. С берега загремели выстрелы, но пули, словно ичелы, проужжали мимо; наконец Джону удалось сломать мерзавцу запястье. Он отобрал у него нож и дважды всадил как раз туда, где, по его предположениям, должно было быть сердце, и тогда детина охнула и испустил дух. Джон вытащил его из лодки и сел, дрожа, несмотря на жаркое солнце.

Закончив блевать за борт, он стал гребти к берегу.

Джон часто думал о том, что стало с удачей капитана Сталвина, которая вроде бы кому-то улыбнулась.

Они все ломали над этим головы — уже после того, как избрали Бисона капитаном и уплыли подальше от острова; самой разумной признали идею Перкина — она состояла в том, что речь шла об их удаче, то есть об удаче всей команды. А значит, перемена к лучшему, в числе прочего, состояла и в том, чтобы избавиться от такого паскудника, как Сталвин.

Еще они раздумывали над тем, что же на самом деле произошло на острове, и сочинили об этом несколько разных историй, сидя под звездным небом на палубе и попивая ром. Самой правдоподобной им показалась история капитана Бисона — что на острове с индейцами остались надсмотрщики, которые были крепче и перенесли болезнь, и что они захватили себе индейских женщин, потому что им было наплевать, какие у тех лица, и убили брата Касильдо. Так они и жили, пока через семь лет не вернулись братья Клаверия Мартинес.

Вероятно, братья высадились на берег вооруженные, хотя и не ожидали никого застать в живых. Одного из братьев, видимо, захватили в илен со всем, что он взял на берег, в том числе с оружием и амуницией. Второй, видимо, сумел сбежать обратно в Картагену и через некоторое время сел на галеон, который и не поладил впоследствии с «Мартином Лютером».

Команда «Мартина Лютера» обсудила, что делать дальше. Кое-кто ратовал за то, чтобы высадиться в Порт-Ройяле, но это было делом рискованным — стоит ветру дипломатии подуть не в ту сторону, как на честного трудягу капитана напустятся морские пехотинцы с требованием всяческих комиссионных и конфискуют всю добычу, да к тому же, чего доброго, еще и вздернут в угоду испанцам.

Так что в конце концов пираты отправились на Тортугу, где всегда можно было найти кого-нибудь для серьезного делового разговора. Они сбыли с рук грузы с галеона, нашли покупателя на изумруды, а всю выручку до самого последнего пенни поделили поровну. Джон и Джессап отошли от разбогатевших матросов подальше. Карманы Джона так и лопались под тяжестью монет.

— Что ты сделаешь со своей долей? — спросил он Джессапа, когда они брали рядом.

Сквозь листву их манили желтые огни, и ароматы вкусной пищи и вышивки, и музыка. Джессап покачал головой.

— Возьму себе новое имя и больше никогда и ни за что не стану впутываться в такие дела, — сказал он. — Отправлюсь куда-нибудь, где меня ни единая душа не знает. Начну свое дело, заживу тихо и спокойно и помру богатым в собственной постели. И если у тебя, мальчик, есть хоть капля разумения, ты поступишь так же.

— Ага, конечно, — отозвался Джон.

Они расстались. Джон подумал над советом Джессапа и понял, что совет этот добрый, и услышал голос матушки, который шептал ему, что это добрый совет. Джон твердо решил ему последовать, но желтые огни так манили его, и слышался женский смех, и он рассудил, что сначала надо бы отметить свою удачу.

Джон познакомился с прехорошенькой шлюшкой-француженкой, которая показала ему, где подают лучшее черепаховое жаркое и где наливают лучший ром. Они провели вечер приятнейшим образом, по крайней мере, так вспоминалось потом Джону, и француженка показала ему еще много разных полезных вещей.

Наутро солнце светило слишком ярко, и Джон, похмельный и обобранный до нитки, бродил по берегу,

щурясь на все щегольские быстроходные суда, стоявшие там на якоре. Он надеялся отыскать кого-нибудь из команды «Мартина Лютера», кто был бы не прочь ссудить старого товарища парой монет. Таких он не нашел, зато скоро набрел на корабль, куда грузили бочонки с порохом, а рядом беседовали несколько человек, и вид их наводил на мысль о саблях, дыме и легкой наживе.

Некоторое время Джон прислушивался к их болтовне, потом вставил дружелюбное замечание. Малопомалу он присоединился к разговору, и очень скоро один из них спросил, не хочет ли Джон заключить соглашение.

Тот с благодарностью ответил, что да, очень даже хочет.

Корабль отплыл на следующий день, и не прошло и недели, как они захватили галеон, полный вина и шелка.

ГОВАРД УОЛДРОП

Отставить на корме!

Ваше величество, «Фартучек» нагоняет! — проорал боцман.

Пиратский король уставил подзорную трубу за корму.

— Поднять большие паруса! — рявкнул он. — И намочить!

На палубе замельтила команда — доставали парусину, приматывали к ведрам трос, швыряли их за борт и поднимали уже с морской водой. Другие взбирались по вантам, разворачивали паруса, втягивали на верх ведра и окатывали водой наполненные ветром полотнища.

За несколько секунд палуба стала скользкой, как насолидоленная.

— Боцман, проверьте груз! — приказал Пиратский король.

Грузом были пять генеральских дочерей. Они устроили пикник на берегу, как раз когда пираты отыгались из Пензанса на похищенном корабле. Спустить на воду вельбот, дойти до берега на веслах и схватить девиц было минутным делом. За них можно будет получить крупный выкуп; неплохое начало после стольких лет в отрыве от моря и от пиратства.

На самом деле все пираты были потомственными лордами, которые много лет назад свернули на кривую дорожку и занялись морским разбоем, но и в этом не преуспели — мешала излишняя чувствительность. Очередное из множества разочарований; что ж, они снова перековались и заняли прежнее положение в обществе.

По — опять неудача. И вот пару недель назад, собравшись всей компанией, они вдруг решили украсть корабль и взяться за старое.

— Неплохо для первого рабочего дня! — провозгласил Пиратский король. — До берега далеко, добычи полный трюм. Если бы только не чертов Рэкстро с его «Фартучком». На таком курсе он украдет у нас весь ветер.

Он опустил подзорную трубу, а корабль иссся на всех намоченных парусах; изломанный силуэт «Фартучка» превращался в точку на горизонте.

Команда, воспользовавшись передышкой, собралась вокруг Пиратского короля.

— Ваше величество, — произнес боцман, — мы никогда не слышали, как вы сами стали пиратом.

— Серьезно? — отозвался Пиратский король. — Уверен, моя история немногим отличается от вашей. Предпоследний сын, пэрство не светит ни при каком раскладе, от семейного состояния мало что осталось после огораживания да индустриализации...

Где-то на борту губая гармошка завела веселую мелодию, и Король начал приплясывать:

Когда я несмышеный был, но многих пободрей,
Папаша мой отдал меня служить на корабле.
Я порох...

— Ваше величество! — проорал боцман, единственный из всей команды не толпившийся вокруг Пиратского короля, и опустил подзорную трубу. — «Фартучек» опять нагоняет!

— Шевелись, ребята! И молитесь, чтобы ветер усилился. Песни и пляски продолжим, когда пробьет восемь склянок, невзирая на неприятеля и абордаж.

Подняв все паруса и намочив их, команда «Фартучка» собралась вокруг капитана Рэкстро, который рассказывал, как попал служить на флот. На нижней палубе играл аккордеон, и капитан Рэкстро слегка приплясывал. Он описывал себя двенадцатилетнего:

Я порох к пушкам подносил, мотался вверх и вниз.
Как Лондон выглядит, забыл, пока...

— Капитан, капитан! — проорал первый помощник. — Мы опять нагоняем пиратскую посудину!

— Земля! — проорал впередсмотрящий из «вороньего гнезда». — Пираты идут к берегу! Два румба справа по носу.

Аккордеон умолк, и собравшаяся кругом команда издала вздох разочарования.

— Простите, ребята, — сказал Ральф Рэкстро. — Когда я сам был таким же, как вы, мы тоже обожали петь. Ничего, еще поголосим — сначала только спасем кос-каких пленников и повесим несколько пиратов.

— Дым! — проорал впередсмотрящий. — Дым на острове.

Рэкстро поднес к глазу подзорную трубу. Остров казался кропечным пятнышком, но над ним поднимался столб дыма. Затем с левого края пятнышка поднялся другой столб дыма, посветлее.

— Ответный дым! — крикнул впередсмотрящий. — Те же четыре больших клуба и один маленький.

— Это не кратер вулкана, — сказал Пиратский король. — На острове люди, и они нас заметили. — Он

обернулся и посмотрел на растущий за кормой «Фартучек». — Можно пройти вдоль берега, прикрыть борт и дать «Фартучку» бой, хотя пушек у них побольше... Принесите карты! — скомандовал он. — А то не хотелось бы пристать к британской базе снабжения. Насколько я помню, здесь на шестьсот лиг не должно быть никакой земли.

— Я не знаю этого острова, и его нет на картах, — сказал боцман капитану Рэкстро. — Мы вдали от основных маршрутов, Канары и Азоры позади и гораздо южнее, а до Бермуд тысяча миль на западо-юго-запад.

Команда, включая Дика Мертвый Глаз (которого остальные почему-то терпеть не могли), собралась вокруг них, рассчитывая хотя бы на шенти, несмотря на недавние слова капитана. Когда же никто так и не запел, они удрученно разбрелись по своим постам.

— Орудия к бою! — сказал Ральф Рэкстро. — Он повернется бортом к берегу, на другой борт выставит самые тяжелые пушки и пойдет по мелководью, чтобы мы не смогли его прищучить. Рулевой, виси у него на хвосте, как будто он лиса в поисках норы, а мы — поджарая гончая.

— Есть, сэр!

Остров увеличивался, продолжая дымить с обоих концов.

— Они явно переговариваются, — сказал боцман Пиратскому королю.

— Что да то да, и остров-то совсем крошечный. С типичной высокой горой посередине. Глубина здесь на картах не обозначена, выходит, остров наподобие тех тихоокеанских, которые поднимаются на несколько миль прямо от морского дна. Для Атлантики совер-

шенно нетипично. Похоже, весь остров — просто кольцо земли вокруг горной вершины. — Он опустил подзорную трубу. — Кажется, я видел с той стороны водопад, и остров обитаемый, значит, здесь должна быть пресная вода. Если разберемся с «Фартучком», можно будет хотя бы наполнить все бочки и подготовиться к дальнему плаванию куда-нибудь.

Корабль приближался к острову.

— Начать промеры! Рулевой! Правь вон на ту выемку слева по курсу, бухту или залив. Орудия к бою! Пошевеливайтесь, лорды!

— Готовься к бою! — прокричал капитан Рэкстро на борту «Фартучка». — Раздать боеприпасы! Стрелки, по реям!

Матросы замельтешили, как муравьи, стали карабкаться по выбленкам. Подносчики пороха скрылись в трюме и, возвратившись с длинными цилиндрами, принялись передавать их стрелкам наверх.

Дик Мертвый Глаз восхищался их слаженностью, приматывая деревянный желоб к фор-стеньге. Эти новые боеприпасы потопят любую пиратскую посудину. Он кивнул небесам, благодаря того, кто в ответе за науку и все такое прочее...

Краденый корабль давно обогнул мыс. Остров приближался — такой же, о каких он слышал от матросов старого Кука. В небе клубились дым и ответный дым.

Корабль Пиратского короля обогнул мыс на левом траверзе, и впередсмотрящий проорал:

— На камнях женщины!

Пискнув, как мышь, полуголая девушка соскользнула с камня посреди бухты. Она ударила по воде длинным зеленым хвостом. И тут же вступил визгли-

вый хор, подобно пружинам скрипучего матраса: поднимая султаны брызг, словно гревшиеся на солнце черепахи, потревоженные выдрой, десятки и десятки рыболовных девушки соскальзывали с камней в лагуну. Они бросили то, чем занимались, оставив на валунах фрукты, мандолины и недоеденные устрицы. Миг — и будто их не было.

Наверху на горе клубилось все больше и больше дыма.

— Были да сплыли! — донесся крик впередсмотрящего.

— «Были да сплыли»? — проорал Пиратский король. — Дружище, вы же учились в Итоне! Где ваш безупречный язык?

— Прошу прощения, сэр! — выкрикнул впередсмотрящий. — Краткость — сестра таланта, и я подумал, что сигнал важнее шума. Особи женского пола — что, сэр, странно само по себе, — лежавшие прежде на камнях посреди бухты, кажется, отбыли.

— Вперед последите, чтобы краткость иногда оттенялась союзами и герундиями, — сказал его командир.

— Есть, сэр! — выкрикнул впередсмотрящий. — И вам тоже доброго дня, сэр!

Когда «Фартучек» огибал мыс, впередсмотрящий прокричал, что вокруг плавают женщины.

— Женщины? — возопил Рэкстро. — Нам следует быть крайне осторожными, чтобы они не оказались на линии огня, когда мы вступим в бой.

«Женщины?» — думала команда. Сильнее цепи их привлекала лишь перспектива встречи с одинокими женщинами на далеких островах.

Тут и там из воды показывались длинноволосые головы, затем ныряли и снова всыпывали, уже в сотне-другой ярдов.

— Ну они и плавают! — сказал Рэкстро первому помощнику.

На другой стороне острова в глубине лагуны, там, где ручей сливался с речкой перед ее впадением в бухту, обнаружился еще один пиратский корабль. Он стоял на якоре, и якорная цепь скрипела, натянутая речным течением. День был постирочный, реи — увешаны штанами, куртками, жилетами и головными платками.

— Ну я и утомился! — сказал боцман первому помощнику. — Не уставал так с самой Африки, когда мы три дня ползли по мелям на якоре после недели полного штиля.

— Мне-то зачем об этом рассказывать? — спросил первый помощник. — Я там был.

— Просто коротаем время, дожидаясь капитанского разрешения, причем давно, — отозвался боцман.

— Что-то напугало рыбодев! — проорал впередсмотрящий. — Со стороны моря.

Капитан в щегольском придворном наряде из запрошлого века выбежал из своей каюты, где добавлял завершающие штрихи к рукописи, озаглавленной «Великий крокодил времени». Он собирался отослать ее секретарю Королевского научного общества, как только они войдут в какой-нибудь цивилизованный порт. Он рассчитывал на публикацию в «Трудах КНО». Ведь прежде чем заняться разбоем, он был действительным членом Общества. Он рассек воздух своим огромным крюком:

— Спустить белье! Поднять якорь! Пушки к бою!

На вантах замельтешила команда. Недосохшая одежда просыпалась разноцветным дождем, как подарки из детского праздничного набора. По палубе раскатились ядра, матросы отпрыгивали и уворачивались.

— Отойти от берега, чтобы ничто не заслоняло ли-нию огня! — проорал капитан. — А вдруг это Маль-чик — хотя рыбоньки обычно его не пугаются. — Он поднял взгляд на заросшую лесом гору. — Индейцы точно возбудились, — сказал он и расчесал усы своим блестящим крюком. — Сегодня, похоже, выдастся ин-тересный денек, для разнообразия.

— Так точно, капитан, — сказал первый помощник.

Когда «Фартучек» обогнул мыс, Дик Мертвый Глаз застыл как громом пораженный. Ему казалось, он гре-зит наяву; он будто достиг высшего состояния созна-ния, испытал прорыв восприятия и сдвиг парадигмы. Он словно дважды подряд ощущил дежавю.

Он вдруг узнал этот остров — как будто уже бывал здесь или родился на нем, но много лет не видел. Он узнал бухту, камни с раскиданными по ним музыкаль-ными инструментами и надкусенными фруктами, плав-ный изгиб лагуны, лес на горе, далекие столбы дыма от сигнальных костров.

Как будто давным-давно слышал о нем в колы-бельной.

И тут он вспомнил — и устремился к судовому портному, чье место по боевому расписанию было в ан-тиабордажной команде правого борта.

— Карманы! — проорал Дик Мертвый Глаз. — Сней кучу карманов! От карманов они без ума!

— Чего-чего? — спросил помощник портного. — Ка-кие именно карманы? Из какого материала одежда? Карманы же не просто шьются, знаешь-понимаешь. Они вшиваются.

Дик Мертвый Глаз что есть силы напряг сообра-жение.

— Броде бы из меха. Из шкур! Своих карманов у них нет.

— О ком мы вообще говорим? — вступил в разговор сам портной, воткнув свою саблю в палубу «Фартучка».

— О мальчиках! — ответил Дик Мертвый Глаз. — О мальчиках, оставшихся без родителей и опеки, о мальчиках, с которыми в нежном возрасте случился колясочный казус. Насколько я слышал.

— Так надо найти этих мальчиков — обмерим их, обмерим их одежду, а там и с карманами разберемся, — сказал судовой портной.

— Я хорошо заплачу за карманы, — произнес Дик Мертвый Глаз. — Выложим их на берегу, на обмен, посмотрим, сколько возьмут, сошьем еще.

— Ты же слышал, — разозлился портной, — карманы не шьют, а вшивают. Тебе нужны не карманы, а сумки, мешки, портмоне.

— Нет, это вряд ли. Я уверен, им не хватает именно карманов, — сказал Дик Мертвый Глаз.

— Ладио, потом поговорим, — сказал портной. — Разберемся сперва с пиратами.

Дик Мертвый Глаз опять взобрался на фор-стеньгу. Ну и трусы, боятся сплыть несколько десятков карманов. Вся команда его ненавидит. Может, они просто не любят, когда наступает их очередь сидеть в бочке.

— У них поднят «веселый роджер»! — крикнул капитану впередсмотрящий и развернул подзорную трубу к морю. — А на хвосте висит фрегат британских ВМС.

— Топим обоих, — сообщил крюкорукий капитан, глядя на приближающуюся пиратскую посудину. — Поднять «веселого роджера» с короной в моем присутствии — экий наглец! А корабли ВМС я топлю из принципа.

— Есть, капитан! — проорала команда.

— Выкатить Большого Вилли! — проорал капитан.

Команда заворчала, но бросилась исполнять. Большой Вилли хранился в районе миделя, направленный вперед, и занимал все отделение. С левого борта отодвигались две пансли, у правого борта шли направляющие, к которым пушку можно было подкатить. Когда Большого Вилли устанавливали в боское положение, его казенник находился где-то у середины палубы, и корабль кренился на тот борт, куда указывало дуло. Это была самая большая пушка на всех морях.

— Ствол налево! — проорал капитан, указывая крюком.

Они снова заворчали, но при помощи рычагов и какой-то материи развернули Большого Вилли на сто восемьдесят градусов.

— Для первого залпа, — скомандовал капитан, — зарядить шрапнелью!

Они заворчали еще громче. Зачем вообще нужна самая большая морская пушка, если все равно подходишь на дистанцию ближнего боя и используешь ее как гигантский дробовик? Почему бы не потопить засранцев крупнокалиберной болванкой этак с мили? Но все равно принялись поднимать на палубу ящики с ломанными подковами и лопнувшими якорными цепями, купленные в последнем порту, и запихивать все это хозяйство Большому Вилли в глотку.

Они еще не увидели устья реки, а Пиратский король распорядился:

— Бросаем якорь здесь! Выкатить все пушки к левому борту. Двухфунтовики — наверх. Сейчас Рэкстро у нас попляшет! Боцман — с заложницами на берег, и охранять их как зепицу ока.

Задудели дудки, засвистели свистки. Сапоги затопали. Левый борт ощетинился пушками и ручным стрелковым.

— Как я и думал, — сказал Рэкстро. — Они встают правым бортом к острову. Отлично, готовьте залп.

Дик Мертвый Глаз наверху вложил ракету в деревянный желоб. Хорошо, что Лютик раздобыла им эти штуки. Ракеты Конгрива состоят на вооружении ВМС, достать их не проблема. Эти же были новые, системы Хейла, со стабилизацией вращением благодаря спиральным выхлопным каналыцам, позволявшим обойтись без длинных неудобных пистов. Дик надел кожаный плащ и защитную маску с большими слюдяными стеклами и принялся ждать команды капитана Рэкстро. В боксомплект входило еще пять ракет.

— Стреляем залпом по команде, — сказал Рэкстро и посмотрел в подзорную трубу. — Огонь!

Огненные линии прочертили небо, сходясь на пиратской посудине. Затем с короткими промежутками последовали еще пять залпов.

— Черт побери! — воскликнул Пиратский король. — Никто же давным-давно не использует ракеты в бою, я думал, только сигнальные и остались. — Он втянул голову в плечи, когда низколетящая ракета размером с человека прошла над самой палубой. — Что мы, туземцы какие, пугаться грома и дыма?

— Прошу прощения, ваше величество, — сказал первый помощник, — но наши паруса, такелаж и мачты охвачены огнем.

— Потушить долбаный огонь! — заорал Пиратский король. — Приготовьтесь к залпу!

Тут прогремел ужасный взрыв, который смел с палубы мачты, паруса и всю команду Пиратского короля.

— Что это, черт побери, было? — спросил Рэкстри. — Они взяли и взорвались. Сами, что ли, запалили крюйт-камеру?

— Вот так-так, — сказал первый помощник. — Сэр, смотрите.

И за краденым кораблем, за призрачным лесом переломанного рангоута и горящей парусины сквозь дым прорвался еще один, больший корабль с огромной пушкой у левого борта. На нем был тоже поднят «веселый роджер». И второй пират приближался.

Тем временем на горе сигнальные дымы становились все более нервическими.

День был хороший, с ярким солнцем и лишь отдельными облачками, идеальный день для стирки, индейских танцев и загорающих русалок.

— Буря с кормы! — крикнул впередсмотрящий крюкорукому капитану.

Команда ждала, пока Большой Вилли остынет, прежде чем снова загрузить его мешками с порохом.

— Буря?! — проорал капитан. — Мы уже пять месяцев не видели ни бури, ни ветерка. Чекко, что ты пил?

— Ничего я не пил и не вру! — проорал итальянец. — Если я говорю «буря», значит, буря.

Капитан не знал, что и подумать.

— На палубе! — крикнул он. — Принайтовить все и готовиться к залпу — одновременно!

Команда посмотрела на него.

— Вы слышали капитана! — проорал первый помощник, озадаченный не меньше команды. — Каждый, кто ослушается приказа, отведает крюка!

Все попытались делать по три дела одновременно. Удивительно, что никому не приколотили к палубе ногу или руку, в такой-то спешке.

— Вот и буря! — проорал впередсмотрящий, а ветер сорвал все их шапки и головные платки.

Стало темно, как в полночь у Сильвера под сковородкой. Все уцепились кто за что мог — за релинг, за такелаж, друг за друга. Ураган всеногил лагуну. Фрегат ВМС исчез за пелсной обломков и водяной пыли — он мог быть где угодно. Даже кричать было бесполезно: ветер уносил слова, как клочки бумаги.

Как только впередсмотрящий предупредил, что идет буря, Рэкстро приказал все принайтовить, убрать фитили вниз и всем спуститься с реев. Буря обрушилась, как ураган, который потрепал «Фартучек» еще при Коркоране шесть лет назад. Корабль цырынуло чуть не на кабельтов.

— Отдать запасной становой якорь! — крикнул команда Рэкстро.

По крайней мере их не расшибет о камни, даже если потреплет.

Команда напряженно замерла у релинга. Все орудийные порты с правого борта, где был первый пирагский корабль, оставались открыты. Сквозь дождевую ислену размыто мерцало желто-оранжевое сияние — наверное, он там горел.

— Как только пронесет, — крикнул Рэкстро боцману, — готовьтесь подобрать заложниц с берега.

— Слушаюсь, сэр. Если только их тоже не сдует, — ответил боцман.

Из плотной клубящейся водяной пылеси с наветренной стороны возник, увеличиваясь, размытый силуэт. Через миг он оформился во второй пиратский корабль, бортом надвигавшийся на «Фартучек».

Все до единого на обоих судах воинственно заво-
пили, готовые разрядить свои пистолеты, ружья, пуш-
ки. Дело обещало быть кровавым.

И тут оба впередсмотрящих одновременно про-
орали:

— ГОСПОДИ БОЖЕ!!!

Все повернулись в сторону моря.

Огромный черный галеон позапрошлого века, с уб-
ранными парусами, двигался против ветра, окружен-
ный огнями святого Эльма, струя за собой хвост гас-
нувших искр.

Все на фрегате британских ВМС и на большом пиратском корабле замерли, пытаясь отвести глаза (как будто могли не смотреть). Галеон прошел мимо, буря сорвалась с его кормы и сдулась где-то на западе. Вышло солнце, сверху закричала чайка.

В неподвижном воздухе разнесся звук тамтамов.

— На якорную стоянку к речному устью! — проорал крюкорукий капитан.

— Приготовиться подобрать заложниц! — проорал Рэкстро.

«Фартучек» и пиратский корабль разошлись, словно забыв друг о друге.

Закат. «Фартучек» подобрал заложниц и направил-
ся обратно в Уэльс.

Корабль крюкорукого капитана стоял на якоре в устье реки. В лагуне русалки опять вылезли на камни и пели друг дружке песни.

— Эгегей! — крикнул впередсмотрящий Джукс. — Четыре точки с искрой к западу!

— Он вернулся! — проорал крюкорукий капитан. — Теперь не уйдет! Приготовить Большого Вилли! Он так и остался заряжен. Максимальное возвышение, стрелять паверняка!

Команда принялась крутить механизм вертикальной паводки.

Точки увеличивались на фоне темнеющего востока. Искра мельтешила вокруг них, как электрон по орбите (в модели Резерфорда).

— Огонь! — проорал капитан, махнув крюком.

И Большой Вилли с оглушительным грохотом харкнул в небосвод гвоздями и подковами, как дробью по куропаткам.

Далеко на востоке «Фартучек» шел к своему порту. Рэкстро и офицеры танцевали с генеральскими дочерьми. С релингов и такелажа свисали фонари, аккордеоны состязались со скрипками и гитарами; вступила губная гармошка. На палубе царило веселье, команда подпевала сентиментальным балладам, которые знала наизусть.

Наверху в «вороньем гнезде» Дик Мертвый Глаз облокотился об ограждение. Он смотрел на запад, за корку, и мир острова расплывался, как полуза забытый сон.

Дик Мертвый Глаз плакал.

От переводчика

В этом рассказывает Уоддрон сводит героев двух оперетт У. Гилберта и А. Салливена — «Пензанские пираты» (1879) и «Корабль его величества „Фартучек“» (1878), причем сводит не где-нибудь, а у острова Гестотам (тж. страна Небыляндия) из «Ингера Пэна» Дж. Барри — острова вечного детства, где живут индейцы, русалки, вышавшие из колясок в Кенсингтонском саду мальчишки без единого кармана и пираты (капитан Крюк, итальянский метатель ножей Чекко, Билл Джукс и др.), острова, где капитана Крюка подстерегает съевший его руку с тикающими часами крокодил. Сюжет «Пензанских пиратов» строится вокруг похищения этими заблудшими аристократами под предводительством Пиратского короля дочерей генерал-майора

Стенли, устроивших пикник на корнуоллском берегу. Из «Корабля его величества „Фартучек“» пришли капитан Ральф Рэкстро, сменивший на этом посту капитана Коркорана (а тот, в свою очередь, занял Ральфову матросскую должность и женился на перепутавшей их в детстве цыганке-торговке миссис Криппс по прозванию Крошка Лютик) и женившийся на его дочери, и ненавидимый остальной командой уродец Дик Мертвый Глаз (Dick Deadeye, причем слово «dead-eye» обозначает как снайпера, так и деталь корабельного такелажа — юферс), пытавшийся расстроить союз Рэкстро и Джозефины Коркоран. Песня, которую запевают на с. 82 и 83. Пиратский король и Рэкстро, — это вариация на тему партии военно-морского министра Джозефа Портгера из «Фартучка» («When I was a lad...»). Упоминающиеся на с. 91 пороховые ракеты Уильяма Конгрива (1772—1828) и Уильяма Хейла (1797—1870) действительно состояли на вооружении британской армии и флота — соответственно в начале и середине XIX века. Ну а мысль Дика Мертвый Глаз «Может, они просто не любят, когда наступает их очередь сидеть в бочке» (с. 89) отсылает к скабрезному анекдоту, известному у нас в версии про поручика Ржевского (*Google в помощь*).

КЕЛАИ БАРНХИЛЛ

Плач по Габриэль, святой покровительнице лекарей, шлюх и добрых воров

Примечание издателя: Нижеследующие страницы найдены были в пещере на островке в одиннадцати милях к юго-западу от Барбадоса. Повествование, несомненно, неполно и обрывочно, и содержание его неправдоподобно. В списках Свято-Покровского монастыря за соответствующие годы брат Марсель Рено не значится. Есть сведения, что в Сен-Пьерре в 1678 году был издан приказ о казни Габриэль Белайн, но документов о самой казни не существует. Часть записей не поддается расшифровке. Часть написки утрачена. Большая часть повести, если не вся она, — явный вымысел, бред обезумевшего от жажды моряка. Что касается обстоятельств, при которых были найдены эти записки, они тоже весьма загадочны. Их обнаружили в сухой,укрытой от ветра пещере, совершенно пустой, за исключением трех вещей: человеческого скелета, свернувшегося в углу в положении спящего, пряди человеческих волос длиной два фута, туго переплетенной с лентой и обрывком веревки и лежащей в руке мертвеца, и промасленного киперного ящичка из тикового дерева, в котором и нашли этот документ. На крыльшке ящичка было грубо выцарапано, очевидно, тупым ножом или обломком камня: «Bon Soir, Papa»¹.

Не знаю, прочтет ли кто-нибудь слова, что я напишу на бумагу. Наш орден уже тысячу лет переписывает, переводит и хранит слова — слово Божье и слова

¹ «Доброй ночи, папа» (фр.).

человеческие. Я же, затерянный в пустыне между водой, ветрами и бесконечным небом, описываю собственное исчезновение, и потому мои последние записи, по всей вероятности, будут размыты и унесены в отверстую пасть алчного моря.

У меня сизмальства был красивый почерк, отсюда и избранное мною занятие. Слово Божье заслуживает, чтобы его переписывали тонким пером, уверенной рукой наносили на бумагу, передавая языку и памяти. Конечно, это древнее искусство становится ненужным с изобретением новых машин. И все же переписанные мною псалмы вызывали слезы даже на глазах людей, не знавших грамоты. Эти псалмы склоняли к исповеди принцев и помогали сберечь честь девам, готовым сбиться с пути. Я не хвастаю — что толку мне ныне в бахвальстве? Жизнь моя уходит, как вода с отливом, и буду ли я тратить силы на притворную скромность и на тайную гордыню! Я стал монахом, чтобы сложить труды моих рук и молитвы сердца к ногам Спасителя. Этим я и занимался с тех пор, как принял сан. Но бывало, что я оставлял свои труды. Простит меня за то Бог или не простит — не мне судить.

Я записываю сии слова не для того, чтобы обелить себя, и даже не ради спасения моей возлюбленной Габриэль. Габриэль раз и навсегда доказала, что не желает моей помощи и не нуждается в ней. Отчего бы ей обращаться ко мне? Кому я нужен?

За два дня до казни Габриэль Белайн (пиратки, ведьмы, мятежницы) золотая птица пролетела низко над рыбным рынком, напугав четырех мулов, десяток кур, несчитанных хозяек и лорда верховного констебля. Она описывала широкие круги, уходя выше и выше, и наконец взмыла к окну башни, где ожидала конца моя возлюбленная Габриэль. Люди рассказывают, что она

подошла к окну и тень тюремной решетки рассекла ее прекрасное лицо. Люди рассказывают, что она протянула тонкую руку в пежных веснушках к клюву птицы. Люди рассказывают, что она запела. Я стоял под сводами ворот, упрашивая двоих стражников передать пищу, воду и Святые Дары за порог окованной железом деревянной двери, отрезавшей Габриэль от мира. Я не видел птицы. Я не слышал песни. Но я верю, что птица и песня воистину были. Такова, конечно, природа бытия — мы верим, и оно есть. Быть может, Господь отвернется от меня за подобную ересь, но клянусь, это правда. Габриэль, подобно ее матери, была святой, посланной явить людям силу Господню. Люди верили этому, и это было истиной, и никакие доказательства бессовестной власти чиновников, правительства и государства не разрушат эту веру.

Габриэль Белайн было десять лет, когда она ушла из хижины, где жила с матерью, за «веселым домом» на берег. Луна, тонкая блестка в небесах, бросала бледный от свет на опененный песок. Девочка всмотрелась. Корабль, скрытый тьмой, еще не ушел. Его черные паруса были свернуты и пришиты к реям, смоленый корпус поскрипывал на волнах. Она его *чувствовала*. Она всегда его чувствовала. Даже когда он уходил в дальнюю даль, в Португалию, или к острову Пасхи, или к дальней оконечности материка, она каждую минуту знала, где он теперь. И знала, что это *её* корабль.

Четыре дельфина подпрыгивали на волнах, ожидая, пока дитя войдет в воду. Они безмолвствовали, и только их черные глаза блестели в пене прибоя. Большая дворняга жалобно заскулила и потерлась носом о ее плечо.

— Я не могу тебя взять, — сказала девочка.

Собака рыкнула в ответ.

Габриэль пожала плечами.

— Хорошо, — сказала она, — как знаешь. Я тебя до-
жидаться не стану.

Она вошла в воду, уцепилась за плавник дельфи-
на и унеслась во тьму, а дворняжка, шлепая лапами,
устремилась за ней вплавь.

Моряки на затихшей налубе вглядывались в небо,
слушали ветер. Они ждали. Они ждали уже десять лет.

К тринадцати годам Габриэль стала штурманом.
В пятнадцать она была капитаном, грозой властей, куп-
цов и работников. В восемнадцать лет она попала в
тюрьму — ее держали в цепях, морили голодом, ее об-
мерили и взвесили для виселицы.

Ночью я вижу их руки. Лиц мне не видно. Я мол-
люсь, заклиная последними обрывками дыхания, сук-
ровицей, пропивающей на моем ободранном теле, ос-
татком своей никчемной жизни, чтобы перед смертью
мне дано было снова увидеть их лица. Пока приходит-
ся довольствоваться руками. Руками Габриэль, грозив-
шей губернаторам, генералам и самому королю, и ру-
ками ее матери, исцелявшей, молившейся и, помоги
мне Боже, любившей меня. Однажды. О! Однажды!

Мать Габриэль, Маргарет Белайн, отправилась из
Франции на Мартинику под защитой и ощекой моего
ордена. Мы плыли за океан, дабы основать новую
тврдыню молитвы и учения на пыщных, благоухан-
ных и грешных островах Нового Света. Мы не наме-
ревались давать приют беглецам и тем более беглян-
кам. Об аресте Маргарет мы узнали от сестер Семи
Скорбей. Иные из них прислуживали новой и самой
любимой возлюбленной молодого и простодушного
короля. В первом браке та сумела выносить дитя, но

детей от короля се чрево не держало, и багровые скорченные младенцы утекали в ветошь при месячных под плач и стенания в королевских покоях. Маргарет призвали к ложу любовницы, когда у той вновь начались схватки.

— Прошу тебя, — молила любовница, и слезы катились по ее алебастровым щекам. — Прошу тебя, — говорила она, и ее мраморные губы, застывшие в надменной усмешке, дрожали, трескались, разбивались вдребезги.

Маргарет положила ладонь на чрево королевской возлюбленной. Она видела дитя, свернувшееся в комок в жидкому мирке. Она знала, что чрево не удержит младенца. И все же она видела, что это возможно, что путь к исцелению открыт и что дитя можно спасти, доносить до родов, если немедля предпринять кое-что.

Но она видела больше того.

Она еще видела ребенка, сго жадные руки, его холодный-холодный глаз. Она видела, как дитя, взрослая, восседает на престоле власти, загребая под седалище богатства и военную силу. Она видела, как дитя вонзает зубы в трепещущий мир и вырывает его сердце.

— Я не могу спасти ребенка, — сказала Маргарет, потупив зеленые, как лист, глаза.

— Можешь, — сказала любовница, и ее мраморные губы вновь стали цельными. Холод власти растоптал горе. — И спасешь.

Но она не стала и потому была заключена в узилище на все время беременности, после чего ее должны были повесить как убийцу, если бы дитя не выжило, или как шарлатанку, если бы ребенок остался жить.

Он не выжил. Но Маргарет помогли бежать, в чужом платье тайно доставили на корабль отправляющихся в плавание братьев, прежде чем дворец оделся в траур.

На одиннадцатый день нашего плавания Маргарет допустила меня к себе. На восемнадцатый день шторм обрушился с ясного неба, швыряя наш корабль на гребнях ревущих валов и поразив молнией палубу по правому борту.

И люди, видя рожденное ею дитя со сверкающими глазами, спрашивали, любовником оно зачато или молнией?

Габриэль. Моя дочь. Я должен бы сказать — плод моего греха, но не могу. Может ли грех породить такое дитя?

Наутро тридцать первого дня вдали показались черные паруса. К полудню мы уже различали блеск криевых мечей и щербатый оскал хищных зубов. В час полудни нас взяли на бордаж, и они взобрались к нам на борт. Мы заранее выставили на палубе еду и напитки и открыли несколько — хотя и не все — сундуки с монетой. Золото сверкало на солнце. Мы жались к гроб-мачте, пальцы наши отсчитывали молитву за молитвой на потертых четках. Я потянулся к Маргарет, но она скрылась.

С их корабля на наш перепрыгнул мужчина. Человек со сморщенным лицом, с глазами без ресниц, холодно глядевшими из-под нависшего лба, с губами, стиснутыми, словно уродливый рваный порез между беспощадными челюстями. Рот как незажившая рана.

Маргарет появилась и встала перед ним.

— Ты — он, — сказала она.

Он уставился на нее, любопытство чуть смягчило холод его глаз.

— Я, — сказал он.

Конечно, он был горд. Кем еще он мог быть? И главное, мог ли он не желать быть им? Он протянул руку к монашескому капюшону, покрывавшему ее го-

лову и затенявшему лицо, и отбросил его. Ее волосы цвета пшеницы рассыпались, хлынули по грубой ткани, скрывавшей от мира ее тело, собирались ручьями в ладонях и упали к ногам.

— А ты, как видно, она.

Вместо ответа она коснулась ладонями его лица. Она пристально вглядывалась в его лицо, и он отвечал на ее взгляд. Его жесткие глаза посветлели от слез.

— Ты болен, — сказала она. — Болеешь уже... так долго. И еще в тебе горе. Горя я не могу исцелить, но могу вылечить болезнь. Он тоже страдает. — Она указала на рабого от осны мужчину, приставившего нож к горлу нашего дражайшего аббата. — И он, и он.

Она указала еще на двоих.

Шагнув к самому молодому, который, позеленев, привалился к планширу, она положила ладонь сму на плечо:

— Тебя, любовь моя, я спасти не смогу. Мне так жаль. — Слезы скатились по ее лицу цвета сливок и мускатного ореха. Тот, совсем еще мальчик, горестно склонил голову. — Но я могу сделать, чтобы не было больно.

Она сжала его руку в своих. Она коснулась губами гладкой загорелой щеки, поцеловала его. Он кивнул и улыбнулся.

Маргарет приказала спустить за борт ведро и достать морской воды. Она поставила ведро у ног капитана. Обмакнув руку в воду, она смочила ему голову, потом кисти рук и ступни. Она приложилась ухом к его шее, к его сердцу, ладонь к животу. Затем, левой рукой зачерпнув морской воды, она попросила капитана пиратов плюнуть в середину. Он послушался, и вода сразу стала светом, и свет стал пухом, а пух стал красной птицей с зеленым клювом, прокричавшей небу ее имя. Птица взлетела вверх, описала круг над

грот-мачтой и, кружка, опустилась на правое плечо капитана.

— Береги ее, — сказала она капитану.

Так она исцелила и остальных болеющих и утешила боль умирающего, давая каждому своего фамильяра¹: одноглазого кота, рыбку, которая дышала воздухом, голубого альбатроса и серебристую змею.

Закончив, она повернулась к капитану:

— Теперь вы вернетесь на свой корабль, а мы продолжим наше плавание?

Капитан кивнул и улыбнулся:

— Конечно, мадам. Но дитя, что вы носите, вернется к нам. Когда она подрастет, мы не придем за ней, в том не будет нужды. Она найдет нас.

Маргарет моргнула, до крови прикусила губу и, не сказав ни слова, вернулась в трюм. И не показывалась оттуда, пока мы не причалили.

Братья, прибывшие ранее, встретили нас на причале и отвели во временные убежища, лепившиеся к скалам, словно лишайник. Мы знали, что новая церковь с прилегающими к ней монастырским зданием и школой еще не готовы. Однако царивший беспорядок стал ударом для всех, в особенности для бедного нашего брата аббата, пораженного зреющим замшелых камней.

Брат-строитель пристыженно склонил голову.

— Здесь царят хаос и распад, — пробормотал он мне, когда аббат отошел. — Доски, даже прокаленные и выложенные на просушку на много дней, не высыхают, а прорастают грибами. Расчищенная и выжженная наголо земля через несколько часов дает новые

¹ Фамильяр — дух-помощник колдуна или ведьмы, обычно в облике животного.

ростки. Ключевые камни раскалываются под тяжестью лиан и сладостных тяжелых цветов, появившихся за одну ночь.

Аббат побеседовал с губернатором, и тот направил работников — свободных, кабальных и рабов — для помощи в строительстве. В скором времени у нас были не только церковь и монастырь, но и библиотека, переплетная, конюшни, погреба, винные склады и винокурня.

Я отчаянно надеялся, что Маргарет позволят оставаться. Я надеялся, что аббат выстроит ей хижину у моря, чтобы она могла разбить там садик и шить одежду для братии. Конечно, она не могла. Аббат предоставил ей отдельное убежище, вынудив множество братьев тесниться вместе на узких нарах, но никто не роптал. К концу первого месяца, проведенного нами на острове, она скрылась не попрощавшись. Я видел, как она уходит по залитой восходящим солнцем дороге, перекинув через плечо узелок. Она шла с непокрытой головой, и волосы ее свободными косами падали ей на спину, завиваясь концами у самой земли. Я увидел ее и окликнул по имени. Она обернулась, помахала, но не сказала ни слова. Солнечный луч, осветив ее тонкий стан, открыл наконец то, к чему я был слеп до той поры. Ее чрево начало расти.

Габриэль родилась в огородике, отделявшем «веселый дом» от хижины, где жила и трудилась Маргарет. Хотя проститутки приютили ее как кухарку, огородницу и лекарку, вскоре стало ясно, что она принесла дар больший, чем от нее ждали. За время, что Маргарет была в тягости, сады вокруг «веселого дома» небывало расцвели. В них вырастали гуайявы величиной с младенца, ягоды рассыпались по лужайке, по каменным дорожкам и ступеням яркими красными брызгами, словно

кровь, выплеснутая живым сердцем. Виноградные лозы, крепкие, как молодые деревца, змеями вились вверх по беленым стенам и распускали над крышей многоцветье лепестков, трепетавших на ветру, словно флаги.

Маргарет, когда ей пришел срок рожать, опустилась на колени у грядки с дынями кассаба и протянула маленькие ладони к светлому небу. И тотчас облачко бабочек осенило ее пальцы, ее вздывающиеся плечи, волну золотых волос, и дитя, дрыгнув ножками, нажало и выскользнуло в колыбельку из листьев, закачавших ее над гостеприимной землей.

Девицы из «веселого дома» видели это и рассказали всем. И все поверили.

После рождения дочери Маргарет собрала в ладони послед и схоронила его у корней дерева гуайявы. Девицы из «веселого дома» собрались вокруг нее, чтобы запеленать младенца и отнести молодую мать в постель, но Маргарет не далась им. Она перенесла дочь на то место, где зарыла послед.

— Видишь? — сказала она девочке. — Вот твой копень. Здесь. Здесь ты и останешься. Что бы ни думал себе капитан, ты не принадлежишь воде. Ты — дитя земли. И мое. А я здесь.

С этими словами она ушла в дом и стала нянчить младенца.

Месяц за месяцем аббат посыпал в ее маленькую хижину вереницы монахов, чтобы уговорить ее окрестить дитя со сверкающими глазами. Хотя все, мне кажется, знали, что дитя было плодом той единственной (О! Всего одной!) ночи, когда Маргарет Белайн синизшла до любви ко мне, мы предпочитали верить, что это чудесное дитя — порождение молнии, моря и лекарской добродетели ее матери. И сбылось по вере нашей. Габриэль не была моей.

Она не соглашалась. Никакая вода, кроме воды ключа, бурлившего в миле от берега, не коснется ее дочери. Она не будет купаться в море. Она не глотнет и не коснется воды из иных рук, кроме рук ее матери.

— Она станет растя там, где ее корни, — говорила Маргарет, — и никогда не уплывет отсюда.

Вскоре из «веселого дома» выходили девицы, чтобы отогнать нас от нее. Все они с появлением Маргарет исполнились здоровья и красоты. Лица их посвежели, волосы стали густыми и блестящими, а все следы ослы или безумия, а у иных и того и другого сглаживались и пропадали. Более того, гости их, явившись в судорогах голода и похоти, уходили прочь насытившимися, успокоенными и живыми. И становились лучше — нежнее со своими женами, ласковее с детьми. Они чинили крышу церкви и размытую ливнями дорогу, принимали к себе в дом ближних своих, оказавшихся в беде. Они проживали долгую, здоровую и счастливую жизнь и умирали богатыми людьми.

Габриэль Белайн так и не окрестили, хотя во сне я часто видел, как, держа на руках сияющее дитя, вхожу по пояс в море. В сновидении я зачерпывал море правой рукой и выливал его воду на рыжие кудри девочки, которая была и моей, и не моей. В моих снах золотая птица, кружка, спускалась с неба, зависала на миг перед нами и целовала розовый бутон ее губ.

Когда Габриэль исполнилось шесть лет, она вышла из садика на дорогу и добралась до городской площади. В ее рыжих кудрях блестели ленточки и масло, и на ней было хорошенко новое голубое платьице. Девицы из «веселого дома», из которых ни одна не выносила ребенка, нянчились с девочкой, балуя ее платьицами и шляпками, куклами и сладостями. Хотя, по правде сказать, девочка не избаловалась, а лишь

становилась милее и живее, и искорка в ней сверкала все ярче.

На дороге она увидела охромевшую в драке дворнягу — огромного пса ростом едва ли не с пони, с ключьями свалившейся шерсти на широкой ощеренной морде. Пес прижался к звездной яблоне, скулил и скалил зубы. Габриэль подошла, подняла глаза к отягощенным плодами ветвям и протянула руку. Звездное яблоко, темное и гладкое, упало прямо ей в ладонь, и кожура, лопнув, уже выпустила сладкий сок. Девочка опустилась на колени перед псом.

— Ешь, — сказала она.

Пес съел яблоко. И тут же поднялся, совсем здоровый, ткнулся носом в плечо новой хозяйке, вежливо повилял хвостом и позволил ей взобраться к себе на спину.

Народ на рыночной площади останавливался поглядеть на хорошенькую малютку, восседающую верхом на собаке. Ее задарили сластями и фруктами и кусочками ткани — всем, что могло порадовать маленькую девочку. Она подъехала к лотку рыбника. Угрюмый старый рыбник с головой ушел в торговлю с таким же мрачным стариком-покупателем и не заметил Габриэль. Большой марлин¹, совершенно мертвый, свисал через борт тележки, приоткрыв рот, словно силился вдохнуть. Габриэль, доброе дитя, склонилась к рыбе и поцеловала в разинутый рот. Рыбник, довольный тем, что выжал из покупателя больше золота, чем наторговал за всю неделю, опустил глаза и остолбенел, увидев, как рыбы в его рубленной топором телеге вдруг забились и запрыгали. Марлин подскочил, ловко шлепнулся покупателя по морщинистой щеке и, упав на мощную дорожку, извиваясь, запрыгал к пристани. Следом за

¹ Марлин — крупная морская рыба.

ним принялись извиваться и подпрыгивать и другие рыбины, в стремлении к свободе сбившись в переливающуюся груду. Народ, столпившись вокруг рыбника, разевал рты и тыкал пальцами. Тот норовил ловить рыбин руками, по тщетно, а сети его остались дома, в шалаше на берегу моря, где их чинила его сварливая жена.

Габриэль со своим псом, попяяв, что здесь смотреть больше не на что, двинулась дальше, к красивому дому с башней, служившему резиденцией губернатора, судом и тюрьмой. Сбоку от блестящей резной двери, украшенной цветами, ветвями и пейзажами Франции, был помост, на котором молча стояли в цепях мужчины, женщины и дети, ожидающие, когда их оценят, продадут и угонят отсюда. Мужчина в напудренном парике, расхваливавший достоинства стоявшего по левую руку от него человека в цепях, не заметил малыши верхом на дворнягах. Она взглянула на него снизу, задумчиво наморщив веснушчатый носик, прищурив от солнца зеленые глаза. Она улыбнулась закованному и помахала ему. Тот улыбнулся в ответ. Не мог удержаться.

Девочка запела, сперва тихонько, так что никто не заметил. Я стоял в приемной губернатора, где должен был написать под его диктовку письма губернаторам других карибских территорий, мэру и верховному инквизитору Нью-Орлеана и советникам самого короля. Такую дань мы платили губернатору: ром, вино, переводы книг и мой почерк. И в благодарность за эти дары он редко мешал нам жить и трудиться согласно воле Божьей.

В окно я увидел дитя, еженощно являвшееся мне во снах. Я услышал ее песню. И запел тоже.

Люди на площади увлеклись погоней за удирающими рыбами и не заметили, как тучи птиц слетаются с моря и из леса. Они не заметили, как птицы кружат

над площадью, где стояли люди, выставленные на продажу. Не заметили они великой пестроты цветных перьев и крыльев, опустившихся на помост.

Два больших альбатроса перевернули сундуки торговцев, рассыпав золото в пыли. Тысячи дроздов были крыльями по лицам стражников и офицеров, надзиравших за порядком на площади. Дюжина попугаев опустилась наземь рядом с Габриэль и запела вместе с ней, только хрюплю и не в лад. И сотни других птиц — не только с этого острова, но из Африки, Англии и Франции, закружили над головами взрослых и детей, а затем вдруг взмыли вверх и скрылись в низких облаках. Габриэль, закончив песню, не спеша поехала к дому. Прошло некоторое время, пока кто-то осознал, что на помосте пусто, что выставленные на продажу рабы пропали. После них остались лишь пустые кандалы на земле.

Не одну неделю губернатор, который вложил в предприятие работников много денег и потерял немалую сумму на исчезнувшем товаре, рассыпал по городу шпионов, допросчиков и воров. Никто не знал, что случилось и каким образом, но все вспоминали странную красивую девочку верхом на дворняге.

Губернатору с высокого балкона видна была дорога из города, уходящая за рощи плодовых деревьев, за лес, к «веселому дому» и к маленькой хижине, окруженной невиданно пышным садом. Он видел золотоволосую женщину и ее рыжеволосое дитя. В городе собиралась буря, готовая сокрушить мою маленькую Габриэль.

Я вместе с аббатом пришел в хижину за «веселым домом», чтобы уговаривать ее. Не в первый раз. В особняке собиралась гроза, и мы рассыпали письма, втайне переправляя их на другие острова и во Францию. Мар-

гарет, в простом белом льняном платье, с волосами, заплетенными в косу, обвитую вокруг пояса, выставляла на стол тарелки с фруктами, хлебом и рыбой. Габриэль сидела в углу на своем матрасике. Ей было девять лет, и она уже умела читать. Она часто приходила в аббатство в поисках Библии, карт и поэзии. Она запоминала все, что прочитывала. Кто-то подслушал, как она, залезши на дерево за орехами, продекламировала целиком весь Псалтырь.

— Поешьте, — сказала нам Маргарет, села напротив на деревянную скамью и принялась за шитье.

— Потом, — нетерпеливо отмахнулся аббат. — Твоей дочери опасно оставаться здесь. Ты знаешь сама, дитя мое. Здесь повсюду губернаторские соглядатаи и убийцы. Мы могли бы спрятать ее в аббатстве, но на долго ли? Только мой запрет не позволил губернатору добраться сюда, но ни тебе, ни ей нельзя и на милю подойти к городу.

— Нам ничего не нужно в городе, — возразила Маргарет, наполнив нам стаканы вином. — Пейте, — велела она.

Я ударил кулаком по столу. Габриэль подскочила от неожиданности.

— Нет, — сказал я, — ей нельзя оставаться. Я отвезу ее назад во Францию, и сестры Семи Скорбей приютят ее и воспитают. Никто не узнает, чья она дочь. Никто не узнает о том, как ненавидит ее губернатор. Она будет жить в безопасности.

Маргарет накрыла мой кулак ладонью, и пальцы мои разжались. Она взглянула на аббата, потом на меня:

— Ее корни здесь. Я сама укоренила ее. Она не отправится за море. Говорить больше не о чем. Теперь ешьте.

Мы поели. И выпили. У вина был вкус цветов, любви, материнского молока, пота, плоти и мечты.

Вкус пищи был как мысль, как память, как бледный шепот Бога. Мне привиделось, как Габриэль растет, ступает по водам, встает с мечом против солица. Мне приснился вкус губ Маргарет.

Мы с аббатом проснулись под деревом у копюппи. Говорить было не о чем, и мы пошли к заутрени.

На следующий день в милю от берега показался корабль с черными парусами. Девицы из «веселого дома» рассказывали, что Маргарет вышла на берег и крикнула кораблю, чтобы он уходил. Он не ушел. Она взвыла к ветру, к океану, к птицам, но никто не пришел ей на помощь. Корабль остался на месте.

Солдаты пришли за Габриэль. Маргарет завидела их издали. Она поднялась на крышу своего дома и воздела руки к собирающимся тучам. Солдаты подняли головы и увидели, что с неба падает дождь цветочных лепестков. Лепестки сыпались плотными потоками, ослепляя всех, кто не спрятался под крышей. С лепестками падали семена и саженцы, тут же укоренявшиеся в тучной земле. Солдаты разбежались, вслепую бросились в лес. Многие так и не вернулись.

На следующий день густая роща выросла вокруг «веселого дома» и маленькой хижины за ним. Через рощу тянулся лабиринт троп и дорожек. Мало кто знал, как пройти по ним. Неизвестно, роптали ли девицы из «веселого дома». Им, видно, не составляло труда найти путь, и они выучили мальчонку, сына ловца устриц, ждать гостей у края рощи, провожать их к дому и выводить обратно. Если посланник от губернатора и появился, он затерялся в роще. За ним никто не приходил.

На десятый день рождения Габриэль палетел шторм с запада, за ним — с севера, потом с востока.

Казалось, само море из дарителя жизни обратилось в хищника и ринулось на нас. Каждый на острове готовился к худшему. Крепили все, что можно было закрепить. Мы запирались в домах или бежали на возвышенности. Ветры с воем бились в стены наших жилищ. Море вспенилось, набухло, вздыбилось и обрушилось на остров. Большая часть домов более или менее уцелела. В аббатстве затопило часовню и библиотеку, но почти все книги удалось спасти. Под рухнувшей крышей малой конюшни погибло несколько животных.

Когда дождь ослаб, я пробрался по густой липкой грязи навестить Маргарет. Я нашел ее стоящей на коленях в садике. Она плакала, словно сердце у нее разрывалось. Я опустился на колени рядом, но думаю, она не скоро заметила меня. Она закрывала лицо бледными ладонями, и слезы скатывались по тонким пальцам, как жемчужины. Она обернулась, и лицо ее полностью было такой грусти, что я тоже заплакал, сам не зная о чем.

— Гуайява, — сказала она. — Море унесло ее.

Я видел, что она права. На месте толстого гладкого ствола с раскидистой кроной в земле раной зияла яма. Дерево вывернуло с корнями.

— Ничто больше не удерживает ее здесь, — сказала Маргарет.

И впервые с той штормовой ночи в корабельном трюме я обнял ее и прислонил ее голову к своему плечу. Ее волосы цаxли гвоздикой, глинистой землей и солью. Габриэль стояла на прибрежных камнях, собирая в корзинку водоросли на суш. Ее дворняга не отставала от хозяйки, словно та могла в любую минуту ускользнуть прочь. Временами она вглядывалась в морскую даль, будто стараясь рассмотреть что-то скрытое за горизонтом.

Через две недели Габриэль Белайн пропала. Уплыла в море на дельфине и не появлялась до той поры, пока не вернулась в цепях в трюме тюремного корабля.

Из окна библиотеки я видел, как корабль развернул черные паруса, поднял якорь и ушел в море. Из леса, окружавшего «веселый дом», вырвался звук, отдавшийся эхом от берега и улетевший по дороге в глухие дебри острова. Низкий, скорбный, горестный плач. Темное облако собралось над лесом и быстро поплыло над островом, грозя ливнем и молниями. Дождь шел восемнадцать дней. Дорогу размыло, размыло и фундаменты домов, и сады, и хижины — те, что не были вкопаны в землю.

Аббат один ушел туда, где плакала Маргарет. Он никого не взял с собою, но, когда он возвратился, вновь выглянуло солнце, и Маргарет вернулась к своим трудам: исцелять болящих и возвращивать плоды земли. Каждый день она мастерила лодочки из листьев, цветов и мха и каждый день опускала их на волну и смотрела, как они скрываются в морской дали.

Капитан вызвал Габриэль к себе в каюту, когда боль в груди стала нестерпимой.

— Тяжесть мира, девочка моя, давит мне на грудь, и даже твоя мать уже не сумела бы этого поправить. А этим много сказано, верно? — Он засмеялся, но смех перешел в кашель, и у него вырвался крик боли.

Габриэль промолчала, только взяла его руку в свои и держала так, словно молилась. Тщетно было разубеждать ее. Она умела видеть жизненные тропы других людей и умела отыскать обходные пути или срезать петли, чтобы обойти болезни, страдания и даже смерть. Но для ее любимого капитана не было других путей. Тропа кончалась здесь, и не в ее силах было найти для него другую.

Красная птица плакала в клетке и так жалостно была крыльями, что у Габриэль разрывалось сердце.

— Я думал, птица умрет вместе со мной, но она, кажется, в расцвете сил. Береги ее, девочка.

Он ничего не объяснил, и она не просила объяснений.

Капитан, умирая, назвал Габриэль своей преемницей, и команда согласилась, что это мудрое и единственно верное решение. Став капитаном, Габриэль Белайн опустошила трюмы множества кораблей, идущих во владения губернатора, и завернула обратно немало кораблей с живым товаром. Птица два года провела в клетке у входа в капитанскую каюту, хотя Габриэль больно было видеть ее в тюрьме и в одиночестве. Наконец, утомившись ее непрестанными жалобами, она вынесла клетку на палубу, чтобы бедняга могла видеть солнце. Пес предостерегающе зарычал и еще много дней не переставал скулить, но Габриэль не обращала внимания. Теперь погожие дни птица проводила на палубе, и так прошел еще год. Наконец Габриэль шепнула птице, что, если та обещает вернуться, она выпустит ее на час перед закатом. Птица обещала и десять дней послушно возвращалась в клетку. На одиннадцатый день красная птица в клетку не вернулась.

На следующее утро калерский корабль, подойдя к ним с севера, выпустил ядро по правому борту. То было первое попадание с тех пор, как команда восемнадцать лет и девять месяцев назад повстречалась с Маргарет Белайн. Корабль, кренясь на борт, принял бой — и едва ушел. Габриэль стояла на мостике и в подзорную трубу смотрела на Мартинику. Грозовые облака кипели и разливались над потемневшим морем.

Габриэль обшаривала трюм, пока не отыскала бочонок из-под рома, куда складывала лодочки из листьев, цветов и мха, которые незаметно для других вылавли-

ливала из воды. Она взяла одну, подумала хорошенько и взяла десять — и сбросила их в море. Она смотрела, как в гаснущем свете они быстро уходят по гладкой воде к Мартинике.

Габриэль Белайн (ведьма, пиратка, мятежница) превратилась для губернатора в манию, и он призвал на помощь все военные власти, сохранившие ему верность, всех наемников, сколько мог оплатить, всех капитанов, на чьих судах были пушки и команда, готовая поднять меч против дочери святой среди людей. Отыскать последнее, конечно, было труднее всего. Солдат выполняет приказ, но моряки верны только своей совести и душе.

Много лет все было напрасно. Суда, посланные на поиски корабля с черными парусами, на котором штурманом — а потом и капитаном — была рыжеволосая девушка с повсюду следящей за ней большой дворнягой, сбивались с пути. Их компасы вдруг отказывали, карты смывало водой, тучи птиц в клочья рвали им паруса.

Я в роскошном губернаторском дворце писал под диктовку человека, одержимого яростью и обидой. Волосы его поредели и стали седыми, а потом пожелтели, щеки и кожа на шее обвисли, брюхо выросло. Диктуя письма, он метался по комнате, словно тигр в тесной клетке, в его суетливых движениях сквозили боль и неуверенность.

Пока Габриэль была еще мала и жила на острове, она была для несчастного губернатора словно прищ на спине: нестерпимо зудит — и почесать нельзя. Когда она ушла на пиратский корабль, став правой рукой капитана — несравненного моряка, жадного до французского золота, — губернатор совсем обезумел. Он объявил вне закона рождение рыжеволосых детей. Он из-

дал указ о смертной казни для тех, кто возвращает жизнь рыбам. Он запретил называть новорожденных именем Габриэль, и приказал всем жительницам острова, носившим это имя, немедленно сменить его. Он посыпал шпионов в лес, окружавший «веселый дом», но от тех было не много толку. Они могли бы, конечно, рассказать ему, что Маргарет Белайн, что ни день, выходит к краю прибоя, чтобы отпустить на волну маленькую лодочку, которая быстро и прямо устремляется к горизонту, хотя паруса на ней нет. Они могли рассказать губернатору, что каждую ночь в сад к Маргарет прилетает голубой альбатрос и что-то шепчет ей на ухо. Но не рассказывали. Маргарет уводила шпионов в свою хижину, угощала и поила вином. Потом провожала их в «веселый дом». Они объявлялись несколько дней спустя: спали на дороге или бродили по рынку, осматривая рыбу.

Губернатор, дико размахивая руками, диктовал письмо к королю с просьбой прислать новые суда, чтобы захватить или убить пиратку Габриэль Белайн. Он подробно перечислял ее преступления: двадцать пять кораблей, доставляющих подать, очищены от золота, восемнадцать судов с рабами исчезли или рабы получили свободу... ограбленные склады рома, сожженные сахарные плантации... Я послушно записывал все, будучи уверен в том, что король, как всегда, не отзовется. Но вдруг дверь распахнулась и без доклада, не извиняясь, вошел молодой человек. Губернатор, брызжа слюной от ярости, ударил кулаком по столу. Юноша не остановился.

— Черный корабль, — сказал он, — подбили.

Губернатор остался, дыхание спирло у него в груди.

— Подбили... — повторил он. — Когда?

— Прошлой ночью. Они разошлись с «Медальоном» на расстоянии крика. С него и пришло известие.

Они укрылись на рейде Сент-Винсента. Черный корабль получил серьезные повреждения, и починка, как мне сказали, займет несколько дней.

— А корабль, что их подбил, цел?

— Пушечным ядром ему сбило мачту, но корабль, команда и приборы уцелели. Ничего не пропало, ничего. — Помолчав, юноша добавил: — *Странно...*

Губернатор прошагал к дверям и распахнул их с такой силой, что одна створка треснула вдоль. Меня он не замечал, забыл отпустить. И молодой человек вышел молча. Я оставил бумаги на столе и подошел к окну. Губы мои непрестанно шевелились в молитве, обращенной к Матери Божьей. Я стоял у окна и смотрел, как над нами собираются темные тучи, как шуршат в небе зарницы.

1 мая 1678 года корабль с черными парусами был окружен и разбит, взят на абордаж, и команда его закована в кандалы. Гонцы понесли на острова, принадлежащие Франции, Англии и Испании, весть о том, что Габриэль Белайн (пиратка, ведьма, мятежница) наконец схвачена и венный срок будет казнена. Жители Сен-Пьера несли цветы, хлеб и вино на опушку леса, окружавшего «веселый дом». Они поднимали на плечи детей, чтобы те хоть издали увидели женщину, которая когда-то была девочкой, оживляющей рыб, упавшей на дельфина и унаследовавшей святые исцеляющие руки своей матери.

За день до казни Габриэль золотая птица побывала у ее окна, опустилась на подоконник и поцеловала ее в губы сквозь решетку. Люди верили этому. В тот миг Габриэль запела. И не умолкала.

Губернатор принимал посланцев соседних протекторатов и территорий с помпезностью, приличествующей подобному собранию. Он слышал песню девушки

ки-пиратки из башни. Гости не слышали. Он слышал, и песня звучала все громче. Он бряцал мечом, проводил дрожащей рукой по редким желтоватым волосам. Он пытался улыбаться, но песня звучала все громче.

Народ на рыночной площади тоже слышал песню. Люди слышали песню о цветах, что обращаются в лодки и везут хлеб голодным детям. Они слышали песню о деревьях, приносящих плоды попавшим в беду, о чаше воды, утоляющей жажду. Она пела о поцелуе, что, как ожог, обращается в семя, и семя прорастает и плодоносит. Люди слушали песню и горевали о рыжей девочке, едва ставшей женщиной, которую наутро ждала смерть.

Песня всю ночь не давала губернатору уснуть. Он ходил по комнатам исыпал проклятиями. Он объявил пение вне закона. Он ввел смертную казнь за создание музыки. Если бы не назначенное заранее торжество по случаю казни пиратки, он тотчас же перерезал бы ей глотку, но почетные гости явились полюбоваться на шествие смерти, и они должны были увидеть его.

За минуту до того, как рассвет подкрался к краю небосклона, губернатор согласился допустить меня в камеру Габриэль для отпущения грехов. А может быть, и для обряда крещения. Она стояла у окна, где простояла всю ночь и весь вчерашний день, и песня все лилась с ее прекрасных губ, но теперь тихо, лишь вздохами. Трижды я предлагал ей Святые Дары, и трижды она отказалась, но согласилась взять меня за руку. Я подумал, она сделала это, чтобы утешиться, — минута девичьей слабости перед смертью. Когда вошли солдаты, чтобы увести ее к виселице, она повернулась ко мне и в первый раз обняла меня. Она шепнула мне на ухо:

— Не ходи за мной.

Я не пошел. Я позволил солдатам увести ее. Я не сражался за нее и не пошел за ней. Я сел на пол в башне и заплакал.

Габриэль, не переставая петь, послушно шла, окруженная отрядом солдат, и все они просили у нее прощения. Каждый из них рассказывал, как ее мать спасла кого-то из его родных или благословила сад изобилием. Слушала она или нет — не знаю. Я был в башне. Я знаю только то, что рассказывали люди.

Люди говорили, что она шла, глядя в землю, и губы ее все двигались, рождая слова песни. Люди говорили, что она взошла на помост и констебль начал зачитывать обвинения против нее. Обвинения занимали несколько страниц, и, пока он читал, народ стал волноваться и шуметь. Он читал, а песня Габриэль звучала громче. Никто не заметил, как в гавань всплыла лодка. Лодка из цветов, мха и листьев. Лодка без паруса, но двигалась она быстро и прямо, а в ней стояла высокая женщина.

Габриэль пела все громче, и вот с криком она вздела к небу закованные руки и отбросила за спину волну рыжих волос. Туча птиц — чаек, ласточек, голубей, сов, снегирей — собралась у нее над головой и опустилась, скрыв девушку от людских глаз. Губернатор приказал своим людям стрелять, и они выстрелили, но многотысячная стая, оставив на мостовой мертвых птиц, все же поднялась, унося с собой девушку, и двинулась к лодочке, ожидавшей в гавани.

Губернатор, в ярости хватаясь за сердце и за горло, приказал своим кораблям зарядить пушки, своим лучникам — стрелять без команды, но суденышко, уносившее двух женщин, скользнуло по воде в полном безветрии и скрылось из виду.

Все это я узнал от людей, бывших на площади, и я верю в это, вопреки прокламациям губернатора, опо-

вешающим, что казнь состоялась и что вся кому, кто скажет иное, грозит тюрьма. Все, конечно, говорили иное. Никто не попал в тюрьму.

В ту ночь я украл золото из сундуков аббата и вышел на дорогу к гавани. Я купил ялик и вышел в море. Мой милый аббат, конечно, знал. Говорили, что казна всегда хранится под замком, но аббат оставил сундуки открытыми и не послал за мной погоню.

Увы, я не моряк. Карта, которую я сам срисовал, вылиняла, стерлась и превратилась в белый лист на третий день плавания. Компас сожрала летучая рыба. Я искал лодочку из листьев, а нашел лишь соль. Я искал два любимых лица. Габриэль, Маргарет. Аббат, Франция, Мартиника. Быть может, все это одно. Одно капризное движение простодушного бога. Или, может быть, такими их делает моя вера. Вероятно, такова природа вещей.

Мне снились их руки. Мне снились заглохшие, неубранные сады. И женщина, собирающая море в ладони и выплескивающая его дождем многоцветных лепестков на зеленую-зеленую землю. Мне снилось, что слова на листе становятся птицами, становятся детьми, становятся звездами.

ДЖАСТИН ХОВ

Сковорода и сабля

Я провел на борту «Умелой прихоти» неделю, когда Хогг сказал мне:

— Шнурки от ботинок лучше всего идут, когда их размочишь, отобьешь с кусочками голенища и поджаришь на огне.

Впрочем, может, он обращался и не ко мне, а к своей сковородке, хотя я в то время забежал на пропахший уксусом камбуз по пути в носовую каюту капитана Килта, которому нес новую порцию рома. Я промок и замерз, да еще кто-то стянул у меня ремень. Решение поискать счастья на борту «Умелой прихоти» выглядело в тот день безрассудным, как никогда.

Корабль подбросило на волне. Все покачнулось — даже огонь в очаге. Мне пришлось поспешно отступить, чтобы не подпалить съехавшие штаны. Хогг и бровью не повел — он удобно устроился на табуретке с ватной обивкой, упервшись обрубками ног в стену. Костили стояли рядом.

— Штаны лучше не терять, — посоветовал Хогг. — На этом корабле уж точно. И без того капитану разные мысли в голову лезут.

Он усмехнулся и сплюнул, распялив рот так, что я пересчитал все восемь оставшихся в пасти зубов. По

четыре на каждой стороне — чудовищная симметрия, которую еще подчеркивали остальные черты. Выпученные глаза, не то что широко расставленные, а прилепившиеся у самых ушей, и жесткие волосы, щетинившиеся на голове, в ноздрях и по рукам до самых костяшек пальцев.

Хогг потянулся к пучку прутиков, привязанных к столбу у него над головой:

— Майоран... или был когда-то. — Он повел над прутиками носом. От пряности мало что осталось, кроме черных веточек, давно ошипанных от листьев. Хогг дернул за конец бечевки, развязав узел. — Держи.

— Вы очень добры, сэр, — сказал я, подхватил штаны бечевкой и бессознательно впал в тон, к которому меня приучил отец. Он прочил меня в лакеи.

Веревочная петля туго затянулась, врезавшись мне в кости. Ну хоть штаны не свалятся.

— Остатки пущу на соус, — заметил Хогг, сломал пучок пополам и сунул его в устье горшка. Над горшком поднималось уксусное облако, от едкого пара воздух мерцал и резал глаза. Хогг помешивал варево, пока размокшие прутики не потонули. — Как там тебя зовут?

— Макдэниэлс, сэр, — ответил я.

— И зачем он тебя прислал, Макдэниэлс? Еще ром? Ха... я пивал ром, от которого они бы ослепли. — Он пожаловал меня коротким кивком. — Пробовал я одно пойло, от которого человек себе в пунш сидру плеснет. Верно, Роберт? — обратился он к своей сковородке. Обычная чугунная сковорода, выщербленная ржавчиной и покрытая пленкой горелого жира. — Роберт вот помнит, — продолжал Хогг, обращаясь ко мне. — Он тогда был со мной. Голландцы не голландцы, Роберт от меня не отстанет. Трэдо чуть нас не доконало. Других и прикончило, да только не нас. Мы год прожили в джунглях, жрали крыс и древесную кору — но выбрались.

Я хотел обойти этого безумца, но он развернулся на табуретке и выставил перед собой сковороду, перегородив мне дорогу. Его большое мясистое лицо склонилось ко мне. В ноздри ударил кислый запах его пота.

— Знаешь, каково там было, на Тредо? — Зрачки у него плавали в глазницах. — Каково это, когда голландцы ссут на тебя десять раз в день? Бэнда рядом с Тредо — просто песчаная бухта. Майоран, мускат, перец — как взглянешь, слюнки текут, а дичи нет, жрать нечего, одни пряности, насколько видит глаз. Знаешь, что это делает с человеком?

— Ручаюсь, ничего хорошего, сэр, — ответил я, решив потакать ему, пока не сумею улизнуть.

Хогг подавился хохотом. Глаза совсем вылезли из орбит — вот-вот лопнут и забрызгают меня слизью. Больше всего на свете мне хотелось от него сбежать. Но и мысль о том, чтобы выйти на палубу, не приносила утешения. Куда деваться? Вот уж точно, забросила меня судьба!

Корабль снова подкинуло, и меня отшвырнуло к полке, на которой Хогг держал свои засохшие травы. Облако розмарина запороло мне ноздри. Камбуз злязгал: глиняные горшки и кринки бились друг о друга.

Хогг удержал равновесие, вклинившись между полкой и стенкой плиты. Одной культей он уперся в подставку для дров. Культа, похоже, затлела, но Хогг будто не заметил. Он уже тянулся в угол крошечного камбуза за глиняным горшком. Ручкой сковороды он подцепил крышку, открыв мутную жидкость с затонувшими плодами и листьями.

— Соленая. С вечера замочил в рассоле. — Он со звоном уронил крышку на место. — Да что ты в этом понимаешь! Ха... Вкуса в тебе на вид не больше, чем в клоаке морской пены.

Не знаю, что на меня тогда напшло. Может быть, просто я слишком проголодался или уж очень был зол. Не сказав ни слова, я нагнулся и сам поднял крылышку. Рассол был холодным, обрезки листьев скользкими. Мои пальцы ухватили круглый плодик, и я забросил его себе в рот.

Не знаю уж, чего я ждал, но точно не такого сочного вкуса. Он обжег язык и наполнил рот жжением чеснока и рассола. Губы у меня оттопырились, но я продолжал жевать, не смущаясь пристального взгляда желтых глаз кока. Когда я проглотил, Хогг удивленно вздернул кустистую бровь. Пожалуй, он был не так уж безумен.

— Жаль, что нет лаврового листа, — сказал я, высасывая из зубов остатки ароматного сока.

— Неси свой ром, Макдэниэлс, — сказал Хогг. — Неси и скажи капитану — мне нужен помощник.

Так я стал помощником безногого кока на пиратском корабле.

Хогг научил меня твердой хватке, надо отдать ему должное. Он умел из самого заплесневелого обрезка солонины настрипать вкуснейшего жаркого на всю команду. Я научился грабить кладовки, пока мои товарищи по команде вольничали с женщиными и предавались зверствам.

А как они жрали! Каждый за себя — вилоть до ручных обезьянок и попугаев. Разве им было дело до того, что мы с Хогтом умели приготовить шестнадцать разных блюд из тыквенной корки, или до того, на что годится косточка манго, когда мякоть уже срезали до мохнатого ядрышка, да еще наступили на него ногой?

Никакого.

Разинуть пасть, забросить в нее, что поставили на стол, и проглотить. Как-то я видел, как в одну такую

пасть провалилась пуговица вместе с иголкой. Мы с Хогтом целыми вахтами хлопотали над горшками. Он собрал дивную коллекцию разных разностей, помогавших нам в работе. Рыцарский шлем, чтобы хранить в нем уголь, плотницкий клин, чтобы колоть орехи и косточки и протыкать чешую всевозможных рыб и ящериц. Я молол муку между камнями и орудовал черпаком не хуже, чем любой из матросов — саблей. Когда я предложил пополнить нашу коллекцию найденной в награбленном добре вилкой или скалкой, Хогг замахал на меня рукой, замотал щеками.

— Роберт такого не потерпит, — шепнул он мне, подмигивая и кивая на сковороду.

— Да, — сказал я и больше не затевал таких разговоров.

Пусть себе совещается со своей сковородкой. Она уж всяко не глупее любого из нашей команды. Они только и знали, что горланить сплюну песни.

Однажды ночью, когда Хогг вздрогнул в своем парусиновом гамаке, я взялся за сковородку, вернее, попробовал взяться. Едва мои пальцы обхватили ручку, их здорово обожгло. Я выругался и отскочил к бочке с дождевой водой, чтобы остудить ожог. Бобовый суп выкипел, и Хогг устроил мне за него здоровенную выволочку. Но теперь его тирады меня не особо волновали. У меня были заботы поважнее. Я узнал, кто стянул мой пояс: не кто иной, как сам капитан «Умелой прихоти» — Дуваляр Килт собственной персоной.

Капитан Килт был тщеславен. Он держал при себе цирюльника из Милана, который каждое утро гладко брил ему щеки и заботился, чтобы его каштановые волосы падали на плечи завитыми локонами. Килт носил чулки, заставлял чистить себе башмаки и поглядывал на меня с ухмылочкой.

Положение становилось отчаянным. Я не сомневался, что в скором времени, поняв, что так просто меня не соблазнить, Килт с парой своих людей спрячется в трюме и дождется, пока меня туда за чем-нибудь опишлют. Я дал себе клятву уклониться от этой встречи и для этого вывел у Хогга, как готовить дурманную настойку, от глотка которой человек видел чертей, а две-три капли делали его сонным и медлительным.

— Становишься душой компании, — говоривал Хогг.

Я готов был подливать капитану сонное зелье восемь раз в день и со страхом ждал, когда из побелки стены выглядят черты.

— Где тебя носит, Макдэниэлс? — взорвался однажды вечером Килт. Мы пережидали штиль к востоку от Тортуги. — Хогг еще не сказал тебе, где зарыл свое сокровище?

Капитан качнулся на стуле в сторону против крена корабля. На нем все еще был вышитый шелковый наряд, захваченный на прошлой неделе на испанском кунце. (Мне посчастливилось захватить на нем шесть вязок красного перца, немного соли и несколько мешков зерна.) Килт задрал поля своей шляпы, чтобы удобнее было строгать ножом рукоятку пистолета. Когда я расставил перед ним тарелки, он отложил поделку. Мы уже два дня подавали акулье мясо, сдобренное джикамой.

— Хогг сумасшедший и к тому же невезучий. Мы нашли его на каком-то пустынном островке, кишащем дикими караибами, — он таскал с собой эту проклятую сковородку и твердил, что застрял на Трэнде — или как там звался тот чертов остров.

Я подвилнул локтем старшего помощника, который спал, упав щекой в винную лужицу на столе, и по-

ставил блюдо. Килт сунул в рот кусочек плавника, пожевал.

— А вот кок он хороший.

— Верно, капитан, — сказал я, подливая ему рому из открытой бочки.

— Ты воспитанный человек, Макдэниэлс. Не то что эти собаки. — Килт подмигнул мне и одним глотком осушил стакан, заставив меня содрогнуться. — Еще, — потребовал он, утирая рот шелковым рукавом.

Я наливал, пока он не махнул мне рукой, после чего попятился. По неосторожности я оказался в трех шагах от кровати под балдахином и поспешил взял левее, приготовившись быстренько выскочить за дверь.

Зря беспокоился. Капитан сидел, уставившись перед собой, и шевелил губами, только усы подрагивали. На один вздох я решил, что настал мой час. Адамово яблоко превратилось в камень у меня в глотке. Но Килт остался сидеть.

— Скажи Хогту, — наконец выговорил капитан, — пусть готовит пир. Через неделю у нас randеву с Головорезом Такком. Мы с Такком вдвоем отдадим морю его долю крови и сами недурно поживемся. Головорез Такк — великий человек. В него и стреляли, и резали его, и пушечным ядром его надвое разрывало. А посмотри на нас! — заорал капитан и пнул стул старшего помощника.

Тот, не переставая хранить, рухнул на пол, а я взялся за салфетку, чтобы вытереть вино со стола.

— В Порт-Рояле говорят: где пройдет Такк, там остается войско мертвецов. А я что? — проскулил Килт, возбужденно подергивая плечами и мотая головой так, что кудряшки били его по щекам. — Мир еще в дрожь бросит от одного имени Килта!

С этими словами капитан схватился за пистолет, щелкнул курком и обвел дулом каюту. Я заплясал,

стараясь не попасть под прицел. Удирая за порог, я разглядел, что вырезал каштан на рукояти. На меня смотрела ухмыляющаяся рожа дьявола.

Пир на корабле, где камбуз не просторнее чулана, а бочонков с ромом больше, чем галст?.. Мука у нас зачервивела на второй день после выхода из порта. Половина яблок прогнила насквозь, а в масле заснул корабельный кот. Хогту было все равно. Он и бровью не повел, услышав о планах капитана. Не разбудив кота, он сбрил с него масло, а личинок из муки растер на паштет.

— Человек — это приправы, — приговаривал он, постукивая пальцем по сковородке.

Неделю плавание было спокойным: ясное небо и легкий бриз, весело подгонявший нас с утра до темна. Во всяком случае это все, что я успевал увидеть, когда выскакивал на палубу выплеснуть помой. Под палубой царил иной порядок: труд и пот. Мы с Хоггом больше не сдели, чем говорили: общались в своем чулане посредством певнятного мычания, вкусов и запахов.

Не жидк ли вышел бульон? Не добавить ли кардамона в черепашье мясо? И стоит ли отделять зернышки перца от мышного помета? Эти и другие подобные вопросы преследовали меня паяву, а ночью мне снился суп с блестками жира и пюре из мофонго.

В полнолуние мы бросили якорь в закрытой бухте. Капитан Килт занял команду стрельбой в цель. При каждой вспышке пороха в его глазах загорался огонь. Волосы его, против обыкновения, в беспорядке торчали во все стороны. К полудню он дергался и подпрыгивал, хватаясь за пистолет при виде любой тени. По правде сказать, я в последние дни был до того занят, что забывал потчевать его по утрам дурманом. Вскоре после полудня, когда мы с Хоггом устраивали кухню на берегу, илюп Головореза Такка «Дело» появился

из-за мыса и вошел в лагуну. Белые паруса выгибались под ветром. Салют был дан из десятифунтового орудия. Килт, по колено в воде, махал рукой, пока на «Деле» спускали шлюпки. Черный человек на носу передней шлюпки помахал в ответ, механически сгибая и разгибая руку. Рядом с ним притулилось что-то маленькое — я сперва решил: какой-то мешок.

Капитан не соврал — в Головореза Такка стреляли, его рубили и чуть не разорвали пополам пушечным ядром. Если бы не совместные усилия корсетника, медника и корабельного вара, все его внутренности расплескались бы по палубе. А так человек остался жить в кожуре из кожи, дерева и китового уса, заставлявшей его держать спину прямо и не гнуть шею. Голова его находила на выеденную дыню, выбеленную солнцем и засунутую в почерневший пушечный ствол. При каждом движении Такк скрипал.

Но самым удивительным было то, что с Такком пла- вала его мать. То, что я поначалу принял за мешок, оказалось сморщенной старушонкой не выше бочонка из-под яблок. Команда звала ее Матушкой Такк. Меня моя собственная матушка продала в кабалу, чтобы рас- платиться с семейными долгами, так что я, понятно, был к ней не слишком расположен. Матушка Такк одевалась в черный балахон из домотканого полотна и кутала узкие плечики шалью. Руки и ноги у нее были как веретенца, и вся она — хрупкая, как паук, с волосами седыми, как заржавевшая сталь, и с глазами голубыми, как обломки кораллов. Помощник перенес ее из плюпки на берег на руках, подняв так легко, будто она была набита пухом.

— Дьявол тебя побери, Такк! — говорил с улыбкой наш капитан, когда я подкатил бочонок рома.

— Килт, старый ты пес, как мальчики? — Дыню на плечах Такка разрезала ухмылка.

— Скоро проверю. — Капитан подмигнул мне.

Я вскрыл бочонок и оставил их хохотать без меня.

У огня, как сверчок, хлопотал Хогг: прокапывал в песке канавки своей культея. Роберт был подвешен на шнурке рядом с ним, а Хогг любовно перебирал напротив коллекцию дуршлагов и чайников, рылся в кореньях, выбирая, какие запечь на углях, и разделывал ягненка, чтобы зажарить его на вертеле. Я взял серебряную тарелку с нашикованной капустой и крабовым мясом и собирался вернуться к капитанам, когда передо мной возникла крошечная фигурка Матушки Такс. Она беззвучно прокралясь к костру у меня за спиной, и теперь ее голубые, как свинцовая дробь, глазки пялились на меня из паутины морщин. Сморщеный нос подрагивал.

— Чем могу служить, Матушка? — спросил я, но она словно не услышала.

Веретенца ножек перенесли ее прямо к костру. Хогг, спиной почуяв ее присутствие, недовольно хмыкнул. Матушка Такс оглядела его с головы до ног, потом залезла в левый рукав своего балахона, пошарила там и вытащила раскрашенную коробочку, круглую, как дублон. Ловким движением большого пальца она откинула крышку и втянула по щелотке нюхательного табака в каждую ноздрю. Трижды чихнула и перебежала к разделочному столу, где ткнула пальцем — насколько я мог судить, тем же, который побывал у нее в носу, — в наш мясной соус. Поднесла жирный палец ко рту и лизнула. В жаре огня треснуло полено. Губы Матушки Такс скривились в совсем уж кислой ухмылке. Она пощекала языком и замотала головой.

— Это что за ведьма? — рявкнул Хогг. — Никому не позволю глумиться над моим матросским рагу! Макдэниэлс, убери эту каргу с глаз моих, пока масло не прокисло. — Обвислые щеки его тряслись, правая рука ухватила сковороду. — Нечего тут! Слышишь?

Матушка Такк только цокала и мотала головой.

Я поставил тарелку на стол и поспешно встал между ними: слева калека, справа старая карга. От жара костра на лбу у меня выступил пот. Хогг в ярости оттопырил нижнюю губу. Вокруг нас плясали искры. Матушка Такк тоненько заскулила. Если в ее поскуливании и были слова, то я разбирал их не больше чем иттичий язык.

С берега донесся вопль капитана Килта:

— Где тебя черт носит, Макдэниэлс? Тащи жратву!

Выругавшись, я ухватил Хогга за висевший у него на шее кошелек:

— Присмотри за барабашком. Как бы не пригорел.

— Эта ведьма меня бесит, — отзвался Хогг, размахивая сковородкой. Жирная пленка, будто обильный пот, блестела в свете костра. — И не только меня. Роберт говорит, от нее добра не будет.

— Может, и так, — сказал я, покосившись на Матушку Такк.

Она моргнула в ответ, ухнула и разразилась новым потоком визгливой певчности.

— Макдэниэлс! — В новом вопле было побольше жару.

Я подхватил тарелку и поспешил на берег к капитану Килту и Головорезу Такку.

Обе команды к этому времени достигли первой стадии опьянения. Они хлестали ром из награбленных бокалов и кубков. Попыхивали пепковые трубки, из рук в руки переходили ароматные самокрутки, наполнявшие воздух сладким дымком. Негр из команды Такка играл на скрипке, а наш парень из Уэльса подыгрывал на флейте. Я поставил салмангунди на стол — длинный помост, добытый с таможни в Альмадоро, — и присел повыше, на склоне дюны между деревьями. Вместо

стульев вокруг стола расставили молитвенные скамьи, а на столе горели церковные свечи. День быстро уступал место ночи, и над горизонтом показалась луна, белая, как череп.

Я сновал от костра к столу. И каждый раз заставал Хогга во все большем бешенстве. Матушка Такк устроилась на разделочном столе, подогнув ножки и обхватив коленями лёгки: точь-в-точь недовольный стервятник. Стоило Хоггу взять в руки солонку, она разражалась негодующим визгом.

— Я не для того столько лет варил собственные салоги на Трэдо, чтобы какая-то гарпия сидела у меня на плечах и визжала на меня.

Хогг развернулся, взметнув костылем песок. Зазвенел тарелками, с лязгом поднимал и опускал крышки горшков.

Я должен покаяться в грехе гордыни, которая разрасталась во мне с каждым походом к столу. Как я наслаждался, глядя на их лица, когда ставил перед ними супницы с туннеными моллюсками, кукурузную похлебку, сдобренную жгучим перцем, соусы и мясо морской черепахи. Слезы выступили на глазах у матросов, когда я подал барашка, купающегося в дивном благоухании мяты и розмарина. Я отрезал здоровенный кусок для Головореза Такка, когда тот со скрипом поднял руку.

— С меня хватит, — сказал он.

Я взглянул на груду тарелок, поставленных перед ним. Он сдво коснулся изысканных кушаний.

— Да. Хватит. По-моему, достаточно.

Капитан Килт, который до того жадно набрасывался на каждое новое блюдо, взглянул на Такка со своего конца стола. На подбородке у него налипло волоконце крабового мяса.

— Тебе все по вкусу, Головорез?

— Это вряд ли, — возразил Головорез Такк. — Ты это называешь едой? — Такк рывками подтянул руку так, что она возмущению указывала на барашка. — Я бы этим и собаку кормить не стал!

Я готов был наброситься на него с кулаками. Сдержался, конечно, не то мне не пришлось бы рассказывать эту историю.

— Собаку? — с недоверием переспросил капитан Килт. Он поднес кусочек барашка к носу, обнюхал и забросил в рот. Прожевал и проглотил. — По-твоему, твой кок сумеет приготовить лучше? — Килт напоказ всем обвел глазами присутствующих. — Так давай его сюда. Посмотрим!

Над столом нависла тишина. Две команды, сидевшие вперемешку, странно поглядывали друг на друга. Руки совсем по-другому ухватили ножи. Я на шаг отступил от стола.

Головорез Такк заскрипел:

— Ручаюсь, она весь вечер смотрела, как стряпают твои.

Я охнулся, и все взгляды обратились на меня.

— Она — ваш кок? — Я ткнул пальцем себе за спину. — Это точно, подглядывала весь вечер и скрипела, как старый канюк.

Я был сыт по горло. Как он смеет хаять труд наших рук! Оскорбляете меня? Отлично! Грозите надругаться над моим телом? Пусть так! Но глумиться над искусством Хогга?! Этого я не потерплю.

Я снова засмеялся:

— Едва ли она сумеет научить Хогга, как держать половник.

Корсет Головореза Такка застонал, как старый дуб под напором урагана. Он отшвырнул салфетку и встал.

— Макдэниэлс, — пискнул Килт, — придержи язык, парень!

Наш капитан тоже вскочил на ноги, делая умирающие жесты. Веки его покраснели, шелковые рукава усеивали жирные пятна.

— Я не допущу таких шуточек за дружеским столом. Дело решается просто. — Он ткнул пальцем в сторону Такка. — Бьемся об заклад — твой кок против моего. Хогг против Матушки Такк.

Такк дернулся, разворачиваясь лицом к Килту:

— Кто будет судьей?

— Ну конечно я. — Килт изысканно поклонился, обмакнув в ром перо со шляпы.

— Если я выиграю — спущу шкуру с твоего паня. — Такк кивнул на меня. — Обдеру, как козу.

Килт на мгновение ошелестил, глянув на меня и кивнул:

— Заметано. Все равно мне с него никакого проку, так почему бы нам не повеселиться?

У меня не было времени ответить: в этот самый миг в ночи прозвенел страшный вопль — низкий скорбный крик со стороны кухонного костра.

— Хогг! — вскрикнул я и бросился бежать.

Когда я подбежал, он лежал на песке и стонал. На губах выступила пена. Матушка Такк все сидела на своем настесте, только покачивалась взад и вперед, подвигивая себе под нос.

— Что ты с ним сделала, чертова ведьма? — заорал я и бросился к ней, целя впиться в горло.

Меня тут же перехватили: капитан Килт и старший помощник последовали за мной к костру.

— Ну, Макдэниэлс, — сказал Килт, — похоже, теперь ты — наш кок. Начинай-ка, пока костер не прогорел.

Я слова не мог вымолвить. Во мне кипела ярость. Двое подняли Хогга и перенесли на лавку отлежаться. Роберт выпал из его руки, и я нагнулся поднять сковороду. Чугун, как и раньше, жег мне руку, но я стис-

нул зубы и не разжал пальцев. Матушка Такк с хрустом разогнула колени. Рядом заскрипел ее сын. Бледная дыня чуть развернулась к луне.

— Дадим им два часа, — сказал он и блеснул зубами над черным воротником.

Килт кивнул:

— Согласен.

Скоро в ночи взметнулся второй костер, а обе команды вернулись к столу продолжать пир. Я постоял над Хогтом в надежде прочесть хоть какой-то совет на его искаженном судорогой лице. Мясистая челюсть кока отвисла, а ручьи пота прилепили волосы ко лбу. Казалось, он за минуту постарел на много лет.

— Что она с ним сделала? — спросил я, обращаясь к звездам, но они не отозвались, равнодушные к моему горю.

Я вернулся к костру и задумался над своей судьбой. С тех самых пор, как сбежал из дома, я стал игрушкой фортуны. По ее прихоти меня было и крутило, как яичницу-болтунью. Но я воодушевился, вспомнив, что судьба, хотя и играла грубо, никогда не оставляла меня. Я уверил себя, что она позаботится обо мне и теперь, и на этом прервал свои размышления. Я крутился Роберта в воздухе и поймал за рукоять. Не подумайте, чугун по-прежнему жег руку, но теперь я только радовался его огненному прикосновению. Так радуется жару печи устричная запеканка.

Тут я заметил, что у меня оттянут карман, и извлек из него пузырек с дурманной настойкой.

— Блюдо еще не готово, — сказал я, обращаясь к застывшему оставу Хогта.

Это будет пирог, но не обычный пирог. Совсем не сладкий, а сдобренный пряностями и начиненный дурманом, которого хватит, чтобы вызвать из ада самого Мефистофеля.

Два часа пролетели в тучах искр и брани. Очень скоро луна повисла бледной жемчужиной на черном бархате.

Когда я подал к столу пирог, капитан Килт встал.

Я прикрыл блюдо салфеткой, чтобы аромат пирога не развеялся в ночном воздухе. Сборная команда бормотала что-то — все ужс опьяняли до той степени, когда пьяница готов на любое зверство. Откуда-то приковыляла Матушка Такк — тоже с тарелкой.

— Думал, ты сбежишь, — сказал Такк.

Из темноты вокруг послышались смешки. Мы с Матушкой Такк с двух сторон приблизились к Килту, сидевшему во главе стола.

Я поставил перед ним блюдо и сдернул салфетку. Над коркой завилось облачко пара. Мой пирог был похож на пасхальный кулич, чуточку сдобренный ромом, с начинкой из нарезанного кубиками шпината и кальмара — много лет назад я видел, как такую готовил Гаэтано. Сам Хогг был бы мною доволен. Я вырезал большой клин и положил его на тарелку перед капитаном. У него зашевелились усы, но не успел он попробовать и кусочка, как вперед вышла Матушка Такк и сняла крышку со своего блюда. В центре золотистой грудкой лежали пышки — голландцы называют такие вафлями, только зажарены они были в форме для отливки мушкетных пуль да сложены кучкой.

— Ну-ну, — проговорил капитан Килт, глотая слюну. Он прикусил кончик пальца и переводил взгляд с тарелки на тарелку. — Такк, милый мой, мне придется хорошенько подумать. — Килт схватил вилку и врубился в пирог. — Замечательно, — вымолвил он, покончив с первым ломтем. — Отрежь мне еще, Макдэниэлс.

— Есть, сэр.

После этого он умял еще два куска, утер губы рукавом и перешел к пробе крошечных медовых пышек

Матушки Такк. Я ясно видел, как движется челюсть капитана. Он все жевал, и судьба моя висела на волоске между его вкусовыми пупырышками и зубами. Все склонились над столом, и даже Головорез Такк подался вперед верхней половиной туловища, чтобы ничего не упустить.

Капитан Килт испустил вздох и откинулся в кресле. Он легонько погладил брюхо в том месте, где готова была отлететь серебряная пуговица. Килт покачал головой и заморгал на огоньки свечей. Глаза его влажно блестели.

— Не могу выбрать, — сказал он.

Головорез Такк выругался и опустил один кулак на стол.

— Проклятие, Килт! Ты посмел допустить, что стряпня твоего оболгуса сравнима с искусством моей матери?!

Матушка Такк испустила высокую негодящую трель.

— Судите сами, — сказал я, потому что к тому времени страх мой достиг той глубины, в которой скрывалось что-то наподобие отчаянной храбрости. Судьба моя была в руках фортуны (и в щедрой порции дурмана), и я отрезал еще один ломоть кулича. — Если капитан соизволит... — сказал я.

Головорез Такк фыркнул:

— Пожалуй, я набью твою шкуру соломой и повешу у себя на мачте. — Он, натягивая покрытый варом корсет, сгреб ломоть. Сложил его вдвое и забросил в темный туннель своей пасти. Пожевал, не закрывая рта, показав собравшимся кашицу из шпината с кальмаром. Старательно изобразил отвращение, проглотил и насынился. — Отвратительно, — объявил Головорез Такк.

Матушка Такк выступила вперед со своей тарелкой, на кончике пальца поднесла ко рту сына свою сахар-

ную пышку. Головорез Такк губами подобрал крошечное подношение. И повторял это снова и снова, пока тарелка не заблестела чистым дном. Я застонал от ненависти. Головорез Такк с трудом поднялся на ноги. Его тяжелое туловище нависло надо мной, издавая слабый запах вара. Облепленные шпинатом зубы блеснули над воротом.

— Подержите его, пока я заточу нож, — приказал Такк.

И тогда-то я проклял фортуну и уронил тарелку. Меня схватили сразу несколько пар рук.

— Тост! — провозгласил невидимый моим полуослепшим глазам капитан Килт. — За дьявола! — сказал он.

И в ночи прогремел пистолетный выстрел.

Не знаю уж, какого именно дьявола вызвал перед его взором дурман. Пуля никого не задела, а только взбила песчаный столб. И все же эта пуля спасла мне жизнь, потому что еще раньше, днем, наш корабельный кот незаметно выбрался на остров с одной из шлюпок. Старикан до отвала нажрался обедков, и выстрел, прервав его сытый сон, едва не довел животное до удара. Кот петардой взлетел на стол, расшивыряв еду вместе с тарелками. Килт взмахнул дымящимся пистолетом над его хвостом. Дьявольская рожа ухмыльнулась с рукояти и сбила со стола свечу прямо на обмазанный варом корсет Такка.

Головорез Такк вспыхнул, как порох. Горячий воздух волной прошел над столом, и лицо капитана Килта расцвело яростным зловещим багрянцем.

— Я — дьявол, — сказал капитан Килт, — и работенка у меня дьявольская.

Сборная команда действовала вразнобой. Люди Килта бросились на людей Такка, а люди Такка бросились спасать своего капитана. Поскольку они, таким

образом, сильно мешали друг другу, а вар отлично горит, стало ясно, что капитана Такка ждет скорый и неприятный конец. Его матушка рванулась к нему, но Такк в агонии сбил ее с ног. Он орал, а кругом пла несущая потасовка, и из свалки доносились кряхтение и пистолетные выстрелы. Я, обнаружив, что свободен и забыт, с великой поспешностью нырнул под стол. Матушка Такк уже скрючилась там же, и я, признаюсь, шарахнул ей по голове упавшей тарелкой.

Пара драчунов пролетела мимо меня: черномазый парень из команды Такка и наш бристолец, которого я презирал, с тех пор как этот тип имел наглость охать мое рагу из чайки. В руках у бристольца была церковная свеча, в руках у черномазого — оловянная ложка. Оба стремились к лесу, где можно было раздобыть более смертоубийственное оружие, например камни и сучья.

«Душа компании», — говоривал Хогг.

Из своего надежного укрытия я хорошо видел, как Головорез Такк бросился к воде, одетый пламенем, как чашка факела. Он споткнулся о бочонок из-под рома, полетел наземь и снова поднялся.

Капитан Килт преследовал его по пятам, бормоча свою дьявольскую мантру: «Я дьявол, и работенка дьявольская. Я дьявол, и работенка дьявольская».

У него не хватало половины левого уха, из одежды были вырваны клочья. Головорез Такк снова упал — на сей раз прямо в прибой. Он забился в волне, исходя паром и скрипом, и тут в воду вошел наш капитан.

Килт поднял клинок. Я, зажмутившись, расслышал хлопки, с которыми протыкалась скорлупа корсоста. Волны Такка сменились несколькими придушенными вздохами. Я выполз из-под стола и помчался прочь с налипшими на штаны кусками баранины и капусты. Прогремели пушки. В дело вступили стоявшие у берега

«Дело» и «Прихоль». Оставшиеся на них вахтенные команды поддерживали своих картечью.

Свет кухонного костра подманил меня, как мотылька на огонь. В кругу света, обвиснув на костылях, стоял Хогг.

— Ха! — расхохотался он, кривя губы на бледном лице. — Хорошо сделано, Макдэниэлс. Хорошо сделано, парень!

Уголком глаза я заметил подбегающего капитана Килта. Кудри свисали ему на плечи, как мокрые водоросли, лицо по-волчьи скалилось.

— Я — дьявол, — выдохнул он, — и работенка у меня дьявольская.

Хогг ухнул и подался вперед, двигаясь боком, будто рак-отшельник.

— Сковорода твоя, мальчуган. Бери ее!

Ручка, словно притянутая магнитом, оказалась в моей ладони. Я развернулся на пятках и оказался нос к носу с капитаном. Догорающие угли подсвечивали нашу стычку красноватым отблеском.

Килт взмахнул саблей — я парировал удар жирной, покрытой нагаром сковородой. Мы плясали по песку — взад-вперед, сковорода против сабли. Несколько раз он почти достал меня, но я встречал сталь чугуном, и ему тоже досталось несколько ударов плоской стороной Роберта.

Голос Хогга выкрикивал советы: «Берегись финта! Подныри! Дай ему в рыло!.. Ха!»

Удар отдался у меня в локте и, кажется, покончил с буйством капитана.

— Дьявол, — бормотал Килт. — Дьявол. Дьявол...

— Помни, мальчик: человек — это приправы, — сказал Хогг.

Килт вдруг восторженно завыл и припялся расстегивать ремень.

— Дьявольская работенка, — как безумный хрюнул он.

Когда кожаные штаны упали с него, я врезал ему сковородой между ног. Килт испустил вопль и упал на колени. Еще один удар по черепу, и я спокойно поднялся на ноги.

В лагуне догорал «Дело». «Прихоти» нигде не было видно. Ночь пахла порохом и горелой кассавой. Я поднял саблю капитана Килта и глубоко вонзил ему в спину.

— Теперь мне нечего тебя бояться, — сказал я. — Верно, Хогт?

Хогг лежал на скамье, совершенно мертвый.

— «Человек — это приправы», — повторил я и расхохотался, засовывая сковороду себе за пояс.

Голос Хогга звучал у меня в ушах. Он рассказывал мне о маринадах, в которых индейцы-карибы заготавливают впрок человечину. Пусть фортуна выбросила меня на мель, но голодать мне не придется — только не на этом островке.

«Еды хватит надолго» — так сказал мне Хогт.

КЭРРИ ВОГ

Дитя Нимфы

Грэйс не видела капитана. Маршал велел приковать их по разные стороны перегородки, надвое разделяющей камеру. Она закрыла глаза и представила, будто чувствует его сквозь фут камня и известки, разделившие их. Слабая как ребенок, усталая как смерть, она повисла на цепях. Браслеты кандалов врезались в запястья.

— Грэйс, ты не спишь? Слышишь меня?

Из-за стены донесся свистящий шепот Алана. Всего несколько шагов, и она его увидела бы. Если бы могла шагнуть.

Она подвигала челюстью, растерла лицо, еще саднившее от побоев.

— Да.

— Сошлись на свой живот. Маршал не посмеет тебя повесить. Я не желаю видеть, как тебя вешают.

— Нет. Я умру с тобой, для меня больше ничего не остается.

— Черт тебя подери, Грэйс.

Она болезненно хихикинула:

— И тебя туда же.

Они вместе плыли от края мира. В тот раз, у Железного Зуба, до смерти оставалось совсем немного.

Это просто новое плавание, и оно очень скоро закончится. Петля вокруг шеи, мгновение страха, потом — ничто. Вот и хорошо. Ей только хотелось бы еще разок увидеть его.

Она слышала его булькающие вздохи — от побоев у него в груди скопилась кровь.

— Мистер Ларк, вы — лучший первый помощник, какого мне доводилось видеть. Вы всегда исполняли приказы своего капитана. Так вот, я приказываю вам жить. Я приказываю вам выжить и вырастить нашего ребенка. Вы меня понимаете?

— Не прося меня об этом, Алан. Пожалуйста, не проси.

Лицо ее было так избито, что она не чувствовала, текут ли слезы. Все тело онемело.

Железная дверь камеры открылась. Маршал Хеллварта вошел с командой солдат, те полукругом встали перед капитаном «Нимфы» и его первым помощником.

— Капитан Алан. Мистер Ларк. Рад встрече.

Маршал не знал. Они избили ее, когда взяли «Нимфу» штурмом, но обшарили бегло, искали только оружие. Маршал слишком спешил вздернуть всю команду, пока они не устроили побег, взбудоражив всю округу. Волосы у нее были обрезаны коротко, свалившаяся челка свисала на глаза. Грудь туто перехвачена повязкой. Она одурачила всех, ведь никому и в голову не пришло бы искать среди пиратов женщину.

— Я принес вам на подпись признание. Это ускорит процесс.

Она плюнула в его сторону кровавым сгустком мокроты. Не видела, попала или нет, но кто-то проговорчал:

— Ублюдок!

— Давай, — тихо произнес Алан. — Скажи им.

«Живи. Это приказ». Но он уже не капитан, раз потерял свой корабль.

Звякнули цепи — Алан выпрямился. И заговорил — звонко и властно. Боже, он все равно капитан, чтоб его черти взяли.

— Мой первый помощник не может подписать признание, маршал.

— Почему бы и нет?

— Я скажу вам одному. Прикажите своим людям выйти. — Маршал захмурился, и Алан прибавил: — Ради бога, чем я могу теперь вам угрожать? Даю слово, это не уловка.

Маршал отослал солдат, они остались втроем. И Алан сказал ему:

— Имя проставлено неверно.

— Ничего подобного, я перечислил все клички Гретори Ларка...

— Грэйс Ларк. Ее зовут Грэйс Ларк.

Она закрыла глаза. Вот и все. Алана они все равно убьют, а она останется жить. И помнить.

Маршал, человек решительный, представительный, со стальной сединой в волосах и ровно подстриженными баками, подошел к ней с ножом в руке. Вспорол на ней рубаху, оторвав пуговицы. Разрезав нижнюю рубаху, он увидел повязку. Разрезал и повязку. Она в упор смотрела на него, но он не встречался с ней взглядом. Ошеломленный, он отступил на шаг-другой. Один короткий взгляд — и он отвел глаза. Почти нежно свел края рубахи.

— И еще. Она носит ребенка. Я должен за нее просить о милости к ее чреву, раз сама она отказывается это сделать.

— Проклятие... — Маршал заговорил громче. — Вы просили меня отослать людей, чтобы эта история не стала всеобщим достоянием.

— Я вижу, мы понимаем друг друга, маршал. Со мной делайте что хотите. Я все поднищу. Но ее ищадите.

Маршал Хеллварта прошел за перегородку. Ключ повернулся в замке, и перо проскребло по бумаге. Алан подписал отказ от жизни.

— Благодарю вас, капитан. Что до остального, я сделаю все, что в моих силах.

Грэйс что было мочи натянула цепь, но только ссадила себе запястья. Свежая кровь вытекла на запекшиеся шрамы.

Маршал кликнул своих людей. Двое подошли расковать Алану. Когда его подвели к двери, он вывернулся в руках тюремщиков, чтобы взглянуть на нее. Лицо его было залито кровью, волосы прилипли к ране на лбу. Он вряд ли удержался бы на ногах без поддержки солдат. Ей хотелось броситься к нему

— Приказ,— напомнил он, и его уволокли из камеры.

— Мистер Ларк пока останется с нами, — сказал маршал своему помощнику.

И они тоже вышли, оставив ее одну.

Она выкрикнула его имя. Она кричала им вслед хриплым, надсаженным голосом. Она разучилась визжать по-женски.

Они вешали команду партиями. Шесть раз она слышала, как открываются люки под виселицей, как скрипят веревки. Капитана Алану повесили отдельно. Толпа приветствовала его криками.

Грегори Ларк числился в списках повешенных. Маршал перевел ее в другую камеру, дал другую одежду, и она снова стала Грэйс. Он продержал ее два месяца, пока ее беременность не стала явной. Тогда он завязал ей глаза и посадил в закрытую повозку. Повозка ехала целый день. Грэйс не видела куда. Остановив повозку, он высадил ее на дорогу.

— Я сохранил вам жизнь и вашу тайну. Это наименьшее, чем я мог ответить на благородство Алана. Я прошу об одном: вы никогда больше не должны ступить на борт корабля. Обещайте.

— Обещаю, — безразличным тоном отозвалась она.

Маршал снял с нее повязку и вернулся в повозку. Повозка развернулась и скрылась в туче пыли.

Она огляделась. Рядом оказалась деревушка — рыбакский поселок прямо на берегу. Море всегда будет рядом, не даст забыть о себе.

Вдова Грэйс — под таким именем ее знали в Рофусе — не понимала, как это фунт сельди в приморском городке может стоить дороже фунта говядины. Но, как видно, на рыбу был не сезон. Что ж, стало быть, в ее таверне «Дитя Нимфы» завтра будут подавать мясное рагу. Она уложила мясо в корзину и повернула к дому.

Она не спешила и прошла мимо пристани. Рофус не тянул на морской порт. Большие суда обыгно проходили мимо, туда, где на побережье лежали большие города и были дороги, необходимые для торговли. Малые суда останавливались здесь починиться и запаслись провиантом. Изредка заходили и крупные, привлеченные низким портовым сбором. На скалистом мысу власти поставили маяк и держали гарнизон из солдат-ветеранов. Им полагалось отпугивать пиратов. Единственная дорога тянулась за холмы вглубь страны. Здесь было захолустье — несколько рядов дощатых построек, ставших серыми от ветров и соли, да несколько причалов, выкрашенных в черный цвет раками и тиной. Жизнь в колонии поддерживали рыбаки. Рыба ловилась отлично, и рыбакам не было дела до заходящих в гавань кораблей. Что корабли, что чайки, с криками кружившие над их лодочками.

Новый корабль встал на якоре вдали. Из тех новых галеонов, где вооружения довольно, чтобы одним залпом сровнять Рофус с землей. Гарнизон как будто не беспокоило появление неизвестного корабля. Грэйс видела его впервые.

В сущности, Грэйс искала Кэт — хотела проверить, не бродит ли девчонка по берегу, горящими глазами засмотревшись в море, когда ей следовало бы смотреть за таверной. Красотка Кэт, светловолосая, стройная, гуляет по поселку, задрав нос. «Загордилась», — поговаривали люди, но Грэйс нравилась гордость дочери, и тем усерднее она распекала за нее девчонку. Порой Кэт до смерти пугала ее. Ей чудилось, что однажды она вернется домой и узнает, что Кэт сбежала на поиски приключений. От этой мысли под ложечкой возникала чугунная тяжесть.

Как-никак, именно так поступила когда-то Грэйс, и смотрите, чем это кончилось!

Вывеска над дверями ее таверны «Дитя Нимфы» изображала носовую фигуру плывущего корабля: женщины в летящем одеянии, темные волосы разеваются на ветру, а на руках у нее младенец. Странная мысль, говорили иные. Грэйс возражала: если корабль — женщина, так почему бы ей не иметь детей?

Она вошла в таверну с черного хода. С кухни слышались голоса. Сперва она решила, что Кэт, как обычно, упрашивает зависгатаев что-нибудь рассказать. Но скоро уловила в голосе дочери тревогу и расслышала, что гость расспрашивает девочку о «Нимфе», о родителях... О сокровищах.

Грэйс, держась у стены, пробралась в кухню, чтобы незаметно взглянуть, кто это. И увидела привидение. Ее дочь донимал вопросами молодой капитан, гладко выбритый, темноволосый. Наряд дорогой — суконный камзол и льняная рубаха, — но поношенный, видавший

виды. Его треуголка лежала на столе рядом с нетронутым стаканом бренди.

Пришелец поднял голову, взглянул через плечо Кэт и улыбнулся, узнав.

— Грэйс Ларк. Добрая встреча, — сказал Дэвид Мэй.

Шестнадцать прошедших лет пошли ему на пользу. Он вырос, раздался в плечах. Гордая осанка, обветренные руки, жесткое лицо. И блестящие любопытные глаза. Глаза остались прежними.

Грэйс готова была его растерзать.

Она прошла мимо Кэт, оперлась на стол, нависла над ним. Схватила за грудки, выдернула из кресла и отпрынула к стене. Господи, мальчишка на шесть льюмов перерос ее! Но она все еще была тверже стали и оставалась, по крайней мере для них двоих, его командиром.

— Как ты смеешь — какого дьявола ты приперся сюда с расспросами о сокровище?! — Она намотала ворот его рубахи на кулак, придушив парня. — Ты знаешь. Все знали, черт возьми. Не было никакого сокровища!

Сердце у нее колотилось от давних воспоминаний.

— Я знаю. — Голос звучал напряженно, но взгляд не дрогнул. Он и не думал сопротивляться. — Я знаю, сэр.

— Надо бы тебя прикончить. Убить хотя бы за то, что ты жив и здоров, ублюдок! — Но она выпустила его ворот. Он пошатнулся, придержался за стелу, не сводя с нее взгляда. Рука его потянулась к поясу, на котором висела шпага в ножнах, но Грэйс повернулась к нему спиной. — Кэт, выставляй всех. Мы на сегодня закрываемся.

Завсегдатай таверны пялили на них глаза. Грэйс случилось раз-другой разнимать драчунов, но она никогда не выходила из себя. Они послушно потянулись к выходу, едва услышав просьбу Кэт.

Грэйс обернулась к Дэвиду. Он устало улыбался:

— Ларк... ваша дочь. Она похожа на него. Похожа на капитана Алана. Глаза, волосы и взгляд такой же...

Грэйс потерла рукой лоб, провела ладонью по седеющим волосам:

— Я знаю. Ты что, думаешь, я не знаю?

Когда таверна опустела, Грэйс предложила Дэвиду стул. Перебрала в уме поручения, по которым можно было услать Кэт, но передумала. Девочка сидела как на иголках, с языка у нее, конечно, рвались вопросы.

— Зачем явился? — спросила Грэйс.

— Мне нужно узнать, как вы прошли Железный Зуб. Она закатила глаза и расхохоталась:

— Только и всего? Ну, Дэви Мэй... — Она хлопнула ладонью, чуть не опрокинув его стакан с бренди. — А мне нужно знать, как ты сбежал от маршала Хеллварта.

Они долго боролись взглядами, молча, выжидая, кто не выдержит, заговорит первым. Шестнадцать лет прошло. Он уже не юнга, а она — не пират. Им надо было заново оценить друг друга.

— Я — *капитан* Мэй, — наконец сказал он.

Она подняла бровь:

— Галеон в гавани?

— «Сердце королевы», — уточнил он.

— Очень мило. Особенно если вспомнить, что в последний раз я видела тебя в цепях на тюремном дворе. Чем ты заслужил свободу? Как уговорил стражу тебя отпустить?

— Маршал не мог повесить двенадцатилетнего мальчишку, так же как не мог повесить беременную женщину. Он отправил меня на один из своих кораблей. Он... перевоспитал меня.

Маршал Хеллварта — суровый старик с понятиями о чести, принадлежащими давно ушедшей эпохе. Он

ловил и вешал пиратов. Женщины и дети пиратами быть не могут, не правда ли? Как странно, его милость спасла...

— Мама? — Кэт была очень серьезной — хмурила лоб, поджимала губы. — Грегори Ларк... Грегори Ларк был мой отец.

— Нет, Кэт, — так же серьезно ответила Грэйс. — Грегори Ларк была твоя мать, переодевшаяся мужчиной и связавшаяся с пиратами.

Кэт долгую минуту осмысливала ее ответ. Наконец все сложилось у нее в голове. Она глазела на Грэйс, открыв рот, как глазела бы на великанка или на дракона. «И звезды в ее глазах стали вдруг очень яркими», — с упавшим сердцем подумала Грэйс.

— Ты? — Загнанное вглубь возбуждение наконец прорвалось наружу в этом слове. — Ты плавала на «Нимфе»? Грэйс Ларк... Грегори Ларк! Ты была первым помощником на «Нимфе»! Ты всегда говорила, что женщины не бывают моряками, что суеверные моряки такого не допускают, а сама... И ты мне не рассказала!

— Господи, Кэт. Узнай люди, что кто-то из команды «Нимфы» жив, они высадили бы нам дверь в поисках клада. Я никому не говорила. И тем более не сказала бы тебе. Ты с малых лет заглядывалась на корабли. У тебя в головке и без моих рассказов хватало глупостей.

— Как это было? Это правда? — жадно спрашивала Кэт, кажется не услышав предостережения в ее словах. Покосившись на Дэвида, она перешла на шепот. — Ты правда убила капитана Алана?

Грэйс слушала эти байки вместе с Кэт — Кэт больше всего любила слушать сказки о «Нимфе» — и всегда держала язык за зубами. «Нимфа» была пиратским кораблем, но ее капитану и команде хотелось не столько золота, сколько приключений, потому-то они и пошли

проливом Железный Зуб, где подстерегали острые рифы и предательские мели и в дополнение к ним — дракон. Не ради сокровища, которое, по слухам, скрывалось за проливом, а чтобы сказать, что они это сделали. А когда команда все-таки нашла клад, он их погубил: команда обвинила капитана Алана в том, что он спрятал сокровища; Алан зарыл их, чтобы клад никому не достался; первый помощник Грэгори Ларк убил Алана, а команда потом в отместку убила Ларка. Рассказ этот разошелся в дюжине версий, и с каждым годом их становилось больше. Грэйс твердила себе, что она не Грэгори Ларк и ее не касается, что болтают о нем люди.

Шли минуты, а Грэйс молчала. Стоит ей заговорить, голос сорвется, и ей конец. Кэт так испытующе, так жадно взглядывалась в ее лицо, что Грэйс чуть не вздрогнула. Совсем как Алан, когда сказал: «Мы сумеем, Грэйс. Мы пройдем Железный Зуб».

Кэт прикусила губу и взглянула на Дэвида. И Грэйс тоже взглянула на него. И чуть заметно кивнула. Он кивнул в ответ. Если он готов взять это на себя, пусть говорит.

— Она его не убивала, — сказал Дэвид девочке. — Совсем наоборот. Капитан Алан был твоим отцом.

Кэт наморщила лоб, потупила глаза. И долго сидела так под взглядами Грэйс и Дэвида. Раз или два она как будто готова была что-то сказать, но останавливалась. В конце концов она заговорила:

— И его вправду повесили в Хеллварте? Он не войдет в дом, как тень из сказки, да?

— Я видел, как он умирал, — тихо ответил Дэвид.

Грэйс отвела взгляд. Ей не выпало такого счастья — или проклятия.

Кэт стиснула пальцы между коленей.

— Какой он был на самом деле? В рассказах есть хоть сколько-то правды?

— Он был самым лучшим и самым храбрым из всех, кого я знал, — сказал Дэвид. — Когда мне приходится трудно, я спрашиваю себя: «Что сделал бы Алан?» — и становлюсь лучше, обдумывая ответ. Я узнал тебя, сдва увидев, потому что у тебя его лицо и его серые, как море, глаза.

Сейчас ее глаза покраснели. Но она застенчиво улыбнулась:

- Правда?
- Клянусь душой моего корабля!
- Мама... ты по нему тоскуешь?
- Да. Каждый день.

Случалось, при виде корабля она готова была поклясться, что это «Нимфа», что капитан Алан вернулся за ней.

— Мистер Ларк, сэр... мадам... — заговорил Дэвид. — Я, право, не хотел нарушать ваш покой. Вы, как никто, заслужили мирную и спокойную жизнь. Но это дело жизни и смерти. Я должен знать, как вы прошли Железный Зуб.

Грейс криво усмехнулась:

- А ты не знаешь? Ты же был с нами.
- Вы заперли нас в трюме. Оттого-то Блаунт и вбил себе в голову, что вы прячете клад.

История была знаменитая.

Команда поставила паруса. Задул сильный ветер, и шли они быстро. Алан стоял у штурвала, и, когда команда поняла, куда он правит — к башням утесов, выступающих над океаном, как когтистые пальцы, — люди подняли крик. Он что, сошел с ума? Всех хочет погубить? «Вы мне верите?» — спросил Алан и бешено оскалил зубы. Почти все верили — до края земли и за краем. Но несколько моряков — Блаунт и еще кое-кто — угрожали бунтом. Тогда-то и появился Ларк с наведенным на них мушкетом, и еще четыре заряжен-

ных мушкета были заткнуты сзади за пояс. Он прика-
зал всем спуститься вниз и запер люк. В его вахту —
никаких бунтов. Команда, в том числе и Дэвид, так и
просидела под палубой и всю дорогу спорила: взбунто-
ваться, наплевав на Ларка с его мушкетами, или по-
верить капитану и выждать? При каждом содрогании
корпуса, при каждом крепе на волне команда ахала и
молилася. «Нимфа» шла ровно и быстро, а шесть часов
спустя, когда Ларк открыл трюм, Зуб остался позади.
Алан с Ларком не рассказывали, как им это удалось,
и тем больше веры было байкам о зарытом кладе.

Только Ларк — Грэйс осталась в живых и знала
правду.

Она сказала:

— Мы нигде не бросали якорь. Нигде не причали-
вали — вы бы заметили это, даже сидя в трюме.

— Мы так и говорили Блаунту, но он все равно нас
продал. Он решил, что дракон, пролетая, сбросим на
палубу сундук с золотом в оплату заключенной с ним
сделки.

— Вот видишь? — сказала Грэйс, обернувшись к
Кэт. — Об Алане ходили такие легенды, что даже его
собственная команда поверила, что он заключает сдел-
ки с драконами.

— Грэйс, прошу вас...

— Зачем? Что это за дело жизни и смерти?

— Пролив Железный Зуб — кратчайший путь от
Хеллварта к Эллю. Зуб, возможно, самое мощное укреп-
ление против военного флота Элля.

— Если они захотят начать войну, то смогут его
обойти.

— Да. Но если гонец пройдет Железным Зубом, он
сможет предупредить Хеллварт задолго до подхода вра-
жеского флота. Мы успеем приготовиться.

Грэйс задумчиво играла воротом своей рубахи.

— Если Элль пошлет флот против Хелльварта, твоей задачей будет предупредить маршала. Ты сделался истинным патриотом...

Он покраснел и на минуту стал похож на неловкого мальчишку, который спотыкался о собственные ноги, пытался и старался всем угодить. Аллан держал мальчика при себе, защищал и учил всему, что знал сам, превращая уроки в игру ради большей доходчивости. Лучшие юнги для лучших капитанов — почти сыновья. Кажется, Аллану нравилось, что у него есть почти сын.

Не потому ли он так радовался, когда она сказала, что ждет ребенка. Не потому ли так старался спасти ее. А что бы он сказал о дочери?

Она продолжала:

— Ты здесь по приказу маршала. Он рассказал тебе, что Грегори Ларк еще жив.

— Я первым предложил иройти Зуб. Когда я выложил ему свой план, он велел мне разыскать вас.

— С какой стати мне помогать вам? Он убил Алана.

— Вы спасли бы множество жизней. Если я вовремя доставлю предупреждение...

Она подняла руку, оборвав его на полуслове:

— Ты вырос благородным юношей, Дэвид. Аллан гордился бы тобой.

Навалившись на стол, Дэвид испустил такой тяжкий вздох, что можно было поверить — он сдерживал его все эти шестнадцать лет.

— Все это время мне казалось, что я предаю его, служа маршалу. Но... я обязан ему жизнью. Это тоже что-то значит.

— Ты выжил. Ты оставался с Алланом, пока мог, а потом выжил. Другого он бы не пожелал.

«Живи». Это слово, его голос преследовали ее в кошмарах. Хотела бы она знать, что снится Дэвиду.

— Вы поможете мне, сэр? Откроете тайну?

Она рассмеялась:

— А сам не догадаешься? Разве ты не знаешь, что отличало «Нимфу» от всех других кораблей? Вы с маршалом одни знаете наш с Аланом секрет — и до сих пор не догадались?

— Вот так загадка! Чем отличалась «Нимфа»? Легендарный корабль. Капитан — пират, но верный кодексу чести. Он никогда не гнался за сокровищами ради богатства — ему нужно было ровно столько, чтобы содержать корабль и расплачиваться с командой. «Нимфа» плавала свободно, не поднимая флага ни одной из стран. Она прошла Зуб и уходила от маршала, пока ее не предал один из своих. Она была гордой и свободной, и служить на ней было честью. Я не знаю другого такого корабля. Вот всем этим и отличалась...

И тут Кэт сказала:

— У нее на борту была женщина.

Ветер рвался в пролив клипами книжалов, направленных в спину «Нимфе». Они шли слишком быстро, слишком много парусов осталось неубранными, а команда вопила так, что даже из трюма их голоса отдавались на мостице.

Алан ухмылялся:

— Мне не по себе, правда. Но так лучше.

— Да... — вздохнула Ларк.

Алан твердо сжимал штурвал и вел корабль прямо.

Скалы вырастали башнями, шершавый темный камень блестел влагой. Широкая тень от утесов оставляла пролив в вечных сумерках.

И вот вершина одной из башен шевельнулась. Тень выросла, два широких крыла развернулись над водой. Чешуи блеснули на солнце. На змеиной шее качнулась острыя голова, раскрылась треугольная пасть. Серебря-

ные зубы в пей были похожи на острые рифы. И также ждали добычи. Железный Зуб и дракон — одино.

Капитан и первый помощник «Нимфы» смотрели на эти зубы без страха. Перед ними было чудо.

— Ты готова, Грэйс? — спросил капитан, и на этот раз в ответе первого помощника прозвучала радость:

— Готова!

Она сорвала с шеи платок и, обрывая пуговицы, распахнула на себе рубаху.

— Ты прекрасна! — крикнул Алан, перекрывая ветер.

— Ты маньяк! — расхохоталась в ответ она.

Убегая от него по палубе на нос, она срываала повязки с груди, и они, запутавшись в снастях, развевались на ветру.

Дракон застонал — от тяжелого стона дрогнули воды и ниже осел на волне корабль. Огромная грозная голова опустилась вниз, к «Нимфе». Единожды хлопнули крылья — и корабль отбросило назад. Потом дракон опустился на подводный камень и оказался перед ними. Он глядел на них сверху, а они мчались прямо ему в пасть.

Стоя у бушприта, склонившись над водой, с обнаженной грудью, Ларк подняла к дракону руки. Ветер и брызги хлестали ее тело.

Зверь вздохнул, и горячее дыхание омыло ее. Он сложил крылья, опустил чециу век.

— Красиво, — сказал дракон густым басом, в котором слышался хруст дробящегося камня. — Почему я так редко вижу вас? Почему таких, как ты, не бывает на кораблях?

— Не знаю, — ответила она, потому что перед этим чудовищем привычные объяснения рассыпались прахом. — Правда, я не знаю.

Дракон пропустил их.

Он летел над кораблем, помогая обходить рифы и мели. Ларк говорила с ним, рассказывала легенды и пела песни, хотя иные из песен, которые он просил спеть, были такими древними, что она их не знала. Они миновали последний риф, и дракон, простиившись с ними, вернулся в свое одинокое гнездо.

Когда капитан Алан выпустил команду, Железный Зуб был позади, и ни он, ни мистер Ларк никому не рассказали о том, как им удалось совершить невозможное.

Дэвид смотрел на них круглыми глазами. Это позабавило Грэйс — разгадка была так проста, а он ее не увидел.

Она кивнула:

— Мы заперли команду в трюме, чтобы сохранить мою тайну, пока я говорила с драконом. Подумай, что устроил бы Блаунт, узнай он, что все это время приказы ему отдавала женщина.

— Вы говорили с драконом? *Говорили с ним?*

— Его можно смягчить звуком женского голоса и видом женского тела. Он, кажется, потерял свою пару много столетий назад и тоскует по женскому обществу. Ему только и нужно несколько слов — чтобы нежный голосок сказал ему, какой он сильный и храбрый. Он на самом деле неплохой парень, просто его раздражает вторжение на его территорию. А рифы — возьми к правому берегу и держи курс ровно, и ты их обойдешь.

— И все? — Дэвид встал. — Грэйс... мистер Ларк, сэр. Вы не пойдете со мной? Не пройдете со мной Зуб еще раз?

Она готова была сказать «да», не успев задуматься. Там была ее жизнь. Она оставила ее не по своей воле. Почему бы не вернуться? Действительно, почему бы и нет. Ее поджарое тело обмякло и округлилось за эти

годы. Она уже не влезет в мужской костюм. И как оставить таверну? Та жизнь прошла. Да, она оставила ее не по своей воле. Но разве кто-то уходит из жизни добровольно?

— Не могу. Я не могу обмануть доверие маршала. Я дала ему слово, что никогда больше не ступлю на палубу корабля.

Он кивнул, будто ждал этого ответа.

— Вы скучаете по морю? — спросил он.

— Нет. Мысль о плавании слишком напоминает мне об Алане.

Кэт чуть не сорвалась со стула:

— Я. Возьмите меня. Я научусь, я уже знаю все корабельные снасти! Я каждый день смотрю, как подходят и уходят суда, мне всегда хотелось в плавание. Чтобы пройти Железный Зуб, вам нужна женщина. Пожалуйста, возьмите меня.

Грэйс чуть не ударила ее:

— Кэт, сядь на место.

Она осталась стоять. Дочь Грэйс встретила ее взгляд горящим взглядом, и в глазах у нее был мятеж. Грэйс знала, что такой день придет, — она прикажет дочери сделать что-то — и Кэт поймет, что у Грэйс нет над ней власти. Дважды черт побери Дэви Мэя за то, что этот день настал.

— Кэт, сядь, — повторила Грэйс. Кэт села. — Кэт... ты единственное, что осталось у меня в этом мире. Только ради тебя я живой ушла из Хеллварта.

— Если ты велишь мне остаться, я останусь. Но это мой шанс. Мой единственный шанс.

Дэвид тоже умоляюще смотрел на нее:

— На «Сердце королевы» свободно место юнги. Если вы поможете ей переодеться... Я сберегу ее даже ценой своей жизни. Буду заботиться о ней, как капитан Алан заботился обо мне. С ней не случится беды...

Разве они не понимают, как просто ей ответить? Не видят, что для нее существует один-единственный ответ и ничто ее не разубедит?

— Нет, — сказала она. — Ни ценой жизни, ни ценой всех сокровищ мира. Капитан Мэй, встреча была достаточно приятной, но убирайтесь из моей таверны.

Он медлил, и у Кэт вырвался сдавленный всхлип. Грэйс встала. Ей не побить Дэвида в драке, то время прошло. Но с ней оставалась ее слава. Ее гнев. Она не сомневалась, что капитан такого корабля, как «Сердце королевы», не станет затевать здесь драку.

Наконец Дэвид кивнул ей, почтительно отсалютовал шляпой. И ушел.

Кэт, похоже, готова была завопить, будто вернулись давние детские припадки буйства. Лицо ее пылало, губы дрожали. Но она не стала вопить и ничего не сказала. Не сказала даже: «Я тебя ненавижу». Повернулась и выбежала из кухни.

— Кэт! — крикнула вслед Грэйс.

Ей столько всего хотелось сказать. «Дай мне объяснить. Позволь рассказать, почему тебе нельзя с ними. Я хочу для тебя лучшей жизни, чем прожила сама, а лучшая жизнь — не в море»... Но что толку. Девчонка бросилась на кровать, чтобы хороенько выплакаться. За эти годы Грэйс выслушала сотни историй, рисовавших ее мерзавцем, предателем, выстрелившим в спину своему капитану, покончившим со славными плаваниями «Нимфы».

Только теперь, в эту минуту, она и чувствовала себя мерзавкой.

В полночь в тишине слышен был только шум прибоя. Равномерный, непрестанный и вечно меняющийся шум. Одни волны тяжело бьют в берег, другие ласково плещут, одни большие, другие маленькие. Можно всю

жизнь слушать шум волн, и все равно не угадаешь, какой будет следующая.

— Твои глаза как лунный свет на волнах, — сказал ей Алан, когда начал ухаживать за ней.

— Ты украл эту строчку у бездарного менестреля? — улыбнулась она.

— Кто я такой, чтобы судить его дар? Он цел на рыночной площади. Я прошел мимо и услышал одну только эту строчку. Может, следующая была лучше. Но если бы я дождался следующей, опоздал бы на свидание с тобой.

Она рассмеялась его чувствительности и тому, что все, пожалуй, так и было.

Что сказал бы Алан, если бы видел ее сейчас? Такой, какой стала теперь, она была бы ему противна. Дряблая трусиха, боится даже подумать о приключении. «Я *всего лишь выполняю ваши приказ, сэр*».

Этой ночью на волнах блестела луна. Галеон «Сердце королевы» еще не поднял якорь.

Грэйс легла в постель засветло, но не спала, вслушивалась в шум волн и потому услышала, как открылись ставни в комнатке Кэт, услышала, как кто-то шуршит и скребется, вылезая из окна. Девчонка думала, что она не проснется, но Грэйс были известны все эти уловки.

Грэйс лежала одетой. Теперь она встала, вышла в зал таверны, а из него — в переднюю дверь. Кэт как раз кралась вдоль стены. Грэйс встала у нее на пути.

Кэт завернулась в плащ и прижимала к груди узелок. Не на прогулку собралась, не просто хотела еще разок взглянуть на новый галеон. Побег. Мысленным взором Грэйс увидела круглоголовую золотоволосую мальшку, уставившуюся на нее большими глазами, полными вины за какое-то ребяческое преступление — разбитую крынку или грязные следы, оставшиеся в кухне. Но сей-

час перед ней стояла другая Кэт. Молодая женщина, твердо сжав губы, смотрела ей прямо в лицо. Когда она успела так вырасти? И как это Грэйс не заметила?

— Ты меня не остановишь, — сказала Кэт. — Я ухожу. Если придется, буду драться с тобой, хоть ты и Грегори Ларк.

Грэйс не думала, что это имя звучит так грозно. Оно было историей, сказкой.

Если бы не Кэт, она успела бы забыть, каким был Алан. И что бы он сейчас сказал? «Отпусти ее, или у тебя не будет случая попрощаться».

— Тебе надо обрезать волосы и перевязать грудь, — сказала Грэйс. — И научиться говорить и ходить, как ходят и говорят мальчишки. Тебе ни на минуту нельзя будет забыть, что ты изображаешь мальчика. Ты понимаешь?

Кэт быстро, по-птичьи, кивнула.

— Мужчины, которые любят мальчиков... Дэвид их к тебе не подпустит. Но ты должна уметь сама о себе позаботиться. Дэвиду я доверяю, но только ему, а он не всегда будет рядом, чтобы тебя защитить. Ты понимаешь, Кэт?

— Да, да, понимаю... — Она вдруг расплакалась — беззвучно, только слезы текли по лицу.

Грэйс шагнула к ней, и девочка бросилась навстречу, крепко-крепко обняла.

— Вернись ко мне живой, Кэт, — шептала Грэйс. У нее перехватило горло, и слезы так же текли по щекам. Ей надо было столько сказать Кэт, дать столько советов, но не было времени: скоро отлив и Дэвид, конечно, ждет на причале. Но на один последний совет времени хватит. Одна последняя, отчаянная мольба. — И ради бога, не влюбляйся в своего капитана!

КОНРАД УИЛЬЯМС

68° 07' 15" северной широты,
31° 36' 44" западной долготы

I

Везды вращались за его спиной. Капитан Лоу явился, словно плохая погода, словно нечто отделенное от природы, некая иная сила, движимая ромом, болью и местью. Сталь в зубах. Руки в крови. Его собственной? Он не был уверен. Впрочем, и не задумывался особо об этом. Нет времени останавливаться и думать о ранах, об умерших и убитых. Два месяца прошло с того момента, как «Гордость Мерси» вышла из Ливерпуля. Пороховой смрад разъедал ноздри, во рту стоял кислый вкус страха. Подступало безумие.

В мозгу капитана властвовал Феттер, обволакивая сознание удушливым дымом, нагоняя тени, словно в кузнице. Джейкоб Феттер — мразь морская, падальщик, жрущий донные отбросы, поганая тварь. Месяц назад, в дождливую ноябрьскую ночь, в темной гавани к югу от луны, скрывшейся тогда за облаками, потому, может, и к северу, а может, и в самом аду, Джейкоб Феттер и его команда пробрались на борт и вырезали людей капитана Лоу. Всех хороших людей. Всех жестких, цвета красного дерева людей, мускулистых, с обветренной кожей, любящих грот, которые, скорее всего, без единого стона вынесли бы протаскивание под килем.

Тридцать семь нас было... Теперь все мы здесь, кроме одного.

Земля той гавани, поле боя... лед, растаявший под напором горячей крови, к утру превратившийся в коричневый сироп. Внутрь закатали бочонки с древесной стружкой. Наружу вынесли трупы, некоторых изрубили на куски. Феттер украл язык каждого мертвеца и выколол всем глаза деревянным штифтом, насвистывая при этом веселую мелодию. Мелодию, неизвестную Лоу, но оставшуюся в памяти как первая встреча со смертью.

Капитан преследовал тень Феттера от Плимута до Португалии, от Бреста до Берингова моря. Его новая команда — сборище шелудивых крыс, взятых со дна общества, выброшенных с резанными ранами из борделей, готовых к любой работе, знающих его имя. Знающих его прошлое. Это теперь судьба Лоу. Сильных мужчин не осталось. Поэтому ему пришлось пригласить на борт призраков.

Тридцать семь нас было... Теперь все мы здесь, кроме одного.

Команда говорит, а он дрейфует между ними, заучивая, понимая, выясняя. Первый помощник, мистер Грей, представляет матросов, а капитан старается — тщетно — избегнуть ядовитых порывов воздуха, вырывающихся меж зубов этого человека.

— Смотрите, капитан, это мистер Кидни, тот, с ногой, покрытой незаживающими язвами. Он не хочет, чтобы ее просто отрезали. Парень уже умирает, но бросяется в каждую битву, первый на подъеме, первый в драке, красным флагом оборачивает свои сочащиеся нарывы. «Пристрелите меня, — кричит он. — Пристрелите, и покончим с этим». Видите ли, он жаждет золота, но еще больше хочет, чтобы ему отрезали ногу, ведь ампутация — это слишком просто, да и денег ему

тогда не видать. А все остальное, смерть к примеру, всего лишь приятное дополнение. У этого человека, похоже, очень большой и болезненный долг перед прошлым. Помяните мои слова, капитан. Он никогда не упадет. Мистер Кидни слаб, но станет драться, пока швы не разойдутся. Этот пес пропитан неудачей. Его нога гниет, но он будет идти, пока не испустит дух.

Следующий — мистер Тэмсин, сэр, тот, на квартирдеке¹, складывает флаги. Сделан из смолы, дерева и соли. Порежьте его, и из раны потечет морская вода. Брат волн с детства. Однажды выжил, упав в море, кишащее акулами. Одна, большая, впилась ему прямо в грудь, пропоров легкие. Он оказался так близко к смерти, что мог потрогать рваный подол ее мантии. Но каким-то образом вернулся. Вернулся, и теперь все знают, когда мистер Тэмсин рядом. Он дышит, и ты слышишь звук плещущихся волн. Некоторым здесь этот матрос не нравится. Парни держатся от него подальше. Считают призраком или предупреждением.

— Все это крайне увлекательно, мистер Грей, — говорит Лоу, закрывая глаза. — Крайне увлекательно и стало бы большим подспорьем для капитана, любящего, чтобы у его матросов был характер. Но, видите ли, мистер Грей, и не поймите меня неправильно, единственный человек, который меня заботит, во сне ли, наяву, единственный человек, о котором я думаю, — это Джейкоб Феттер.

И первый помощник крадучись отходит назад, склонив голову, как и все они. Капитан знает — за его спиной шепчутся. Закоулки корабельного трюма запорошены пылью слухов и беспокойства.

¹ Квартердек — приподнятая часть верхней палубы на корме парусного судна. На квартирдеке располагался штурвал и обычно находился капитан корабля.

Он одержим, да-да. Это станет его гибелью. Феттер победил еще до того, как нанес удар возмездия.

Лоу не возражает против болтовни. Ни одна его команда даже не мечтала о мятеже. По крайней мере, пока матросы натирают палубу, следят за горизонтом и сердца их холодны. Капитан громко аплодирует им. Поворачиваются головы. Усталые, бездунные глаза, глаза псов. Глаза акул. Вымотанные пираты. Опустошенные люди.

— Говорят, вы все бесполезны, — начинает Лоу. — Говорят, ваши лучшие дни закончились десять лет назад. Сейчас вы — команда волочащих ноги инвалидов. Безумцев, готовых к последнему пристанищу. Так вот, я не верю в это. Вы пришли работать на меня, а значит, в вашей крови еще осталась сталь. Молодость? Мускулы? Они ничего не стоят, если нет огня, питающего их. А про огонь я знаю все. И вижу его в вас. Вы, наверное, устали, может, даже готовы пасть, но я распознаю ярость, когда вижу ее. Я не попрошу вас ни о чем, к чему не готов сам. Я стану мыться с вами, есть, драться. А когда мы будем сражаться... О боже, парни! Когда мы будем сражаться, вся сила Атлантики встанет за нашими спинами. Я обещаю вам десять золотых дублонов, пожизненный запас рома, корабль, способный бросить вызов «Мести королевы Айны»¹, если вы поможете мне убить Джейкоба Феттера, стереть его с лица земли. Одна последняя великая задача. История смотрит на вас, на каждого. Что скажете?

Он поворачивается на каблуках, а одобрительный гул возносится до самых верхушек мачт, но столь же быстро, как маска, сорванная с лица, с губ Лоу исчезает улыбка. В его сердце нет ничего, кроме бездонного холода.

¹ «Месть королевы Айны» — корабль знаменитого пирата Эдварда Тича, по прозвищу Черная Борода (1680—1718).

Вода ночью. Может, нефть. Может, черный лед. Может, кровь. Размазня из мечты. Пена души храбрых людей, слишком испуганных, чтобы показать свои истинные чувства. Людей, которым выпала страшная смерть, но они ни разу не вскрикнули. Не позвали в смертный миг своих матерей. А ты позовешь, Джейкоб Феттер. Позовешь.

II

33° 07' северной широты,
24° 06' западной долготы

Вода застыла и похожа на стекло. Море успокоилось. Мерцание отражается в моих глазах, когда я перегибаюсь через борт и смотрю вниз. Отдаю приказ вычистить пороховой погреб и снять паруса на починку. Может, у этих людей и много ран, но говорить с ними снова мне не нужно. Им не нужны приказы, куда совать свой нос, когда вода не пенится под килем.

— Паруса упали, капитан, скоро будет жарковато.

Я смотрю на обратившегося ко мне человека. Не помню, где его нанял. На какой-нибудь мощеной бульварной улице Лиссабона, омытой потоками крови и вина? На пляже в Италии, забитом сетями и телами? Кожа походит цветом на перестоявший чай. Из-за голоса моряка выгнали из какого-то порта на юго-западе Англии. Плимута, кажется. Или Бристоля. Он старается не смотреть на меня слишком долго.

— Как вас зовут?

— Роберт, сэр. Роберт Гринхальг.

— Мистер Гринхальг, я благодарен вам за заботу. В полдень команда может пройти в трюм на два часа. Вы же, в свою очередь, останетесь здесь, со мной, наблюдая за погодой и выслеживая пиратов. Понятно?

— Все ясно как вода, в которой мы сидим, капитан, — говорит матрос, но я снова не могу отделаться от чувства, что он называет меня капитаном то ли с сарказмом, то ли с презрением.

Я уже хотел попрощаться, когда он вдруг встал напротив меня. По спине пробежал холодок, рука почти неосознанно потянулась к рукояти сабли. Матрос не вооружен, но странно улыбается, хотя, возможно, в таком впечатлении повинен шрам, змеящийся по левой щеке.

— Люди еще на вашей стороне, — произнес мистер Гринхальг. — Сейчас. Но уже пошли разговоры. «Откуда этот капитан Лоу знает, где Феттер? Откуда он знает, каким курсом идти?»

— Я — капитан этого судна. Это единственный ответ, который вам нужен.

Мистер Гринхальг почтительно склонил голову. Когда он опустил веки, на смену настоящим глазам пришли нарисованные, это меня разозлило. Татуировка, вполне обычная среди пиратов. Я уже видел ее. Утешение: даже во сне мы настороже. Матрос кивнул и отошел в сторону.

— Мистер Грей! — крикнул я, разозлившись из-за беспокойства, которое пробудили во мне этот разговор и этот человек. Он мне не понравился. — Мистер Грей!

Оказалось, я не паникал мистера Гринхальга напрямую. Я старался держать себя в руках, пока первый помощник объяснял, каким образом тот очутился на борту во время набора команды в Ливерпуле. Никто его не знал. Он спал вместе со всеми и завоевал расположение, раздавая всем желающим кусочки сушеного манго.

— Парень несколько раз ходил с капитаном Рейнером из Халла, — объяснял мистер Грей. — Привез го-

ловы с Варварского берега¹, по слухам, вроде сделал состояние на китайском серебре. Опытный моряк. Может помочь нам.

— Он прокрался на борт незаконно, — подытожил я и уставился в сторону горизонта, который казался прямее штурманской линейки, и представил Джейкоба Феттера где-то там, разглаживающего воду руками. — Присматривайте за ним.

Боюсь ли я Джейкоба Феттера? Я чувствую, как он приюхивается к волнам, стоя на черном носу корабля, свет звезд бьет ему в глаза, даря видения, где парят ангелы. Не важно, сколько миль разделяет нас, он видит меня. Видит нитки шарфа, висящие у горла, бороду, длинные волосы, треуголку. Видит, как дрожит левая рука, — после драки в лощине Горькое Сердце так и не зажили толком сухожилия и нервы. Видит капельки пота в каждой поре. Видит облако, застилающее мой взгляд. Проникает в самое сердце, туда, где холодная кровь лениво движется, словно ледяные глыбы в Антарктике. Он видит меня лучше, чем я себя сам.

Штиль продолжается.

Мы сожрали черепах, взятых на борт. Съели морские сухари в темноте трюма, чтобы не видеть долгносиков, копошащихся в еде. Мистер Тэмсин поймал старую морскую свинью. Он заявил, что никакая это не плохая примета, ведь животное само поднялось на поверхность умереть, и сварил мясо в котле. Пища оказалось дурной. Другие попытки наловить рыбы ничего не принесли.

¹ Варварский берег — европейское название Средиземноморского побережья Северной Африки во времена позднего Средневековья.

Я зажал мистера Гринхальга в углу и спросил, не осталось ли у него манго. Тот ответил:

- Нет, сэр. — И предложил мне кусок кокоса.
- Да вы просто кладовая, не так ли, сэр?

Я напрямую обвинил его в незаконном проникновении на борт корабля. Он припялся бурно извиняться и объяснил свой поступок тем, что всю жизнь хотел пойти в плавание со мной.

— Ваша репутация хорошо известна по всей Европе. Справедливый человек, хороший капитан. Брат по оружию.

— Вы служили под командованием капитана Рейнера?

- Да, сэр. Восемь лет.
- И хорошие были у вас трофеи?
- Да, сэр. В тысяча семьсот девяносто четвертом году мы победили команду из семидесяти пяти человек, принадлежащую «Ист Винд», судно из Балтимора возвращалось с Востока. Специи. Шелка. Слоновая кость. Вино и оливковое масло. А нас было всего двадцать на плюще капитана Рейнера.
- «Красная свобода», так?

Гринхальг улыбнулся:

— Да, сэр. Вы хорошо знаете историю.

— Я впечатлен. И польщен. А где сейчас капитан Рейнер?

Моряк снова улыбнулся. Меня это раздражало. Этот человек легко давал понять, что чувствует, но ничего не выражал словами. Он оказывал мне предпочтение.

— Не могу сказать, сэр. Капитан Рейнер взял с нас клятву молчать.

— Конечно. К тому же меня интересует Феттер. Полагаю, здесь подсказок не будет?

Он покачал головой:

— В последний раз, когда я слышал о капитане Феттере, тот курсировал между Средиземным морем и северо-западным побережьем Африки. Он усердно работает, сэр.

Я пожал плечами:

— Я буду работать еще усерднее.

Мне уже хотелось уйти, когда матрос аккуратно тронул меня за локоть. Я буквально проглотил приказ выдать ему плетей за такую вольность.

— Простите меня за невоздержанность языка, сэр. Я не хочу говорить попусту или сеять панику, но Джейкоб Феттер командует боевым кораблем, равного которому не было со времен Черной Бороды. У него в команде сто пятьдесят человек. Молодых, голодных. Способных. Вы, может, и одержимы мыслью словить Феттера за хвост, но, подозреваю, в его мыслях занимаете крайне мало места. — Матрос с шумом всосал воздух сквозь сжатые зубы. — Вы всего лишь воспоминание, а не проблема.

Тяжелые веки. Глаза на глазах. Шрам или нет, но меня сводила с ума его ухмылочка. Я наклонился к нему:

— Будьте осторожны, мистер Гринхальг. Вы — неизвестный гость на этом корабле, а значит, нарушаете закон. И я в любой момент могу наказать вас за это.

— Я здесь, чтобы служить вам, сэр, — сказал он. — Если мои слова оказались неподобающими, прошу прощения. Я хотел только помочь, ничего более.

Я отоспал его вместе с мистером Горроксом к пушке.

— Готовьте корабль к бою.

Пятый день штиля. Капитан Лоу один на полуяute наблюдает за звездами, вспоминает тот день на утесе, выходящем на порт Кинкейд. Отец учит его, как отыскать Полярную звезду. Как ходить в море, используя

только эту маленькую точку света в небе. Они вместе разожгли костер, Лоу поразил отца познаниями в том, какой трут лучше выбрать и где найти лучшее место для огня. Он склонился над пучком сухой травы, овечьей шерсти и пуха. Нежно дожнул на центр жара, и тот расцвел в дереве при помощи обструганной палки. Еле заметное дрожание губ, поцелуй призрака; дым загустел, в его сердцевине проявился желток пламени.

Лоу и сейчас чувствует ту дрожь. Открывает глаза, а воздух будто пальцами касается его кожи. Звезды в воде неожиданно становятся смазанными, словно по меловым отметинам провели большим пальцем.

— Мистер Грей! — кричит капитан, стягивая рубаху и отвязывая главный фал грота. — Всех на палубу!

Они оставили нас, приняв за мертвых. Жнец тогда выпал хороший урожай. Он потратил немало времени и вычистил гавань. Но некоторых не заметил. Тех, кто вроде бы явно находился в его списке: увечных, больных. Они проскользнули сквозь его пальцы. Феттер опережал меня на шесть дней. Шесть дней, пока мы ремонтировали шлюп и потом пустились по его следу. Мы стольких похоронили! Выскобили палубы от такого количества крови! Предали наших братьев воде. Пили до умопомрачения, в буре напевая их имена.

48° 18' северной широты,
29° 47' западной долготы

Корабль ныряет. Ветер бьет нам в лицо. Туман брызг в воздухе. Становится холодное. Людской пот застывает на линях. Стоит запах смолы, мокрого дерева, хлопают паруса, мы идем против стихии и пото-

ка. Дельфины сверкают, словно кинжалы, прошивая наш путь в воде. Голод обострил разум. Ни облачка. Ни земли. Пять дней дрейфа, застывшись, как труны, — это большой срок, за него можно потерять себя, позволить ему скрыться. Но я знал — мы идем правильным курсом. На север. Всегда на север. Для этого человека нет другого направления. Я видел его лицо в ныльце звезд и странные всполохи в глубине. Руки и ноги запемели, дыхание вырывается белыми клубами, но я думаю только о том, что почувствует он, когда я начну растирать его в порошок вот этими пальцами. С ним ничто не могло сравниться. Феттер походил на айсберги, громоздящиеся вокруг корабля. Угрожал, но бездействовал. И когда я стану отрезать от него кусок за куском, тварь рухнет, обнажив свое синее холодное сердце.

Из «гнезда» послышался шум. Все взгляды обратились на северо-запад. Через минуту-другую от горизонта потянулись бледно-красные потеки, словно по воздуху заструилась кровь.

— Мистер Грей! Смените курс, если вас не затруднит. Лево руля на тридцать градусов!

Свет уже затухал, когда мы наконец поняли, что это. Горящий корабль, нос взорван, превратился в обугленные черные пальцы. Судно сильно накренилось на правый борт, киль поднялся из воды, а у меня в голове почему-то вертелась воспоминания о старой больной шлюхе из Рангуна, которую я посетил еще совсем молодым, вытащив из смердящей ванны. Я послал шесть человек на разведку под командованием мистера Грея.

Они вернулись, когда солнце скользнуло за горизонт. Старпом стоял на носу, зажимая рот руками. Нет выживших. Нет выживших. Вот и весь доклад. Предсказание для всех на борту «Гордости». Я не знаю.

Всем отрезали языки, выдавили глаза. В воображении у меня возник человек, расправляющий в комнате мокрый алый платок.

Тьма и дождь. Корабль качается вверх-вниз. Удары ледяного ветра. Ничего не остается, только прижиматься теснее друг к другу и думать. Пить из черпаков ром с порохом. Отливаешь прямо под себя, держишь тепло, хоть ненадолго. Спрашиваешь, могла ли жизнь стать иной, если бы еще мальчишкой ты свернулся в другую сторону на темной аллее. Руки загрубели от работы, покрылись такими мозолями, что можно срезать кожу с большого пальца, а кровь не потечет. С сердцем такой номер не пройдет. Оно по-прежнему нежное, как у агнца. Нет любви, чтобы укрепить его. Нет разочарований. Ты — новичок в амурных делах. Нет жены. Нет детей. Ну, по крайней мере тебе о них не известно. Сидишь в трюме, подальше от команды. Смотришь сквозь кишащие паразитами швы корабля в смрадные черные ямы дерева и соли. Здесь почти безопасно, даже можно плакать.

Утро. Альбатрос по правому борту не отстает. Сильный ветер с юго-востока. Туман. Солище цвета кости. Чистый воздух. Мистер Тэмсин готовит одну из черепах, найденных на борту «Горна». Мы собрались под грот-мачтой. Я поблагодарил матросов за их усилия. За их доверие. Сказал, что скоро погода испортится, а условия станут гораздо хуже. Некоторые люди улыбаются мне с подлинной симпатией. Я знаю — если попрошу, эти парни пойдут за мной хоть до водопадов на краю земли. У одних решительные, спокойные лица. Другие не хотят смотреть мне в глаза, но одобрительно качают головами. Они знают меня. Верят в меня. Их чувства поддерживают угасающую

искру, которая еще теплится во мне. Да и была ли она вообще? Была ли?

Корабль поворачивает. На палубу падает тень. Черная рука скользит, вытянутая, изрезанная, с вывихнутыми пальцами, ужасная и нелепая, словно старается дотянуться до чего-то, что так и не заслужила. Крики. Волна тел. Люди снимают изломанные останки мистера Лернера, привязанные к бушприту.

— Срежьте его, — приказывает я, хотя команда запоздала.

Он валится на палубу. Кто-то поминает Господа. Глаза мертвеца плотно закрыты. Загорелая кожа стала цвета китовой шкуры. Зубы сжаты, выступили из-под отогнувшихся губ, словно пытаясь сбежать. Возможно, так хотел вырваться наружу крик. Надо чуть ли не рычагом разжать зубы, залезть внутрь и сорвать его с языка. Голос превратился в стеклянную хрупкую массу, выглядывающую из горла: силуэт страха.

— Переверните его. — Это говоришь ты, но можешь поклясться, что не открывал рта.

Мистер Гринхальг подсовывает свою босую ногу под труп и переворачивает его на живот. Ты еле сдерживаешься, но все же не упрекаешь матроса в бесчувственности, хотя здесь другая причина — безумие. Спина мистера Лернера так исполосована плеткой, что сквозь опухшую рассеченную плоть виден позвоночник.

— Это сделали уже после того, как он умер, — замечает мистер Гринхальг, ковыряясь в зубах гнутым гвоздем.

— Мне кажется, только Господь может одарить таким знанием. Вы от нас что-то скрываете? Хотите нам что-нибудь рассказать? Признаться?

— Мертвецы не поют, — пояснил мистер Гринхальг, потом развернулся ко мне спиной и принял сматывать канат. — Он бы визжал, как загарпуненный горбач. Мы бы смогли что-нибудь сделать.

— Тогда как он умер?

Матрос посмотрел на меня, на губах опять этот сводящий с ума намек на усмешку. Медленный взгляд. Таращаются бледные татуировки.

— Я не корабельный костолправ.

— Мистер Ливзли! — Я не свожу глаз с этой строптивой крысы.

Доктор осматривает тело и, нервно поправляя на носу пенсне, говорит, что вокруг рта умершего видны следы розовой кровавой пены и, похоже, тот умер от утопления.

— Я, правда, не могу сказать, в соленой воде или питьевой.

— Не важно, — отвечаю я.

Созываю людей. Говорю, что человек, совершивший убийство, не будет казнен, если выйдет прямо сейчас. Никто не выходит.

— В таком случае мое доверие оскорблено, так же как и доверие всей команды. Мистер Грей, организуйте наблюдение. На палубе и в кубриках. Когда найдем преступника, он отправится в тайник Дейви Джонса.

Не дрогнул ли мой голос немногого? Я стоял там, а рука тряслась, как у старого паралитика, изрекал угрозы, а часть меня, похоже, пытаясь сказать, что убийцу никогда не найдут. Что Феттер каким-то образом добрался сюда, прилетел на грозовом облаке и сейчас разгуливает среди моей команды, никем не замеченный. Возможно, матросы чувствовали холодное покалывание или боль в глазах, когда он проходил рядом. Возможно, понимали, что не могут сосредоточиться на отбрасываемой им тени. Взгляд отстранялся, перескакивал на другое место от отвращения перед этим чудовищем. Я никогда не смотрел на него, но оно сумело

заразить мой разум, теперь там росла опухоль. Иногда я представляю Фесттера в глубине; поверхность воды, словно вздымающийся черный плащ. Когда начинается буря, эта тварь поднимается наверх и в какой-то ужасный момент разворачивается, я вижу черты его лица. И верю: если это случится, мои глаза превратятся в пыль и сухим ручьем пролются по щекам.

Два дня с того момента, как мы похоронили мистера Лернера в море. Еды практически нет, если не считать смрадных кокосовых скорлупок, уже полностью обглоданных. Я отдал приказ отстреливать любых птиц, но северные небеса обычно пусты. Когда вернулся альбатрос, никто из команды не смог разрядить в него мушкет. Мой собственный дал осечку на холоде. У меня едва хватило сил поднять его. Вечером мистер Гринхальг и мистер Риз нашли еще два тела. Риз доложил мне, что весь день провел с Гринхальгом, они чинили сети, хотели наловить рыбы. Он хороший человек и слишком толст для хитрости. Я ему верю, и потому Гринхальг слезает с крючка, ибо мистер Ливэли сказал, что жертвы умерли где-то после полудня. Мертвцов, мистера Эбботта и мистера Люси, раздели донага, ребра просвечивали сквозь кашу, оставшуюся вместо груди, как куски слоновой кости, похороненные в рубицах. Матросов обернули вокруг пушки, тела примерзли. Чтобы освободить их, мистеру Горроксу потребовался топор.

63° 28' северной широты,
29° 47' западной долготы

Пока я изучал карты с мистером Карвером, мистер Грей украдкой подошел ко мне, в своей обычной машире, и отвел в сторону. Я прикрыл рот и нос, притво-

ряясь, что сосредоточенно думаю, но все равно чувствовал гнилые слова первого помощника.

— Мистер Лоу, сэр. Нас немного отнесло в сторону. Прямо вот в этот участок, я полагаю. Но мы все еще идем по курсу. Плюс-минус.

Я киваю, смотрю на него:

— Это все очень хорошо, мистер Грей. Но у вас что-то еще в горле застряло. И это не сухарь, уверен.

— Нет, сэр. — Он вроде нервничал, даже смущался. — Этот Феттер, сэр. Джейкоб Феттер. Я не знаю его. Вы не могли бы о нем рассказать?

— Нет причин, почему вы должны его знать, мистер Грей. Это мой негодяй, не ваш.

— Со всем уважением, сэр, но мы сейчас на корабле, преследующем его тень. Все для вас. Он такая же часть наших кошмаров, как и ваших. Мы заслуживаем того, чтобы знать хоть что-то о своей добыче.

Я обдумал его слова, но проигнорировать не смог:

— Джейкоб Феттер родился в море. Его мать — акула. Отец — мертвый коралловый риф. Одной январтской ночью, в невероятной ледяной тьме, что склоняется на землю, может, всего раз в год, коралл выпускает дьявольское семя, и акула проплывает сквозь него. Она появилась из белесого тумана, уже мертвая, а Феттер полностью сформировался в ее утробе. Мать не разродилась. Сынок выжрал ее изнутри. У него были жабры, мистер Грей. Он — хрящевая рыба. Когда он кусает, то его глаза закатываются. Если подойти к нему близко во сне, посмотреть в черную глотку, то увидишь ряды заостренных зубов, идущие до самого пищевода. Он не может есть мертвчину. С первой минутой ночи должен нырнуть в воду. Ему надо постоянно двигаться. Если Феттер остановится, то утонет и умрет от удушья.

— Мистер Лоу...

— Когда он занимается любовью, то разрезает женщину своим бритвенно-острым членом и утоляет его жажду ее кровью. Когда молится, луна становится красной. Если увидишь его тень в полуночных облаках, то заснешь в лихорадке, а проснешься слепым. Его дыхание — падаль. След от «Железного богомола» расходится так сильно, что в море появляются тайфуны. Мне говорили, когда Феттер мочится за борт, то пар от урины превращается в дым, способный растворить кожу.

— Мистер Лоу... — Он уже шепчет.

— Я не знаю, Уильям, — оборвал я его, и кажется, мистера Грея больше поразило столь неожиданно произзвучавшее его собственное имя, чем мой рассказ.

Он подошел ближе, словно мы шпионы, заговорщики на углу безымянной улицы.

— Люди, они с вами, но я не знаю, насколько вы им верите. Они... мы — пираты. Мы живем ради погони, ради схваток, шелков и соверенов. Мы хотим пить доныхна, и не эту водянистую мочу. Хотим греться на солнце, лежа на песчаном пляже. Хотим трахаться и есть свежую пищу. Мы не глупы, мистер Лоу. Мы знаем эту жизнь, тут или пан, или пропал. Но наши карманы глубоки. А сейчас в них нет ничего, даже на самом донышке. А вы говорите мне, что не знаете этого человека. Его размеров или цвета кожи. Его всры и его нужд. Это не внушиает мне уверенности.

— Он находится там, куда мы идем. Сгоревший корабль должен был вас убедить в этом.

— У нас есть и более важные дела, сэр. По моему мнению, на борту убийца. Где расследование? Где подозреваемые?

— Мы все подозреваемые, — ответил я, глядя в обожженное солнцем лицо. — По крайней мере, трупы доказали мне, что хотя бы в одном из нас еще не умерла частица зверя.

— Убийство? — опешил первый помощник. — Так вы просто закроете глаза? На убийство своих же матросов?

— Ни в коей мере. Но это не погоня за сокровищами. Не год радости, когда парни пьют вместе и трахают каждую шлюху в каждом порту западных морей. Это кровавая охота. Возмездие.

Он уже хотел возразить, но в этот раз я подошел прямо к нему, взял инициативу в свои руки:

— А чего вы хотите, Уильям? Потратить день или два на поиски червивого яблока? Совершить правосудие? А потом снова по следу, а люди все злее, голод все страшнее? Вы говорите, они сейчас со мной. Так дайте мне нанести удар, пока у меня есть надежный тыл. Мы можем покончиться в грязи, когда все будет завершено.

— Тыл, говорите? — Голос мистера Грея неожиданно стал усталым, он вздохнул. — А сколько нас останется, когда нос корабля станет бороздить пену, оставленную следом Феттера?

— Три тела, мистер Грей. Три убийства. Нет никакой гарантии, что будет еще.

— Но, капитан, нет никакой гарантии обратного.

Он приходит за мной, но не ночью, не когда я один пытаюсь заснуть. Он приходит, когда я сижу в гальюне или морщу нос, собираясь хлебнуть из камбузе слизкой воды из бочки. Он приходит, когда я дую сухари или мирю ссорящихся матросов. Я вижу, как его тень скользит по стенам каюты, словно смола, растянувшаяся паучьей сетью. Его дыхание не имеет запаха: стужа сожгла внутренности. Он касается моей шеи, и тело превращается в холодную слякоть, оставшуюся после сдохшей на дне морском твари. Я не могу проснуться и закричать. Не могу позволить себе такой роскоши.

Я должен успокоиться. Должен улыбаться. Если команда увидит хотя бы крохотное пятнышко безумия, с нами покончено.

Мы плывем дальше. Мы должны плыть.

Мистер Грей наверху. Он уверен — земля всего в дне пути. На горизонте облака. Я слишком слаб, чтобы слезть с койки. Уже не могу сказать точно, какая из рук повреждена: трясутся обе. Сегодня нашли труп мистера Тэмсина, примерзший к палубе так сильно, что даже топор мистера Горрокса ничего не смог с ним поделать. С каждым ударом вокруг разлеталось алое крошево. Я видел, как у мистера Кидни пошла слюна.

Мистер Дэнди кричит из «вороньего гнезда». По правому борту шум. Мистер Грей требует подтверждения. Спустя несколько минут на горизонте появляется белая линия. Земля. Я едва стою, но радостно кричу с остальными. Где земля, там еда. Где еда, там пираты. А где пираты, там Феттер.

Казалось, прошла целая вечность, пока мы добрались до мощного ледяного утеса, и еще час или два, пока искали подходящую бухту, где можно было бросить якорь. Я приказал открыть арсенал. Мушкет каждому. Сомневаюсь, что хоть один выстрелит на таком морозе, но надо поднять боевой дух команды. Почувствовал крохотный укол сомнения, когда понял, что дал оружие убийце. Но обстоятельства превыше нас. С оружием или без, трупы будут множиться.

Выбираю людей для высадки. Я, мистер Гринхальг, мистер Дэнди, мистер Бербидж, мистер Тэйлор и мистер Горрокс. Хочется взять с собой мистера Ливзли, но опять же надо подумать о тех, кто останется на борту. Я отвожу в сторону Грея:

— Уильям, извините меня. Знаю, вы желаете пойти с нами, и Господь свидетель, я хочу того же, но истина в том, что вы — мои глаза и уши на «Гордости». Доверяю вам свою жизнь. И меня сильно беспокоит то, что вы — единственный человек, которому я могу сейчас довериться.

— Ну, если дела обстоят так, то нам нужно повернуть и плыть обратно в Ливерпуль. Забыть обо всем этом. Забыть о Феттере. Мы — покойники, капитан.

— Если я вернусь, не увидев его, смерть станет наименьшей из моих забот.

— Сэр...

— Я принял решение, мистер Грей. Вы командуете «Гордостью». Если мы не вернемся через месяц, можете отплывать.

Я не оборачиваюсь. Мистер Гринхальг и мистер Тэйлор берутся за весла и гребут по направлению к ледяному собору. Пустоты айсбергов отлескивают бледными оттенками голубого и зеленого. Пират приучен видеть красоту, но все сокровища, наворованные за годы грабежей и насилия, не могут сравняться с этими видами. Хвастовство и пустопорожний шум корабля медленно исчезают; мы плывем во внушающей благоговение тишине. Я думаю о Феттере, о его глазах, осматривавших эти высокие потолки и сверкающие опоры. Справившись с собой, не стала ли его душа чуть возвышеннее. Не почувствовал ли он холодный укол тревоги, осознав собственную смертность?

Бежит ли он или заманивает меня?

Цвета меняются. На снегу замерзшая кровь. Мы карабкаемся на ледяной щельф.

Здесь кого-то разорвали. Кровь залила все вокруг футов на двенадцать. Автором сей жестокой картины был явно не человек. Мы разделились.

Некоторое время спустя мистер Бербидж находит останки. Просмоленное пальто мертвеца разодрано на части. От бело-голубой рубашки ничего не осталось, в паре футов отсюда валялись шерстяная кепка и ботинки, залитанные мессивом из крови, жира и костей. Мистера Горрокса обильно тошнит. Я приказываю людям следовать за мной.

Подкатывает паника: мы прибыли слишком поздно. Я не хочу, чтобы моя битва с Феттером закончилась тем, что я всего лишь пну изувеченный труп. Но какой-то привкус в чистейшем воздухе подсказывает: он еще жив. Два часа ходьбы по снегу, холод уже пробирается под одежду, и мы находим корабль. Стоим молча, потрясенные. В корпусе дыра, грот-мачта повалена. Судно прислонилось к ледяному шельфу, словно решило пердохнуть.

— Осторожно, парни, — советую я.

Мы какое-то время наблюдаем за кораблем, но никакого движения не видно. Сто пятьдесят человек. На борту никого? Я не могу в это поверить, но приказываю матросам следовать за мной и приближаюсь к изувеченному судну.

Как только мы взбираемся на накренившуюся палубу, то сразу начинаем искать еду. Внизу может сидеть команда, но запах свежего мяса и хлеба пересиливает все. Двери свисают с петель, на канатах кровь. Если кто из команды и выжил, сейчас они уже мертвые.

Влажное рычание поднимается вверх, к разорванным парусам.

— Медведь, — говорит мистер Гринхальг, как будто описывает нечто, увиденное на берегу Гулля.

Я смотрю вслед за ним вниз. Два больших полярных медведя ходят кругами возле корабля, крутя головами туда-сюда и вставая на задние лапы. У них мокрые и розовые морды.

Едим быстро, но осмотрительно. Если перестараться, то начнутся желудочные спазмы, которые прикончат нас здесь же. Берем как можно больше провизии для команды на «Гордости». А потом, когда мы уже собираемся уходить, мистер Бербидж касается моей руки:

— Прошу прощения, капитан, кажется, я что-то слышал внизу.

Наевшись, я чувствую, как возвращается храбрость. Приказываю мистеру Тэйлору пойти со мной. Он достает мушкет. Инстинкт подсказывает сначала осмотреть каюту капитана, выяснить, не осталось ли там каких-нибудь следов Феттера. Хочу вдохнуть его смрад, подогреть ненависть, но там оказывается совершенно пусто. Сюда заглядывали нечасто. Возможно, Феттер настолько презирал британский флот, что даже отказывался пользоваться помещением, предназначенным для офицеров. Я поневоле почувствовал неприязненное восхищение.

— Капитан Лоу!

Кричит мистер Горрокс, но я поначалу не признаю его голоса, настолько тот искался от шока. Матрос склонился над офицерской бочкой с водой, запертой на висячий замок. Он пытается побороть тошноту. Мороз не дал телам разложиться, но резня здесь выглядит еще хуже, потому что кажется стилизованной, отрепетированной. В ней нет случайности, ликого отпечатка природы. Передо мной лежит, наверное, дюжина человек, переплетенных так, что я не могу понять, где начинается один и кончается другой.

— Соберитесь, мистер Горрокс. А что вы ожидали найти здесь, чай с пирожными?

Мистер Гринхальг стоит на лестнице, спокойно ковыряясь щепкой в зубах.

— Это не полярный медведь сделал. А снаружи человека специально посадили. Следы укусов пане-

сены уже после смерти. Они не стали причиной смерти.

— Грот-мачту срубили топором, сэр, — донесся голос мистера Дэнди.

— А эту дыру пробили изнутри, — сообщает мистер Горрокс, все еще бледный, поднимаясь из трюма корабля. Он вытирает рот платком. — В этот корабль из пушек не стреляли.

— Это ловушка, — заявляет мистер Дэнди.

— Нет, — возражаю я. — Это попытка отвлечь внимание.

Осмотриваю тела, лежащие передо мной. Среди них раскиданы трофеи, монеты, жемчужины и изумруды, густо покрытые выделениями из трупов. Походит на какие-то тошнотворные сладости, такие могли бы подавать где-нибудь в гостиных Вены или Версалия.

— Я вот, — говорит мистер Горрокс, — отвлекусь с большим удовольствием. Мы не можем вернуться теперь на «Гордость»?

— Не сейчас, — отвечаю я. И, подозревая, что его здесь нет, добавляю: — Нам надо найти останки Феттера.

Я не знаю, почему отдал этот нелепый, безосновательный приказ. Я, так же как и все остальные, понятия не имею, как выглядит Феттер, но убеждаю их, что если они мужественно разбросают трупы в стороны, то я узнаю тело.

Мы работаем усердно и быстро, распутываем конечности, складываем мертвцевов, как поленья. Никто не трогает драгоценности, они кажутся инастоящими, неважными, хотя под ногами валяется достаточно богатств, чтобы обеспечить всю команду «Гордости» вместе с семьями до старческого маразма, и еще останется.

Мы двигаемся по кораблю. Повсюду кровь, золото брошено и позабыто.

В конце концов мистер Гринхальг принимается на-
свистывать веселую мелодию.

— Это сделал Феттер, — говорю я. — Все это сделал Феттер.

— Почему? — спрашивает Гринхальг, его едва заметная холодная улыбка намекает на то, что он знает ответ.

— Он боится. Он так долго смотрел назад, что заработал судорогу мышц в шее.

— Боится вас? — спрашивает матрос.

— Если мудр, то да.

— У нас почти не осталось времени, — замечает он и медленно моргает.

Время словно обледенело. Татуировка становится взглядом, становится татуировкой. Я уже не понимаю, где что. Может, у него есть глаза на затылке и он всегда следит за мной.

— Я отсылаю команду обратно на «Гордость».

— А вы?

— Мы, — поправляю я Гринхальга.

— Мы? Я не поспеваю за ходом вашей мысли.

— Все правильно, мистер Гринхальг. Это я буду поспевать за вами. Мы пойдем одни. Пока мистер Феттер не объявится.

Чувствую, как смотрят на нас остальные.

Несмотря на холод, дыхание нагревает воздух, температура в каюте кажется почти тропической.

— Сэр? — спрашивает мистер Дэндибербиджгор-рокстэйлор. Я уже не знаю, кто конкретно. Да мне и не важно.

Есть только я и мистер Гринхальг. И его глаза.

— Возвращайтесь на корабль.

Может, номерок свет. Может, остальные сгинули. Может, мы замерзли до смерти и теперь я смотрю на последнюю картину, которую увидели мои глаза. Но потом...

— После вас, капитан.

— Нет, мистер Гринхальг, я настаиваю, — машу в сторону двери саблей.

На льду он вдруг засомневался. Не смотрит на меня, только спрашивает:

— Я не знаю, куда идти, капитан. Не вижу следов, оставленных мистером Феттером.

Я смотрю на тень под ногами и толкаю его вперед:

— О, зато я знаю, мистер Гринхальг.

На север.

МАЙКЛ МУРКОК

Железнолицый

(Виньетка)

Тот, кто назвал эту планету Венецией, попал в самое яблочко. Золотую ее поверхность пересекали миллионы регулярно организованных каналов, так что из космоса она напоминала папскую тиару. Облака следовали каналам соответственно врсменам года и скорее подчеркивали, нежели затеняли эту геометрическую сетку. И разве не естественно было обнаружить на планете с таким имспем изящные гондолы и величественные баржи, на которых обитатели Венеции вели и торговлю, и сражения? Венеция оказалась планетой богатой, живущей насыщенно и бурно. Она привлекала межгалактических путешественников куда больше, чем ее девять (или около того) соперниц, а ведь в их число входили и Ур-17, и необычайной красоты Новый Титан, чьи поселенцы-колонисты подвергались страшным опасностям, лишь бы любоваться невыразимо прелестными пейзажами Титана.

Как и на все обитаемые планеты, на Венецию был закрыт вход большими ракетами IPS. Кроме того, торговые суда с Земли постоянно сталкивались с конкуренцией капреров — более маневренных и зачастую более проворных кораблей, использовавших в качестве топлива источник более капризный и непостоянный -- сол-

нечный ветер. Вторая межгалактическая война уничтожила целые солнечные системы, и с общего согласия решено было беречь планеты. Поэтому все конфликты на поверхности любой из них теперь ограничивались применением местного оружия, а на Венеции таковым считались неимоверных габаритов боевые баржи — громады, влекомые необъятными парусами, чьи размеры исчислялись скорее квадратными милями, чем метрами. Кроме того, венецианцы воевали на маневренных гондолах, легко ходивших как на веслах, так и под парусом. Эти суденышки юрко шныряли по многочисленным каналам, перебирая веслами, — точь-в-точь водомерки-многоножки. Из космоса они и казались живыми, разумными, преследующими какие-то собственные цели. Пират по прозвищу Железнолицый весьма успешно промышлял на этих самых гондолах, ловко маскируя свои суда, как ему было угодно, и так находчиво воспользовался неразберихой военного времени, что вскоре покорил всю планету. Однако последние полвека корсар уже почти не пользовался гондолами.

На Венеции шли новые сражения за территорию. Дело в том, что каналы занимали четыре пятых поверхности планеты и все движение осуществлялось водным путем. Исследователи давно уже установили, что поразительная геологическая симметрия, порожденная самой природой, характерна для всей планеты, — даже плодородные ветреные террасы Арктура-и-Арктура когда-то образовались за счет тех же каналов.

Железнолицый, который на самом деле звался Корнелиусом, а также носил кличку Голландец, в своей пространной поэме «Эпиконеон» писал:

Парус ловит ветра, солнечные ветра,
Позабудь о вчера, в путь отправляться пора.
Космос перед тобой, бездной раскинулся он,
На перепутье дорог ты звездами осенен.

Шхуны прекрасней нет, хоть обойди весь свет:
 Плавно стремит она мощный свой бег, как волна,
 Воле послушна моей, вернее любых друзей.
 К если твердой рукой шхуну я поведу,
 Врага одолею и
 Беду стороной обойду.

Шхуна Кортелиуса звалась «Боль». Пират надменно возвышался на капитанском мостике, гордясь этой красавицей, не знающей себе равных. Само совершенство, а не шхуна, такой еще не видывал космос! Ее паруса напрягаются под напором миллиардов мигающих фотонов; ее трюмы битком набиты добычей, награбленной на множество прекрасных планет. Ее облекает атмосфера, созданная по краденым технологиям, и, дыша этим ворованным воздухом, экипаж «Боли» толпится на палубах и смотрит вниз на планету, которую уже полюбил.

А капитан Железнолицый, возглавляющий шайку, — безжалостный поэт, галантный бандит, командир, внушающий трепет, почтение и зависть; и последнюю благодаря красоте и маневренности шхуны, а также ее разрушительной боевой монстрической мощи. Вряд ли какое-то иное судно смогло бы тягаться с «Болью» в открытом космосе — ну разве что «Милая Ломбардия». Железнолицый решительным жестом отдает своим людям приказ к высадке.

Венецианцы наводят телескопы на объект, материализовавшийся в верхних слоях их атмосферы, и с чувствами, близкими к удовольствию, узнают в красавице «Боль», ее мощный и изысканный силуэт. Им известно, как истово капитан Железнолицый соблюдает условия конвенции. Он прибыл, чтобы собрать справедливую дань за десять лет, получить свою долю согласно закону, подписанному всем пиратским братством за вычетом лишь мелкой сошки, негодяя Сервантеса, того, что

рыщет по пустынным задворкам малонаселенных галактик, пробавляясь скучной и редкой поживой.

Капитан Корнелиус, он же Голландец, он же Железнолицый, — личность загадочная как для своих подчиненных, так и для своих любовниц. Сколько ни изучают его поэтические творения в надежде разгадать тайну капитана, стихи лишь прибавляют плотности завесе этой тайны. Они лишь сообщают о том, что капитан ценит вино и чувственность, однако ставит дружбу превыше любви. Он всегда держится особняком, команды с капитанского мостика отдает лаконично и невозмутимо, а сам курит трубку, набитую смолистым очиумным табаком. По обыкновению, прежде чем спустить шлюпку, он делит трапезу лишь с боцманом — женщиной по имени Питр Авив, которая, так же как и он, держится наособицу от экипажа и пользуется почти таким же уважением. Не сказать, что капитана и боцмана на шхуне любят, но им охотно повинуются и не пытаются бунтовать, поскольку верность вознаграждается сторицей. Ведь когда «Боль» завершит свое длительное путешествие, полное жестоких набегов и грабежа, у каждого члена экипажа, будь то мужчина, женщина или дитя, богатств накопится столько, что любому из них по карману будет купить хоть короля, хоть президента.

Итак, Железнолицый отдает распоряжения. Шлюпки отсоединяются от шхуны и устремляются вниз, сквозь пылающие, пронизанные солнцем облака, чтобы явиться в венецианском небе во всей своей силе и славе.

Пираты наконец вернулись, и лишь немногие из наблюдающих за высадкой венецианцев рисуют отрицать могущество капитана Корнелиуса. Кое-кто из местных дворян, завидев пиратские шлюпки в небе, даже преклоняет колени, выражая тем самым почтение перед неиз-

бежным, — так когда-то вассалы отдавали дань уважения своему сюзерену.

К вечеру Железнолицый уже среди них, он передает свои требования всем враждующим фракциям на планете, и канал за каналом упнаст, с кого сколько причитается и в каком виде — провизий, людьми или золотом. Дань, которой капитан обложил Венецию, высока, но цена спокойствия куда выше — ведь благодаря ему планета защищена от других пиратов.

Постепенно баржи, груженные данью, стекаются к центральному водоему, что носит название Зимнего. Железнолицый и его помощники ведут тщательный учет и составляют опись полученного, а взамен дальнеки получают от них расписки. Затем начинаетсяverbовка, ведь экипаж «Боли» сколько-то человек потерял в боях, сколько-то ушли на покой, и всем им требуется замена — опытные бойцы и звездоплаватели.

Питр Авив негромко отдает распоряжения и ведет запись; прямо и осанисто держится она на своих элегантных протезах. Капитан Железнолицый, чье лицо, как всегда на публике, скрыто под простой гравированной маской, сидит слева от боцмана, и меланхоличный взгляд его мерцающих в прорезях этой маски глаз устремлен вдаль — на монастырский островок Св. Маркса. Там он когда-то, если верить слухам, ухаживал за послушницей и вынужден был уступить ее единственному сопернику, который оказался сильнее и которого Железнолицый называет Богом.

Наконец, по прошествии недели, мирное напряжение рассасывается. Дань пересчитана, рассортирована и погружена, пираты готовятся к отплытию, и колокола Св. Маркса звонят, разнося весть о том, что сбор дали окончен и что в обмен Венеция вновь получила уверенность в надежной защите сроком еще на десять лет. Капитан Корнелиус коротко кивает боцману Питр

Авив. Пират и капитаны венецианских судов ставят свои подписи в счетных книгах — великолепное, пышное зрелище, сверкает оружие, мерцают шелк и бархат нарядов. Шлюпки поднимаются в небо, туда, где широкими лентами реют облака. Те, кто дежурит у телескопов, видят, как пиратская шхуна ловит солнечный ветер и ее энергоприемники особенно ярко светятся на фоне неизменно затененных палуб. А потом она исчезает — яркая искра в черной пасти космоса — и оставляет после себя лишь ощущение утраты и воспоминание о красоте и могуществе. Суровый космос вновь на краткий миг явил себя Венеции во всем величии.

КЭТРИН СПАРРОУ

Пиратские решения

Мэри Рид

(1692—1720)

Кто угодно почувствовал бы их пыл. Нет, это не образное выражение, от их присутствия атмосфера буквально накалялась, причем в весьма определенном смысле. А все потому, что от обоих исходила сила. Стоило Энн и Джеку (тогда их звали иначе, но по сути это были Энн и Джек) войти, и у вас просто крепла ехала от их пыла. Я серьезно. Рядом с ними даже те, кто никогда не то что не целовался и не обнимался — за ручки не держался на публике, начинали искать любой предлог, чтобы вдвоем запереться в ванной, а потом вернуться сплошь в засосах, с распухшими губами. И всегда все чуть ли не дрались за право сидеть рядом с Энн и Джеком, потому что от них исходил жар и оба всегда говорили то, что ты додумался бы или рискнул сказать еще очень не скоро.

Когда я только поступила во Флибустьерскую техническую команду, Энн и Джек вроде обрадовались, что в группе будет еще одна девчонка, но в остальном отнеслись ко мне довольно прохладно. Я-то готова была пялиться на них из-за своих очков в темной оправе хоть весь день напролет. Но потом настал момент, когда Энн взглянула на меня, а за ней и Джек, и нас вроде как швырнуло друг к другу. Понимаете, это как

притяжение. Или как магия. Или будто высшие силы вмешались.

Кому незнакомо такое чувство, когда все твердишь себе, мол, не везет мне, в другом месте и других обстоятельствах все было бы лучше, увлекательнее, круче. Так вот, рядом с ними я ничего подобного не испытывала, ни о чем не тосковала, потому что именно рядом с ними я и ощущала себя там, где надо, тютелька в тютельку.

А началось все на каких-то очередных вечерних посиделках. Нас всего трое и было, потому что остальные десять отправились на антивоенную демонстрацию. Мы трое только-только переболели гриппом и предпочли отсиживаться в нашей берлоге — программировали до потери пульса двадцать часов подряд и так отупели, что уже думать не могли, ну и решили остановиться, пока мозги не задымились.

Мы приготовили знатный ужин в нашей запущенной кухоньке, а потом Джек выкопал откуда-то из кладовки, из деревянного сундука, замшелую бутыль рома. Нормально, в нашем логове чего только не найдешь: как-то раз нашли утягивающие колготки, в которых завелись мыши, а в другой — здоровенные потрескавшиеся банки ментолатума. Ром оказался — лучше не бывает, старый ром, без дураков: бутылка заткнута настоящей пробкой и вся в пылище и паутине, а внутри плещется темная жидкость, колышется, как густая лава.

Джек откупорил бутылку и сразу глотнул, даже ненюхая. Потом поцеловал Энн, а она — меня, липкими и сладкими губами, и я ощутила этот вкус — подгоревшей сливочной тянучки, а еще запах дубленой кожи. Вообще-то, я не великий любитель выпивки, но тут меня разобрало со страшной силой, и я потребовала налить еще. Джек врубил музыку — поставил древнюю кассету с музыкой ска, где ударные так и отбивали

ритм. Мы пустили бутылку по кругу, и на меня накатило иное опьянение. Ощущение было такое, будто изнутри идут жар и свет. Или как будто меня накачали гелием, точно воздушный шарик. Мне захотелось порхать, я готова была взлететь. Каждый очередной глоток рома змейлся вниз по моему горлу, и я подскакивала на месте в такт ударным как бешеная.

— Еще?

— Ага!

Когда рома осталось едва на донышке, Джек уже раскачивался из стороны в сторону, словно плыл в лодке, Энн размахивала руками, точно дралась на ножах, а я подпрыгивала на месте как заведенная — сто прыжков в минуту, не меньше.

— Там что-то на дне, — заявила Энн, глянув в горлышко, как в подзорную трубу. — Серое, вроде кости или кусочка дерева.

— Червяк, червяк! — радостно заорал Джек. — Выпить его немедленно! — И замолотил по своим барабанам-бонго.

Энн запрокинула голову и единственным махом осушила бутылку. Потом высунула язык — он от рома аж почернел, а посередке лежала какая-то сморщенная дрянь. Энн раскусила это не пойми что, потом смачно поцеловала Джека, а Джек, в свою очередь, меня, причем взасос, и впихнул свой язык мне в рот. Нёбо, язык, зубы — все обволокло какой-то плесневелой пылью, отдававшей смертью и тленом.

Мы все проглотили это и задохнулись — и принялись отчаянно ловить ртом воздух.

Я почувствовала, как горло мое безжалостно сдавливает конопляная петля, как вместе с драгоценным воздухом уходит из легких жизнь. Меня пробрала родильная горячка. Будь проклята эта жизнь, что так несправедливо коротка, а вместе с ней будь проклята

Церковь, и все богачи, все важные лорды и леди, и сама Англия тоже пусть катится ко всем чертям, в тартарары! В пекло богачей, да здравствуют ром и шторма! Что это там — горизонт? А подать сюда этот горизонт, разрази меня гром! С воплем я испустила дух и погрузилась на дно морское, в самую гущу водорослей, в песок, в илистую муть — и воскресла. Вдохнув свежий воздух, я потрясенно уставилась на Джека и Энн. Мой Джек. Моя Энн. Каждый из нас понял, кто мы на самом деле. О, сладчайшая надежда, буйное веселье и танцы, а потом...

На следующее утро мы скачали все нужные морские карты (снимки со спутника), составили список поклажи, обсудили — не без споров, — какое судно нам нужно. Когда вся остальная команда вернулась домой из кутузки, где провела ночь после антивоенной манифестации, мы сообщили им, куда отправляемся. И показали на карте крошечную завитушку — островок в синих волнах Карибского моря, похожий на вопросительный знак.

- Исла д'Оро, Золотой остров, — объявили мы.
- Но у него нет официального названия. Он и на официальных картах не нанесен, — посыпались возражения.
- Тем не менее именно так он и называется.
- Ребята, вы спятили! Что компашке двинутых программистов делать на острове посреди Карибов?!
- А вот увидите, — загадочно ответили мы.

Нет, мы вовсе не рассчитывали, что остальные все бросят и рванут с нами, однако, выслушав нас, они моментально клюнули и принялись собирать манатки.

Мы упаковали чертову пропасть поклажи: тут были и серверы, и коробки, и солнечные батареи, а уж проводов и мониторов — просто гора. Все это мы погрузили на крышу нашего школьного автобуса и надежно

привязали. Потом приволокли с помойки уйму дубовых досок — ободрали со всего, с чего только смогли, — и запихнули в багажник. Потом мы выбросили мобильники, часы и радио. И покатили на юго-запад, держа курс на Флориду. Удивительно, но перегруженный автобус сдюжил и не развалился. Удивительно, но полиция нас пальцем не тронула. И заблудились мы по пути всего-то раза два. Фортуна и ее младшая сестричка Удача благополучно привели нас в бухту Пенсакола.

Нашего красавца, наш шлюп, мы нашли на яхтеной пристани Брауна: какой-то миллионер взялся было реставрировать старое парусное судно, но потом в одиночку разорился — да и повесился прямо тут же на боне, вот так шлюп и остался без хозяина. Мы купили его задешево и переименовали в «Месть Рэхема». Толком отреставрировать прежний владелец его не успел, и смотреть там особенно было не на что: гнилой вант-трап, вся нижняя палуба в плесени, корма рассохлась, но кубрик в полном порядке, и мачты целые, гордо вздымаются в небо. С «вороньего гнезда» было видно, что построен шлюп на славу, да и по размерам что надо — как раз вместит нашу команду, всю чертову дюжину, и пожитки. Месяц мы все пахали как проклятые — латали, чинили, смолили, конопатили и вязали узлы с кулак величиной, и вот наконец судно готово к отплытию. Прежде чем поднять якорь и поставить паруса, мы с Энн на стропах подобрались к носовой фигуре — дряхлой русалке. Вдвоем мы сковырнули стащушку и водрузили вместо нее нашего покровителя — удалого фавна с золочеными рожками, ухарски выпяченной мускулистой грудью и синими штанышками, которые так и распирал его третий рог. Джек как взглянул на фавна, так весь заалел, отчего портретное сходство лишь усилилось.

Мы поставили паруса — руками, изрезанными паклей, продубленными смолой, — и дружно грянули «ура», когда «Месть» во весь дух полетела на юго-запад. Мы прокладывали курс по старинке, пользуясь сектантом и компасом, и учились моряцкой премудрости по ходу дела. Постепенно мы навострились удерживать равновесие на качающейся палубе, хотя и не обошлось без синяков и шишек. Вставало солнце, выплывала на небо луна, хлестал дождь, а неспокойное море все швыряло волны в борта корабля.

Каждый день мы старались изъясняться как за-правские пираты. Началось это как игра, в шутку, но потом мы вошли во вкус. Все завели себе новые, пиратские имена, кроме нас с Энн и Джеком, потому что мы свои уже знали. В солнечную погоду мы, бывало, день напролет грелись на палубе да толковали о нашей миссии, а сами знай нашиваем поддельные заплатки на свои одежки. Мы развернули по всей палубе солнечные батареи и, как только Энн вместе с Заразой отыскали пиратскую лазейку на спутник, вышли в онлайн. Ну а дальше мы себе лениво программировали, изучали свои онции и занимались моделями данных.

До конечной цели мы добирались три недели — и какие три недели! Сплошная вода и такое ощущение, будто вся прочая суша затонула.

— Свистать всех наверх! По правому борту земля! — закричала из «вороньего гнезда» наш впередсмотрящий, деваха по кличке Цинга.

Наш остров все приближался, северо-западный ветер нес нас прямехонько к Исла д'Оро.

— Бросай якорь! Шлюпки на воду! — хрюплю проорала Энн.

На борту мы оставили двоих, а остальные расселись по шлюпкам и принялись грести к острову, который мерцал над океаном, как мираж, — точь-в-точь таким

я увидела его под воздействием рома. Я свесилась за борт, опустила руку в воду, и волны ласкали кожу, а в прозрачной воде резвились желтые вуалехвостые рыбы и прозрачные медузы, помахивавшие щупальцами. Как только наша шлюпка подошла ближе к берегу, я прыгнула в воду и быстро поплыла — то баттерфляем, то кролем, торопясь поскорее добраться до вожделенной суши. И вот я плюхаюсь на песочек и поднимаю глаза к синему-синему небу.

Когда остальные высадились, мы все вместе помчались к пальмам на холме.. Тяжело дыша, пробежали через каменное плато и поднялись на гору на северной оконечности острова.

— Там! — убыстряя бег, крикнул Джек.

— Вон там! Белый камень под красной скалой! — добавила Энн.

Мы яростно пустили в ход лопаты и кирки. Потели, пели и не утратили надежды, даже когда углубились на пять футов, но все еще ничего не нашли. Десять футов, и земля посыпалась комьями, а из ямы поднялась вода. И наконец что-то глухо стукнуло.

Вооружившись веревками и шкивами, мы вытащили из ямы ржавый железный сундук. Энн повернула ручку, нажала на три пластины, вделанные в крышку, и пнула замок. И крышка откинулась.

Сокровище! Наше, и только наше сокровище, прекрасное, великолепное, дивное! Оно лежало под землей в сундуке все это время и терпеливо поджидало нас. Изнемогая от вожделения, с пересохшим горлом, я пересчитала бутылки рома, поблескивавшие из темноты сундука. Команда воззрилась на нас, ожидая разрешения приступить к делу. Мы с Энн и Джеком благосклонно кивнули. Парни откупорили первую бутылку и пустили по кругу. Я наблюдала за ними с завистью, а когда очередь наконец дошла до меня, глотнула рому

так жадно, точно лишь этот напиток, лишь он один на свете мог утолить мою жажду.

Джек собрал пустые бутылки, затолкал в них короткие послания, свернутые в трубочки, и по одной погнали все бутылки в море.

Энн Бонни
(1690–1723)

История перерезает веревку, соединяющую «тогда» с «теперь», и внушает нам, что прошлое слишком отлично от настоящего и потому нам его понять не дано. У нас отнимают наши истории, чтобы ослабить нас и заставить забыть, что мы боролись всегда. Но ром, благодатный ром, чудодейственный ром, возвращает нам память.

Представьте себе бунт на корабле, когда капитан слетел с катушек и вот-вот положит кого-то, кто вам по душе, может, парня, которого заставил вступить в шайку, — и тогда остальные ребята захватывают власть на корабле. В мире много прекрасного, и мятеж — одна из самых прекрасных вещей в мире.

Нам, конечно, повезло куда больше, чем историческим пиратам. У нас была возможность запастись питьевой водой, витамином С, провизией. Мы с Джеком и Мэри на этом настояли. Прочие сначала никак не могли взять в толк, к чему такая суэта, но потом, когда они причастились рома и к ним вернулась память, они вспомнили цингу и тухлое мясо, которое пираты былых времен ели в темных трюмах, чтобы не видеть червей, и вспомнили чуму, которую заносили на корабли крысы, и то, как каждый день из тебя понемножку уходила жизнь от постоянного голода и жажды.

Странная это штука — вдруг обнаружить, какова твоя подлинная планида, удел, назначенный судьбой,

или оказаться насильно втянутым в такую историю под давлением остальных, как в нашем случае. Наши друзья-анархисты нуждались в нас, потому мы и приплыли на Золотой остров.

Мы здесь, чтобы найти пиратские решения для пиратских задачек, говаривал Джек, ну что ж, скажу я, определение не хуже любого другого. Мы приучили красноклювых ворон и надрессировали их предупреждать нас о приближении чужих судов. Мы тайком подключились к транскарибскому кабелю и сделали от него пиратскую отводку, чтобы установить связь. Мы по кусочкам составляли программное обеспечение, добиваясь реакции такой же надежной, как наша якорная цепь. Мы готовили все, что только могли поймать, — даже крошечных кальмаров. Мы грызли галеты.

Времени отчаянно не хватало. Я могла кодировать двенадцать часов кряду и лишь чуточку приблизиться к цели. Мы все продвигались медленно, это было как плыть против течения.

Как-то раз я сидела у костра и задумчиво пересыпала песок в пальцах, а сама смотрела на воду. В голове мельтешили цифры, сердце точил страх: никогда, никогда у меня ничего не получится. Шальная запятая способна разрушить многодневный труд. Рядом со мной сидела Мэри. Короткие ее волосы успели отрастить, отчего в ней прибавилось девчачьего, но и свойственной ей потаенной хищности она не утратила. У Мэри всегда такой вид: мол, я, конечно, белая и пушистая, но зубки и коготки у меня наготове. Очень аппетитный вид, так бы и съела. Джек стоял неподалеку, трепался с близнецами — Гротом и Кортиком, но сам все поглядывал искоса в нашу сторону голодными глазами. Я уставилась на него в упор и не отводила взгляда, пока он не покраснел и не отвернулся. Знаю, Джек, что творится у тебя в голове — бродят там грязные мыс-

лишки, — прочитать их легче легкого, все равно что порнокомикс.

Дред вальяжной походочкой двинулся по пляжу к сундуку с нашим сокровищем, склонился над ним, и длиннющие ямайские косицы, от которых и возникло его прозвище, рассыпались по загорелой спине. Он откупорил бутылку рома. Тут же, как по сигналу, подтянулась вся наша команда. И все, как один, изображали, будто, в сущности, им начхать на ром и никто не изводится от мысли, кому же достанется косточка на дне. И все мы притворялись. Мы были одержимы ромом. Осьминог передал по кругу блюдо с вялеными рыбешками.

Плюх, плюх, плюх. Волны разбивались о песок, и каждая следующая подползала ближе предыдущей — начинался прилив. Зрелице это напомнило мне о спирали истории, о том, что все в мире повторяется, но с небольшими разнотениями, и вот они-то и меняют мир.

Рыжий ухватил гитару и забренчал какой-то мотивчик, путаный, обрывочный, — не мелодия, а месиво аккордов. Играя, он жевал кончик своей рыжей бороды. Я глотнула рому и передала бутылку дальше. Косточка досталась Бешеному Кашалоту, и он медленно разжевал ее, глядя в никуда. От рома вся реальность искажается, но косточка выворачивает душу наизнанку и необратимо меняет ее.

Мы откупорили еще одну бутылку. Цинга наделала самокруток из трубочного табака, и воздух наполнился запахом дыма и соли. Джек застучал по своим барабанам-бонго и запел. Песня была без слов — просто заывающая мелодия. Зараза поймала мотив и запела об океанских волнах, о криках чаек, о свободе добиться невозможного. Может, песня была и не шедевр, зато наша, и только наша.

Ром морским молоком наполнил мое горло. Я стояла и раскачивалась в такт песне, набиравшей обороты. Я закружилась вокруг костра, глядя на пляшущие языки пламени, и с каждым движением все заботы и тревоги таяли и таяли, и я уже не думала ни о коде, ни о других хакерских заморочках. Поймав ритм, я завертелась, что твой дервиш в трансе, — попробуй останови, как необоримый вирус в системе. За мной повсюду скакали с песка остальные, и вот уже мы все кружимся в яростной пляске, поминальной пляске по тем, кто погиб молодым и не успел ничего сделать в мире. Мы бралились на чем свет стоит, мы посыпали проклятия этому миру. Песня звучала все громче. Мы подпрыгивали так отчаянно, словно старались побороть земное притяжение, и затем бешено топали ногами по песку. Грог плясал лицом к лицу с Цингой, их обветренные, обожженные солнцем физиономии, казалось, излучали какой-то собственный свет, и эти двое все сближались, сближались, пока не повалились наземь, не сплелись и не откатились в темноту, откуда понеслись громкие звериные звуки.

Мэри с разбегу перепрыгнула костер, играя со смертью, — перепрыгнула удачно, но тут же простерла длинные кружевные манжеты, что закрывали пальцы, прямо над огнем, испытывая опасность, упиваясь риском, а когда они загорелись — конечно, они загорелись, — Мэри с радостным визгом воздела руки над головой, будто феникс — огненные крылья, и понеслась к морю. Я помчалась за ней и увидела, как морские волны погасили два пылающих крыла. Мэри обернулась и посмотрела на меня, и лицо ее пылало внутренним огнем. Она засмеялась, засмеялась так, что я тотчас ринулась в воду и вынырнула уже рядом с ней. Джек зашлепал по мелководью к нам, замедлил шаг, глядя, как мы сдираем друг с друга одежду, а потом скользящие, прохладные

объятия моря завладели нами троими, и мы закувыркались в волнах, не разбирая, кто где. И с каждым касанием оба моих любовника твердили: «Это безумие, но это наша судьба».

На следующее утро я проснулась на пляже, с чугунной головой и пересохшим ртом. Остальные валялись по всему пляжу голышом, безвольные, обмякшие, как водоросли. Над головой у меня заметалась птица. Снова и снова надрывное карканье, мелькают черные крылья. Один из наших сторожевых воронов.

Заслонив глаза от низкого утреннего солнца, я всмотрелась в горизонт. Там, вдали, на всех парусах несся корабль. Такой же, как наша «Месть», — будто вынырнувший из былых времен, из глубокой старины, и он мчался прямо к острову. Мчался так, будто спешил к родному берегу. Дело принимает интересный оборот, или я съем свою треуголку и закушу пробкой от рома.

*Джек Рэхем
(1691–1720)*

Корабль показался на горизонте утром и неуклонно держал курс на остров, мозоля нам глаза. Тыфу-тыфу-тыфу, трижды сплюнем через левое плечо и постучим по дереву! Кракена на тебя нет, так и прет к нам! Чем ближе корабль подходил к острову, тем внушительнее выглядел, пока наконец мы не убедились, что он в три раза превосходит нашу «Месть». Вблизи он оказался шхуной под черными как ночь парусами, а на палубе толпились златокожие китайцы.

Ох и хороша же шхуна! Я возжелал ее, едва рассмотрел как следует. Да, чтобы на ней стояла наша команда и чтобы это мы поднимали се ночные паруса.

Я возжелал ее, как никогда, и ничего, и никого не желал раньше за всю свою жизнь.

Чья-то рука обвила меня за пояс и потянула назад, мол, хватит плятиться.

— Корабль вроде нашего, — вкрадчиво шепнула мне на ухо Энн. — Тоже старинный, Джек. Подумай головой, а?

Я обернулся к ней и галантно подмигнул.

— Что, уже успел хлебнуть рому? — спросила она.

— Кто знает, кто знает.

— Лучше отложи выпивку до тех пор, пока мы с ними не столкнемся.

Я кивнул. Она рассуждала разумно, и слова ее вернули меня с небес на землю. Ох уж эти пиратские мысли! Так соблазнительны, что стоит впустить их в голову, как от них не избавишься.

— Да, конечно, извини, не подумал, — согласился я.

Энн шутливо, но сильно, до синяка, пихнула меня кулаком в бок, а потом направилась к Мэри, которая, смеясь, наморщив свой прелестный носик, тоже смотрела на горизонт.

Мы выжидали. И только когда убедились, что пихуна действительно подходит к острову, что это не какой-нибудь тематический карнавальный круиз для туристов, которым захотелось адреналинчику — «Почувствуй себя пиратом!» — и не рыбачье судно, так вот, только тогда мы распределились по шлюпкам и поспешили на борт нашей «Мести», казавшейся совсем крошкой рядом с этим гигантом. Если чужаки хотят драться, сражение будет на воде, и никак иначе. Но кто знает, вдруг они окажутся друзьями, а не врагами?

Я застегнул коленкоровый камзол поверх полосатой рубашки и взялся за румпель. Я покачивался в такт и в лад колыханию волн и вдыхал соленый мускус моря.

— Поднять паруса, все, от носа к корме! — скомандовал я, и эти древние слова обожгли мне язык, как

перец. Древние слова, которые когда-то произносили сотни тех, кто теперь мертв.

Мы стрелой мчались к левому борту судна. Меня вновь обожгло вожделение, я хотел этот корабль, и точка, но на этот раз я придавил в себе желание — так уминают пальцем табак в трубке. Пусть тлеет потихоньку.

— Крепи паруса! — приказал я.

Расстояние между нами и чужаками стремительно сокращалось. И вот я увидел, как на капитанском мостике — ноги широко расставлены — возникла фигура в щегольских алых шелках, особенно ярких на фоне черных парусов. Незнакомец указал на меня.

— Мы хотим присоединиться к вам, — с сильнейшим акцентом проревел голос, усиленный рупором, а потом повторил то же самое по-китайски.

— Они явились за нашим сокровищем! — рявкнул я, точнее, мое пиратское «я», а более благородная часть меня добавила: — А может, и нет.

Я поднял бутылку, но вовремя вспомнил, что пообещал Энн пока не пить.

Внезапно ветер стих, и паруса наши безжизненно повисли.

— Нет! — прорычал я и погрозил кулаком небесам, осыпая их страшными проклятиями.

Но не небо подвело меня и не судьба: паруса опустила моя команда, и она же приготовилась спустить на воду шлюпку. Я грозно нахмурился в сторону китайцев, но не успел отдать приказ, как Энн вперила в меня повелительный взгляд и прошипела:

— Успокойся ты! Остынь!

Только увидев, что капитан чужаков, сверкая красивым, садится в шлюпку, я шагнул в нашу шлюпку и согласился, чтобы ее спустили на воду.

Энн, Мэри, Дред и я погребли навстречу китайцам. Влажные клочья морской пены летели мне в лицо.

И шлюпка у них тоже хороша, отметило мое пиратское «я». Коли не заполучить их шхуну, почему не забрать хотя бы шлюпку?

«Цыц!» — прикрикнул я мысленно на пирата, упорно гнувшего свое, но он не унимался и смотрел из моих глаз, изнемогая от вожделения, смотрел на чужое судно.

Мы подтянули шлюпки друг к другу. Капитан в алом шагнул вперед, я уставился на его грудь. То есть на ее грудь. Померещилось? Нет! Этой роскошной шхуной командовала баба!

Я вздохнул. Ну, подумаешь, велика важность. А за парня я ее поначалу принял потому, что башка бритая и шрам через всю черепушку.

— Капитан Джек, — выдавил я и заставил себя коротко поклониться.

— Капитан Чин, — кивнула она.

— Капитан Шмапитан, — вставила Энн, ехидно сверкнув глазами.

— Не желаете ли испить чаю? — предложила Чин на очень-очень аккуратном английском.

Я-то приготовился к кулачному бою или поединку на шпагах, но чаепитие?!

— Э-э... да, не откажусь.

Она извлекла из складок своего одеяния стеклянную фляжку и протянула мне. Чай был черен как смоль и отдавал древесиной. Но когда я поднес фляжку к губам, то рассыпал, как внутри что-то плюхнулось и легонько стукнуло о стенку. А потом жидкость потекла мне в горло, и меня захлестило знакомое желание.

Чай оказался смешан с тем самым ромом, таким же, как наш!

— Ого, — только и сказал я в замешательстве, не зная, как быть.

Энн споро отобрала у меня бутылку, отхлебнула, передала дальше.

Китайцы высадились на берег первыми. Мы нагнали их, когда они откатили валун на холме, неподалеку от нашего клада, и извлекли свой собственный сундук с ромом.

А потом поведали нам свою историю. Их команда, «Вуку», нашла на пляже старинную бутыль с ромом. Внутри находилось послание, то самое, что написал я сам. На следующий день они обнаружили бутылку рома в казенной квартирке Чин. После чего, испробовав питья, бросили все свои разработки государственной важности (а это был проект по созданию автономных киберпространств внутри Великой Китайской Огненной Стены) и ринулись сюда — в точности как мы. Все они были бритоголовые и в очках, что твои ботаники.

Мы толпились друг против друга, как робеющие щенята, которые отчаянно желают поиграть. Потом Бешенный Кашалот не выдержал и показал одной из китайничек программу, над которой работал. Она тут же указала ему на ошибку, отпихнула от компьютера и запорхала крошечными пальчиками по клавиатуре, исправляя ее.

Неловкость и смущение растаяли, как тает пена, оставленная прибоем на прибрежном песке. Мы сгрудились вокруг компьютеров и с той минуты с легкостью объяснялись на языке, объединявшем нас. У меня просто сердце таяло от всей этой сплоченности и взаимопонимания.

Но назавтра на горизонте показался сце корабль, а за ним и другой, и третий. Их становилось все больше, они стекались к острову, будто мигрирующие гагарки, и на борту каждого была команда таких же двинутых программистов, как мы.

«Мародеры», «Корсары», «Неверные», «Пьерас Ноблес», и еще, и еще — они собирались к острову дюжинами. Каждая команда получила мое послание. Каждая отыскивала на острове свой собственный сундук рома,

и каждая владела своими секретами, столь важными для нашего общего дела, для нашей миссии.

Немецкие пираты — пузатые краснорожие ребята — сколотили свой корабль из яицков. Французы оказались развеселой компанией трансвеститов, не задерживавшихся подолгу ни на одной службе. С собой они притаранили уйму вонючих сыров. Суровые кубинцы прибыли на баржах — плавучих домах и с изрядным запасом сигар. Индийцы привезли пряности. И все, все до единого твердо знали, что призвали их на Золотой остров, и ни разу не вспыхнула не то что драка — спор. Какой ерундой казался ром в сравнении с настоящим сокровищем, которое мы намеревались заполучить!

По вечерам все капитаны объединялись — писали послания, заталкивали их в пустые бутылки и бросали в море. Послания звучали предельно просто: «Присоединяйтесь, господа!»

Корабли все прибывали. Все новые силуэты вырисовывались на фоне неба в лучах заходящего солнца. Я смотрел на них, и в сознании моем всплывали чужие воспоминания, печальные воспоминания — о проигранных битвах, о сотнях погибших, что нашли покой на дне морском, о слишком короткой и бурной жизни. Я не отводил глаз от горизонта и думал: а не кончится ли и эта история холодной водной могилой или же свадьбой с деревянной вдовой?

Сэм Флауэрс
(*Наши дни*)

Падение похоже на полет, а вспоротый воздух — на свободу. Плюх! Я тяжело ударился о воду, но она тут же перестала казаться твердой и обволокла меня нежнее пижного. Я погрузился было, но потом, удивив сам

себя волей к жизни, рванулся на поверхность, отчаянно борясь за жизнь. Проклятые инстинкты возобладали. Голова моя поплавком закачалась над волнами, и я увидел, как круизный лайнер удаляется, скользит прочь в мириадах огней. Тут-то я пожалел о своем намерении покончить с собой.

Черт! Черт! Черт! Надо было остаться на судне. Лучше бы таблеток наглотался, в самом-то деле.

Я лежал в соленой воде и пялился на толстые крупные звезды. Что я здесь делаю? Почему вокруг так пусто? Подо мной, выталкивая из-под воды, поднялся целый пласт коричневых атлантических водорослей, и я поплыл на этом плоту по воле волн, как на волшебном ковре, полном блок. Прошла ночь, встало солнце и начало невыносимо палить меня.

Вся жизнь прокручивалась передо мной, как бессюжетный французский фильм: подружки нет, работа конторская, унылая, волосы жидаенькие.

Никому ты не был нужен на всем белом свете. Ничегошеньки собой не представлял.

Господи, это ты мне такое говоришь? А что так зло, я не понял! Впрочем, примерно этого я и ожидал.

Я глотнул соленой воды и заплакал. Я обобрал морских мух со своих причиндалов и стал разглядывать их. Приплыли дельфины и начали бодать меня лобастыми головами. При этом они издавали идиотские дельфинные звуки. Потом сжали в челюстях краешек моего плота и потащили его за собой.

— Слушайте, я вашего брата не очень-то люблю, — проскрипел я дельфинам, но они плыли себе по каким-то своим дельфинным резонам и чихать на меня хотели.

Мне казалось, что голова у меня превратилась в гнилой арбуз, а руки раздуло, так что они стали как калебасы, а соски распухли и сделались с вишню каждый.

— Когда я наконец подохну? — спросил я дельфинов, но в ответ услышал все то же дураческое «гуль-гульк».

Я пил морское мартини и болтал со всеми девушками, которых никогда не целовал. У всех них поголовно груди были что дыни, а сами они были покрыты поблескивающими чешуйками. И когда только все девушки на свете успели превратиться в русалок? Потом русалки обернулись пиратами и окружили меня. Одежда на них выцвела от солнца и побелела от морской соли, лица тоже, и они уставились на меня водянистыми глазами.

— Капитан Ситцевый Джек, — сказал один и махнул передо мной треуголкой. — Гульк?

— Отвали, — просипел я.

— Энн Бонни, — произнесла другая пиратка и плюнула в меня морской пеной.

— Мэри Рид, — добавила третья и выстрелила в меня обломками кораблекрушения — мокрой щепой и клоцками канатов.

— Бешеный Кашалот.

— Грог.

— Кортик.

— Дред.

Всего их была чертова дюжина, и обращались они ко мне как живые, настоящие, будто и не призраки. Я засмеялся над ними и попытался утонуть.

— Эй, разбудите его, ему надо попить воды.

— Думаешь, он тоже нашел бутылку?

— Нет, не похоже.

— Может, бросить его обратно в море, а?

— Это вы меня собираетесь бросить? О черт, мне и так хреново, — распухшими, ватными губами проговорил я.

Надо мной колыхались пальмовые листья, навевавшие прохладу.

— О, заговорил. Привет!

Надо мной наклонилась дамочка моего возраста и не слишком нежно шевельнула меня ногой.

— Э-э-э... так я жив?

— Угу. Я Энн, а вот она — Мэри.

Подошла вторая. Обе загорелые до черноты, будто все лето провалялись на пляже. Никаких вам чешуйчатых хвостов, нормальные ноги, а мордашки счастливые, довольные. Мне они не понравились.

— Я спрыгнул с круизного лайнера. Потом дельфины притащили меня сюда. Зачем-то. Лучше бы бросили помирать. Лучше бы мне утонуть.

— Потрясающая история! — процедила Мэри.

— Ну, он очухался? — Это подошел их главный и обнял обеих девиц. Он мне тоже сразу не понравился. — Привет, я Джек.

— Потрясающе, — уронил я и сел.

Рядом со мной валялась темная бутыль. Я схватил ее и сделал добрый глоток.

— Ты что, это же не вода! — воскликнул Джек, но ром уже обжег мне горло.

Я глянул на них и увидел выбеленных солью и ветрами пиратов. Картинка замерцала и пропала.

— Ах вы полуумные флибустьеры! — сказал я и сообразил, что понятия не имею, кто такие флибустьеры.

Энн принесла мне воды, тоже в бутылке, я попил, но бутылку с ромом им не отдал. Потом шатаясь поднялся, в каждой руке по бутылке, и увидел сотни психов-компьютериков, двинутых программистов, сосредоточенно согнутых над своими машинами, тщательно укутанных в прозрачную пленку. Ну и уроды! Кто слишком жирный, кто, наоборот, скелет скелетом, и все,

как на подбор, немытые. По песку тянулись, переплетаясь, сотни же кабелей.

— Господи Боженька ты мой, ну ты и шутник! — Я взвел глаза к небу. — Подстроил, чтобы меня захватили придуры-программисты? Ничего лучше не придумал?

Мэри, Эни и Джек разбрелись к свободным клавиатурам и мониторам.

— Та-ак, пошла, пошла, родимая! — радостно заржал какой-то мужик в розовой рубашке.

— Бей их сильнее! Вирусами их, вирусами! Чтоб был полный хаос! А потом мятеж! А потом свобода!

— Активировать псевдоавтономную сеть!

— Активирована!

— Включить водоотвод! Запускаем веганов!

И все забарабанили по клавишам. Рожи у них при этом были радостные, ликующие, и меня это разозлило как не знаю что.

— Да вы просто орава идиотов! — сказал я и поднес к губам бутылку.

Вообще-то, я хотел глотнуть воды, но перепутал бутылки и отпил еще рому.

Я покачнулся и чуть не упал на палубу, которая и так ходила под ногами ходуном.

В чем дело?!

Я огляделся и увидел, что я на пиратском корабле, а на мачте развевается «веселый роджер», а вокруг просоленные пираты ставят паруса, бойко карабкаются по вантам, вяжут узлы, и на нас несется огромная волна. Шестеро мужчин, напрягая все силы, ворочали тяжеленную пушку — вот подтолкнули к борту, вогнали клинья под колеса и, чудом удерживая равновесие, кинулись к следующей. Капитан смотрел в подзорную трубу и стоял, опершись одной ногой о дерево

вянный сундук. Когда он опустил трубу, я узнал в нем Джека.

Хватаясь за все, что попадалось под руку, я проковылял к нему и сказал:

— Не понимаю, что творится!

Он ощерился и сунул подзорную трубу в карман, потом ухватил штурвал и резко повернул его вправо.

Я проследил его взгляд и увидел корабли под георгиевским флагом.

Англия?

— Мы что, сражаемся против Англии?

Джек вскинул свой древний пистолет и выстрелил. Потом обернулся ко мне и сказал:

— Погибнуть в морском сражении — не самая легкая смерть. Так что молись, братец, если тебе есть о чем молиться, — чтобы умереть с миром.

Корабль вновь качнуло, да так, что желудок у меня подлетел к горлу. Краем глаза я увидел слева по борту еще один корабль, который шел вровень с нашим, шел под линялым красным флагом. Справа от нас стремительно несся другой. Может, это и есть смерть? Может, это у меня такие предсмертные видения? Пусть будет так. Ох нет, пусть я лучше ошибаюсь.

Когда корабль взлетел на гребень следующей волны, я рухнул на занозистую палубу.

То есть не на палубу. Колени мои с силой ударились в горячий песок.

— Это не галлюцинации, — произнес я. — Это я, наверное, умираю.

Но ни один из них даже не оторвался от компьютера. Я поднялся и принялся бродить, а они и ухом не вели, знай себе стучат по клавишам, и над пляжем разносится сухой такой скребущий звук, точно тысячи крабов бегут по песку.

Какая-то девица крикнула:

- Глубинные проблемы автономной сети!
- Она не выдерживает нагрузки? Замедлилась передача данных?
- Нет, работает, но черепашьим темпом! Нужно подождать, тогда мы вклинимся и зададим жару кракену.
- Как же, зададите вы, головорезы, разрази меня гром! — буркнул я и понял, что от рома стал как-то странно изъясняться.

Вокруг поднялся гомон, и я вновь очутился на борту пиратского корабля. На нас шел огромный британский галеон. По сравнению с ним наше судно казалось жалкой скорлупкой, а мы — комариками. И другие суда наших соратников тоже брали в клещи такие же мощные галеоны.

С нижних палуб британского судна выдвинулись черные рыла пушек. Оглушительный залп сотряс воздух, за ним еще два. Наш корабль качнуло, все заволокло клубами дыма. Один из пиратов лежал на палубе, с обрубками вместо ног, и пронзительно, надрывно кричал. Другой вспыхнул, как факел, и сиганул за борт.

Джек нахмурился и поднял пистоль. Еще один выстрел в сторону галеона.

Бух! Полетела щепа.

Бух! Ядро ударило в мачту, и дерево застонало.

Бух! Еще двое убитых.

Наш корабль начал тонуть. Пираты подобрались к одной из пушек и зарядили ее, и ядро полетело в галеон, потом еще и еще. Бух! Бух! В цель! И еще раз в цель!

Но мы все равно тонули, и британцы все равно бомбили нас без всякой жалости. Я кинулся к Джеку:

— Что мне делать?

Ничего.

Потому что я опять стоял на пляже, голова у меня шла кругом, и я с трудом понимал, как сюда попал и на каком я свете.

— Умираю! — простонал я и на этот раз приложился к правильной бутылке — с водой.

Мимо пушечным ядром пролетел чернявый парень,сыпля итальянскими проклятиями. Он закинул свой ноутбук в море.

— Усильте маскировку! Нам перекрывают питание! — Одна из пираток подняла голову от монитора и тотчас уткнулась обратно.

— Передача замедляется! Связь повреждена!

— Держитесь! Не отключайтесь, пока она работает хотя бы в четверть силы!

Новый глоток рома отыскал путь к моему рту. Готов поклясться, я даже не поднимал бутылку, но ром уже тек прямо в горло.

Через борт пиратского корабля перехлестнула волна, она слизнула меня огромным холодным языком и швырнула в океан. Вокруг, в кипящих водах, кричали и тонули десятки пиратов.

Бух! Очередное ядро пробило еще одну дыру в борту нашего корабля.

Бух! Наша мачта сломалась и рухнула.

Галеон развернулся и двинулся прочь, оставив нас погибать в пучине. Кто-то вцепился в мою руку — подросток, совсем ребенок. Нас обоих накрыло волной, а когда я вынырнул и прокашлялся, его уже не было. Следующая волна оказалась еще сильнее, и мне уже не удалось всплыть — я вдохнул соленую воду, грудь у меня разрывало от боли, я боролся хотя бы за глоточек воздуха, но тщетно. Я погружался в воду, которая делалась все темнее и темнее. Опустился на дно

и умер. «Наконец-то, — успел подумать я остатками сознания. — Наконец-то».

Но нет. Как бы не так.

Я упал на палубу другого пиратского судна. На мостике стояла женщина-капитан и со слезами на глазах уводила свой корабль от тонущих соратников, уводила от гибели и опасности, невидимый для врага. Мы обогнули остров, пока не скрылись из виду, и она поспешила к массивному сундуку, что стоял на палубе. Опустилась на колени и откинула крышку. Подойдя ближе, я увидел, что сундук битком набит какими-то свитками. Очнувшись на дальнем конце острова, мы вошли в бухту, где стояли на якоре несколько пиратских кораблей, — вошли под аплодисменты и приветственные крики.

Я очнулся оттого, что по лицу у меня стекала вода. Я разомкнул губы и стал жадно пить. Напившись, я оттолкнул фляжку. Мэри помогла мне сесть, улыбнулась — и я увидел ее тайное пиратское «я», которое мерцало сквозь нее, озаряло ее внутренним светом, пробивавшимся из самого сердца. Рядом с ней стояли Эпп и Джек, усталые, но целые и невредимые.

А позади них повсюду валялись брошенные компьютеры и перепутанные, как лианы, провода. До меня донеслись музыка, пение, вопли — под пальмами праздновали победу.

— Что случилось-то? — с трудом спросил я.

— Битва. Наши победили.

— Сумели нелегально подключиться и на часок-другой перекрыли Интернет. Напугали всех до чертиков. — Мэри ухмыльнулась до ушей. — Настоящая диверсия.

— Но прежде чем он схлопнулся, мы успели взломать кое-какие счета на Кайманах, перевели деньги,

куда нам было надо, а потом стерли все записи — словом, замели следы. Это было самое сложное, но китайцы с марокканцами помогли со взломом. Мы украли несколько островов!

— Как это так?

— Семьдесят четыре необитаемых острова, — похвальился Джек, сияя улыбкой. — Так пожелали наши старые друзья. Да и мы сами хотели того же. Чтобы у нас был дом, пристанище для всех хакеров на свете. Скоро подтянутся еще корабли.

— Да уж, они там не сразу расчухают, что мы пропадали, — гордо заявила Мэри. — А пока разберутся, мы уже успеем подготовиться к новому нападку.

— Погодите, но я ведь отчетливо видел морское сражение.

— А как же, — кивнул Джек, — кровопролитное и ужасное. Выпить хочешь? — Он протянул мне бутылку, на самом донышке едва-едва плескались остатки рома.

Пить я больше не хотел, но взял бутылку и отхлебнул. Кусочек кости скользнул мне в рот. Мгновение я медлил, затем раскусил его. Петля затянулась вокруг моей шеи, ноги тщетно дергались, ища опору, а богатые лорды и леди смотрели на висельника и рукоплескали. Испуская последний вздох, я послал им цветистое проклятие. Потом хватка ослабла, и я возродился¹.

¹ В основу рассказа положены образы реально существовавших пиратов — Энн Бонни, Мэри Рид и Джека Рэкхема, по прозвищу Ситцевый Джек, захваченных у берегов Ямайки в 1720 году.

БРЕНДАН КОННЕЛЛ

Мы спим среди волн под звездами

I

Белый горячий песок, усыпанный ракушками, а за ним буйная зелень. На острове чего только не было! Тут росли всевозможные тропические фрукты, знакомые членам экипажа, и даже такие, каких прежде никто никогда не встречал, — в форме звезд, мечей и полумесяцев. Среди деревьев пронзительно кричали крупные яркие попугаи, с ветки на ветку перепрыгивали маленькие болтливые коричневые обезьянки, а из глубин громадных папоротников, высотой с человека, распространялся приятный аромат земли — столь желанный тем, кто целых шесть недель провел на борту корабля, сбившись с курса во время шторма.

Лучшего места для пополнения запасов провианта,казалось, и представить себе было нельзя. В пресноводной лагуне плавали рыбки, осьминоги цеплялись за скалы. На прибрежном песке грелись десятки гигантских сухопутных черепах. Дальше виднелись рощи кокосовых пальм.

Часть экипажа отправилась за пресной водой, несколько человек — за плодами хлебного дерева. На обед поймали четырех черепах. Моряки пошли на охоту, а Ла Мотт, низенький и круглый лысеющий корабельный кок с пухлыми чувственными губами и ост-

рыми глазками, занялся двумя преизрядными кострами: один он развел под котлом, а другой предназначался для увесистой чугунной сковороды.

Пойманным черепахам кок спустил кровь, выпотрошил и подчистую срезал жир, потом стал тушить мясо на медленном огне, добавив туда немногого кларета, лаврового листа и специй.

Пот ручьями струился по лицу, и кок, расставив ноги и выпятив живот, творил свое искусство, словно чародействовал на прославленной парижской кухне и готовил угощение для знатных господ и высокородных дам, а не варил похлебку на неведомом острове посреди океана для изголодавшихся воров и головорезов.

Ближе к вечеру в отдалении послышались выстрелы.

— Похоже, нашим повезло с охотой, — сказал старший помощник капитана, итальянец Лаговерде. Вегетарианец с длинным и худым лицом.

— Было бы славно, если бы они принесли муравьеда или несколько обезьян, потому как разнообразие котлет придется ко столу весьма кстати.

— Мне больше по душе трапеза из простых даров моря. Мясо мне нравится, но пикша, устрицы и сладкие литорины куда как лучше.

— Что ж, в таком случае профессию вы себе выбрали верно, — сказал кок, приправив слова высокомерным намеком, — ведь за последние две недели нам едва ли перепало что-нибудь, кроме лещей, трески и муки.

— Такова жизнь моряков.

— Кое-кто назвал бы это жизнью умалишенных. Чего бы я не дал за то, чтобы время от времени касаться губами беленького, молоденького салата-латука!

Вдали показалась фигура, идущая вдоль линии прибоя по направлению к кострам. Большими шагами. В спину мужчине светило солнце. Впереди него шагала тень.

— Повезло, капитан?

— Конечно, — сказал последний и открыл мешок. — Я поймал краба-плавунца, который кричит, как котенок, краба-отшельника под названием *Calliactus tricolor* и несколько любопытных иглокожих. Скалистое мелководье на дальнем конце острова кишит всевозможной живностью.

Человек, к которому обращались «капитан», — а следовательно, мы можем предположить, что его положение обязывало принимать решения и повелевать другими, — заслуживает описания. Он был на удивление высок и худощав, голову его венчал потрепанный, видавший виды завитой парик с густыми белокурыми локонами до плеч. Лицо, поразительно бледное для моряка тропических широт, напоминало лошадиную морду, а губы, казалось, навечно скривились в хмурой усмешке. Одет он был в серый кафтан без воротника, с большими манжетами и длинный плащ с серой же подкладкой, черные бриджи, белые чулки и башмаки с большими медными пряжками. Звали его Никола Бруерович.

Между тем в воздухе разлился сильный аромат готовящегося на огне кушанья, поплыл по лагуне и джунглям, защекотал ноздри моряков и заставил их поспешить к лагерю на берегу.

На песке закружил целый хоровод всевозможных цветов: длинные тонкие черные усы и светлые бороды, яркие красные пояса и коричневые сапоги; беспечные гримасы тиснением украшали наполовину анилиновые лица, кое-кто из пиратов ловко ковылял на деревянной ноге, выточенной из ивы, или же ели, или дуба. Все они были дюжие и отчаянные парни, готовые выстоять и против штормов, и против людей. Среди них был Бычара-Мило — мужчина необыкновенной силы, но невеликого разума. Амрафель с длинной бородой в форме пинки. Мартини — небольшой итальянец, искусный в об-

рапцении с кинжалом. Много их тут собралось: совершенно волосатых и безбородых, острозубых.

Последними из джунглей показались охотники, которые, усмехаясь, размахивая саблями и мушкетами, толкали перед собой пятерых низкорослых туземцев. С криками и смехом они шли к лагерю, а между ними брели аборигены в юбках из пальмовых листьев, длинные маслянистые волосы почти скрывали их лица.

Ла Мотт широко раскрыл глаза.

Капитан нахмурился.

Шутя и жестикулируя, все с интересом обступили новоприбывших.

— Давайте-ка запечем их, как яблоки!

— Нет, пусть лучше Ла Мотт сделает из них фрикадельки!

— Девчонка и так достаточно аппетитна, можно ее сырой съесть!

Кто-то заметил:

— Кажется, у них на животах что-то необычное. То ли татуировки, то ли шрамы.

Пират ткнул старика пальцем в живот и тут же засорал, потому что живот разверзся, подобно акульей пасти, обнажив два ряда зазубренных зубов, которые тут же отхватили у незадачливого моряка верхнюю фалангту пальца, — оранжевая вспышка, и мачете взбешенного раненого пирата мгновенно обрушилось на туземца. Вид крови взбудоражил остальных пиратов, они жаждали пролить еще и еще, все присоединились к резне, уничтожая волосатых туземцев, — послышались выстрелы, свист лезвий, и в считанные мгновения на песке растянулись окровавленные трупы. Лишь один избежал участия остальных.

— Остановитесь! — крикнул капитан. — Вы, которые всю свою жизнь ищете богатство, разве не видите сокровищ под самым своим носом? Я хочу, чтобы это

чудо природы осталось в живых, ибо убежден: оно заслуживает изучения.

Среди трупов своих соплеменников дрожала, скривившись на песке, маленькая туземка.

II

Быть может, кто-то задается вопросом: почему столько отчаянных головорезов подчинялись джентльмену такой странной наружности? Ответ весьма прост: в этом человеке сочетались жестокость и щедрость.

Он никогда не забирал большую долю добычи, ее поровну делили между всеми членами экипажа. Капитан всегда ел ту же пищу, что и остальные. Требования к дисциплине у него были весьма жесткие: за малейшее неповиновение ослушнику тут же вышибали мозги.

К тому же отваги капитану было не занимать. Во время нападений он вносил свою лепту в общее дело наравне со всеми, хладнокровно и методично убивая людей, словно всего-навсего брал пробы из водоема. Его никогда не видели смеющимся, улыбающимся, плачущим или орущим в гневе. Если ему когда-либо приходилось повышать голос, то лишь для того, чтобы его услышали. Казалось, он напрочь лишен эмоций.

Родился он в Республике Рагуза и рос, с младенчества наблюдая за кораблями в гавани и слушая плеск волн о скалистый берег. В молодости он учился в университете Падуи, где отличился написанием поэтической эпопеи из 4970 латинских строф гекзаметром на тему лунного затмения — работы высочайшей техники, но уж очень сухой. Несколько раз он дрался на дуэлях и увлекался изобретательством, картографией и ботаникой. Затем четырнадцать лет плавал по изве-

данным водам и писал труд о морских приливах и отливах, а когда закончил его, то был тут же осужден Римской католической церковью за теории, оспаривающие концепцию единого Творца и владыки Вселенной.

Высшие слои общества внезапно окатили его презрением, научные коллеги хранили молчание, и он отрекся от мира, обзавелся кораблем, собрал команду отчаянных, но большей частью умных и толковых моряков и отправился на поиски богатств.

III

Стайки ярких рыбок, плавающих среди вьющихся людигий и колеблющихся сводов водорослей, глазели на шлюпку, курсирующую от берега к кораблю и обратно и доставляющую на борт съестные припасы. Вскоре на корабле оказалось около пятидесяти живых сухопутных черепах, а значит, запас свежего мяса для экипажа. Также в грузовом трюме разместили около четырехсот кокосовых орехов, прочих фруктов и большой запас пресной воды.

Вскоре ароматный ветерок наполнил паруса «Воробья» — удивительной, невероятно быстроходной шхуны с понтонами из скорлупы кокосового ореха по бортам, что делало судно практически непотопляемым даже во время самых неистовых штормов, — и корабль вышел в открытое море. Многие лиги за ним следовали киты-полосатики.

IV

Капитан трудился над написанием трактата под названием «Каталог морских вод, их настроения и сопутствующие обстоятельства».

— Войдите, — резко бросил он, даже не отрывая взгляда от страницы, которую энергично заполнял прекрасным почерком.

Отворилась дверь, и в маленькую, тесно заставленную всевозможными предметами каюту зашел Лаговерде. С одной стороны, рядом с огромным термометром, к стене крепился стол для тригонометрических вычислений. Полки были уставлены книгами и рукописями, повсюду виднелись научные приборы, подле угломера примостился версориум, в одном углу стоял нониус, а в другом — покрытое слоем пыли заброшенное зеркало.

— Как вы приказали, туземку разместили отдельно. Дай-то бог, она не введет мужчин в чудовищное искушение.

— Каждый, кто попытается притронуться к ней, будет запорот до состояния пудинга.

— Я довел это до сведения команды.

— И как она себя ведет?

— Не хочет даже приближаться к гамаку и предпочтет зверем свернуться на кипе соломы в углу, из пасти в животе свешивается язык. Она много плачет и отказывается от приготовленной пищи, но при виде сырых черепашьих внутренностей оживляется и хищно на них набрасывается. Съела несколько свежих гуайяв, предложенных ей коком.

— Пусть Ла Мотт побреет ей голову, но не откладывает с этим, потому что сегодня вечером я хочу осмотреть ее необычный череп.

V

Вечером капитан Бруерович, как и собирался, отправился осмотреть туземку. Теперь, когда голова была вы-

брюта, и без того большие глаза девушки казались просто огромными. Капитана поразила нежность ее кожи. Он заметил, что прикосновения к лицу туземки стимулируют движения ее горлышка. Он ощупывал череп и записывал все особенности строения, его длинные тонкие пальцы, ловкие, словно осы, порхали от решетчатой кости к нижней челюсти и обратно до клиновидной кости.

В голове капитана роились мысли, которые то рассеивались, то набегали вновь, словно послушные ветру летучие облака. Известность смоет дурную славу о нем. Его открытие — неведомая туземка — в клетке колесит по всем столицам Европы. Поражает высокородных господ, переправляя содержимое их кошельков в его собственный. Придворные дамы пищат, словно мыши.

Несколько следующих дней капитан занимался изучением удивительного существа. Стол в его каюте был усыпан записями, измерениями, диаграммами.

— Природа и наследственность наделили ее весьма странным строением тела — интересно, почему?

Измерить челюсть. Изучить копечности. Попытаться понять с помощью линий Анаксимандра, какая трансмутация породила это существо; возможен ли общий прародитель.

VI

- Судно по левому борту, капитан.
- Что за судно?
- Галеон.
- Страна?
- Идет под португальским флагом.

Капитан закончил предложение, которое писал, аккуратно поставил серое гусиное перо на подставку, встал из-за стола и вышел на палубу.

- Ваше мнение? — спросил он Лаговерде.
- Судно велико, — ответил стариком.
- Действительно. Несомненно, добыча будет под стать его размерам.
- Но предприятие рискованное. На борту галеона людей наверняка втрое больше нашего.
- Верно. Но наши люди дорогого стоят. Если мы атакуем, они будут сражаться как львы, а если нет, они угрюмо замкнутся.
- Да, они жаждут крови.
- Сначала нужно подрезать крылья этой громадине, — решил капитан. И обратился к главному бомбардиру: — Жак, срежь сму мачты.

«Воробей» был оснащен девятью бронзовыми орудиями, некоторые из них украшали витиеватые завитки и геральдические щиты с названием корабля. Бомбардирсы пользовались системой наведения, разработанной капитаном, и сначала сносили оснастку корабля, после чего стреляли зажигательными боеприпасами в корпус раз сорок из каждого орудия, до тех пор, пока не приходило время брать судно на абордаж.

Все бросились на борт галеона, экипаж которого насчитывал более двухсот человек против их семидесяти. Адское действие разыгралось на палубе.

Капитан невозмутимо рубанул одного из защитников галеона абордажной саблей, в другого выстрелил в упор.

Плясавшим повсюду языкам пламени вторил мрачный хор вскриков и проклятий. Катились отрубленные головы, фонтаны крови били из ран, когда конечности отлетали от тел. В ужасе вытягивались лица, люди летели за борт, где тонули в волнах, других убивали на месте.

Гримаса исказила лицо португальца так, что даже десны обнажились. Размахивающий громадным топо-

ром Бычара-Милю отрубил ему левую руку. Дравшемуся поблизости члену экипажа «Воробья» пулей оторвало ухо — и все же ему повезло куда больше, чем старпому галеона, которому минутой позже пуля разорвала череп.

Капитан Никола Бруерович одобрительно кивнул и, посмотрев влево, заметил рядом с собой мадемуазель Дикарку с огромным ложом в залитых кровью руках.

Их взгляды на секунду встретились. Затем наш герой отвернулся и продолжил методично истреблять все живое на борту галеона. Вскоре все было кончено. Палуба стала скользкой от запекшейся крови. Проверили трюмы, в которых оказалось немало чеканного серебра, кошенили и прочих ценностей.

Этой ночью все праздновали победу и оплакивали смерть товарищей — в обоих случаях следовало преображаться в полную противоположность Диогену (бочка в животе лучше живота в бочке), — но капитан в одиночестве занерся в своей каюте. На следующий день команда «Воробья» веселилась, распевала и птила, занимаясь обычной повседневной работой. Людей радовало то, что теперь рейс оказался прибыльным, но капитан выглядел удрученным, хмурился больше обычного, был угрюм. Едва притронулся к супу в обед, только вышил два кубка кларета.

VII

В капитанской каюте старшего помощника удивило совершенно небывалое обстоятельство. Зеркало, в которое не смотрелись годами, теперь было вычищено до блеска и висело на стене, где некогда находился стол для тригонометрических вычислений.

Самому капитану было не до разговоров: он стирал парик!

Старпом поскреб длинный подбородок и двинулся на камбуз.

Ла Мотт сидел с отрезом голубого шелка на коленях и иглой в руках.

— Что это ты делаешь? — спросил итальянец.

— Шью дамское одеяние.

— Вот как! И для кого же, можно узнат?

— Само собой, для единственной дамы на борту нашего корабля. Приказ капитана. Похоже, что ее травяная юбочка вышла из моды.

Лаговерде вышел на палубу.

— Кто бы мог подумать, — пробормотал он, глядя, как кроваво-красное солнце садится в волны.

VIII

Как бы причудливо ни выглядел их роман, но туземке удалось сделать то, что не довелось совершить прежде ни одной смертной женщины, — растопить лед сердца Бруеровича. Впервые заполнилась светом темная пещера, полная слизняков и пауков. Странно, но факт: самые неистовые страсти вспыхивают между говорящими на разных языках людьми.

Никто из членов экипажа не позволил себе ни шуток, ни смешков. Потому что каждый знал, как одиночка жизнь моряка. В зародившемся посреди океана романе была определенная патетика, и никто не комментировал происходящее; губы сковала печать молчания из-за опасения и жалости, быть может, даже страха.

Зачастую бывает сложно сказать, отчего одного человека тянет к другому и почему каждый в определен-

ный период своей жизни непременно влюбляется. Поведение капитана внешне не сильно изменилось. Он по-прежнему был жестким и неулыбчивым, но за закрытыми дверями капитанской каюты становился нежнее.

Именно в это время пираты, закинув в воду рыболовные сети, вытащили из моря странное существо — змея с головой, похожей на головку младенца. Ла Мотт нарезал мясо гада морского кубиками и подал жареным в масле на ленч.

IX

Последующие недели выдались успешными, полными сражений, огня и предсмертных волей. Корабль летел мимо конусообразных островов, скользил по волнам, напоминавшим то белых коней, то словно побуревших от пенистой крови, а команда радостно предавалась разбою. За это время они атаковали семь кораблей: два голландских, испанский, французский, два английских и еще один португальский — и обогатились изрядным количеством золота и серебра, кошили и индиго.

Похоже, туземка принесла им удачу.

Капитан выучил ее стрелять и подарил парочку пистолетов, которые висели на поясе из ярко-синего шелка, повязанного на животе, под странным ртом девушки. Носила она широкие яркие шаровары, жилетку из парчи ярко-зеленого цвета и пляжу, украшенную кисточкой.

Туземка участвовала во всех пиратских набегах, во время которых непременно бывала возбуждена и несла с собой смерть — словно кошмар тех несчастных, на которых напали, — потому что им в самом деле каза-

лось, будто их атаковали монстры с маньяками, какая-то жуткая адская шайка.

Особое удовольствие дикарка находила в предельной жестокости. Как-то раз она запрыгнула на плечи одному мужчине, сжала его шею бедрами и задушила до смерти. В другой раз она зубами вцепилась в ногу человеку. Капитана это не сердило, не раздражало, возможно, даже казалось ему милой шалостью, как зачастую влюбленные называют странности своих возлюбленных.

В дни самых свирепых сражений страсть туземки особенно разгоралась, и Бруерович, сотрясаясь от возбуждения, прижимал трепещущие губы к рукам дикарки, с засохшими частицами человеческой плоти под ногтями.

X

Темно-серый свет. Нескончаемый, моросящий дождь. Туземка прислонялась к планширу, мечтательный взгляд бродил где-то далеко, а тело словно стремилось впитать влагу, стекавшую по лицу, лепившую мокрую одежду к ее гибкой фигурке.

В дождь она всегда вела себя так: исчезала для мира, растворяясь в природе. Капитан держался на расстоянии и даже будто бы побаивался ее. А потом, глядя в глаза, он видел в них дальние просторы, пальмовые ветви, таинственные, залитые солнцем пляжи, на которых кружили, поклоняясь волнам, туземцы, — загадка, которую отказывался разрешить его аналитический мозг. Мадемузель Дикарка представляла собой необычайную смесь храбрости и застенчивости, зверского энтузиазма и печали. Она умела не только царапаться и кусаться, но и обнимать нежно. Словно во-

плещала собой исконную загадочность, ведущую к изначальным дням бесформенной пустоты, поднебесным водам и кипящим камням рождающегося мира.

— Что вы о ней думаете? — как-то раз осторожно спросил первого помощника Ла Мотт.

— Она нечто вроде животного, подобранныго на одном из островов.

— И это означает?..

— Только это.

XI

Мертвый штиль. Вечер. На палубе стоит капитан и смотрит на багряный закат. Рядом с ним Лаговерле.

— Думаю, это будет мое последнее плавание.

— Неужели?

— Это так.

— Значит, вы решили уйти в отставку?

— Мне всегда хотелось осесть в Греции... Мирно поселиться и изучать морскую жизнь там, где некогда ходили Пифагор и Софокл.

Их беседу прервал матрос по имени Мартини:

— Заболел Пирр, мальчик — подносчик пороха.

— Вероятно, его тошнит от несвежей рыбы, состряпанной Ла Моттом, — отмахнулся Бруеровитч.

— С парнем случилось кое-что похуже. Его лихорадит.

Капитан и старпом отправились взглянуть на больного, который лежал в своем гамаке. Лицо его блестело от пота. Он надсадно кашлял и корчился от боли.

— Когда ты заболел? — спросил Капитан.

— Последние несколько дней ~~же~~ было нехорошо, — пробормотал несчастный. — Может, у вас найдется лекарство, которое облегчит мне боль...

Никола Бруерович осмотрел его и заметил на груди сыпь:

- Это тиф.
- Скверно, — отозвался Лаговерде.
- Да. Нужно вымыть весь корабль сверху донизу, постельные принадлежности — за борт, каюты отдать уксусом. И ни в коем случае не подпускать никого к моей каюте.

На следующий день парень умер, его завернули в простыни и выкинули за борт.

— Нехорошо отправлять товарища на корм рыбам, — проговорил Амрафель, матрос с бородой в форме пики. — Но это дает нам самим больше шансов выжить.

XII

Все приказы капитана были выполнены, и уже казалось, что беда под контролем, потому что за три дня никто не заболел. Но на четвертый Бычара-Мило не смог встать на ноги и через восемь часов умер.

В тот же вечер заболели еще двое. И на следующий день — еще двое. А через день — семеро.

Люди, которые с улыбкой шли на смерть в бою, теперь стояли перед лицом невидимого смертоносного врага. Одни полоскали горло ромом. Другие вспоминали выученные в детстве молитвы. Но болезнь не щадила никого сильных, ни слабых, ни пьяных, ни трезвых.

Матросы скорчались в своих гамаках. Некоторые лежали прямо на палубе, уставившись в небеса. Один увидел в галлюцинациях, что корабль угодил в кольца гигантского морского змея. Другой распевал во всю глотку, объясняв, что на музыкальном конкурсе соревнуется с демонами.

Кое-кто выздоравливал, другие умирали. За неделю за борт бросили шестерых членов экипажа.

XIII

Как-то утром Лаговерде постучался в дверь капитанской каюты.

— Не входить, — донеслось изнутри.

Мгновение спустя капитан вышел сам.

— Она заболела, — констатировал он.

Лаговерде ничего не ответил. Что тут скажешь? Вопистину отпущеный в этом мире миг жизни краток, словно вспышка молнии.

Туземка обезумела, и удержать ее в постели оказалось непросто.

Бруерович пытался вырвать у природы ответы на вопросы, вникнуть в ее суть. Он отчаянно рылся в книгах, углублялся в размышления, толок и смешивал порошки. Поил дикарку настоящной на сере водой, протирал ее спиртовым раствором дегтя, окуривал помещение дымом и паром.

Когда он пленадолго засыпал, ему виделись тянущиеся к нему руки, которые прижимались к его губам, давили на него; снилась пугающая непристойность, при пробуждении преображавшаяся в неодушевленные предметы: стаканы, стол, серое гусиное перо, — все предметы взывали к нему.

XIV

Дикарка еле дышала. Ее лицо истончалось, словно затухающее пламя свечи. Живот вздулся, губы разомкнулись в страшной ухмылке. Огромные глаза гля-

дели на капитана, зрачки недвижимо застыли. Потом она отвернулась.

Бруерович встал и вышел из каюты. Каблуки капитанских башмаков застучали по доскам палубы, его шаг был ровным и четким. На палубе несколько матросов молча занимались своими делами. За кормой тихо плескались волны.

Пузырьки в воде.

Капли росы.

Капитан стоял на мостице и смотрел на воду — бескрайний луг, бесконечный сине-зеленый ковер. Корабль скользил по пустынному морю. Вдалеке, у горизонта, росла громада темных облаков, и губы капитана плотно сжались.

XV

Вернувшись в каюту, капитан с удивлением обнаружил туземку на полу. Она сидела совершенно нагая и в весьма странной позе: лодыжки скрещены позади шеи. Все тело было покрыто тонкой слизистой пленкой.

— Тебе нужно лечь в постель, — сказал Бруерович, подходя к девушке.

Раскрылись челюсти посреди живота, словно оскалились; дикарка огрызнулась, не подпуская к себе капитана. Он шагнул назад, глядя, как вся она неистово затряслась и забилась в корчах; теперь челюсти выпячивались из живота, тянулись вперед; глазные яблоки бешено вращались.

Тут он заметил на полу вокруг нее ошметки плоти, пальцы ног, части рук:

— Что за черт!

Задыхаясь, она замельтешила по каюте. Судорожно вздымались ребра, вслед за ней на полу оставался желтоватый склизкий след.

Правая рука капитана дернулась, словно желая найти клочок бумаги и записать наблюдения, но происходящее перед ним не располагало к записям, а потому Бруерович призвал на помощь нескольких моряков. Все вместе они накинули на туземку сеть и вытащили на палубу, умерив ее буйство.

— Ей хочется в воду, — заключил Лаговерде.

Капитан Никола Бруерович на мгновение задумался, а потом отдал приказ и смотрел, как сети подняли над планширом, и секундой позже их содержимое свалилось в синие воды. Сверкание брызг — и вот ее уж нет. Дикарка затерялась в громадном пространстве самой большой слезинки на свете.

На прочтение стихов, исполнение страстных баллад о свободе или тленной жизни не было времени.

— Корабль по левому борту, капитан. Фрегат.

— Флаг?

— Английский.

— Сколько нас?

— Сорок семь.

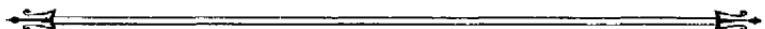
Капитан повернулся к Лаговерде:

— Как думаете, мы одолеем фрегат?

— Не знаю, но я бы не отказался убить нескольких англичан.

— Не стану лишать вас этого удовольствия.

СТИВ АЙЛЕТТ

Путешествие «Игуаны»

Во время поиска материалов для моего неопубликованного романа «Бархатные псы» я прослыпал о престарелом джентльмене, который владел коллекцией старых судовых журналов — подлинными источниками эпохи парусного флота, — и решил найти его, дабы спросить, не может ли он одолжить мне немного денег. Фигура отшельника, приветствовавшего меня на чердаке одного бристольского дома несколько месяцев спустя, представляла собой зрелище воистину эксцентрическое. Он сидел в углу и поглаживал высохший папоротник.

— Одно из немногих оставшихся мне удовольствий, — объяснил старик шепотом и зашептался в приступе такого кашля, что я перепугался, не испустил бы несчастный дух прямо на месте.

Вернув разговор к вопросу о финансировании, я выяснил, что у него есть целых восемь фунтов, и предложил инвестировать капитал в выгодное дело.

Старик наклонился и принялся рыться в старом дубовом сундуке, откуда, среди прочего, достал толстый, обернутый в кожу том, вроде тех, о которых я впервые слышал в связи с этим слюнявым джентльменом. Подобрав и пролистнув несколько ветхих страниц, я сразу

же вычислил относительную стоимость журнала. На вопрос о подлинности дед неожиданно озверел и извлек на свет божий антикварный мушкет размером с водяного быка. Я по-быстроенъкому ретировался, а отшельник ворил мне вслед, что никто не смеет обзывать его мошенником. Так мне попал в руки текст, который здесь я назвал «Путешествие „Игуаны“».

В журнале рассказывалось о некой морской экспедиции, страдающей полным отсутствием дисциплины. Ею руководил капитан Сэмюэль Лайт Себастьян, и она была организована Ист-Индской компанией, но говорили о ней редко, а если и упоминали, то принимались орать от раздражения или отпускали язвительные замечания.

Похоже, капитан «Игуаны» занимался только одним: бросал пустые бутылки в акул-молотов, которые, по его неоднократным заявлениям, постоянно над ним «глумились». Его методы управления характеризовались вялым безразличием и поразительным невежеством в области морского дела: он часто, к примеру, отдавал приказ «табанить нос к корме» — маневр, в случае исполнения которого корабль бы переломился на равные части и сложился сэндвичем.

После изучения журнала на многие вопросы ответов я так и не получил. Куда вообще держал курс корабль? Как он мог проделать полпути без балласта? Что было такого ужасного в ритуале аборигенов, отчего Себастьян и старпом потеряли сознание? И, самое интригующее, где капитан держал этот журнал? Он, похоже, с ним не расставался. Архивные записи не дают ответов — имя Себастьяна практически вычеркнуто из истории. Вернувшись в Англию в марте 1809 года, он был спешно понижен до звания «человека без средств, чести и работы», а уже через две недели снова вышел в море капитаном 54-пушечного корабля,

который лорд Кокрейн¹ впоследствии изъял и намеренно взорвал, дабы поразить неприятеля обманным маневром...

27 мая. Зюйд-зюйд-вест. Отплыли из гавани Бристоля с попутным ветром. Представил себя и старпома Леггахорна команде, та развеселилась. Во время построения один матрос не переставая мочился за борт. Второй помощник Форфант прервал мою речь, выкрикнув непристойность, команда разразилась смехом. Мораль на высоте.

28 мая. Зюйд-вест-вест. Сильный ветер. Леггахорн потерял шляпу и кинулся ей на помощь, семеро человек едва удержали его от прыжка за борт. Сказал юнге Бэтчу, что такое поведение извинить нельзя, после чего все восемь человек хорошенько по нам потоптались.

29 мая. Зюйд-зюйд-зюйд. Бурное море. Мистер Байрон постоянно поворачивается к штурвалу спиной и смеется, наблюдая за тем, как суетится команда, когда резко меняется курс. Леггахорн и я еле разняли Форфанга и боцмана, дерущихся у двери в кают-компанию, — второй помощник как раз был меня головой о дверь, когда корабль захлестнула большая волна и унесла старпома и боцмана на носовую палубу. Все ругались как сапожники. Мистер Байрон заметил, что теперь мне есть о чем рассказать внукам.

30 мая. Зюйд-зюйд-ост. Снова хорошая погода — дождь прекратился, волны размером не с корабль. Боцман умер, ветер стих. Форфант схватил меня за ногу

¹ Лорд Томас Кокрейн (1775—1860) — адмирал британского военно-морского флота, политический деятель, новатор и изобретатель.

и с громким воплем ударил о кормовую палубу. Все хорошо.

31 мая. Зюйд-зюйд-вест. Невероятный ливень, большие волны, похороны боцмана не задались, останки зашвырнуло обратно на корабль. Бизань-тик в лоскуты. Пошел спросить кока о повреждении корпуса, но у того хватило наглости ответить мне, что это не его дело. Поднял дух команды Форфанг, все еще празднующий вчерашнюю хорошую погоду. Послал старшома наверх понаблюдать за сменными облаками.

1 июня. Зюйд-вест-зюйд. Корабль приготовлен к шторму. Тонсели уbrane, стаксели подняты, бизань и стеньга тоже уbrane. Команда дерется на палубе. За обедом Легтхорн рассказал поразительную историю о человеке, съеденном пантерой. Приказал выдать боцману семь плетей за стрельбу на палубе, но того смыло за борт.

2 июня. Норд-норд-ост. Говорил с Форфангом в каюте о морали и приличествующем офицеру поведении, но качающийся фонарь ударил его по голове, второй помощник расстроился, стал бегать за мной, поймал и с громким хохотом принялся бить головой о стол. Я решил завтра развлечь себя партией в шашки. Легтхорна заметили на канатах брам-стеньги. Он выкрикивал непристойности.

3 июня. Норд-норд-вест. На камбузе беспорядки из-за нехватки еды. Внизу взорвалась одна бочка, и случился целый потоп рома, матросы, распихивая друг друга, ложились прямо на пол, пускали пузыри и отчаянно ругались. Легтхорн и я прогулялись по палубе в плащах и сапогах. В конце концов сели поиграть в шашки. Те тут же исчезли, едва мы открыли коробку.

Борьба переместилась в кают-компанию, когда туда начали подниматься люди.

4 июня. Норд-норд-зюйд. Рискнул подняться наверх с корабельным псом, тот слетел за борт, когда я выпустил его размяться. Джон Танни говорит мне, что это плохое начало для путешествия, когда не знаешь, где кончается корабль и начинается море. Его еле слышно из-за шума волн. Я согласился смеяться. Матрос оскорбился и ушел.

5 июня. Зюйд-зюйд-норд. Недостаток мяса и провизии, который нельзя объяснить. Проверяю грузовые книги. Новый боцман — Пайпер. Форфанг споткнулся на кат-балке и пришел в ярость, сломав ногу.

6 июня. Зюйд-вест-ост. Нам недогрузили провизии. Собрал команду на палубе сообщить новости, но даже сам себя не слышал из-за грома и волн. Форфанг швырнулся бочку мне в лицо. Харкер непрерывно мочится за борт.

7 июня. Вест-вест-норд? Легтхорн учил команду танцевать хорнпайл¹ — семеро оказались за бортом. Поговорил с Бэтчем об обязанностях юнги, но его лишил сознания обвалившийся потолок. Новости о провианте заставили Берринджа возопить: «Ну, парни, нам крышка, чтоб вас всех черти драли». Не могу не восхититься его дипломатическим талантом.

8 июня. Сегодня прогуливался по палубе, наблюдал за тем, как подтягивали задний грот. Паркинс и остальные ругались, стараясь перекричать ветер и дождь. На

¹ Хорнпайл — народный танец; особую известность получил так называемый хорнпайл моряков.

борт задуло черепаху. Она ударила Леггахорна, который в это время хохотал, опершись об ограждение правого борта. Дурное предзнаменование.

9 июня. Беспокоюсь о корабельном докторе, который взошел на борт, уже больной тифом. Ему пришлось сразу уйти в каюту, и теперь за ним ухаживает Леггахорн. Все еще штормит. Бэтч решил отобедать с нами, кок приготовил черепаху. Несколько членов команды украли ее ласты и, привязав их к ушам, исполнили демонический ритуал. Ответственных отправил драинть палубу, но их смыло за борт. Назначил заупокойную службу, но ее смыло за борт. Теперь все сидят внизу, кроме Харкера, мочащегося за борт.

10 июня. Прекрасное утро. Спокойное море. Полным ходом идет починка такелажа. Голубое небо и попутный ветер. Форфанг в восхитительном расположении духа, несмотря на сломанную ногу. Старпом поет на палубе. Десять человек упали за борт.

11 июня. По-прежнему хорошая погода. Мистер Байрон, с каменным выражением лица, привязал себя к штурвалу. Где-то около полудня Форфанг ударил стариома, который стоял, пребывая в замечательном настроении, на полуяте. Второй помощник не раскался. Джон Танни попытался выбросить его за борт, но тот вырубил его канатом. Все хорошо.

12 июня. Заставил команду чинить паруса. Надо застаситься водой. Отвел Бэтча к лееру и поговорил с ним о море. Показал, как дразнить акул-молотов.

13 июня. Поговорил с Форфангом о его поведении, тот взял доску и попытался меня ударить, крича

и пуская пену, когда Леггахорн вытолкнул его из каюты. Я отполировал свой фарфор.

12 июня. Бодмана сожрал второй помощник. Смеялись.

15 июня. Хорошая погода. Паруса и Форфанг на-дулись. Место положения неизвестно. Матросы или усердно работают, или спят, или потонули. Только Харкер, кажется, не перестает мочиться за борт.

16 июня. Берринджер вычислил, что если следовать прежним курсом, принимая во внимание течения, то в конце пути его ждет смерть. Бреясь на свежем воздухе, Форфанг напомнил мне о быке-гордене¹ крюйс-брам-бакштаги, который серьезно повредило штормом, и не-ловко ухватив меня за ногу, попытался рывком перебросить через леер правого борта. Идем вперед, ветер постоянный. Леггахорн в трюме присматривает за починкой потолка.

17 июня. Место нашего положения так и не определено. Собрал все карты и инструменты в один мешок и вместе с ним отправился к коку, но помощи не получил. Стоял на полубаке, наблюдал заход солнца. Похоже, я — конченый человек.

18 июня. За обедом Леггахорн рассказал изумительную шутку — о свинье и батуте. Порадую ею лорда Кокрейна. Бросал бутылки в акул-молотов, наблюдал, как те злятся. Дал крысе немного хлеба.

19 июня. Поговорил с мастером-парусником на полуяute, пока тот работал, и в это время меня ударила

¹ Бык-горден — счастье бегущего такелажа парусного судна.

летучая рыба. Мастер-парусник, увидев это, рухнул на палубу, визжа от смеха. Пришлось в конце концов унести его вниз и дать нюхательной соли.

20 июня. Нашел на палубе крохотную морскую черепаху. Смеялся. Решил вынянчить ее и поставить на ноги. Новый бодман — Лэндис — утолул в собственных соплях.

21 июня. Собрал команду на палубе и рассказал ей шутку о свинье и батуте. Один человек выругался, другие смеялись. Ремонт все еще идет.

22 июня. На ужин был альбатрос. Дурное предзнаменование.

23 июня. Форфаунг сунул меня головой в иллюминатор и принялся тянуть ее на себя с другой стороны. Я громко звал на помощь, появился довольный Леггахорн и, поедая виноград, попытался развеселить меня остроумными шутками. Заход солнца положил конец сим упражнениям. Все хорошо.

24 июня. Слышу все больше докладов о Харкере, который часами мочится за борт. Пошел на палубу и решил серьезно с ним поговорить. Он мочился за борт. «Слушай, приятель, твои излияния надо прекратить», — сказал я ему. Матроса это явно удивило и даже обидело. Я ушел, чувствуя себя несколько пристыженным. Оглянулся назад, а он опять мочится за борт. Похоже, у него планы занять пост капитана.

25 июня. Встревожен переменой в Бэтче, юнге. Тот частенько стал красоваться голым в дверях кают-компании. Он не ответил, когда я предложил ему апель-

син, да и вообще ни на что не реагирует. На палубе столкнулся с Берринджером и предложил вместе посмотреть карты; матрос порекомендовал мне посоветоваться с дьяволом. Форфанг сегодня набросился на меня с пронзительным криком. Назначил нового боцмана — Паркинса. Тот от такой новости сразу прыгнул за борт.

26 июня. Старпом Легтхорн сообщил, что команда начала есть собственные штаны. Рассказал ему шутку об улитке и театральном билете. Смеялись.

27 июня. Услышал, как бешено трясется парус, отправился посмотреть, в чем дело. Это Бэтч был по нему веслом. Команда в унынии. Попытался развеселить их, изящно запустив морскую звезду, но попал Форфангу в лицо.

28 июня. Легтхорн, стоя на полубаке, давал уроки плавания Тобиасу, дородному грузчику, того подхватило волной и разбило о нос корабля.

29 июня. Пошел вниз проводить доктора, тот схватил меня за руку и пронцептал что-то о «проклятии».

30 июня. Корабль в дрейфе, штиль, ветра нет совсем. Новый боцман — Уайт. Немало волнений вызвал Бэтч. Юнга долго стоял у лесера, прочитал, что в воде плавает носорог, и звал команду спасти его, но больше никто на корабле незадачливого зверя так и не увидел. Мы с Легтхорном решили спросить у кока, как же выглядит это животное, но тот, кажется, был не в курсе.

1 июля. Наблюдал за глумящимися акулами-молотами. Мистер Байрон отстегнулся от штурвала и со сто-

ном упал на палубу. Я и Леггахорн сидели на квартирдеке¹, рисуя по памяти собак. Бэтч встал посреди корабля и, взгромоздив на голову бочонок рома, застыл так на целый час. Джон Конк бормотал о сосисках.

2 июля. Боцман крикнул: «Зеленые поля — воздушные ша...» — и прыгнул с фок-мачты. Поминальную службу прервал Форфанг, выстрелив из мушкета во всплывшую на поверхность сардину.

3 июля. Никто не помнит, что мы везем, и должен признаться, пункт нашего назначения также представляет для меня загадку. Бэтч говорит, может, это кокосы. Харкер мочится за борт. Леггахорн заявил, раз мы не помним о грузе, значит, он не важен. Джон Танни хватает меня за руку и беззвучно шевелит губами.

4 июля. Форфанг приказал команде есть свои собственные ноги, вынужден был вмешаться и распоряжение отменить. Матросы явно расстроились из-за столь неожиданной смены планов. Ветра по-прежнему нет. Крысы беспокоятся.

5 июля. Ветра по-прежнему нет. Джон Конк развлекает команду, пиная себя в голову. Леггахорн делает холстяной портрет своей матери. Я на палубу не выхожу, занимаюсь пантомимой.

6 июля. С лампой исследовал трюм. Нашел на полке засохший пикуль и книгу с множеством изображений лебедей. Несколько прямых балок: наверное, они часть корабля. Три пустые бочки — одна настолько покрылась мхом, что я поставил ее в каю-

¹ См. примеч. на с. 165.

те, получилось удобное кресло. Легтхори предложил организовать в трюме, как он выразился, «вечеринку сопляков», но я не стал уточнять, что старпом имел в виду.

7 июля. Подул ветер. Легтхори свалился с гамака и потерял сознание. Хэзлитт выстрелил в показавшегося на поверхности иглобрюха, в результате мишень взорвалась и ослепила его на один глаз. Новый боцман — Феннел — постоянно атакует воображаемых противников и кричит о «заговоре». Команда смотрит на меня сквозь снасти. За борт упала крыса, но ее спас мистер Байрон.

8 июля. Бурное море. Столкнулся с Берринджером на палубе и похвалил его за хорошую работу. Он в ответ плюнул по ветру и что-то прокричал, я, впрочем, ничего не услышал из-за грохота волн. Потом матрос схватил медузу, разорвал ее надвое и принялся тыкать мие пальцем в грудь. Пожелал ему трудиться так же усердно и отправился присматривать за работой команды.

9 июля. После небольшого опроса оказалось, что никто не помнит названия корабля. Безуспешно поискал в книгах упоминание о нем. Бэтч говорит, что судно называется «Кокосы». Палубу захлестывают волны. Все наверху в опасности, кроме Харкера, мочащегося за борт. На свой страх и риск, надев плащ и саноги, отправился наверх и встретил его у леера. Попытался перекричать шторм, сказал, чтобы шел вниз. Он ответил, что люди не одобрят, если он станет мочиться там. Я заорал во все горло и предложил ему прекратить мочиться, но Харкер отвернулся от меня с ничего не выражавшим взглядом.

10 июля. Бурное море. Спустил Форфанга вниз по борту посмотреть название корабля. По возвращении тот заявил, что видел бизона. Трех человек смыло в воду. Задыхаясь от усталости, второй помощник сообщил, что никогда не умел читать.

11 июля. Во время шторма Легтхорн разбил навигационные приборы кувалдой. В каюте одни карты промокли, другие — старпом, второй помощник и я съели на ужин. История про разбитый фрукт — как же мы хохотали!

12 июля. Боцман стал нападать сам на себя и бегать по квартердеку, колотя себя по носу. Легтхорн велел ему остыть, но в полдень тот снова начал драку, дрожа посредине корабля, после чего мстнулся в воду. Поминальную службу прервали крики Форфанга о том, что корпус покрыт съедобными раками, и вся команда прыгнула за борт.

13 июля. Сегодня хорошая погода. Прервал стенающего на канатах Берринджера. Тот прямо посередь очередного залпа горестей увидел меня и плонул в мою сторону. Спросил его, как давно он стал моряком. Берриндженер ответил, что двадцать пять «проклятых» лет назад, и добавил, что — клянется именем Господа — его бы тут не было, если бы не воля моего «черного пустого сердца». Я поблагодарил его, а он ударил меня в лицо, после чего команда развеселилась и все запели хором песню грузчиков, танцуя на палубе похотливый танец. Двадцать человек оказались за бортом.

14 июля. Приговорил Бэтча к пятидесяти ударам плетью за то, что он онанировал на фонарь. Свистком

созвал всех на палубу засвидетельствовать наказание, но всех смыло за борт. Форфанг и я запутались в бра- сах бизани и скоро лишились сознания от ударов волн. Легтхорн все это время сидел внизу, курил мою труб- ку и читал Смоллетта.

15 июня. Хэзлитт выстрелил гарпуном в подняв- шегося на поверхность анчоуса, после чего принял ся жаловаться, что из-за потери глаза утратил меткость. Оскорбился, когда я предложил ему выбирать цели по- крупнее. Я просидел в каюте весь день, пытаясь вспом- нить свое имя.

16 июля. Сегодня был день выплаты жалованья. Ко- манда отреагировала довольно прохладно, многие смот- рели на деньги совершенно безразлично и не понимали, что это, а некоторые, после краткого изучения, их про- глотили. Дурное предзнаменование.

17 июля. Нодул попутный ветер, мы подняли фок и тут же сели на мель со звуком, который Легтхорн сравнил с «криком лося». Старпом на несколько ми- нут загородил проход, заливисто хохоча, пока я ста- рался выбраться наверх. Большинство команды зани- малось тем же, согнувшись и чуть ли не визжа от ве- селья, несмотря на повреждение корабля. Черный утес возвышался над парусами, а море пенилось бурунами у валунов внизу. Харкер, мочась за борт, крикнул, что только повелитель преисподней сможет устраниТЬ та- кую поломку. Старпом успокаивающе положил мне руку на плечо, и сго смыло за борт. Посоветовался с коком, тот держал в руке сухарь и громко, с выраже- нием что-то говорил, сначала показывая на себя, потом на него. В корабле течь — команда недовольна, при- дется спать в снастях.

18 июля. Я, Леггахорн и Джон Танни пошли в грузовой трюм и принялись двигать бочки, оценивая повреждение корпуса. Старином поднял лампу к лицу и принял корчиться рожи. Дал ему знать обо всей серьезности нашего положения. Смеялись. В проломе торчал огромный камень — Джон Танни предложил оставить его в качестве балласта. Он и мистер Байрон прикатили бочку пороха, подожгли ее мушкетами. Мы сорвались с крючка, а корабль снова поймал ветер. Табанить носом к корме. Паук в каюте!

19 июля. Исследуем берега этого черного острова, скрывающегося по правому борту. Команда так давно в море, что уже не понимает значения земли. Хэзлитт неопределенно заявил, что это, наверное, такой сорт пудинга. Мистер Байрон открыто высказался, что хотел бы иметь колесо, «покрытое шерстью». Погода тихая и теплая. Приказал выдать Леггахорну пятьдесят плетей за то, что тот приставал к носовой фигуре.

20 июля. Мы подошли к пальмовой бухте, и я решил сойти на берег. Приказал мистеру Байрону отпустить якорь, но тот не двинулся с места. Понадобилось восемь человек, чтобы вырвать якорь у рулевого, отчего тот заплакал. Велел ему сбраться и оставил на борту вместе с Харкером. Пока гребли к суша, прочитал, что имя корабля — «Игуана». Команда расстроилась. Высадившись, матросы проигнорировали мой приказ выгрузить провизию и с воплями умчались в джунгли. Я провел ночь в одиночестве под деревом. Использовал лампу, подав сигнал на корабль, что все в порядке.

21 июля. Команда с ревом вырвалась из джунглей. Все покрыты грязью. Леггахорн доложил, что нашел

нечто крайне важное, потом показал мне живот и убежал. Хэзлитт прошел по пляжу, хохоча, подбоченившись и балансируя арбузом на голове. Пролетел Джон Конк, пиная себя в промежность. Форфант вышиб из меня дух веслом и рассказал о встрече с крокодилом в джунглях. С немалым беспокойством он поведал мне, что тот пытался его «обнять», второго помощника спасла только глубина потока. Хэзлитт несколько раз выстрелил из мушкета в песок и истерически расхохотался. Легтхорн посоветовал ему все рассказать товарищам, потом показал живот и убежал. Форфафт пропал в джунглях. Команда меня похоронила, а затем впала в пьяный ступор.

22 июля. Матросы развлекались, стреляя в кокосы, вырезав на каждом мой портрет. Я извинился и решил поплавать.

23 июля. Когда я пытался развлечь команду, изображая курицу, напали дикари — взяли нас в плен и сломили боевой дух, вылив ром в море. Легтхорн непрерывно кричал, Джон Конк трялся, как пациент Бедлама¹. Приказал Беррингеру передать дикарям наш дружеский привет, а он схватил одного за руку и принялся шумно рыдать. Хэзлитт весело заметил, что нам улыбнулась удача: никого не смыло в море, всех только рвало.

24 июля. Дикари связали нас и выбили всю, по выражению Беррингера, «проклятую Богом душу» дубинами. Бэтч рассказал нам о Моисее, а потом вызвал негодование команды, разразившись смехом. Беррингер заявил, что мы находимся на «земле самого дьявола». Здесь действительно на каждом шагу куча змей.

¹ Бедлам — психиатрическая больница в Лондоне.

25 июля. Дикари опять избили нас, сегодня они надели цветные маски и останавливались только несколько раз, отвечая на мои вопросы. Берринджер сказал, что их маски — это «гали-маски», а змей они называют «бо-мамбами», и те, по всей видимости, «могут досуха высосать из каждого алую душонку». Я решил заняться образованием Бэтча: тот сегодня мне сообщил, что забыл значение слова «счастье».

26 июля. Сегодня дикари снова нас избили. Я посоветовал Берринджеру постричь бороду. Он зарычал и выплюнул ответ, впрочем неслышный из-за криков команды.

27 июля. Дикари сообщили, орудуя дубинами, что намереваются «запечь» нас и пообедать, «смеясь» над сожженными останками. Легтхорн уставился на меня. Мораль на нуле.

28 июля. Потратил много времени и ценных мыслей на то, как разобраться с дикарями. Легтхорн предложил назначить их боцманами. Посоветовался с коком, тот в ответ зарыдал. Дикари сосчитали наши конечности и вывели на песке какис-то формулы, болтая, смеясь и ломая стволы деревьев голыми руками.

29 июля. Дикарей разбросал крокодил, который вырвался из джунглей прямо к Берринджеру, укусил его за руку и лег рядом, иллюдируя на нас поглядывая. Мы сразу принялись громко кричать, по зверь, похоже, только еще больше развеселился. Появился Форфант, мы стали умолять его развязать нас, что он и предпринял, начав палить в веревки из мушкета. Джон Конк упал в обморок. Остальные заорали с такой силой, что нам на помощь прибежали дикари, но снова бросились

в бегство, испугавшись выстрелов Форфанга. Леггахорн поблагодарил его с усталым вздохом и вырубил ударом камня.

30 июля. Наблюдал за кораблем в подзорную трубу. Видел, как Харкер мочится за борт. Просигналил мушкетом, что все в порядке, мистер Байрон выстрелил в ответ, ранил Хэзлигга, команда, воин, метнулась в джунгли. Форфанг взял крокодила на поводок, исследуя остров. Долго и утомительно выбирали зверю имя — я с энтузиазмом голосовал за Джонатана, команда дружно сплюнула в огонь и согласилась на Дарли. Джон Тани, ухмыляясь, заявил, что это лишь животное, «сделанное из кожи». Приятно видеть, что матроны опять проявляют интерес к миру.

31 июля. Разъяснил матросам разницу между кокосами и паноротником, приказал загрузить на корабль кокосов и свежей воды. Я, Леггахорн и остальные углубились в джунгли, где Форфанг «впал в буйство», Хэзлигг «разделал мартышку», а Леггахорн, по-видимому, «часами говорил о наре». Вскоре тем не менее мы оказались в совершенно неизвестной местности, и Джон Конк принялся пытать и постоянно сморкаться. Нашли много храмов, где почитали змей, газелей и насекомых. Наш проводник, которого Беррингджер назвал «Смертью», рассказал, что здесь проводилось множество ритуалов, включая один, в ходе которого жабу растирали в порошок тяжелым каменным пестиком, принося в жертву адской ярости бога Ракаты, а потом изучали останки. Команда помолилась у нескольких каменных изображений, оставила дары: сережки, пуговицы и все в таком духе. Когда вернулись, оказалось, корабль забит паноротниками. Решили остаться еще на один день.

1 августа. Собирали кокосы и рассказывали о приключениях. Берриндженер шутил, что его разыскивают за убийство, и показывал всем кинжал, говоря: «Это тот самый». Бэтч удивил нас, задушив форель. Форфант решил проехаться на Дарли, но быстро с него слез. Леггахорн и я обменялись анекдотами о прахе — как же мы смеялись!

2 августа. Команда собрала кокосы и обучила Смерть танцевать хорнпайп. Результат получился настолько устрашающим, что все наперебой начали просить его больше никогда не плясать. Берриндженер схватил меня за руку и принялся размахивать зажатыми в кулак водорослями, выкрикивая различные фразы. Сказал ему остыть. Посоветовался с коком относительно условий дальнейшего плавания, тот сбежал в джунгли. Доусон развлек нас песней о летучих мышах. Джон Конк проводил время, молотя себя дубиной по голове. Хэзлитт принялся громко петь и утопил аккордеон. Все хорошо.

3 августа. Приказал выдать Джону Танни пятьдесят плетей за изнасилование голубя. Леггахорн заявил, что устал присматривать за погрузкой кокосов, и принялся бегать по лагерю, всем показывая живот. Форфант со свирепым видом упрекнул меня в равнодушии — я так и не смог завязать разговор с крокодилом — и встал надо мной, наблюдая за новыми попытками. Я встал на колени и пожелал Дарли хорошего дня, так и не поняв, правильно ли все сделал, и Форфант с ревом пнул меня. Берриндженер поведал нам о своем житье в Кларкенуэлле. Смеялись.

4 августа. Леггахорн, я и Хэзлитт отправились к водопаду в джунглях. Хэзлитт утверждал, что ему улыб-

нулся карп. Собрали несколько кокосов. В наше отсутствие Форфант произвел Эмберли в боцманы и изувечил его носом марлина. Похоронную службу прервал Смерть, выскочив вперед и станцевав хорншайп.

5 августа. Фогт подошел ко мне с ремнем. Я отступил на несчаную отмель, где команда жгла флаги. Хэзлитт бросил краба, тот взорвался с такой оглушительной силой, что к нам на помощь прибежали дикии, впрочем тут же ретировавшиеся под слаженным залпом мушкетов. Матросы хором затянули песню, каждый куплет которой заканчивался строчкой: «Убей капитана ради брюк». Джон Конк коротал время, ударяя себя пожом в спину, а Смерть, поначалу неуверенно, вскоре начал подпевать. Все хорошо.

6 августа. Из джунглей выбежал трясущийся повар и заголосил, что за ним гонится каждое животное на земле, — я только собрался посоветовать ему побриться, когда среди кустов показалась пантера с крайне недружелюбным видом и внезапно прыгнула прямо в гущу матросов. Те сразу проснулись и принялись разряжать друг в друга мушкеты, вырывать штаны из пасть тигров и страшно ругаться. Я не знаю точное количество зверей, преследовавших нас, но как минимум дюжина самых разных конек плыла рядом с лодкой, а мы бросали в них кокосы и поливали залпами изобретательных оскорблений. Команда взобралась на корабль и стала, вопя, бегать по палубе среди орехов, колотя друг друга и надая за борт. Я сказал Харкеру, что все в порядке, и приказал трогаться. Не переставая мочиться за борт, тот передал распоряжение мистеру Байрону, который отвязал себя от штурвала и со стоном рухнул в кокосы. На борт, зацепившись за якорь, взобрался лев, укусил Хэзлитта за руку и оступился

на орехе. Паруса тем временем развернулись, и мы поплыли с низкой осадкой, преследуемые свирепыми кошками из джунглей. Я забаррикадировал дверь в каюту кокосами и расслабился с трубкой и Смоллеттом. Матросы пожелали друг другу спокойной ночи и заснули, привязав себя к снастям.

7 августа. Мы успешно сбежали с острова, ни один человек не заболел, кроме корабельного доктора. Он рискунул выйти на палубу и тут же подцепил малярию. Кока все еще слегка лихорадило этим утром, но, когда я подсел к нему и осведомился о наших координатах, он неожиданно ожил, принял дышать что-то в воздухе и вскрикивать от смеха. Дал ему кокос и велел отдохнуть. Форфанг борется со львом на палубе. Джон Конк жалуется, что его привязали к снастям слишком близко к Дарли, и требует передвинуть себя подальше. Команда глумится. Леттхорн и я обедали со Смертью, тот попытался описать какой-то ритуал аборигенов и решил нам все показать, после чего мы потеряли сознание. Леопард на переборке.

8 августа. Трех львов заперли в кают-компании — заманили их туда бочкой кокосового молока. Берринджен со смехом закрыл дверь и проглотил ключ, вот только от хохота тут же задавился и, задыхаясь, попросил помощи. Леттхорн вынес на палубу доктора, и команда тут же прыгнула за борт.

9 августа. За обедом Леттхорн принял решение излагать теорию, где же мы находимся, а потом неожиданно прервал свои измышления и со смехом подытожил: «В море». Тут как раз вошел Берринджен и, предположив, что мы обсуждаем, тридцать раз ударил старпома о стол, оставив его с всклокочен-

ными волосами и без сознания. Сегодня видел, как Дарли (я по-прежнему втайне от всех зову его Джонатаном) танцует.

10 августа. Форфанг, загнав двух львов и леопарда в шлюпку, отправил их в свободное плавание. Джон Танни с негодованием заметил, что они даже не гребут. Сказал ему остыть. Команда отцепилась от счастей и слезла вниз, смеясь и болтая. Я шлепнул Форфанга по спине и очнулся рядом со штурвалом. Все хорошо.

11 августа. Сегодня страшная жара. Легтхорн проявляет чудеса изобретательности, сооружая над кокосами сетчатый павес из деревянных планок. Команда сожгла несколько флагов. Форфанг пнул Дарли в живот за то, что тот схватил его за штаны. Крокодил что-то пробулькал и принялся хлестать хвостом, перевернув пару корзин. Ему тут не место, если вас интересует мое мнение.

12 августа. Солнце жарит. Штиль. Бэтч учит Смерть пускать ртом пену. Абориген быстро стал членом команды. Я вышел на палубу, отпустив пару шуток о кокосах. Матросы посмотрели на меня довольно свирепо, впрочем не двигаясь. Я громко сказал, что теперь еды у нас вдоволь, а потом быстро убежал вниз, когда встал Берриджер.

13 августа. Опять жара, нет ветра. Корабль застрял в полном штиле. Бросил пару кокосов в акул-молотов. Смерть присоединился ко мне у леера и продемонстрировал свои новые умения. Я похвалил его и поговорил о море. Показал глумящихся акул-молотов. Матросы топорами нарубили себе холстов и сооруди-

ли гамаки прямо на палубе. Кто-то сделал из кокосовых скорлуп человечка, его зовут Старый Пьяница. Я спустился в каюту и долго рассматривал картички с борзыми.

14 августа. Все еще нет ветра. Матросы проснулись, жалуясь на дурные сны и видения призраков. Я выступил перед командой, сказав, что тот, кто умер, таким и останется. Джон Танни воинственно заявил, что у него самая красная задница в открытом море, — я отступил, уверяя его, что так и есть.

15 августа. Все еще нет ветра. Мистер Байрон привязал себя к штурвалу, заполошио вопя: «Это тайфун, парни, хуже я не видел никогда». Форфанг его вырубил. Я пошел и поблагодарил второго помощника от лица всей команды. Очнулся у кат-балки. Джон Конк запел песню о каком-то кровавом убийстве, между делом колотя сеbsя по голове веслом. Бэтч громко совещается со своим отцом. Я пошел вниз и стал вдумчиво пожирать кокосы.

16 августа. Нет ветра. Поговорил с Фогтом у леера, похвалил за хорошую службу. Он даже не взглянул на меня, только попросил молчать, ибо «слушал речь актеров». Я взглянул на море, но не увидел ничего, кроме зеленых полей. Посоветовал ему спуститься вниз и отдохнуть, но Фогт оттолкнул меня с криком, что заплатил за эту ложу и «здесь останется»!

17 августа. Сегодня Беррингер вошел в мою каюту с саблей и сделал несколько замечаний. Сказал ему, что приму их во внимание; он удалился, громко хохоча. Посоветовался с мамой, она сказала мне остыть.

18 августа. Я прогуливался по кораблю, подныривая под гамаки. Леггахорн доложил, что на носу по правому борту наблюдается «большое злое лицо», я ответил с воодушевлением. Бэтч выращивает в своей шляпе гриб. Я раскатал карту и, шагая туда-сюда по кормовой палубе, кричал сквозь нее, что кокосы — это суть жизни. Команда затянула песню и принялась танцевать на палубе, рассточая веселье в воздух. Я взобрался в «воронье гнездо» и поджег там свои брюки, выбросив их вниз, как горящую птицу. Новый боцман — Старый Пьяница. Фор-фанг и Смерть запутались в сетях. Я спустился, смеясь.

19 августа. Мы с Леггахорном попытались усадить Дарли за стол, но тот вывернулся и убежал. Тем не менее мы все-таки добились своего, привязав его к стулу кабелем. Когда Джон Конк вошел в каюту, то упал в обморок. Смеялись.

20 августа. Сегодня вырезал из кокоса миниатюрного пеликана. Говорил с Харкером, пока тот мочился за борт. Он сказал мне, что у нас «полтора путешествия, а не одно», и долго смеялся, аж покраснел. Леггахорн и я провели день, галлюцинируя. Солнце садилось, порванные паруса отбрасывали тень, а Берринджер застрелил чайку. Все хорошо.

21 августа. Леггахорн и я все утро галлюцинировали, а потом отвели в сторону Смерть и обучили его игре в двадцать одно. Вокруг собралась команда, стала делать ставки, но, к всеобщей тревоге, абориген выиграл и стал танцевать от радости — восемь человек лишились чувств, двое прыгнули за борт. Четверо сильных матросов привязали его к мачте и запретили участвовать в азартных играх. Он, казалось, ничего не понял, но легко с ними согласился.

22 августа. Наблюдал за гигантскими акулами. Заметил в беседе с мистером Байроном, что неплохо провести всю жизнь, ничего не делая, только плавая с разинутой пастью. Он согласился со мной и добавил, что делал бы то же самое, будь он на моей должности. Днем корабль захватили пираты, связали команду внизу, оставив под охраной, и подожгли Старого Пьяничу. Сделал комплимент их предводителю касательно его цветастой одежды. Тот ответил, что его зовут капитан Убийца, и посмотрел, нахмутившись, на кучу досок и кокосы, после чего спросил мое имя. Я не смог его вспомнить и, задыхаясь от смеха, сказал ему об этом, отчего тот прекратил осмотр и взглянул на меня, удивленно подняв брови. Пришлось провести ночь привязанным к кливеру: капитан Убийца заявил, это освежит мою память.

23 августа. Беседовал с капитаном Убийцей. Предложил кокос, он швырнул его на палубу к остальным. Сказал ему, что командую образцовым кораблем. Пират разразился хохотом и сообщил, что восхищается людьми с хорошим чувством юмора, а сам намеревается забрать нашу посудину, а меня вместе с командой убить. После чего пришел в негодование из-за моего неожиданного веселья. Из люка с грохотом вылез подручный Убийцы и прорычал: «Здесь лихорадка, капитан, солнечный удар — у дикаря пена изо рта лезет». Потом поделился своим мнением: «Сэр, корабль проклят — все орут как сумасшедшие, словно на мартовских идах, кокосы везде валяются». На этих словах из кормового люка выпрыгнул еще один пес удачи с криками: «За столом капитана сидит крокодил и ест суп!» Убийца поклялся, что найдет приличную еду на борту этого судна, даже если она его убьет. Он прорубил себе путь в кают-компанию, где его сожрали три льва.

Я взобрался на мачту и посмотрел, как пираты бегут от зверей и спешно отчаливают в страхе перед львами, рычащими на палубе. Я ел кокосы и наблюдал за их отступлением, смеясь.

24 августа. Команда отказывается подниматься на верх, причитая, что на палубе постоянно происходят самые разнообразные несчастья. Леггахорн и я попытались вступить с ними в переговоры, но взывание к разуму омрачилось появлением Форфангса, который принялся палить из мушкета в темноту. В ответ матросы начали орать и оскорблять нас. С непривычной храбростью старпом ткнул второго помощника в руку и тут же прыгнул за борт. Кок заперся на камбузе, вопя о «наказании», и стал бить посуду. Дарли смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

25 августа. Впереди показалась земля. Матросы выбрали наверх, избивая друг друга и судорожно хватаясь за леер. Каждый громко выкрикивал свою точку зрения: «Кадис! Тобаго! Бенидорм! Мыс Доброй Надежды! Чистилище!» — когда стал виден портовый город. Мистер Байрон привязал себя к штурвалу и попрощался с этим миром. Джон Танни обезумел, беспрестанно спрашивая, не нужно ли нам поднять флаг. Никто не мог вспомнить. Подсыпали ближе к гавани и, непрерывно вопя, загрузились в шлюпки. У стены команда пробежала мимо меня, заклинающего их об осторожности и вежливости, и с ревом метнулась в город. Иностранец спросил, не англичанин ли я, после чего обнял и пригласил в таверну. Сказал мне, что мы в Гаваше. Я сразу выхватил пистолеты и начал угрожать расправой всем сидящим внутри. Отступая, наткнулся на старого друга, Бердетта, тот с радостью меня поприветствовал и пригласил в таверну. Мест-

ные обитатели закричали и разбежались, увидев меня снова, а Бердett налил вина и рассказал о последних происшествиях — договоре с Испанией, больше мы испанцев не убиваем и все в таком духе. Я же поведал о кораблекрушении, поедании карт, пришествии Дарли, Смерти, Старом Пьянице, моей матери и о многих других происшествиях, случившихся во время нашего путешествия, отчего тот пришел в ужас. Я сказал, что в море иногда происходят и более странные вещи. Бердett ответил, особо подчеркнув, что не в этом дело. Пришел Форфанг с Дарли на цели, а я крикнул другу: «До свидания», когда тот ушел. Второй помощник оставил мне крокодила, и сегодня мне придется совершить трюк, отыскав гостиницу в таких условиях.

26 августа. Этим утром решил прогуляться по городу — поискать команду и взял с собой Дарли. Многие горожане, завидев нас, спасались бегством. Видел Харкера у стены гавани, тот мочился через ограждение. Проходящих дам его вид явно беспокоил. Я подошел и сказал ему, что лучше бы он подыскал туалет в другом месте. Он засмеялся: «Я бы с радостью, но у меня нет туалета!» Продолжил мочиться через ограждение и вскоре, похоже, обо мне забыл. Я вошел в шумную таверну. Приковал Дарли к перилам. Встретил женщину, которая бросилась ко мне на колени, пробежав через весь зал. По пути наверх вроде заметил руку Берлиндера в толпе, но, когда подошел ближе, та одним ударом лишила меня сознания. Этой ночью лежу, ни на что не годный, в доме с кучей занавесей.

27 августа. Скарлет Белла и я выгуливаем Дарли — ищем команду. Белла обращает мое внимание на

человека, мочащегося через ограждение. Смеялся. К своему удивлению, встретил помощника капитана Убийцы, с рукой на перевязи, — тот пришел в дикую ярость, когда я спросил, что с ним произошло. Скарлетт Белла ударила его в нос, и мы пошли дальше. Научили Дарли ходить на задних лапах — как же мы смеялись!

28 августа. Провел весь день в кровати, писал, вырезал собак из дерева и пел похоронные песни. Мне панес визит помощник капитана Убийцы, сунул в руку клочок бумаги и убежал, громко хлопнув дверью. Развернул записку, но без толку — послание скрывала большая чернильная клякса. Сложил из нее кораблик, который вскоре потонул в тазу.

29 августа. Прогуливался со Скарлетт Беллой — стал свидетелем того, как Харкера берут под арест. Вмешался, в результате меня отвели в форт, заковав в кандалы. Там я встретился с неким кубинским офицером, который вскоре стал проявлять явные признаки враждебности — критиковал мои уши, спрашивал мое имя. Я объяснил ему, что не помню его. Тот ударил кулаком по столу и быстро набросал признание, потребовав от меня расписаться. Я попросил его найти человека по имени Бердett, тот по идеи должен был знать мое имя. Офицер заявил, что у него нет времени, и велел поставить крестик. Так я и сделал, быстро нацарапав сверху приказ, производящий следователя в боцманы. Как только он взял бумагу, французское пушечное ядро разнесло стену и похоронило его под обломками. Я обыскал темницу, стреляя в охранников и стряхивая пауков с одежды. Нашел Харкера и остальную команду, они сказали, что их арестовали за колдовство. Мы сбежали в лес, где при свете костра

Смерть порадовал нас сценкой из короткой жизни задыхающейся макрели.

30 августа. Хэзлитт говорит, нам надо пробраться в гавань, переодевшись собаками. Остальная команда с ним не согласна, заявляет, что гончие подойдут больше. Смерть спросил: «Что такое гончие?» Матросы замолчали, потрясенные, но ответить отказались. Берриджер пошел убить медведя, но вернулся с какими-то травами, которые Джон Танни кинул в кушанье. После еды все потеряли сознание и проснулись только из-за сильной грозы. Мистер Байрон послюнил палец, проверил направление ветра и улыбнулся. Джон Конк начал кричать.

31 августа. Мы поднялись на борт корабля в четыре утра. Берриджер схватил меня за руку и сквозь стиснутые зубы заявил, что «истощен». Джон Конк окончательно спятил и теперь верит, что мир управляется медведем, играющим на трубе. Штормит. В полдень становятся видны три преследующих нас корабля, пушечный залп сносит нам задний грот. Я прошу Берриджера сменить рубашку. Он идет на меня с топором, но вмешивается Леггахорн, ударив меня в лицо. Посредине корабля пожар. Я бегу посоветоваться с коком, но тот режет лук. В нас снова попадают, в корпусе течь. Новый боцман — Глэзби. Форфанг хочет завернуть меня в горящий холст. Говорю Харкеру, что все в порядке. Команда празднует последние моменты жизни и, выстрелив Глэзби из пушки, сносит главному кораблю преследователей грот-мачту. Веселье усиливается, тут Леггахорн замечает, что у «Игуаны» на борту нет пушек и мы, похоже, угнали какой-то чужой корабль. Матросы мрачнеют. Форфанг кричит и стреляет из пушки, все топят «Игуану». Команда начинает драку,

прыгая через поваленные мачты и душа друг друга у леера. Набегает большая волна. Я объявляю, что скоро женюсь. Мистер Байрон опирается о штурвал и хохочет над перспективами своей карьеры. Из брызг появляется Джон Конк, держа в руках папоротник. Мы врезаемся в риф и прыгаем прямо в бурное море. Дурное предзнаменование.

1 сентября. Провел утро на пляже, болтая с командой, те сидят посреди приливного озера и хнычат. Объявил, что, похоже, нашему путешествию пришел конец, что они блестяще справились со своими обязанностями и я с радостью отправлюсь с ними в новое плавание. Берриндже закрывает руками лицо и через какое-то время прыгает на меня со звериным воплем. Вмешивается жизнерадостный Форфант, размахивая веслом, и я просыпаюсь на пустом пляже. Провожу на нем несколько часов в поисках плавника и цветных раковин. Нахожу ежа с черными глазами. Надеваю его на голову, спасаясь от дождя, и начинаю путь обратно в Англию, где и должен представить этот отчет.

ДЭВИД ФРИР, ЭРИК ФЛИНТ

Пираты Суарского моря

Судно горело.

Бегом на корму, где — сюрприз, сюрприз — компания альтекарских матросов поджаривала на длинных вилках розоватых шипастых ракообразных, разведенья для этого костерок из содранных досок палубы. Разложенных на других досках палубы.

Если вы думаете, что это полный бред, значит, вы не знаете альтекарцев. Мне тоже иногда не хотелось бы их знать.

— Да какого хрена вы тут делаете?

Хватаю ведро, стоящее рядом с костром, и выплескиваю в огонь.

— Жарим пергу, шкипер, — весело объяснил боцман Скир. — А то коку не нравится запах в камбузе.

Легко понять, почему не нравится. Это не запах, а полный бред. Так же как мое пребывание здесь, посреди Суарского моря, на этой старой шаланде, в сотне световых лет — и на двадцать лет позже — от тех мест и того времени, где бы мне хотелось быть.

— Вы же, придурки, сожжете все судно.

— Да брось ты, шкип, — отмахнулся Скир своим когтистым плавником. — У нас еще уйма палубных досок. Может быть, даже... пять.

Альтекарцы не считают больше чем до четырех. Может, при желании они и могли бы, но желания у них нет. А будучи амфибиями, они относятся к перспективе утопить судно совсем не так трепетно, как я. Они хороши в драке, хороши в пьянке и хороши в сборе стручков Марко среди водорослей. Подобно мне, они не слишком-то хороши во всем остальном — что нас всех сюда и привело. И в отличие от меня, не слишком нуждаются в числах. У альтекарцев врожденное чувство места и направления, я же нуждаюсь в GPS, а это значит числа. Во всех прочих отношениях я тоже стараюсь игнорировать циферки.

А затем из марсовой бочки заорал во все горло впередсмотрящий:

— Быстрый корабль, кэптен! Быстрый корабль, быстро приближается.

Десять из десяти за точность и минус триста за информативность, но мне информации вполне хватило. В бесконечных зарослях водорослей Суарского моря встречалось только два вида судов: парусники, охотящиеся на Марко, и те, которые охотились на эти парусники. Во времена моего детства, когда мне нравилось плавать на шестнадцатифутовом катамаране у сиднейских берегов, а сверхсветовая скорость была последним писком, считали, что вся галактика наша, что вся она скоро будет подобна очень большой Земле — технологически продвинутой и упорядоченной. Едва ли не единственное, что мне нравится в галактике, — это что она не такая и не такая. Она велика — слишком велика для запоренного взгляда, — и она хаотична, а технологически говоря, она разнообразна, как ирландское рагу. А межзвездные полеты очень недешевы. Поэтому, собирая на сотнях тысяч квадратных миль альтекарских мелей урожай стручков Марко, пользующихся в центральных мирах ненасытным

спросом, вы либо используете суда местного изготовления, либо вылетаете в трубу.

Другое дело, если вы охотитесь не за стручками Марко, а за судами сборщиков стручков Марко, вот тогда импорт двигателей и топлива для них очень даже может окупиться. К тому же пиратам не нужен посредник — закупочная корпорация Рейно из Порт-Карсона. Когда мы пытаемся предпринять коллективные действия, чтобы получить более честные цены, корпорация Рейно по-прежнему богатеет, а поставку Марко обеспечивают пираты. Ни Рейно, ни планетарное начальство вроде бы и не хотят ничего с этим делать, так что каждая команда за себя и свое судно, и к чертям всех, кому не повезло.

— По местам стоять, приготовиться к бою!

В общем-то, можно бы и не орать; альтекарцы и сами разбежались по местам и занялись делом. Вязались и летели за борт кипы стручков, был вытащен наружу наш жалкий арсенал: две бронзовые пушки местного изготовления. Бегом в рулевую рубку, резкий поворот штурвала, паруса надуваются, реи трещат, и мы разворачиваемся по ветру.

Взгляд на блок GPS, запомнить цифры, перебросить его Скиру, — а тот, в свою очередь, прицепил его к последней кипе и выкинул за борт.

На носу готовились к бою абордажные топоры и столь любимые альтекарцами змеевидные сабли. Сильно все это поможет против пиратских лучевых пушек, иглометных ружей и пистолетов. Врукопашную пираты не полезут, они отвалят чуть в сторону, сбьют наши мачты, расчистят палубы и забросают газовыми гранатами трюмы, пока все альтекарцы не будут убиты или не попрыгают за борт.

Ну вот, конечно, тут же с воем примчались два изящных ракетных корабля, палившие напропалую

еще с максимальной дистанции. Вода перед нашим носом вскипела, а еще эти сволочи пропороли наш гроб.

В тот самый момент, когда наше судно максимально накренилось вниз, бронзовая пушечная пушка рявкнула. Дарко, наш старший помощник и главный канонир, стрелял весьма прилично; ядро пролетело мимо цели менее чем в десяти ярдах, забрызгав ракетный корабль теплой суарской водой пополам с водорослями, нашу палубу затянуло темно-красным дымом «ленки». «Ленка» — метательное вещество — была вроде как такая пыльца, способная гореть даже под водой, но для стрельбы из пушек она, в общем-то, не годилась. Она горела слишком уж жарко, чтобы стрелять хотя бы два раза подряд. Перезаряжать не было никакого смысла: эта зараза плавила сталь, не говоря уж о местной бронзе. Ракетные лодки выстрелили снова; круто заложить штурвал обратно, погасить паруса. Пучок пропорол нижнюю часть грота, но качнувшийся кверху корабль надежно защищил команду. Пираты не будут стрелять сквозь корпус: нотопить корабль или повредить груз им очень даже не хочется.

Дарко выбросил пальник за борт и сам последовал за ним вместе с парнями. Мне только и оставалось, что скрючиться в титано-фуллереновой рубке. Она да GPS являли собой все земное оборудование, имевшееся у нас на борту. Причем рубка продавалась в виде плоского модуля и стоила совсем немного.

Корабль качнулся назад, подставив их канонирам наши пустые палубы. Один из кораблей отвалил в сторону и малость прочесал океан, высматривая альтекарцев, давно уже бывших благополучно в воде. Они сварили лучевой пушкой уйму водорослей и стайку оправовых рыб. Они не могли наделать много вреда, разве что рыбам; наша команда была уже на глубине пятна-

дцати фатомов. Потом нас взял на абордаж второй корабль. Это были бывалые, битые и лупленые ребята. Судя по их виду, в основном новоземляне. Крутые ребята из трущоб, освободить нас от которых не могли никакая технология, никакой прогресс, никакие пособия по безработице. Явились сюда в надежде разбогатеть или просто из любви к дракам и убийствам. У всех у них были пистолеты, а у кого-то и оружие посерьезней.

Они осмотрели трюм, осторожно заглядывая через край. Альтекарские моряки иногда устраивали в трюме засаду. Один из пиратов держал наготове газовую гранату...

Но в трюме было пусто, если не считать маленькой кипы в дальнем углу. Недостаточно большой, чтобы укрыть троих альтекарцев, не говоря уже о целой команде судна.

— Пусто, в рот их и в глотку! Никакого долбаного груза! — закричал один из героев.

Мне было приятно послушать, как они там ругаются. Но когда один из них произнес неизбежное: «Утопим эту посудину», мне пришлось подать голос.

Одна из лихих ходячих мишеней выстрелила в направлении рубки, остальные бросились искать укрытие.

— Выходи! — крикнул один из них, пытаясь спрятаться за грат-мачтой.

Меня так и подмывало вытащить из каблука свой леммер и украсить дуболома порцией иголок. Но пришлось ограничиться визгом:

— Не выйду! Вы меня убьете!

— Жопа, мы убьем тебя и так, и так! — крикнул один из них, прячась за дайвропы. Словно это могло меня убедить.

— Тогда я не смогу рассказать вам, где мы сбросили груз.

В ответ рубка подверглась обстрелу потрясающей неточности.

Будь эти сопляки моими новобранцами во времена, когда мне довелось работать в Миссии военной помощи... Они бы давно были трупами. Городские ребята из наркоманских банд — хреновые рекрутые.

Мои слова кое-как просочились в голову образине, считавшейся у них офицером.

— Кончай стрелять! — заорал он.

Не с первого раза, но в конце концов они к нему прислушались либо расстреляли все боеприпасы — одно из двух.

— Выходи! — крикнул он. — Мы тебя не застрелим.

— Если вы меня застрелите, то станете сильно беднее.

Мне оставалось только надеяться, что это дойдет до их свихнутых мозгов. У меня не было гарантии, что в этих мозгах еще что-нибудь работает.

Видимо, это беспокоило и их командира.

— Рэйки, Мэнсон, держите его под прицелом. Вы, остальные, спрячьте оружие.

Что и произошло после массы ворчаний и споров.

— Ну вот, хорошо. — Он встал за принайтовленными к палубе водяными бочонками. — А теперь выходи оттуда. Давай поговорим. Что занесло сюда землянина?

— Меня скинули с корабля, так что оставалось два пути: либо сюда, либо дохнуть от голода. Давайте заключим сделку. Я даю вам GPS-координаты в обмен на свою жизнь и корабль.

— Конечно, — согласился он как-то слишком уж легко. — А теперь выходи и не забудь поднять руки.

— А вы меня не застрелите? — Мне удалось весьма убедительно изобразить взвизг. — Да и вообще вам не поднять наш груз с помощью этой мелочи. — Не-

определенный взмах в сторону второго корабля, торчавшего впереди по штириборту, с лучевой пушкой, направленной на нас. — Мне нужно будет отвести туда «Королеву», а без команды и при ветре с этого румба это будет довольно долго. Ведь надо же управлять парусами.

— «Королева»! — закатил глаза командир. — Терренс, — повернулся он к одному из своих мелких ублюдков, — свяжись с кораблем. — И снова повернулся ко мне. — У нас есть там лебедка и всё для подводного плавания.

Говоря, он двинулся в направлении рубки.

— Сто-ять! — вырвалось у меня; старший сержант всегда остается старшим сержантом... Он замер, остановленный моим тоном, что дало мне время собраться с мыслями. — Мне нужны какие-то гарантии.

— Я даю тебе честное слово, — сказал он опять с какой-то подозрительной легкостью.

— Без меня вам груз не найти, а ведь там сорок три кипы первосортных стручков.

— Получше, чем наш последний улов, — присвистнул он.

— Получше, чем три последних улова, — вмешался один из его придурков, державший, как считалось, под прицелом рубку.

И наконец я выхожу из своего титано-фуллеренового убежища, держа в руке коробочку с кнопкой. Коробочка, крошечная батарейка, зеленая кнопка и красный светодиод — вот и все, что там было. Изготовление такой фиговины стоит недорого даже здесь. Но чего ты им не скажешь, того они не знают.

— Долбиться конем, это же баба, — сказал один из пиратов, широко облизнувшись.

Я с трудом удержалась, чтобы не ответить: «Вот только мужик ли ты сам, сынок».

Скалясь, как акулы, прибежали его дружки.

— Возьмите там блок GPS, — сказал их командир, схватив меня за место, за которое прежде хватали без приглашения очень немногие оставшиеся в живых. И жестко ухмыльнулся. — Ну и глупая же ты сука. Вот возьмем сейчас блок и узнаем весь ваш маршрут.

— На сколько поспорим? — спросила я. — И я бы тебе не советовала это делать.

— Мы можем и будем делать все, что нам, на хрен, хочется. Офицеры первые... — Тут он увидел мою руку и то, что было в ней. И отпустил меня. И медленно, осторожно указал на второй корабль. — Мы под прицелом лучевой пушки второго ялика. Положи эту штуку.

— Лейтенант Косов, тут его нет! — крикнул пират, обыскивавший рубку.

Я взглянула на крепко нажатую кнопку, взглянула на Косова:

— Мне терять, собственно, нечего. А вот вы можете потерять очень много. Если я перестану нажимать эту кнопку, вы не успеете даже узнать, что потеряли. Поэтому вам нужно со мной договориться. А я, мистер, не имею причин вам доверять.

— Что это за штука? — спросил он, глядя на предмет, зажатый в моей руке.

Все остальные тихо расположились, как слизняки, да они и были слизняками.

— Страховка, — объяснила я. — А вы оставайтесь на месте. Все. Когда ваш корабль подойдет, он сможет отбуксировать «Королеву» на нужное место. А вы просто сидите здесь, пока поднимают груз. Потом мы придумаем что-нибудь такое, что позволит мне уйти живой.

— Ты можешь тоже присоединиться к нам, — предложил Косов, косясь на огонек двухдолларового све-

тодиода. — Нам всегда нужны люди. Платим вполне прилично.

— Я об этом подумаю, — сказала я ровным голосом.

Мне самой очень понравилось, как я это сказала. В смысле, что у меня же не было никакой формальной подготовки. Я никогда не баллотировалась ни на какую должность.

Их корабль подошел примерно через полчаса — космос-вода, очень аккуратный. Вполне невинного вида. Никакого оружия снаружи — с оружием довольно трудно изображать невинный вид. Гражданский, слава тебе господи. Старые военные посудины иногда попадают на рынок, но они очень тяжелые, все-таки броня, а не тонкая сталь, и летать на них очень дорого, да и в трюмах места мало. Поэтому пираты предпочитают использовать гражданские суда; их держат в основном под водой, подыскивая цели для яликов при помощи радара, поднимаясь на поверхность только для загрузки, когда все уже кончено, и выбирая краткие моменты спутниковой слепоты, чтобы уйти к другим мирам. Официально за это местечко отвечает Терра, но всегда найдется кто-нибудь, кто не прочь взять на лапу.

Еще немножко бестолковой трепотни, и они подцепили нас на длинный трос, взятый из нашей же кладовой. Будь «Месть королевы Анны» плавучей бомбой, их корабль находился бы в относительной безопасности. Мои заложники относились к этому как-то без особой радости.

— Слышь, а вдруг капитан Ван Висс решит тебя взорвать... а заодно и нас, когда получит цифры GPS, — нервно сказал Косов.

Я меланхолично пожала плечами:

— А ты бы сказал ему, вдруг, мол, я вру. Он ничего не будет знать наверняка, пока его ныряльщики не подцепят наш груз.

— Э-э-э. Ты действительно соврала?

— Это уж мне самой знать. Скажи ему, что мне хочется знать, надежнее ли его слово, чем твое. — Я злорадно ухмыльнулась прямо ему в лицо. — Да, и скажи ему, что мы сбросили две связки. Я начну с первой.

— Э-э-э. Слыши, а ведь капитан Ван Висс, когда он получит этот ваш груз, может решить, что мы ему не обязательны.

— Да? — вскинула я бровь. — А ведь ты же, помнится, говорил, что вам всегда нужны люди. И я догадываюсь даже, почему ты это говорил. Пожалуй, этот твой ялик — лучший для меня вариант. И ты, дорогуша, тоже можешь отправиться со мной. Ведь твой начальник вряд ли будет тобою доволен.

Лейтенант Косов если и был удивлен этой мыслью, то лишь самую малость. И начал серьезно ее взвешивать. Такие умники рождаются по штуке в минуту. Возможно, и я к ним отношусь.

— Слыши, — сказал он молящим голосом, — давай с тобой договоримся. Тебе нужно в какой-нибудь мир...

— Не могу, — отрезала я. — Потому-то я здесь и застряла, солнышко. Мое сердце не выдержит старовой перегрузки, вот меня и сбросили с корабля.

Это была прекрасная история, куда лучше, чем «Я сражалась на стороне, потерпевшей поражение, и в конце концов попалась с поддельными документами и едва успела ускользнуть из Порт-Карсона на судне сборщиков стручков Марко, имевшем несчастье попасться на глаза пиратам». Иногда понятие «военный преступник» зависит от точки зрения. Корпораты победили. Союз Свободных Миров потерпел поражение.

Их корабль опустил пониже кормовой загрузочный люк, чтобы выпустить ныряльщиков в воду.

— Один ныряльщик? — спросила я презрительно. — Даже альтекарцы опускаются по трое. Тут же в воде сплошные мраки.

— Мраки? — переспросил лейтенант. — Ты имешь в виду, там очень темно?

Я картинно закатила глаза:

— Суарское море, лейтенант Косов, больше похоже на супчик, чем на воду. Но это все ерунда — водоросли, планктон. Я имею в виду мракозавров чьего-то там имени. Здоровые зубы на длинной шее и никаких мозгов. Очень быстрые и зловредные, они жрут даже альтекарцев. Вы, ребята, тут недавно, так, что ли?

— Мы здесь уже два месяца, и никаких несчастных случаев не было, — сказал Косов, сообщив мне все, что я хотела знать; они должны иметь почти полный трюм — и уйму альтекарской крови на своих руках.

— Да? И много ли времени вы провели в воде? — спросила я с прежним презрением. — Так что лучше бы ты сказал этому нашему капитану.

Что он и сделал. А через несколько минут всплыли окровавленные останки пыряльщика. Я взглянула на них с полным безразличием:

— Кое-кто мог бы и прислушаться.

Следующие пыряльщики полезли в воду только после долгой подготовки. Целой голой. Они вооружились ножами и парой самодельных гарпунов. Вона как.

Через несколько минут взятый ими трос натянулся. Кто-то прицепил его к лебедке. Еще через несколько минут они вытащили первую из кип, сброшенных «Королевой». Косов выбрал как раз этот момент, чтобы проявить инициативу. Попытался схватить мою кнопку. Я ткнула его в солнечное сплетение и, когда он

сложился пополам, толкнула его на одного из их дубо-ломов, швырнула кнопку в другого и упала за рубкой, прежде чем начались взрывы.

Альтекарцы и без всяких GPS нашли, где мы сбросили груз, а груз отнюдь не состоял из одних стручков Марко. Частью это были липнущие мины, снаряженные «ленкой». И хотя там были и настоящие кипы стручков — мы ныряли за ними во время, свободное от настоящей добычи, — пираты с Новой Земли втащили на борт совсем не их. Они втащили кипы, специально нами приготовленные: «ленка», шрапнель и взрыватель, срабатывающий, когда уменьшается давление.

Говорят, что лучший путь к сердцу пирата — через его грудь. А судя по предыдущему поведению лейтенанта Косова, он не слишком-то меня полюбил. Поэтому я выхватила из каблука свой леммер и выпустила разрывную иголку, чтобы открыть путь к его сердцу. Вообще-то, он был довольно милый, вроде глупого кролика. Я продолжила стрелять, пока Скир и его ребята — давно успевшие подплыть и ждавшие под водой — лезли к нам на борт при помощи абордажных топоров и крючьев.

Я сделала еще троих, а тем временем Скир и его команда добрались до остальных.

Я знала, что Дарко и его ребята уже заняты другим кораблем. Через несколько секунд после того, как грузовой трюм пиратов — вместе с жадной до добычи командой — был исполосован шрапнелью, Дарко и его громилы должны были выскочить из воды и перебить в трюме тех, кто остался в живых. Я знала, что моим альтекарским парням не придется драться со слишком уж многими новоземлянами. Взрывы всегда приводили грузовые люки в нерабочее состояние, но мы никогда не давали пиратам ни малейшего шанса попы-

таться их закрыть. Да и вообще, куда же полетит этот корабль, если его корпус насквозь продырявлен взрывами «ленки»! Пираты, оставшиеся на корабле, были не столь беспомощны, как те городские хулиганы, но их корабль уже тонул. От яликов и лучевых пушек им было не больше толку, чем от деревяшек. В общем-то, нужно однажды разобраться с мощностью подрывных зарядов — они портят уйму хорошей добычи.

Пираты любят скорость и дальнобойное оружие, чтобы убивать нас, оставаясь в безопасности. Мы же предпочитаем подобраться поближе и по возможности почистить их судно-матку. Заставить их драться на наших условиях и в нашей среде. Что мы и сделали.

— Хорошо стреляешь, шкипер! — радостно проорал Скир. — Лучше, чем в первый раз.

— Это потому, что ты тогда отрыгнул влево, а нужно было вправо, — объяснила я.

Тогда, в первый раз, я была отчаявшейся пассажиркой, а пираты застали наше судно врасплох. Скир и Дарко были просто ныряльщиками за стручками, и произошла кошмарная бойня, выжили в которой очень немногие. В тот раз я ничего такого не ожидала, но времена меняются.

— Ладно, — сказала я, — пошли, а то, если за Дарко не проследить, он слишком уж много наломает.

Один из парней передал мне акваланг, принадлежавший пирату-ныряльщику, до того как они попытались драться на ножах на глубине пятнадцати фатомов.

Мы с ребятами прыгнули в воду и поплыли к кораблю-матке; я не могу плавать так быстро, как альте-карцы, так что они мне помогали.

Мы проплыли сквозь дырку, проплавленную в корпусе нашими минами. Это всегда хитрое дело, пото-

му что со всех сторон металлические зазубрины, да и вода засасывает, но нам удалось прекрасно, во всяком случае без больших потерь крови. Вода отлично выполнила работу, смыв этих крыс, но неожиданно добавила схватке новое измерение. У городских парней были пистолеты и аварийное освещение. На нашей стороне было зрение, приспособившееся к мутной воде, ножи, топоры, несколько иглуометов и фактор неожиданности. В жизни не все совершенно честно. Думаю, им куда приятнее было захватывать парусники, используя ракетные ялики и лучевые пушки. Судя по их теперешним воплям, они предпочитали нечестность этого рода.

Аварийные лампочки резко потускнели. Я скрипнула зубами. Нашиими первыми целями всегда были мостик и машинное отделение. С внешними антеннами мы сразу разобрались, но внутренности корабля двадцать второго века были для альтекарцев темным лесом. Дело пошло наперекосяк — в драке всегда бывают неожиданности. Такова уж суровая реальность, как это выяснила кучка шибко уверенных в себе пиратов, когда они выбрали целью судно альтекарских собирателей стручков Марко со старшим сержантом морской пехоты на борту.

Судно качнуло. Ну да, я была права. Кто-то попытался пойти на взлет, несмотря на то что судно было полуузатоплено, герметичность его корпуса нарушена, а люки грузового трюма почти наверняка открыты. Да, и на хвосте космического корабля висело триста тонн «Мести королевы Анны», накрепко привязанные троцом. Ну и вспомним про такую мелочь, как значительная часть корабельной электроники, пострадавшая от суарской воды. Верная гибель. И все равно... и все равно он пошел на старт, а уж это была верная гибель для нас для всех.

Корабль уже издавал массу страдальческих механических звуков. Ну что ж, я не альтекарец, и я прекрасно знаю, где на космическом корабле мостик и где машинное отделение. Первый был ближе, и, пока пиратский корабль раскачивался, пытаясь вырваться из воды, я повела туда Скира и ребят. Мы взорвали люк, и я вытащила за шкирку какого-то механика, скрючившегося за генератором.

Генераторы были ценной добычей, но я ни на секунду не задумалась, бросая на него заряд «ленки», а то мы с секунды на секунду могли стартовать.

Взрыв «ленки» и вырубание генераторов подъема бросили нас вдоль коридора, но это хотя бы не было невесомостью. Невесомость не только бы нас убила, но и поломала бы мой корабль, так что из меня бы получился очень расстроенный призрак. Судя по силе удара, мы оторвались от воды не больше чем футов на двадцать. Ну и конечно, свет окончательно потух. Осталось только аварийное мерцание стен, в котором отражалась все прибывавшая вода.

Но зато темнота удобнее для работы ножом, чем для стрельбы.

Мы взорвали герметичные переборки, и корабль продолжил опускаться на дно. Суарское море не глубже двадцати фагомов в самом глубоком месте, а здесь нормой было примерно пятьнадцать, так что часть космического корабля осталась над водой. Чтобы вытащить наружу последних пиратов, нам пришлось еще раз продырявить корпус зарядом «ленки». Тем временем Скир отрядил ребят с тросами почистить грузовой трюм, там были приличные запасы чьих-то стручков Марко.

Мы начали загружаться, а тем временем Дарко выгонял из дыр и закоулков самых глубоко попрятавшихся крыс. На корабле двадцать второго века было

много чего пограбить, и здесь, на Альтекаре, это добро стоило дороже стручков Марко. Чтобы обчистить корабль под ноль, нам было нужно не меньше недели.

Я уже вернулась на борт «Мести королевы Аны» и наблюдала за погрузкой, а мне тем временем привели капитана Ван Висса. Его нашли в спасательной капсуле, которая, к счастью, не запустилась. Иногда удача улыбается и нам. Он являл собой очень тосклившее зрелище.

— Я так и думала, что вряд ли здесь несколько разных Ван Виссов, — сказала я, мгновенно его вспомнив.

Косить людей, не имеющих возможности сопротивляться, — это он делал для корпоратов очень хорошо. Мирное время его не изменило.

— Послушайте, — начал Ван Висс, — живой я стою дороже, чем мертвый. За меня дадут хороший выкуп. — И тут он меня узнал. — Бонни!

До этого момента он сохранял хладнокровие, теперь же по его лбу покатились бусинки пота.

— Сейчас я называю себя Тич, — заметила я безразличным тоном. — Более подходящее имя. Хорошая шутка, хорошее название корабля¹. Так кто же заплатит за вас выкуп, экс-коммодор Ван Висс?

Он был слишком перепуган, чтобы разыграть свои карты нужным образом. Корпораты прекрасно себя чувствовали, обстреливая колонии из дальнего космоса, пока те не сдадутся. Могли бы и продолжить свое занятие, не обнаружь свободномирцы, что происходит с колонистами, которые сдались. Так вот, пока они расшибали поселение Макуори в черепки, старший сержант Анна Бонни ждала в компании людей, не бывших в это время в поселке, пока они сядут на поверх-

---

¹ См. примеч. на с. 166.

ность. Я с того времени тоже не слишком изменилась. Что ж, Макуори превратилось в безжизненный обгорелый булыжник, а я стала военным преступником. Если я отпущу сейчас Ван Висса, он будет против меня свидетельствовать.

Похоже, он искренне верил, что может дважды подряд быть везунчиком. Но страх заставлял его делать глупости. Он называл имена. Раскрывал подробности о высокопоставленных чиновниках и администраторах корпорации Рейно. Он даже предлагал мне очень большие суммы, вместо того чтобы нажимать на мою честь и свой статус военнопленного. Конечно же, сборщики стручков Марко много не зарабатывают, но некоторые люди делают на бизнесе большие деньги. Разве так не всегда?

— Ну что ж, Ван Висс, — сказала я, когда он уже думал, что поймал меня на крючок, — мне нужно будет сходить в твою каюту и обговорить некоторые детали, но это дело может оказаться даже прибыльнее, чем несколько наших последних призов.

— Да, конечно. Послушай, Бонни, мы могли бы тебя использовать, — предложил он с отчаянным жаром.

— Да, вы могли бы. Конечно, это было бы очень недешево.

Он снова стал петь про свои связи.

Мне это быстро надоело, и я повернулась к Дарко:

— Как там, доска уже готова? Или вы все извели, когда жарили пергу?

— Так есть и другая, — сообщил с улыбкой Дарко.

Дальнейшее было понятно.

— Их у нас много, может быть, даже пять, — сказала я, криво усмехнувшись. Нужно уметь общаться с альтекарцами.

Ван Висс не умел говорить по-альтекарски и понял только слово «пять». Наверное, оно значило для него

то же, что и для альтекарцев, потому что он не попытался драться или бежать.

Альтекарцы не умеют считать, но на них всегда можно рассчитывать. Кто-то успел уже подманить опасловых рыбок. Мы дрейфовали в трех сотнях ярдов от затонувшего корабля Ван Висса. Вода между нами так и кипела маленькими голодными рыбками.

— Одна из проблем с вами, современными пиратами, — сказала я, глядя, как альтекарцы толкают его острыми змеевидными клинками на доску, уложенную над яркой голубой водой, — в том, что вы не знаете историю. С таким именем, как мое, я, конечно, историей интересовалась. Если бы вы брали не одних безграмотных олухов, они никогда не напали бы на судно, называемое «Месть королевы Анны».

В конце концов до Ван Висса дошло, что с ним сейчас происходит.

— Бонни! — завизжал он во весь голос. — А как же все эти деньги?

— Не стоят твоей жизни, — сказала я, подталкивая его вперед.

В свое время я была ужасно разочарована, что прогулка по доске была не столько пиратским обычаем, сколько одним из мифов. И на практике применялась крайне редко. Ну что ж, мы это изменили.

— Я не думаю, Ван Висс, что во всей Вселенной найдется столько денег. Да и вообще, ты и твои друзья могли побеседовать с другими вашими друзьями. А затем уже *мои* друзья сами заплатили бы за это. Могу тебе напомнить, что я уже была в таком положении, и я прекрасно выучила урок. Нет, вы, пираты, обязаны сгинуть вместе со всеми своими подручными. Чем меньше ваших ублюдков будет возвращаться из Суары, тем труднее будет рекруттировать новых. А когда пираты не будут сбивать цепу на стручки Марко, она быстро по-

тянется вверх. И ты не бойся, мы сообщим твоим друзьям, как все было.

Так что мы отодрали от палубы еще несколько досок и поджарили на длинных вилках несколько штук перги и выпили нэшевского рома (вам ни к чему и знать, что это такое), а тем временем крабы и опаловые рыбки рвали труп Ван Висса на части. Завтра мы кликнем его партнеров прийти и забрать богатый груз, который он награбил до того, как корпус его корабля получил пробоину.

Ну что ж, наше судно горело. Но у нас оставалось еще не меньше пяти палубных досок.

ПОЛ БЭТТЕЙДЖЕР

Ледяной ад

Два корабля скользили по замерзшему морю под небом, затянутым темными снеговыми тучами. Паруса хлопали на ветру — корабли меняли галс и поворачивали на юг; тугу натянутые канаты трещали на морозе, тройные лезвия коньков оставляли за кормой шлейф ледяной крошки, мерцающей в свете угасавшего дня. Корабли назывались «Скиталец» и «Джейн», это были шлюпы с косыми парусами, в спешке оснащенные для битвы, и сейчас они стремились навстречу этой битве. Они вышли из Бостона девять дней назад и бежали на юг, против изменчивых весенних ветров, словно взявшим след гончие.

Командир экспедиции, лейтенант Дрейк, стоял на тесном наблюдательном посту «Скитальца» и всматривался в ледяные просторы в поисках преследуемого корабля. Это был широкоплечий, могучий мужчина двадцати семи лет, с темными глазами, которые могли искрыться радостью или загораться безумным гневом. Он был закутан в плащ, защищавший от убийственного ветра, — ведь корабль несся вперед со скоростью выше пятидесяти узлов. Отец Дрейка, старый моряк, который еще плавал по воде, никогда не поверил бы, что такое возможно.

Дрейк снова взглянул в подзорную трубу, на торце которой было приkleено замшевое кольцо, чтобы кожа лица наблюдателя не прымрзала к металлу. Лед был пуст, и лишь небольшие холмики говорили о том, что когда-то — менее двадцати лет назад — здесь бушевало море, по воде бежали волны, в воздух летели брызги. Внезапно внимание командира привлекло какое-то темное пятно, и он замер. Вот оно — столб дыма почти у самого горизонта, уносимый ветром в сторону. Дрейк улыбнулся под кожаной маской, защищавшей лицо от страшного холода, — он не хотел уподобиться старым «ледяным волкам», завершившим свою карьеру без губ и без носа, с вымороженными до кости ноздрями. Отметив положение темной точки, командир корабля развернулся и направился обратно на корму.

У руля, за холщовым пологом, немного спасавшим от ветра, стоял его правая рука — старший мичман Дунстан Рорк. Обычно Рорк не управлял кораблем лично, но они получили особое задание, и он был именно таким рулевым, какой требовался для этой работы. К тому же из небольшой команды Дрейка лишь Рорк побывал в настоящем бою, и это тоже было ценным качеством. Дрейк знал, что в критическую минуту его помощник не прогниет.

— Дым, два градуса к востоку! — Дрейку пришлось кричать изо всех сил, чтобы перекрыть вой ветра. — Еще один разворот!

— Понял!

Рорк был человеком крупного сложения, его мощные руки как нельзя лучше подходили для того, чтобы держать штурвал. Несмотря на загородку, за которой он прятался, он был закутан в тряпки, словно бедуин. Мичман сделал знак сигнальщику, и тот замахал флагами, сообщая второму кораблю о повороте. Дрейк стал наблюдать, как меняет курс «Джейн», сохраняя

между судами дистанцию пятьдесят ярдов. «Джейн» была немного короче «Скитальца», лезвия ее коньков были более пологими, что позволяло ей легко маневрировать в ограниченном пространстве. Но на повороте корабль слегка занесло, и Дрейк поморщился — опять разболтался передний конек. Ведущий конек «Джейн» не удалось вовремя закончить, и моряки вынуждены были перед началом путешествия укрепить его сыротяными ремнями. Дрейку оставалось лишь надеяться, что ремни выдержат.

Рорк умело вел судно вперед, к источнику черного дыма, идя круто к ветру; трещали и хлопали натянувшиеся паруса. Еще один, последний маневр — и корабль описал небольшую дугу, стал против ветра и со скрежетом остановился, взметнув высоко в воздух ледяной фонтан. С нижней палубы прибежали все двадцать пять моряков; они убрали паруса и, перевесившись через борт, сбросили на лед носовой и кормовой якоря. «Джейн» остановилась в двадцати ярдах за кормой «Скитальца», и ее экипаж проделал такие же маневры. Дрейк кивнул, убедившись, что его корабли надежно укреплены на льду, и лишь затем обернулся к тому, что предстало их взорам впереди, по правому борту.

Когда-то это был корабль. Он сгорел дотла и превратился в черный остов, и единственная оставшаяся мачта торчала вверх, подобно руке мертвеца. Дрейк заметил на льду у борта два тела и по их позам понял, что люди эти были сброшены с корабля и погибли от удара. Вокруг тел замерзли кровавые лужи. Лед был покрыт выбоинами и осколками — здесь стреляли из пушек, и Дрейку стало ясно, что с кораблем произошел не просто несчастный случай. Он махнул Рорку, и они вдвоем, сбросив веревки, перелезли через борт и спустились на дюжину футов вниз, на твердую бе-

лую поверхность. Когда Дрейк стоял на льду, ему всегда было очень трудно представить, что когда-то здесь было море или что там, внизу, далеко-далеко, еще тлеет вода. В детстве ему приходилось видеть ее — гавань Бостона летом, солнце, сверкающее на волнах. А затем пришла зима, долгая зима 1697 года, которая так никогда и не кончилась. Зима, сковавшая океан от Саванны до Северного полюса мощным ледовым панцирем.

— Они двигались очень быстро, — заметил Рорк. — Шестьдесят-семьдесят узлов. Потом перевернулись.

Дрейк указал на остов:

— Пять лезвий. Должно быть, они подошли на расстояние выстрела.

— Тут-то все и закончилось, — добавил Рорк.

Они приблизились к останкам корабля, и Дрейк, приложив одетую в перчатку руку к обгоревшим доскам, провел по ним пальцами. В обугленный борт глубоко вошли кучки гвоздей.

— Два выстрела подряд и гвозди, — сказал он. — Они искалечили его, потом дали бортовой залп и опрокинули его на лед.

— Сняли с корабля все ценное и подожгли его. Это он, — заключил Рорк.

— Фрост, — бесстрастно произнес Дрейк.

Кошмарный капитан Фрост. Это, разумеется, было не настоящее имя — он сам себя так называл. Говорили, что он попал в ловушку во льдах еще в начале великой зимы и корабль его много месяцев провел вдали от берега. Моряки шепотом рассказывали, будто он сошел с ума, что он перерезал и съел своих матросов, чтобы выжить, и, когда ему наконец удалось спастись, волосы и борода его стали белыми, как лед. Наверняка было известно лишь то, что он пират и командует могучим семидесятипятифутовым военным кораблем и несколь-

кими меньшими судами. Капитан корабля «Грозный» поручил Дрейку захватить пирата и показать, что даже сейчас никто не смеет бросать вызов Королевскому военно-морскому флоту.

Из-за кормы погибшего корабля вышел командр «Джейн» — мичман Кроу. Дрейк не был полностью уверен в Кроу, считая его слишком безрассудным для такого задания. Но он, без сомнения, был храбрым моряком.

— Лейтенант, — окликнул команьира Кроу, — вам лучше взглянуть на это.

Рорк посмотрел на небо:

— У нас нет времени — темнеет.

Они обогнули остов корабля и зашли со стороны суши. Дрейк увидел кучку людей Кроу — те столпились вокруг какого-то предмета на льду, держа ружья наготове и дымя запальными фитилями.

— Потушить фитили! — раздраженно заворчал он. — Здесь не в кого стрелять. Рассеяться, ищите их следы. Пошевеливайтесь!

Моряки разошлись, и Дрейк застыл на месте; Рорк выругался сквозь зубы.

С этой стороны корабля лежали еще три тела. Руки их были привязаны ремнями из сырой матней кожи к длинным гвоздям, вбитым в лед. Животы несчастных были вспороты, вокруг виднелись огромные лужи замерзшей крови. Одному из них просто оторвало всю нижнюю часть тела, наружу торчали окровавленные осколки костей. На лицах мертвцев навеки застыло выражение нестерпимой муки.

— Должно быть, они воткнули в них крючья, привязали к тросам и тронулись... — Кроу отвернулся, став спиной к ветру.

— Довольно, мистер Кроу. Вы напрасно позволили своим людям смотреть на это. Я не хочу пугать их больше, они и так достаточно напуганы.

— Сэр...

— Забирайте людей и возвращайтесь на «Джейн». Ущерб уже причинен, ничего не поделаешь. Учитесь на своих ошибках.

— Сэр! — Один из матросов махал им с ледяной равниной; голос его был едва различим из-за урагана. — Лейтенант Дрейк, сэр!

Они двинулись к нему, против леденящего вечернего ветра. Матрос обнаружил след сбежавшего корабля. Пираты направились на юг, чтобы набрать скорость, затем повернули к берегу. Рорк опустился на колени и ощупал дорожки, оставленные на льду коньками.

— Пять лезвий, тяжелое судно. Задний правый копец немного болтается — видите зазубрины?

— Слишком мал, это не «Месть королевы», — заметил Дрейк, всматриваясь в горизонт. — Скорее, это «Сокол», который он захватил прошлой зимой; у него было пять лезвий.

— Тяжелогруженое судно, — размышлял Рорк. — С разболтанным коньком... — Он поднял голову, и Дрейк заметил, как сузились его бледно-голубые глаза, — он ухмылялся под маской. — Вряд ли оно движется на полной скорости.

— В конце концов, — улыбнулся Дрейк, — куда им торопиться? — Он протянул Рорку руку и помог ему подняться, затем обернулся к Кроу. — Возвращайтесь на борт и поднимайте паруса, нам предстоит схватить пирата. — Вместе с Рорком они пустились бежать к «Скитальцу». — Если поспешим, догоним их до заката. Напоследок мы угостим этого дьявола хорошей порцией железа!

Впереди солнце садилось в золотые облака, когда на горизонте показался преследуемый корабль. Дозорный позвал Дрейка, и тот отправился взглянуть, шу-

рясь на свет. Белые паруса и корпус хорошо маскировали корабль, но его выдавала отбрасываемая назад тень. Дрейк засмеялся и хлопнул матроса по спине:

— Дарю тебе пару пистолетов, парень! У тебя глаза что надо!

Он вернулся на корму, отдал приказание сигнальщику и кивнул Рорку.

Флаги заметались на ветру, и «Джейн», просигналив в ответ, что приказ понят, повернула, направляясь на убегавшую тень пиратского корабля. Рорк слегка развернул «Скитальца» по ветру и проревел приказания морякам, которые поспешили к снастям; корабль начал набирать скорость. Дрейк ощущал идущую снизу вибрацию — это судно, улавливая парусами ветер, разгонялось до семидесяти узлов. Чтобы вести корабль на такой скорости, требовалась умелая рука, но командир полностью полагался на Рорка.

Гигант-шотландец повернулся к нему:

— Думаете, Кроу сможет его подбить? Ему никогда не приходилось участвовать в настоящей соколиной охоте.

— В случае если он промахнется, мы продолжим преследование — так будет лучше, — объяснил Дрейк.

И они принялись наблюдать за событиями — близилась кульминация.

На языке моряков, бороздивших ледяные моря, такая атака называлась «соколиной охотой», потому что корабль, летящий на полной скорости, напоминал падающего на жертву хищника. Нужно было устремиться прямо на врага и, проходя мимо, дать залп. От канониров требовалась большая меткость, чтобы попасть в цель в таких условиях, но пушки атакуемого корабля не могли ответить тем же и стрелять в нападающего, промелькнувшего перед ними на скорости больше шестидесяти узлов. Дрейк и Рорк смотрели, как «Джейн»

стрелой несется прямо на пиратское судно, а сами развернули «Скитальца» таким образом, чтобы отрезать врагу путь к отступлению.

Расстояние между двумя судами сокращалось, и пиратский корабль накренился, разворачиваясь по ветру в попытке ускользнуть. В результате его борт оказался перед атакующей «Джейн», и над замерзшим морем разнесся гул пушечного выстрела. Это было еще одной причиной, по которой Дрейк отправил за врагом второй корабль. На обоих его судах было по шесть пушек, но на «Скитальце» они располагались по три на каждом борту, в то время как на «Джейн» были установлены носовое и кормовое орудия. Они увидели, как ядро врезалось в лед и отскочило, но пират остался невредим, и Рорк выругался. Из носовой пушки целиться было удобнее всего, и она давала верный шанс попасть во врага на ходу.

Начиналась настоящая «соколиная охота», и команда «Скитальца» затаила дыхание, глядя, как два корабля на миг встретились. Через долю секунды до наблюдателей донесся грохот выстрела, затем несколько ударов — это ядро скакало по льду, а потом корабли разошлись. «Джейн», описывая дугу, шла на север; раздался последний выстрел из ее кормовой пушки. Вражеский корабль, судя по всему, не получил никаких повреждений; он оставил позади клубы дыма и стремительно, словно птица, летел на юг.

— Проклятие! — Дрейк ударил кулаком по перилам. — Вперед! Я сам хочу пригвоздить эту птичку к льду!

Рорк крутанул штурвал, и «Скиталец» начал свой смертоносный полет. Враг разворачивался им навстречу, но у него было пять коньков, и он уступал «Скитальцу» в маневренности. К тому же опытный глаз Дрейка отметил, что капитан ведет корабль осторожно,

стараясь избегать резких движений. Возможно, Кроу повредил его, а может быть, дело было просто в разболтанном коньке.

Дрейк срыгнул на главную палубу и сам схватил нальник. Они шли почти параллельно вражескому кораблю, а это делало возможным два бортовых залпа. Пираты, встречаясь с жертвой, всегда давали два залпа с близкого расстояния, и их снаряды были начинены гвоздями, что позволяло убить и покалечить больше людей. «Ну что ж, посмотрим, может быть, удастся остановить этих негодяев, прежде чем они смогут выстрелить», — думал Дрейк. Командир приказал матросам вытянуть передние брасы¹, лафет с грохотом опустился, и пушка уставилась жерлом в лед. Дрейк взглянул вниз.

— Два градуса влево, мистер Рорк! — приказал он, стараясь перекричать неистовый ветер.

Корабль начал разворачиваться, и Дрейк приготовился. Паруса, поймав ветер, захлопали, словно крылья, и «Скиталец» понесся к своей цели. Они двигались наперекор пиратскому судну, столкновение казалось неизбежным. Со стороны вражеского корабля послышался гул, и Дрейк увидел, как ядро ударилось о лед один раз, второй, затем промелькнуло мимо него.

Он снова взглянул вдоль ствола пушки, оценивая скорость ветра, скорость судна, расстояние до цели; глаза его смотрели словно в пустоту, губы беззвучно шевелились. Затем он отошел в сторону и сунул фитиль в запальное отверстие; канониры вцепились в канаты, и пушка выстрелила, затем отскочила назад, и палубу заволокло дымом. Дрейк бросился к борту и принялся считать фонтаны ледяной крошки, кото-

¹ Брас — снасть, закрепляемая на концах реи и служащая для разворота паруса в горизонтальном направлении.

рые поднимало скакавшее по льду ядро. Один, два... третий удар притягивался по левому переднему коньку врага. Матросы «Скитальца» с радостными криками вскочили на ноги; пиратский корабль содрогнулся и резко накренился вправо; в воздух поднялся столб ледяных осколков высотой с мачту, и лезвия коньков заскрежетали по льду. А затем корабль перевернулся; мелькнула путаница парусов и летящих во все стороны обломков, и мгновение спустя до «Скитальца» донесся ужасный треск. Канониры завопили и замахали кулаками:

— Дрейк! Дрейк! Дьявол, вы видели этот выстрел!

Дрейк поднялся обратно на квартердек¹.

— Подберемся поближе, мистер Рорк. Посмотрим, что за птичку мы подстрелили.

Это оказался шлюп «Сокол», захваченный в Чарльстоне прошлой зимой. Пять лезвий, обитый медью корпус, окованный железом нос, позволяющий таранить врага. Теперь от этого прекрасного корабля осталась куча обломков. Он опрокинулся на скорости свыше пятидесяти узлов, и канава, прорубленная им во льду, была полна разбитого вдребезги дерева и людей. Дрейк подвел «Скитальца» к борту пирата, держа орудия наготове; его люди ждали у планшира² с мушкетами и саблями. «Джейн» уже догнала их с наветренной стороны.

Когда они подошли ближе, из-под останков корабля показались люди с поднятыми руками; некоторые махали обрывками парусов. Большинство были ранены. После такого кораблекрушения выжившие редко

¹ См. примеч. на с. 165.

² Планшир — деревянные или металлические перила, устанавливаемые поверх фальниборта (ограждение открытых частей палубы).

пытались сражаться — обычно люди получали серьезныеувечья. Дрейк послал туда Рорка с дюжиной вооруженных матросов, а сам спрятался от ветра. Теперь его люди шли уверенной походкой, слегка раскачиваясь, как опытные дуэлянты. Один-единственный удачный выстрел сделал их храбрецами.

Вернувшись на «Скиталец», Рорк покачал головой:

— Это не Фрост. Но корабль принадлежит ему. Они направлялись обратно на стоянку.

Дрейка охватила дрожь возбуждения, и что-то словно обожгло его изнутри.

— Они сообщили ее координаты?

Рорк кивнул.

— Они говорят, что Фрост поставил «Месть королевы» на якорь в какой-то бухте с подветренной стороны острова Окракоук¹. Сейчас они как раз разгружают корабль и готовятся залечь в берлогу на время весенних снегопадов. Этот корабль отправлялся за провизией, чтобы запасти пищу на сезон снегов. Они говорят, что Фрост на стоянке, но «Месть» не может выйти оттуда в любой момент. В бухту ведет узкая полоска льда, так что корабль пришлось затащить туда на канатах. У Фроста есть еще одно судно, «Риск», пираты используют его для того, чтобы перевозить в лагерь припасы.

— А мы можем пройти по этой полоске? — спросил Дрейк.

— Они говорят, что Фрост навалил у входа в бухту камней, чтобы никто не смог застать его врасплох. Они точно не сказали, но бьюсь об заклад, что там выставлены часовые.

Дрейк улыбнулся:

— Какие говорчевые парни, а?

¹ Окракоук — остров у побережья штата Северная Каролина.

Рорк ухмыльнулся под своей маской:

— Все зависит от того, как именно спрашивать, сэр.

Вот поэтому он и отправил туда Рорка. Того, что он не узнавал у пленных, ему просто не нужно было знать.

— Сколько пиратов осталось в живых?

— Восемь человек, трое не в состоянии передвигаться.

Дрейк кивнул:

— Хорошо, позаботьтесь о них.

— Есть, сэр, — отозвался Рорк.

Времена изменились, сейчас корабли уже не были настолько просторными, чтобы свободно брать на борт пленных. На «Скитальце» и «Джейн» в ужасной тесноте мог поместиться лишь экипаж и скромное количество съестных припасов. Взятые в плен люди были пиратами, поднявшими оружие против моряков Королевского военно-морского флота. И все же Дрейк отвернулся, когда раздались выстрелы, и, возможно, в глубине души проклял холодный, мрачный век, в котором ему суждено было жить, и с тоской вспомнил юность, когда мир казался более милосердным.

В каюте Дрейка было темно и тесно, в углу крошечного стола горела всего одна лампа. На почерневшей от времени столешнице была разложена лучшая из имевшихся на корабле карт Внешних Банок¹. Рядом с командиром втиснулись Рорк и Кроу. Уже полностью стемнело, и оба корабля бросили якоря, чтобы противостоять адским северным ветрам, дувшим после заката.

Дрейк постучал по карте:

¹ Внешние Банки — полоса наносных островов, тянущаяся вдоль побережья Северной Каролины.

— Считается, что лучшее место для стоянки на этом острове находится здесь, в его южной части. Фрост якобы завалил вход в бухту камнями, так что войти туда неожиданно не получится.

— Даже если они нас заметят, мы все-таки сможем поймать их в западню, — предложил Кроу.

— Вряд ли нам удастся одолеть их в открытом бою, — возразил Дрейк. — Хотя «Месть королевы» и стоит на якоре, на ней больше пушек, чем на обоих наших судах. Если они смогут поймать момент, то разнесут нас в щепки, даже не трогаясь с места.

— Что же нам делать? — спросил Рорк.

Дрейк помолчал, задумчивокусая губы.

— Мы не знаем, пришел ли в залив «Риск» и где он вообще сейчас находится. Поэтому сделаем следующее. Мистер Кроу, вы на «Джейн» обойдете остров с подветренной стороны и заблокируете выход из гавани, чтобы отрезать врагу путь к бегству. Мистер Рорк, мы с вами возьмем людей со «Скитальца» и пересечем остров пешком. Обнаружив «Месть», мы постараемся неожиданно напасть на нее, захватить и обстрелять из ее пушек «Риск», если он там. Если же второго корабля на стоянке не окажется, мы подождем его прибытия и устроим засаду. Мистер Кроу, когда вы услышите пушечные выстрелы, выходите на лед, расчищайте проход и двигайтесь в бухту нам на подмогу. Если выстрелов не будет, просто ждите. Мы зажмем пиратов в тиски. Мистер Рорк, готовьте людей, позаботьтесь о том, чтобы они оделись как можно теплее. — Он смолк. Могучий порыв ветра сотряс «Скитальца», и его снасти жалобно застонали. — Ночь выдалась холодная, но мы скоро согреем ее немного, а? Что ж, приступим.

Стоял резкий холод, по небу неслись низкие облака, предвещая начало весенних снегопадов, во время кото-

рых передвижение по льду становилось невозможным на несколько недель. В это время года моряки сходили на сушу, ставили корабли на якорь и запасали провизию на сезон снегов. Настало самое тяжелое время: зима еще показывала свои когти. Прежде чем покинуть корабль, Дрейк лично осмотрел всю команду — все двадцать человек, — чтобы убедиться, что все они надежно защищены от холода. Каждый матрос взял с собой мушкет, порох и пули на тридцать выстрелов, запасные фитили, саблю и кортик. У офицеров имелись также дорогие кремневые пистолеты. Шестеро человек несли на поясе уголья в железных котелках, для того чтобы зажечь фитили перед сражением. Командир спросил, готовы ли они, матросы закивали, и отряд отправился в путь.

Остров представлял собой невысокую песчаную косу, покрытую соляными болотами и дюнами, много лет назад превратившимися в твердые, как камень, холмы. Моряки не взяли с собой фонари и ориентировались по скучному свету звезд и луны, иногда пробивавшемуся сквозь облака. Лунный свет отражался от ледяного поля и озарял почь слабым сиянием, поэтому люди могли идти, не сбиваясь с пути. Однако многие падали, паткувшись на камни или поскользнувшись на обледенелых склонах. В углублениях между дюнами лежала сухая болотная трава, похожая на жесткий невыделанный мех, и морякам казалось, что они карабкаются на спину какого-то гигантского зверя. Как и его люди, Дрейк при ходьбе опирался на приклад мушкета. Изнутри его маска промокла от дыхания, влага замерзала вокруг губ.

Рорк первым заметил огни, остановил командира и указал куда-то вперед, в ледяную пустыню. Прищурившись, Дрейк взглянул в ту сторону, откуда дул ветер, разглядел две тусклые желтые точки и узнал но-

свой и кормовой фонари стоявшего на якоре судна. Он тихо передал отряду приказание приготовиться к бою. Теперь матросы двигались более осторожно и, упав, не вскрикивали, а лишь бралились вполголоса и с помощью товарищей поднимались на ноги. По расчетам Дрейка, было около полуночи, когда они залегли в засохших кустах неподалеку от погруженной во тьму «Мести королевы». Корабль казался нокинутым: на борту не было никакого движения, стояла тишина, и горели лишь два фонаря.

— Зажигаем фитили, сэр? — спросил один из матросов, поглаживая мушкет.

Дрейк покачал головой:

— Нет, постараемся захватить корабль без шума. Ружья нам пока не нужны. Вы двое оставайтесь и охраняйте их, возьмите также горшки с углеми. Всем остальным приготовиться к бою; с собой взять сабли и кортики. Мы выйдем на берег и поднимемся на борт. Вы двое идите вперед и несите веревки. А теперь послушайте меня. — Он произнес это таким тоном, что все подошли поближе. — Пленных не брать. Вряд ли на корабле находится много людей, скорее всего там только часовые, и, бьюсь об заклад, лентяи прячутся от холода на нижней палубе. Но фонари зажжены, а это означает, что скоро вернется второй корабль. Несмотря на темпопту, он может прийти в любую минуту. Мы захватим «Месть», затем подождем ее собрата и устроим ему засаду. Нельзя дать пиратам возможность предупредить Фроста об опасности. Поэтому необходимо убивать всех, несмотря на просьбы о пощаде. Это понятно?

Люди явно смущались.

— Сэр...

— Нет! Помните несчастных, чьи тела мы нашли у сожженного корабля? Они паверняка просили пощады, но разве их попадили?

Матросы переглянулись и закивали. Отлично.

— Очень хорошо, тогда начнем. Вперед!

Они спустились к берегу, преодолели полосу скользких камней и острых ледяных глыб и вышли на гладкую поверхность залива. Беззвучно, словно воры, они подкрались к теневой стороне «Мести королевы». Двое матросов, шедших впереди, несли на плечах канаты. Один из них подставил ладони и помог товарищу подняться и перекинуть через борт крюк. Преодолев оставшиеся несколько футов, матрос укрепил на палубе второй крюк и привязал к обоим по усаженной узлами веревке. Дрейк поймал одну из них и начал подниматься, стараясь не ударяться о борт. Он уцепился за иллюминатор, и матрос помог ему влезть на палубу, как раз между двумя обернутыми холстиной пушками.

На корабле было тихо, как на кладбище. Осмотрев палубу, Дрейк не заметил никакого движения, лишь справа раскачивался на ветру носовой фонарь, а слева едва заметно мерцал кормовой. На корабль стали подниматься люди, и Дрейк отошел от края. Ножи и кортики блестели в звездном свете, словно осколки льда. Жестами командир велел матросам обыскать нос и корму. Появился Рорк, и Дрейк поманил его к себе:

— Проверьте внизу, без шума.

Рорк кивнул.

Дрейк направился в среднюю часть корабля, чтобы осмотреть гавань, как вдруг перед ним выросла какая-то фигура. Глаза под маской широко раскрылись от изумления. Казалось, пират возник прямо из теней. Дрейк и его враг смотрели друг на друга всего мгновение, но моряку почудилось, будто прошла целая вечность; затем пират потянулся к висевшему на поясе пистолету. Дрейк бросился на противника, схватил его за державшую оружие руку и швырнул к борту, между пушками. Он попытался дотянутся до своего кортика, но ножны

оказались слишком далеко. Враг так и не выпустил пистолет и пытался нащупать курок, и Дрейк, вцепившись ему в рукав, затряс его изо всех сил.

Не имея возможности добраться до кортика, Дрейк выхватил висевший на поясе кинжал, но сму не удалось удобно взяться за рукоять. Пират выругался, и Дрейк обезумел при мысли, что сейчас он закричит и остальные услышат его. Он вонзил кинжал куда-то в бок врага и почувствовал, что попал: послышался треск рвущейся ткани, и пират испустил отрывистый вздох. Дрейк попытался было вытащить нож, чтобы нанести удар поточнее, но ему мешали перчатки, и рукоять выскользнула у него из пальцев. Он придавил противника к фальшборту и принялся бить по ножу, как бьют молотком по искривленному гвоздю. Пират охнул и завертелся на месте, затем негромко вздохнул и захрипел. Сопротивление ослабло.

Затем чьи-то руки помогли Дрейку подняться, и один из матросов прикончил раненого пирата. Люди принялись ощупывать Дрейка.

— С вами все в порядке, сэр? Вы не ранены?

— Нет, нет, не ранен, — отозвался Дрейк, стряхивая их руки.

Наклонившись, он схватился за рукоять своего ножа и выдернул его из тела убитого. Толстая шуба пирата была пропитана кровью; черные ручейки текли по засыпанной снегом палубе. Взглянув на свой нож, Дрейк увидел, что от красного клинка идет пар.

Откуда-то возник Рорк:

— Вижу, вы прикончили одного, сэр.

— Да, — рассеянно ответил Дрейк, вытирая с ножа начинавшую замерзать кровь. Рука его болела после ударов по рукояти. — Да. Интересно, что он делал здесь, наверху.

— Скорее всего, лед поливал, сэр.

Дрейк чуть не рассмеялся, но взял себя в руки.

— Что внизу?

— Двое, — сообщил Рорк. — Большие они нам не помешают. — Он махнул рукой. — В трюме немного вяленого мяса и еще всякая всячина в сетках для разгрузки. Думаю, они довольно скоро вернутся за остатками припасов. Вот только в одном нам не повезло. — Он поднял свой палаш и начал счищать с лезвия замерзшую кровь. — Они уже выгрузили порох и ядра. Мы не сможем обстрелять Фроста из пушек.

Дрейк выругался, посмотрел, как Рорк большим пальцем счищает с клинка алый лед, и начал делать то же самое.

— Ну что ж, придется взять мушкеты и залечь в укрытие до их возвращения, а потом мы все равно зададим им жару. Подождем, пока корабль окажется рядом, и возьмем его на абордаж. Не дадим Фросту времени воспользоваться пушками.

Рорк в шутку отсалютовал своим клинком:

— Тогда за кровавое утро!

Они принялись ждать. Когда на борт подняли ружья, Дрейк приказал матросам спуститься вниз и спать. Три горшка с углами погасли, но моряки наполнили их головешками из корабельных печей. Установили двухчасовые вахты; часовые поддерживали огонь в фонарях на борту и высматривали «Риск». Дрейк ожидал, что Фрост может вернуться до рассвета. Его немногого беспокоил Кроу, оставшийся один на «Джейн». Кроу был нетерпелив и жаждал проявить себя, но Дрейк все же надеялся, что он не выгворит какую-нибудь глупость. Он проверил, как устроились его люди, затем улегся в гамак, пытаясь немного вздремнуть, — до появления врага делать было нечего. Еще не начало светать, когда Рорк разбудил его.

Дрейк, дрожа от холода, выбрался из гамака. Близилось утро. Рорк снял маску, открыл дверцу печи и принялся греть руки. Пламя отбрасывало на его короткую бороду золотистые отсветы.

— Приближается какой-то корабль, будет здесь через несколько минут. Огни горят.

— Они подавали какие-нибудь сигналы?

Рорк пожал плечами:

— Дозорный их не понял. Я запретил ему что-либо отвечать. Если мы просигналим неверно, они поймут, что дело нечисто. Если же мы не ответим, они просто решат, что дозорный греется внизу. Мы ничего не теряем.

Дрейк кивнул:

— Отлично. Итак. — Он повысил голос, и люди сгрудились вокруг него. — Они идут. Всем проверить ружья — заряжены ли они как следует, есть ли запасные фитили. Прежде чем поднимемся на палубу, зажечь их. Не высовываться! Нельзя, чтобы пираты заметили нас раньше времени. Если они увидят горящие фитили, они не подойдут близко и просто сметут нас с палубы огнем из пушек. Так что хотя бы держите свои чертовы ружья пониже. У этого корабля высокие борта, и пираты ничего не заподозрят, даже подойдя вплотную. Когда корабль окажется совсем близко, я выстрелю, это будет сигналом к атаке. Стойте цепочкой у борта, я не хочу, чтобы вы перестреляли друг друга. Все ясно? Отлично, пошли.

Матросы поспешили разобрать мушкеты и поднялись на палубу. Дрейк почуял едкий запах горящих фитилей, который приятно щекотал ему ноздри. Он поднялся наверх, пригнулся и пробрался на нос, стараясь держаться перед фонарем, чтобы лицо его скрыла тень. Он не взял с собой мушкет, лишь пара кремневых пистолетов висела у его пояса — они не давали этого

предательского света. Небо было еще темно-серым, но на замерзших просторах стало светлее. Замерзшее море поблескивало в холодном предрассветном сумраке. Неподвижный ледяной воздух обжег Дрейку лицо, и он торопливо натянул маску. Матросы собирались у левого борта и скрючились под планширом. Дрейк различал в темноте лишь цепочку искорок — это горели их запальные фитили.

Вражеский корабль постепенно приближался, и его матросы маневрировали парусами, чтобы максимально использовать слабый ветер. Судно было низким, длинным, изящным и по размерам превосходило корабли Дрейка. Три конька стремительно рассекали лед, и Дрейк понял, что судном управляет опытная рука. В темноте невозможно было сосчитать пушки, но корабль был не слишком велик, и на каждом борту у него могло быть по три, возможно, по четыре орудия. Подполз Рорк, уже охваченный лихорадкой битвы, и промстился рядом с Дрейком; в одной руке он держал пистолет, в другой — саблю.

Носовой фонарь приближавшегося корабля покачнулся два раза, затем еще два. Очевидно, это был какой-то сигнал. Затем над льдом разнесся окрик. Дрейк напрягся. Наступил решительный момент; сейчас им предстояло выяснить, насколько остро капитан Фрост чует опасность. Позади «Риска» на льду возник какой-то силуэт, и Дрейк вперился во тьму, стараясь разглядеть, что это. Понемногу светало, и внезапно он понял, что это «Джейн», следующая за пиратским кораблем.

— О, провались он к дьяволу! — простонал Дрейк.
— В чем дело? — поднял голову Рорк.
— Взгляните сами.

Рорк, высунувшись из-за планшира, выругался. Кроу решил не ждать. Они не отрываясь смотрели, как

«Джейн» подкрадывается к врагу, подобно охотящейся кошке, и даже разъяренный Дрейк не мог не восхищаться искусством, с которым Кроу вел судно. Но затем проклятый передний конек подвел его, и «Джейн» занесло; паруса ее захлопали на ветру, над бухтой разнесся резкий скрежет.

С пиратского корабля послышались крики, и он проворно развернулся. Кроу, поняв, что его заметили, выстрелил из носовой пушки, и Дрейк услышал свист ядра — оно пронеслось за кормой движущегося пиратского судна.

— Пропади все пропадом! — воскликнул Дрейк. — Хватайте веревки, спускаемся на лед и идем на абордаж! Они теперь ни за что не подойдут ближе. На лед!

Матросы выбросили за борт веревки, затем один за другим выпрыгнули вниз, держа мушкеты наготове. До вражеского корабля оставалось не более тридцати ярдов, и теперь Дрейк разглядел его: это действительно оказался «Риск». Нужно было подобраться поближе; взять корабль на абордаж со льда было возможно лишь в том случае, если он двигался медленно и абордажная группа взбиралась на борт прежде, чем жертва успевала выстрелить из пушек. Дрейк, молясь, чтобы орудия пиратов не оказались заряжены картечью, схватился за веревку и приготовился к прыжку. Подняв голову, он увидел, как «Джейн» прошла мимо «Риска», развернувшись к нему бортом, и пушки ее загремели, окутав корабли облаком дыма.

Над замерзшей бухтой прокатилось эхо выстрелов, и Дрейк услышал крики. В следующее мгновение он уже был на льду и вместе со своими людьми устремился к пиратскому кораблю. Матросы скользили на гладкой поверхности, падали, поднимались снова. Некоторые кричали — это были древние, лишенные смысла боевые кличи. Дрейк скользил и спотыкался на бе-

гу, но не падал. Гремели пушки, уже доносился запах пороха, и вокруг плыли клубы дыма. Он услышал над головой свист ядра и тоже закричал. Различив сквозь серую завесу доски корпуса, он понял, что они добежали.

С борта свисала веревка, и его люди подбрасывали крючья, тянули за канаты, некоторые стреляли прямо вверх, в дым и тьму. Дрейк схватил веревку с узлами и, перебирая руками, полез наверх. Через минуту перед ним показался край борта, и он перебрался на палубу как раз в тот миг, когда рядом выстрелила пушка. Поблизости возникла какая-то тень, и Дрейк схватился за пистолет, но не успел достать его, как кто-то из его людей обрушился на врага с саблей, и в лицо ему брызнула кровь.

Дрейк отошел от борта и оказался среди темноты, дыма и крови. Он вытащил пистолет, взвел курок, выстрелил в какого-то пирата и отшвырнул оружие прочь. Затем, выхватив из ножен кортик, бросился в гущу боя. Вокруг него кипела схватка, люди рубили друг друга ножами и саблями, стреляли из ружей, катались по палубе и дрались, как звери, душа друг друга голыми руками. На него шел какой-то человек; Дрейк задел его плечом, затем замстил, что это пират, и рубанул его по груди саблей. Он поднял было клинок для второго удара, но человек опустился на палубу и скорчился, не делая попыток сопротивляться.

Слева от Дрейка появилась какая-то фигура, и он развернулся, взмахнув саблей, но это оказался один из его матросов. Дрейк похлопал его по плечу и улыбнулся. Моряк кивнул в ответ, а затем кто-то нанес ему удар такой силы, что несчастный отлетел в сторону. Матрос упал, и палуба почернела от крови. Дрейк отшатнулся, увидев кошмарное чудовище, появившееся из клубов дыма.

Это был капитан Фрост — ошибиться было невозможно. В облаках дыма и кровавой каше боя он казался высоким, как гора, и широкоплечим, словно стоящий дуб. Длинная белая борода разевалась по сторонам, она словно состояла частью из дыма, над нею сверкали глаза, похожие на два голубых огонька. Пират походил на какого-то воинственного древнего бога: волосы его были перевязаны зажженными фитилями, которые тлели и дымились, и вокруг его призрачно-бледного лица плыли синие клубы. Черный плащ хлонял, как парус. Клинок врага опустился, и, хотя Дрейк отразил выпад, удар был нанесен с такой силой, что едва не сломал ему руку. Он отпрыгнул прочь от снежного гиганта, уклонился от второго удара и попытался напасть, но Фрост без усилий отмахнулся от него своим могучим клинком.

Дрейк отступал, рука у него ныла, почти онемела от ударов, которые пришлились по его кортику. Фрост взревел, и изо рта у него вырвались клубы пара, словно у огнедышащего демона. Глаза его горели — действительно горели, Дрейку никогда не приходилось видеть ничего подобного. Фрост набросился на него, но Дрейку удалось уклониться, он сделал резкий выпад и угодил куда-то в пояс Фроста: оказалось, клинок его наткнулся на коробку с патронами. Прекрасное оружие согнулось, словно лук, а затем Фрост нанес удар, и кортик Дрейка раскололся на три части, словно кусок льда.

Дрейк пошатнулся, и Фрост рубанул саблей еще раз: моряк покатился по палубе. Он почувствовал жжение в боку, затем его залило что-то горячее. Он вскочил на ноги, выхватил из кобуры второй пистолет, взвел курок и наугад выстрелил в возвышавшегося над ним гиганта. Вспышка и пороховой дым на мгновение осленили Дрейка, но затем он увидел, что Фрост за-

шатался, и с его белых губ сорвался стон. Но все же пиратский капитан продолжал наступать, и окровавленный клинок взметнулся для последнего, смертельного удара.

И в этот миг появился Рорк; он поразил врага своей алой от крови саблей, и Фрост начал заваливаться набок, свободной рукой хватаясь за горло; между пальцами показалась дымящаяся кровь. Он рухнул и ударился о мачту; синие глаза широко раскрылись. Затем Фрост взглянул на Рорка и протянул ему окровавленную руку.

— Отличный удар, парень, — хриплым голосом выговорил гигант, и изо рта у него хлынула кровь.

— Я могу и лучше, — ответил Рорк и рассек могучую шею; огромная седовласая голова покатилась прочь.

На палубу хлынули потоки крови, и над алой рекой поднялся пар, смешиваясь с пороховым дымом. Могучее тело выгнулось, словно даже смерть была бессильна остановить его, но затем обмякло и замерло, и лишь кровавый ручей продолжал струиться на заледеневшие доски.

Рорк облокотился на саблю, с которой капала кровь, снял маску и вытер с бороды намерзшие сосульки. Затем взглянул на Дрейка и устало улыбнулся. Шум битвы постепенно стихал, дым рассеивался, и первые лучи восходящего солнца осветили картину бойни. Светало все больше, и постепенно до Дрейка начало доходить, что они победили.

— Как вы, сэр? — спросил Рорк.

— Думаю, буду жить. А вы?

— О, со мной все в порядке, я как новенький. — Он огляделся. — Ну что, об этом будут еще долго рассказывать, а?

Из двадцати человек команды восемь были ранены, двое убиты. «Джейн» получила тяжелые повреждения.

После того первого залпа с пиратского корабля погибли шестнадцать человек ее экипажа, включая Кроу и рулевого. Но это было даже к лучшему, ведь корабль не мог двигаться дальше. Они сняли с него и с пиратских судов все, что могло пригодиться, затем перенесли на них убитых и подожгли. Небольшой отряд, отправленный за «Скитальцем», привел его в бухту, и победители поднялись на борт. Рорк подвесил голову Фроста к бушприту¹. Дрейк в это время наблюдал за приготовлениями к отъезду. Рана его оказалась неглубокой, но болезненной, и после нее должен был оставаться шрам.

— А вам не кажется, что это дикость, мистер Рорк?

— Он сделал бы с вами то же, сэр. Мне снять ее? Дрейк размышлял мгновение.

— Нет, оставьте как есть. Мы войдем в бостонскую гавань с головой наводящего ужас капитана Фроста на носу. И каждый, кто ее увидит, будет рассказывать об этом еще двадцать лет.

— А также те, кто не увидит.

Дрейк улыбнулся:

— Наверняка. Это хорошая история, хотя и не такая захватывающая, как та, какую могли бы рассказать вы.

Рорк пожал плечами:

— Если мне поставят вышивку, то я и свою расскажу.

— Он взглянул на небо. — Скоро пойдет снег, нам лучше выступать.

Дрейк кивнул и отдал приказ трогаться в путь. Они развернулись, ловя попутный ветер, и покинули бухту смерти, оставив позади пылающие останки кораблей. Небо было пасмурным, и, когда «Скиталец» взял курс на Бостон, посыпал снег.

¹ Бушприт — горизонтальная либо наклонная доска или бревно, выступающее вперед с носа парусного судна.

РЭЙЧЕЛ СВИРСКИ

Приключения капитана Вентворта Черное Сердце Морской хвост

1. Погребенные в море

От удара волны тело Мака Обрубка полетело за борт. Капитан Вентворт Черное Сердце, Крысиный Пират Дубового Оврага, прищурившись, смотрел, как оно исчезает в бушующих грязно-бурых волнах. Первый помощник Вентворта, пестрый Салливан, по кличке Бакенбарды, с глазами-бусинками и загребущими лапами, вывалился на палубу, скороговоркой бормоча проклятия в адрес блох, снувших вдоль его хребта так шумно, что он не мог ни заснуть как следует, ни спрятать большую или малую нужду. А когда крыса не может сходить по нужде, то, значит, настали и впрямь нелегкие времена.

Мак Обрубок был последним из их шайки пиратского отребья. Салли обнаружил его утром на палубе, когда Мак уже окоченел, засунув в агонии хвост себе в пасть. Его прикончил мышьяк. Приманка, нашпигованная отравой, пришла Маку по вкусу, напомнив ему о днях далекого детства, о трещине в стене, которая была его родительским домом и где однажды утром отец преподал мальчишкам их первые жизненно важные уроки: как дергать кошку за усы и как стащить сыр

из зубастых челюстей мышеловки. Теперь Мак был мертв и, закутанный в саван из паутины, брошен гнить в безбрежной водяной могиле.

— Две всеми покинутые крысы — вот все, что от нас осталось, — сказал Вентворт, обращаясь к Салли. — Корабль с командой всего из двух пиратов едва ли можно назвать пиратским судном.

Салли развернул ухо в ту сторону, откуда раздавался голос капитана, и почесал башку задней лапой.

— Настало время для новой жизни, — продолжал Вентворт. — Наша старушка грабила эти берега с тех пор, как мы были сопливыми щенками. Но благодаря сей мы заматерели, наша шерсть стала грубой, а яйца крепкими, как гирьки маятника. И сейчас я говорю: хватит! Хватит, подобно драчливым чайкам, рыться в мусоре, как будто в нем спрятаны сокровища! Хватит пожирать птичьи яйца да пугать пескарей на мелководье! Как наши почтенные предки, принесшие чуму на своих спинах в Европу, мы должны разнести славу о себе по всем семи морям! Эй, крыса, ты слушаешь меня?

Салли яростно царапал когтями доски палубы и бил голым хвостом об пол; его глаза-бусинки сверкали, морда была задрана кверху: нос с сопением втягивал бодрящий морской воздух. И можно было только догадываться, делает это Салли от радости или просто пытается изгнать донимающего его блошиного демона.

2. Обед

Вентворт наблюдал за ремонтом и видел, как всякий подручный хлам превращается в новые части корабля. Самые лучшие желуди шли на ядра для пушек. Ловушку на палубе собрали из частей огромного дуба, что еще

недавно рос на берегу реки, — его кора была такой гладкой, что ни одна кошка не могла по ней взобраться, и предки крыс не раз находили в нем убежище темными зимами. Сгнивший корпус корабля оснастили свежими веточками, сучками и корнями, связав их между собой усами, выщипанными у захваченных собак. Стальный якорь был заменен на спелую сливу, вытащенную из широга, что остывал на подоконнике одного доминики, где жил полосатый кот по кличке Острый Зуб. Под присмотром Вентворта Салли прикрепил сливу к струне и сбросил на дно реки.

Что касается паруса, который был сделан из рваной кожи и крепился на мачте из рыбьих позвонков, то Вентворт приказал его спустить.

— Знамя смерти видно издалека, — сказал он, — и наш флаг должен быть таким же!

Вентворт приказал поймать белку с таким же нежным мехом, как на материнской крысиной груди, и таким же черным, как его иссохшее сердце.

Ворча и жалуясь, Салли изловил белку, притаившись в траве. Он бросил свою добычу рядом с колючим кустарником, не обращая ни малейшего внимания на мольбы и крики несчастной жертвы. Салли был милосерден, и белка умерла быстро: один его зловонный вздох — и она погибла.

Пираты повесили ее кости и кожу сушиться и приготовились обедать.

На корме Салли нес вахту и проклинал своих блок. Стоя у штурвала из раковины улитки, Вентворт открыл ржавый сундук, принадлежавший капитану, который управлял кораблем еще до него, и вытащил из него старую карту. Глядя на сияющие в небе звезды, он направил корабль к месту, которое было отмечено дрожащим почерком умирающей крысы: «Открытое море».

Корабль шел в темных водах, и вместе с ним по ветру плыл ужас. Под полной зеленою луной, похожей на заплесневевший сыр, беличий хвост разевался, как черный саван.

3. Битва

Рассвет поднимался над морем, оранжевые и розовые искры отражались в бурлящей пене. Корабль миновал устье, ведущее в открытое море, оставив лягушек и жаб прыгать в прибрежной грязи. Салли уже было наточил свой ятаган, чтобы показать головастикам, что такое пираты, но Вентворт остановил его.

— Подожди, пока у них появятся лапы. Это будет справедливо, — посоветовал он.

Утренние воды окрасились в кобальтовый цвет.

Салли зачерпнул железной кружкой воды за бортом, чтобы подсолить морской солью свой паек из сущеного мяса. Линия берега все больше отдалась, и густой прибрежный лес уже напоминал маленькую зеленую бахрому.

— Ну, наконец-то море! — воскликнул Вентворт. — Я чувствую его благословенные глубины своими пиратскими костями.

Салли был с ним полностью согласен. Его красные глазки неистово сверкали.

В полдень они разглядели на горизонте утку с выводком пушистых желтых утят.

— Стоять! — вскричал Вентворт и выхватил меч. — Мы требуем сокровищ! Отдай нам свои яйца и гнездо, а также сложи к нашим ногам водоросли и водяных жуков!

Утка глянула на него и непонимающе крякнула.

— Это отказ, да? — Вентворт обернулся к Салли. — К пушкам, крыса!

Первый снаряд пролетел рядом с боком утки. Она взмахнула крыльями, но сокровищ явно отдавать не собиралась.

— Эскадра, вперед! — скомандовал Вентворт.

Пушки грохотали. Один, второй, третий утенок исчезли в дымке из желтого пуха. Утка возмущенно крякнула, взлетела и начала клевать нос корабля. Судно сильно накренилось, и птица остановилась. От резкой атаки у Вентворта закружилась голова, а Салли не удержался на лапах и рухнул на палубу, потеряв сознание.

— Отступаем! — закричал Вентворт.

Он перебрался через бесчувственное тело Саллива-на и дернул штурвал влево. Корабль развернулся. Утка устремилась вслед за ними, но потом, подумав, поплыла обратно к своим малышам.

4. Нехоженые воды

Салли вытаскивал щепки из своей шкуры.

— Пустяки, — ухмыльнулся Вентворт, — главное, нет повреждений на корабле.

Они плыли до тех пор, пока вода не стала серо-стальной, как их мечи. Наверху, в небе, парили существа с тонкими, как паутина, крыльями.

— Калоша, калоша, дырявая калоша! — кричали они вслед кораблю.

Салли измерил глубину, бросив за борт якорь. Струна-канат, раскручиваясь, порвалась, так и не достигнув дна.

Вентворт пошел наполнить свою флягу и обнаружил, что весь запас спиртного упал за борт во время атаки. Та же участь постигла и бочки с водой.

Он нашел Салли на краю кормы, где тот рыбачил с помощью обрывка струны-каната.

— Мы погибнем здесь, — сказал Вентворт. — У нас нет ни воды, ни провианта.

Что-то дернуло за удочку Салли. Он откинулся назад и изо всех сил потянул ее на себя. На палубе появилось странное существо с хвостом, покрытым ярко-зеленой рыбьей чешуей, и ангельской мордочкой юной крысы.

— Клянусь моими усами, это крысорусалка! — воскликнул Вентворт.

Странное создание было невелико для крысы, но слишком большое для рыбы. Там, где шерсть крысорусалки сливалась с чешуей, она сверкала изумрудными переливами. Шесть розовых ракушек покрывали ее прелестные груди.

В голове Вентворта пронеслись мысли, одна соблазнительнее другой. Но у Салли на этот счет было другое мнение. Взмахнув саблей, он пронзил нежное горло морской девы, она испустила крик, исполненный муки, и затихла.

Этим вечером они отужинали рыбной отбивной, а Салли шил себе плащ из меха крысорусалки. Для Вентворта все это слишком напоминало каннибализм, но чокнутая крыса, вроде Салливана, могла бы убить и собственную мать ради ее шкуры.

— Салли, ты жестокая крыса, — сказал Вентворт.

Салли взглянул на своего капитана, и его усы дрогнули. Вентворту показалось, что он видит блох, сидящих в шерсти его помощника.

— Может, блохи переберутся с тебя в ее шкуру? — предположил он.

Искорки смеха заплясали в глазах Салли. Он прошел нитку в иголку, вырезанную из кости крысорусалки, и, раскрыв пасть, разорвал ее шкуру пожелтевшими зубами.

Вдруг на горизонте Вентворт заметил чье-то огромное щупальце, сияющее белизной в свете бледных сумерек.

— Тысяча чертей! Гляди-ка, там чудище! Крыса, здесь мы задержимся! Смотри в оба!

5. А вот и кракен

Вентворт приказал Салливану сбавить ход. Судно безмолвно скользило по темным водам, словно вор, крадущийся в ночи.

Они огибали одно из щупалец, которое было огромным, как полуостров. Его присоски, размером с домашнюю кошку, пульсировали, втягивая соленый воздух.

— Отлично, плывем к его центру, — шепнул Вентворт Салливану. — Я добуду сокровища, которые он хранит у себя под сердцем!

Голова чудища, покрытая морскими водорослями и моллюсками, поднималась из воды, как огромный белый купол собора. Большой обсидиановый глаз пристально вглядывался в горизонт.

Вентворт подготовил свой лучший обоядоострый гарпун и направил его прямо в голову монстра. Удар был хорош, но Вентворт промахнулся, и замечательный гарпун сгинул в морской пучине.

Всплеск разбудил чудовище. В его темном глазу вспыхнула тревога. Массивная голова морского монстра поднялась и, втянув всех своих моллюсков, рухнула в море. Огромное щупальце обрушилось на судно, резко повернув штурвал, а через секунду Вентворт уже сам был обвит смертоносными кольцами. Неустранимый пират кинжалом нанес чудовищу глубокую рану. Зеленая кровь оросила его шкуру и полилась в море, растекаясь по поверхности, подобно маслу. Щу-

пальце извивалось от боли, но не ослабляло своей мертввой хватки. В конце концов Вентворт смог перерубить его и, освобожденный, рухнул на палубу.

Позади него Салли сражался с другим щупальцем, которое обвилось вокруг мачты, как лента вокруг майского дерева.

Вентворт тут же ринулся на помощь Салли.

— Скорей, скорей! — кричал он.

Они закрутились в веселом отчаянном танце. Щупальце побелело от напряжения, но его тиски сжимались все сильнее и сильнее.

— Продолжай закручивать его вокруг мачты! — проорал Вентворт.

Он побежал к трупу крысурасалки, туда, где лежал наполовину сбитый плащ, влажный и потрепанный, и поднял его на мачту. Учуяв нежный окровавленный мех крысурасалки, монстр схватил шкурку и потянул на себя, ослабив хватку, с которой он все еще сжимал мачту. Мачта не выдержала, надломилась, и рыбы позвонки, из которых она была сделана, произили чудовищу глотку. Хлынула зеленая кровь. Монстр пошел ко дну.

Шлепая лапами в обжигающей крови, Вентворт и Салли плясали победную джигу.

Вдруг сквозь плеск огромных щупалец, падающих в воду, пираты услышали отчаянные женские крики:

— На помощь! Помогите!

6. Спасение

Зеленые пузырьки пенились вокруг тонущих щупалец. Вентворт приказал Салливану встать к штурвалу.

— Пошевеливайся, крыса! — скомандовал он, застегивая свой жилет,

Они повернули и увидели суденышко, палуба которого медленно погружалась в воду.

Вентворт схватил струну-канат и бросил ее вниз.

«Какое любовное приключение ожидает нас?» — гадал Вентворт.

Что за красавица с соболиным хвостом и глазами красными, как вишни, молит о спасении? Что за полночная пушистая чаровница с усами мягкими, как пух одуванчика?

Он почувствовал, как натянулась струна-канат.

— Благодарю вас, дорогой сэр, — промолвила незнакомка, представив их взорам.

Перед ними и впрямь оказалась зеленоглазая, рыжая, восхитительная девица, но она была... кошкой!

7. Ужин за капитанским столом

Они собрались вокруг соснового столика, украшенного из детского кукольного домика. Масляные лампы, заправленные лучшим тюленьим жиром, освещали мягким оранжевым светом их трапезу из жареной рыбы и переработанной воды.

— Лучше не пейте, — посоветовал Вентворт своим сотрапезникам. — Это пойло малопригодно для употребления.

Кошка вытащила из-под кружевной подвязки фляжку.

— У меня припасено на всякий случай, — мило улыбнувшись, сказала она.

Конечно, она была кошкой, но вела себя как настоящая леди.

— Это джин. Не желаете ли по глоточку?

Вентворт что-то буркнул. Ему показалось или Салливан действительно отполировал костяное ожерелье

на своей шее, а его мех, по-прежнему находящийся во власти блох, стал более пушистым, побывав в морской ванне?

— Я Киса ля Шат, — представилась рыжая распутница и продолжила: — Моя история невероятно печальна. Еще две недели назад я собиралась замуж за одного молодого индюка с холмов и проводила все время со своим женихом. А сейчас мой возлюбленный погиб, и я осталась совсем одна.

Кошка смущенно улыбнулась, и свет от ламп блеснул на ее клыках.

— Как же мне повезло, что я повстречала двух таких отважных, сильных моряков!

Она положила переднюю лапу на стол, и Вентворт заметил пушистый белый носочек.

Теперь Вентворт казалось, что хвост Кисы закручен на редкость красиво, а ее глаза напоминают о зеленых травах и листьях и благоухающих весенних лугах.

— Очень повезло, к моей радости, — согласился он.

Салливан ревниво покосился на своего капитана.

— Я полагаю, — промурлыкала Киса голосом сладким как мед, — что я могла бы присоединиться к вашей команде. Я, конечно, всего лишь слабая женщина, но, может быть, я сумела бы справиться с обязанностями второго помощника?

— Вполне возможно, — ответил Вентворт.

— Замечательно! — воскликнула Киса.

— Не прогуляетесь ли со мной под луной? — ослабив галстук, предложил Вентворт.

— Капитан, я бы с удовольствием составила вам компанию, если бы могла. Но я уже приглашена. — Киса потупилась. — Ваш первый помощник предложил показать мне созвездия. Возможно, в другой раз?

Салливан подал лапу, чтобы кошка оперлась на нее. Киса мурлыкнула, ее шерсть прелестно переливалась

на спине. О, Вентворт видел знаки любви и раньше! Как быстро женщины влюбляются и как труднообъясним их выбор!

Вентворт опустошил свой кубок. Проклятие! Он не должен был позволять Салли убивать крысоружалку.

8. Лучшая битва

Киса заметила галеон.

— Это навигационный шедевр! — восхитился Вентворт.

У судна было пять мачт и изящные паруса, а по его налубе шныряла команда хорошо экипированных хомяков.

— К пушкам! — скомандовал капитан.

Салли не сдвинулся с места, его плечи поникли.

— К пушкам! — рявкнул Вентворт. — Ты крыса или мышь, в конце концов?

Киса принялась нерешительно вылизывать свою лапу.

— Капитан Вентворт, ваш первый помощник поведал мне о ваших приключениях. И я хочу заметить, что ваша военная стратегия достойна восхищения, но не мудра.

— Это Салли так сказал?

Под пристальным взглядом капитана Салли уполз прочь.

— Нововведения — вот путь моряков! — продолжила Киса. — Иначе мы все останемся у разбитого корыта, как я и мой бедный жених. — Она фыркнула, прищурив глаз.

Вентворт стащил с себя жилет.

— Какие у вас предложения?

— Обман! — сказала Киса. — Хорошие мореплаватели всегда готовы помочь другим путешественникам.

— А мы будем помогать тебе?

— Нашей мачты нет, нос корабля сломан. Я бы сказала, что мы выглядим очень жалко.

Вентворт нехотя согласился. Он и Салли спрятались под упавшим парусом и стали ждать, когда Киса подаст сигнал.

— Мы не должны позволить Кисе встать между нами, — прошептал Вентворт. — Мы пираты. Мы убиваем без сожалений. Мы не романтики, не так ли?

Салли дернула ухом в знак согласия:

— Хорошо.

Они услышали приближение галеона. Киса взывала о помощи:

— О господа! Увы и ах, мой корабль попал в бурю, и вся команда погибла, спасая меня. Помогите, помогите!

Хомяки, плывшие на галеоне, тихо попискивали, переговариваясь и обсуждая открывающиеся возможности: выгодно ли им спасать эту кошку? Получат ли они за это вознаграждение?

Доски корабля затрещали, когда галеон причалил.

— Давай! — скомандовала Киса.

Вентворт и Салли выскочили из своего укрытия с саблями наголо. Капитан торгового судна схватился за ограждение из притупленной фольги.

— Я спасу вас, миледи! — закричал он.

Киса проглотила его одним махом.

Кто-то из команды хомяков метнул нож в хвост Кисы. Стремительно, как сумасшедшая блоха, Салли отрубил этому парню усы, копчик хвоста и голову.

Вентворт быстро расправился с остальными дрожащими от ужаса бедолагами. Те, кто сдался, были высанжены на плот, к их вящей радости.

Вентворт рассматривал то, что осталось от его некогда крепкого судна. Он повернулся к галеону:

— Пришло время подняться на борт.

9. Наконец-то сокровища!

— Жемчуг! — воскликнула Киса. — Рубины!
— Сапфиры, золото, чай и олово. — Вентворт рылся в переполненных сундуках. — Мы богаты, богаты, богаты!

Он подбросил вверх горстку золотого песка, и тот стал падать, кружась и сверкая.

— Эй!

Киса оглянулась:

— Что случилось?

Салли вернулся, осмотрев трюмы корабля, и теперь размахивал чудесно сработанным, украшенным драгоценными камнями мечом. В другой лапе Салли держал вещь, которая привлекла к себе внимание Вентвортта, — бутыль с выдержаным вином.

— Недурно, — сказал капитан, забирая бутыль. — Совсем недурно.

Этой ночью они отмечали победу и пили вино. Салли и Киса свернулись калачиком на шелковом коврике. Когда бутылка опустела, остатки вина пролились на чудный шелк. Среди такого количества роскошных вещей никто уже не обратил на это внимания.

— Это так здорово! — произнесла Киса.

Жемчужное ожерелье в три ряда обернулось вокруг ее шеи. На ее когтях сверкали бриллианты.

Вентворт надел треугольную шляпу капитана хомяков и крошечный вельветовый жилст без пуговиц.

— Мы должны продать наши сокровища и найти тропический остров. Мы наймем слуг и станем распо-

ряжаться. Если кто-то ослушается нас, наши клинки выпустят им кровь!

— Звучит заманчиво. — Киса каталась по коврику лапами кверху. — Капитан Вентворт, вы пожените нас с Салливаном?

Вечернее веселье утекло, как вино. Вентворт прошагал на нос галеона и уставился на мутно-черное море.

— Что случилось с твоим последним женихом?

Киса рыгнула. Белое перо показалось у нее изо рта.

— Не обращай внимания, — попросила она и присединилась к Вентворту. — Вот, я хочу, чтобы у тебя было это. — Она достала из своего носочка металлический предмет. Он сверкал в лунном свете. — Это ложка. В последний ужин с моим женихом мы ели из нее. Она для меня бесцenna.

Вентворт с восхищением взглянул на ложку:

— Никто никогда не дарил мне подарков. Теперь тебе нечего бояться.

— Так ты поженишь нас? — мурлыкнула Киса.

Вентворт посмотрел на Салли. Тот стоял, сложив лапы на груди, его усы были чистыми и опрятными. Впервые в жизни он не чесался.

— Хорошо.

И Вентворт поженил их там, под зеленой луной. Капитан глядел на них, таких счастливых и восторженных, и на глаза ему навернулась скучая пиратская слеза.

10. Бушующий шторм

Вентворт проснулся с головной болью. Он схватил бутылку с вином и сделал большой глоток.

В небе розовый рассвет подсвечивал темные грозовые тучи. Вдоль горизонта тут и там вспыхивали молнии. Приближалась гроза.

— Шторм! — закричал Вентворт. Он кинулся к капитанской каюте, где Киса и Саллиган устроили себе номер для новобрачных, и ворвался внутрь. — Нет ни единой лишней минуты! Приближается шторм!

Тишина была ему ответом. Киса стояла над кроватью, разинув пасть, и ее острые, как кинжалы, клыки сверкали. Салли, совершенно беспомощный, хранил на пристынях.

— Стой, негодяйка! — Вентворт выхватил кинжал и бросился на кошку.

Она мяукнула и отскочила в сторону.

— Это плохая мысль... — начала было Киса.

Но Вентворт вопил:

— Кошка! Проклятое отродье! Одомашненное животное!

Салли проснулся. Он вскочил и, схватив меч, смотрел то на жену, то на друга, не понимая, кого же атаковать.

Вентворт ткнул пальцем в Кису:

— Эта тварь из семейства кошачьих собиралась слопать тебя на закуску!

— Не делай поспешных выводов, любимый, — попросила Киса, — Мы можем все обсудить.

Безумный взгляд Салли с немым укором обратился на Вентворт. Но тот был так ошеломлен, что не мог двинуться с места.

Острое меча Салли касалось его шкуры.

И тут, со вспышкой молнии, похожей на тысячу фейерверков, корабль накренился. Клинок Салли вонзился в пол. Вентворт упал. Киса, оскалившись, зашипела на него и рванула на палубу.

— За ней! — крикнул Вентворт.

11. Удар молнии

Он нашел лживую кошку стоящей около мачты, мокрое белое платье обленило ее тело.

— Я не собиралась причинять ему вред! — кричала она сквозь ветер — Просто у него такая чудесная шерсть, такой восхитительный хвост! От этого так быстро бьется сердце! О, это испытание для влюбленной кошки!

— Так вот что случилось с твоим бывшим женихом!

— Да, ты прав, я поддалась искушению, но все это в прошлом. Я помню свою брачную клятву!

Салли выполз из каюты вслед за Вентвортом. Его глаза были темны, как падающиеся волны. Он держался под оравой снующих блох.

— Моя судьба в твоих лапах! — крикнула сму Киса.

Еще одна молния обрушилась на корабль. Она расколола мачту от верхушки до самой палубы, до того места, где стояла кошка. Ее платье обратилось в пепел. Запахло наленой шерстью.

Салли кинулся к ней.

— Не помогай этой продажной девке! — рявкнул Вентворт. — Сейчас на это нет времени.

Гром гремел. Мачта скрипела. Едва Вентворт оттолкнул Салливана в сторону, как обломки мачты рухнули на палубу. Корабль взмыл на гребне волны и накренился. Шелка и драгоценности начали сползать в воду.

Вентворт старался когтями уцепиться за палубу. Он вытащил ложку из рукава и воткнул ее в углубление между досками. Капитан успел вовремя ухватиться за нее: его задние лапы болтались над самой водой.

Киса падала вслед за ним. Ее когти скользили в попытке удержаться на палубе. Салли в жутких конвульсиях цеплялся за ее спину. Блохи так и скакали по нему.

— Держись крепче, любимый! — вопила Киса.

Когти снова слушались, силы возвращалась, она взбиралась все выше и выше, но не могла вытащить их обоих.

Глаза Салли были чернее ночи, они были черны, как само безумие, черны, как сгнивший сыр на обратной стороне луны.

И он разжал лапы.

— Нет! — закричали разом Киса и Вентворт.

Салли погрузился в воду, и его толстый хвост еще раз мелькнул на поверхности, прежде чем исчезнуть в волнах.

12. Крыса за бортом

Шторм закончился, и небо прояснилось. Киса рыдала, стоя на коленях. Вентворт осматривал корабль, чтобы понять, каких сокровищ они лишились.

«Драгоценности утонули. И ковры, и золото, и чай, и вино. Но уцелело серебро. Возможно, этого хватит, чтобы купить новый корабль. Только он будет маленький».

— Это моя вина, — причитала Киса. — Если бы я не поддалась искушению, если бы ты не застал меня — втроем, возможно, мы могли бы противостоять буре!

Давным-давно, когда он был еще юнцом, насилино завербованным в матросы, Вентворт дал клятву помочь тем, кто потерял своих возлюбленных. Он не смог бы убить вдовца или вдову. Но, о боже, сейчас искушение было слишком велико.

— Нет, нам не суждено было спастись, — сказал он. — Ты бы съела его.

Киса проливала горькие слезы, сидя на палубе, и они, падая в море, смешивались с соленой водой.

— О мой злодей, о мой ненаглядный безумец с глазами черными, как безлунная ночь, и шерстью мягкой, как одеяло хозяина...

— Допить ли нам вино или оставить что-то для продажи? — спросил Вентворт.

— И ты должен был погибнуть, в час моего позора пожертвовав своей благородной жизнью ради меня! — Безутешная вдова не слушала его.

— Думаю, тебе стоит выпить, — продолжал Вентворт.

— О любовь моя! Я не смогу жить без тебя!

Цокая когтями по палубным доскам, Киса кинулась к самому краю корабля. Она застыла как статуя, хвост разевался на ветру. И вот прыжок, всплеск волн — и ее не стало.

Вентворт пристально смотрел ей вслед. Это приключение состояло из сплошных смертей. Мак Обрубок погиб. Салливана больше нет. Даже бедняжка Киса нашла свой конец в пучине. Вентворт выхватил ложку из кармана и швырнул за борт. Без этой проклятой венцизы он тоже погиб бы, и, возможно, так было бы лучше для него.

13. По течению

Ослабленные штормом, деревянные снасти корабля ломались то тут, то там. Капитанская каюта обвалилась в трюм, и все серебро унесло за борт. Палуба раскальвалась на части. Вентворт смастерили плот, скрепив между собой палубные доски. Тянулись часы. Крики чаек пробудили в Вентворте надежду на то, что рядом земля, однако это был всего лишь труп, плавающий в воде. Вентворт выудил его и пообедал.

Мокрый и жалкий, Вентворт лежал и ждал смерти. Он вспоминал все свои многочисленные прегрешения.

Крысенком он часто ссорился со своими родными братьями, кусал их за усы, чтобы отнять хлебные крошки. Он прятал яблоки от других крыс и был пропитан ложью, как гнилой сыр плесенью.

Он кусал руку, которая его кормила.

Но, несмотря на все это, он не считал себя дурной крысой. Да, иногда он бывал негодным, иногда беспощадным, а иногда и кровожадным. Но кто из нас без греха?

Когда Вентворт услышал шум приближающегося корабля, он решил, что попал на небеса. Но тут острая сталь ткнулась в его ребра и заставила подняться.

— Вы работорговцы? — спросил он.

— Молчать, крыса! — взвизгнул державший саблю хорек, его нос дергался.

Он взмахнул хвостом, и две толстые морские свинки затащили Вентворта на хрупкое судно.

На горизонте показались пальмы, черные на фоне заката. Вентворт был ошеломлен тем, что находился в двух шагах от свободы. Один из толстяков заметил, что пленник смотрит вперед.

— Это Сладкие Летние острова. Там выращивают сахарный тростник. Ты проведешь остаток своей жизни, работая на плантациях, — сообщил он.

Толстяк издал короткий грубый смешок, плюнул Вентворта по уху для острастки и повел его в трюм, где заковал бедную крысу в цепи и посадил в клетку до конца путешествия.

14. Пустынный остров

Но какой же из капитана Вентвортта Черное Сердце, Угнетателя Щенков и Несущего Ужас, был бы пират, если бы он не смог освободиться от ржавых цепей! Он

заколол стражу их собственным оружием и, грохоча, поднялся на палубу, чтобы подчинить себе этих трусов.

В порту Вентворт продал работогловцев за хорошие деньги и приобрел плантацию. А поскольку ни одна крыса не позарилась на перепуганных работогловцев, Вентворт выкупил их за бесценок и заставил работать с утра до ночи.

Однажды в полдень, когда летнее солнце мерцало на песке, Вентворт с удивлением заметил две знакомые фигуры, приближающиеся с моря. Киса — с ободранной перстнем и распоротым ухом — цеплялась за Салли, лишенного и шерсти, и блох. После трапезы, состоявшей из тропических фруктов, Киса рассказала, как они попали на этот солнечный берег.

Когда молодая вдова бросилась в море, она была безутешна и готова к смерти. Но попала в лапы к голодным каннибалам, которые выловили ее из воды и приволокли в свой лагерь. Неподалеку находился Салли, заключенный в клетку, потому что его сочли песьедобным. Когда каннибалы уже собирались сварить Кису в котле, Салли нашел в себе силы вырваться из заточения. Он быстро расправился со злодеями и сбежал вместе со своей суженой на корабле каннибалов, на котором они решили начать свой пиратский промысел. Молодожены проводили время в грусти и апатии, пока не услышали о зажиточной белой крысе с крутым правом, управляющей плантацией сахарного тростника.

Киса и Салли поспешно снялись с якоря, но на расстоянии двух дней пути до острова их корабль попал в водоворот. Они поплыли к берегу. Акулы и тропические морские твари хотели сожрать их, но горе-разбойники в конце концов смогли выбраться на берег.

Прошлые распри были мгновенно забыты. Вентворт обнял своих вновь обретенных друзей. И там, на

сахарных полях, даже хорек и толстяки-морские свинки, несмотря на долгие месяцы изнурительного труда на плантации, роняли слезы, глядя на них, пока Вентворт не велел им возвращаться к работе.

Пиратский эпилог

Вот как случилось, что крысы-пираты больше не угрожают миру и портовые города процветают, принимая богатый груз кофе и чая, сахара и соли, древесины и шелка, специй и драгоценных камней. Бессчетные потоки золота стекаются по морским путям в руки сильных мира сего. По бурлящим морям и рекам, по потайным протокам торговля достигла самых малоразвитых человеческих племен, живущих в самых отдаленных частях света.

Салли и Киса сидели обнявшись на белом песке и любовались закатом. Пригрозив штагой, Вентворт велел своим трусливым рабам — морским свинкам — немедленно принести кубок с манговым соком. Толстяки наперегонки ринулись исполнять приказание хозяина. Улыбка шевельнулась в седеющих усах Вентворта. Ах, это солице, этот песок и морской воздух! Ах, как хорошо отдыхать на морском берегу в компании друзей!

НАОМИ НОВИК

Араминта, или Крушение «Амфибре́йка»

Проводить леди Араминту на причале Чепстова-на-Море собралась вся семья. Церемония вышла помпезная, даже слином. Леди сопровождала не одна, а целых две горничных, мастерски фехтующий евнух и опытная дуэнья с клеймом Ока Гора на лбу, которое бодрствовало ночью, когда были закрыты два других глаза женщины.

Нужно сказать, что предосторожности не были излишни. Леди Араминта — обладательница нескольких более звучных имен, которые мы благоразумно опустим, — дважды была поймана за попыткой вылезти из окна, а однажды ее застали в отцовской библиотеке читающей книгу заклятий. Хорошо еще, что в последний раз ее застукал буфетчик — верный слуга пятнадцати лет, поэтому эту историю удалось замять. Но участь леди Араминты была решена.

Старшая жена отца девушки уведомила супруга, что отказывается платить за официальное представление леди Араминты ко двору, необходимое для ее дебюта.

— Кроме нее, у меня пять девушек на выданье, которых нужно вывести в свет, — сказала леди Д. — И я не желаю, чтобы их судьбы разрушились из-за ее выходок, которые не заставят себя ждать.

(Чтобы вы не заподозрили миледи в несправедливости, следует отметить, что Араминта приходилась ей родной дочерью, остальные же были приемными.)

— Засиделась она с нами, — строго продолжала леди Д., — потому и избалована сверх всякой меры.

Лорд Д. закручинился: он знал, что в том его вина. В юности он поклялся никогда не возносить молитвы иноземным богам, таким как Джуну; из упрямства он отказался отречься от клятвы, и вот, чтобы получить сына, ему пришлось взять трех жен и ждать целых четырнадцать лет. Но долгожданный отпрыск все равно разочаровал отца: родился слабеньким и болезненным, а по мере взросления всему предпочитал литературу, а вовсе не фехтование, стрельбу или же, на худой конец, колдовство, что, по крайней мере, вызывало уважение.

— Но ведь это нечестно, — извиняющимся тоном сказал маленький Эвери, который не двигался даже в возрасте семи лет, но в полной мере *унаследовал* упрямство как отличительную семейную черту. Негоже оскорблять иноземных богов, вне зависимости от того, скольких достойных старомодных британских фей ты пригласил на бракосочетание.

Тем временем Араминта, старшая дочь, с самого детства обладала склонностью не к утонченным искусствам, а к стрельбе и верховой езде, к тому же увлекалась азартными играми. Матушка считала эти пристрастия дочери неуместными и стремилась в корне пресечь их, а лорд Д., сам будучи выдающимся спортсменом, эгоистично повторствовал дочери, ибо желал охотиться в ее обществе, когда в угоду женам бывал дома, — а имея три жены, он проводил дома достаточно времени.

— Не так уж и много я хочу: пусть хотя бы один из моих отпрысков не позорит меня на спортивной

площадке, — любил говорить он, когда его упрекали в недостойном поведении дочери.

Итак, в то время как сверстницы делали первые шаги в обществе в облике утонченных молодых леди и начинали учиться медицине или банковскому делу, о леди Араминте можно было сказать лишь то, что она отличная спортсменка. Из чего вытекали прискорбные вышележащие последствия.

Конечно же, что-то надо было делать. Наспех сговорились о бракосочетании с представителем колониальной ветви столь же знатного рода. О леди Араминте судачили немало, потому найти ей достойную партию дома не представлялось возможным. Но так же нелегко найти достойную жену высокородному молодому человеку, который отправился за море искать лучшей участии, чем та, что уготована младшему сыну в семье.

В те дни путешествие по морю до колоний занимало около шести месяцев и было чревато нешуточными опасностями. Путешественникам грозили и пираты, и шторма; зачастую левиафаны утягивали корабли в глубину, ошибочно приняв их за китов; в подводной пучине Мелководного моря, где в штиль корабли могли ожидать ветра месяцами над заросшими руинами Затопленных Земель, странников подстерегали странные лихорадки и помутнение рассудка.

Естественно, леди Араминту снарядили в путь со всевозможными предосторожностями. На борту изящного современного судна «Рыба-солнце», названного так благодаря длинным, ярко раскрашенным железным шипам, торчавшим из располагавшегося под килем гребня, установленного в качестве защиты от левиафанов, было десять орудий. На двери каюты девушки установили три замка, снаружи у порога лежал евнух, а в широкой постели с обеих сторон от Араминты спали горничные, в ногах на отдельной койке примостилась

дуэлья. В качестве последнего оградительного средства девушке вручили тирезианский амулет баснословной цены.

Относительно последнего ей не дали никаких наставлений, кроме как хранить его в шкатулке и беречь словно зеницу ока. И надеть лишиь в самом худшем случае, который весьма туманно описала девушке леди Д., подозревавшая, что Араминте и без того уже многое известно.

По случаю отъезда слез не лили. Разве что леди Гизевра, следующая по старшинству сестра, сочла сестринским долгом всплакнуть при расставании, хотя в глубине души лелеяла надежду на целый год приблизить собственный дебют. Сама Араминта не пролила ни слезинки.

— Ну все, до свидания, — только и сказала она и взошла на борт.

Упаковывая сундук с приданым, Араминта, без ведома кого бы то ни было, тайно прихватила с собой меч, пару отличных дуэльных пистолетов, а заодно и самый неуместный предмет в сундуке с приданым — книгу заклятий. Уезжать из дома ей было, в общем-то, не жаль: она устала от постоянных нотаций, к тому же жених из колоний казался си вполне обнадеживающим, ибо разве может молодой человек, забравшийся на край света в поисках удачи, быть уж совсем чванливым ничтожеством?

После всех сборов и увеселений путешествие на корабле показалось Араминте однообразным и скучным: один день отличался от другого лишь направлением ветра, и так все шло до тех пор, пока они не достигли Затопленных Земель, где ветер стих окончательно. Первые несколько дней девушке нравилось смотреть за борт на бледное мерцание мрамора и ка-

менных кладок, порой видневшихся под водой, пока моряки не повергли ее в уныние.

— Не на что тут смотреть, мисс, — отеческим тоном заявил штурман, когда Араминта с надеждой вглядывалась в пучину морскую. Порой проплывала акула, или какой-то громадный морской гад забирался на разрушенные башни, цепляясь длинными веретенообразными красными конечностями, только и всего, — ни мерцания пропавшего клада, ни искр древней магии. — Здесь сокровищ не найти, разве что могущественный волхебник поднимет для вас его со дна морского.

Она вздохнула и, оставив любования подводным царством, встала на том, чтобы ее обучили управляться со снастями, что крайне раздражало моряков.

— Уж лучше бы на борту оказалась *нормальная* баба, — не раз тихонько бормотали матросы.

Араминта же была довольна, с наслаждением постигая все усложнявшиеся уроки. Через некоторое время она получила возможность оставаться в каюте в одиночестве и изучала магию, пока не достигла достаточного мастерства, чтобы спрятать книгу заклятий под видом томика «Богатство народов». Теперь она могла читать ее где угодно, и никто ничего не залодозрил бы. Амулет она приласкала напоследок и спокойно упражнялась с ним среди ночи, пока хранела дуэнья — миссис Пенулки. Сначала горничные испугались, но заставить их сохранить тайну оказалось несложно (придется признать, что они были молодыми и робкими созданиями, и знатная госпожа уже приучила их к повиновению).

Гладкое зеркало мелководья они пересекали целых два месяца, распустив все паруса в безнадежном чаянии ветра. Время от времени матросы садились в лодки и гребли, тянули корабль то в одно слабое подобие течения, то в другое. Вся команда как манну небесную

приветствовала первый разразившийся шторм, гулкий морской рев, омывший окна высокой кормовой каюты Араминты пеной. Обе горничные со слабыми стонами укрылись в туалетной комнате. Миссис Пенулки и слышать не хотела о том, что Араминте просто необходимо выйти на палубу и глотнуть свежего воздуха, даже когда шторм наконец утих, поэтому ночь девушка провела в душной каюте и пробудилась от бесионкойного сна с боем часов.

Лежа на спине, она прислушивалась к шлепающим по доскам палубы шагам и к скрипу веревок и парусов. Но вдруг наступила непонятная тишина, по-своему грозная и громогласная, как раскаты грома. Не было слышно ни бодрой ругани, ни обрывков утренней песни, ни громыхания посуды из камбуза.

Араминта растолкала горничных, которые помогли ей скорей одеться. Выйдя на палубу, она обнаружила, что все матросы, словно восковые фигуры, молча и неподвижно застыли у канатов. Все смотрели на капитана Реллове. Он стоял в носовой части, прижав к глазу подзорную трубу, нацеленную по левому борту. Темный клубок штормовых облаков уже ушел вдаль, половину горизонта застилала тонкая серая завеса. Плавная кривая океана непрерывно кренилась в обе стороны.

Капитан опустил подзорную трубу.

— Мистер Уиллис, всем ставить паруса, норд-норд-вест. Все по местам! — добавил он, хотя штурман уже сложил рупором руки и приготовился отдавать команды.

В лихорадочном возбуждении задвигались руки, мимо Араминты побежали матросы. Сыпались проклятия, орудия разворачивались, жалобно скрипели колеса.

— Миледи, вам следует пойти в каюту, — без обычной неуклюжей улыбки сказал капитан Реллове, про-

ходя мимо нес на квартирдек¹; он даже не приподнял шляпу.

— Ах, да в чем же дело? — взволнованно щебетала Лиэль, одна из горничных.

— Пираты, навернос, — отъстила Араминта, вытаскивая из-под кровати неимоверно тяжелый сундук с приданым. — Так, к чему причитания? *Помогите*.

Из-за дождевой завесы вскоре появился другой корабль, его было отчетливо видно из окна кормовой каюты Араминты. Незнакомое судно было значительно больше и тяжелее их корабля, с острым, агрессивно заданным носом, рассекавшим волны на узкие борозды. Никаких железных шипов на корпусе не наблюдалось; вместо этого корабль был выкрашен в мерзкий зеленый цвет с белыми отметинами, похожими на зубы.

Лиэль и Хелья стенали, вцепившись друг в дружку, а евнух Моллой сообщил Араминте:

— Они заберут вас только через мой труп.

— Едва ли для меня будет какая-то разница, коль меня заберут сразу после, — заявила практичная Араминта, не поднимая головы от сундука. — Сходи-ка к тем, наверху: нам всем нужно переодеться в бриджи и рубахи.

Дуэнья попыталась было протестовать, но Араминта не обратила на ее придушенные взоры никакого внимания, а появление пистолетов и меча было встречено полнейшей тишиной.

Драгоценности и безделушки, тщательно завернутые в ткань, дабы не искушать посторонних, были спрятаны среди шелковых и лыняных одеяний, и отыскать их было несложно. Сам амулет — крохотную, едва заметную серебряную драхму на тоненькой цепочке — и вовсе сложно было бы найти, если бы Араминта

¹ См. примеч. на с. 165.

предусмотрительно не спрятала его в дальний угол сундука. «Вовремя я занялась амулетом», — глядя, как пиратский корабль догоняет их, подумала девушка, радуясь тому, что скуча сподвигла ее на эксперименты.

С капитанского мостика капитан Реллове тоже наблюдал за нагонявшим их судном. В подзорную трубу он видел худые и голодные физиономии ухмылявшихся пиратов. Реллове был хорошим капитаном торгового судна, но на сей раз расстояние между кормой его корабля и пиратским носом все сокращалось. Поставленные паруса заполнял ровный ветер, но этот же ветер почему-то быстрее гнал пиратское судно.

На корме красовалось выведенное желтым «Амфибреяк», судно было быстроходным, может, немного неопрятным и грязноватым. Зато сам корпус пиратского корабля был ровным и гладким, что с горечью отметил капитан Реллове, в уме подсчитывая, сколько узлов он терял благодаря установленным на собственном корабле железным шипам. С левиафаном встречался один корабль из тысячи, и подчас попавшихся в объятия морского чудовища спасали бортовые орудия. Но владельцы кораблей все-таки предпочитали шипы, и теперь, после пересечения Мелководного моря, наверняка за его кораблем волочился целый шлейф из ламинариев, не говоря уж о прочих морских водорослях и усоногих раках.

(Само собой, штурм смыл все водоросли, но шипы припились как раз кстати в качестве козла отпущения, потому как иначе пришлось бы обвинить себя, ибо, возможно, было не слишком разумно идти вблизи обычных проторенных морских путей, пусть даже в самом конце сезона.)

В любом случае пираты нагоняют «Рыбу-солнце» до наступления сумерек, следовательно, шанса ускользнуть не представится, и каждому на борту это было

ясно. Реллове не желал слышать установившуюся на борту мертвую тишину, чувствовать буравящие спину взгляды. Он с удовольствием рявкнул бы, что нечего ждать от него чудес, но, естественно, ничего подобного он позволить себе не мог.

«Амфидрейк» стремительно настигал их. Пираты гаддели, а их главарь подначивал свое воинство. Вдоль лееров выстроились топоры и пистолеты, ожидавшие своего часа.

— Мистер Гилпин, — обратился капитан Реллове к старшему помощнику, кивком подзывая его к себе. Тихо спросил: — Будьте добры, поинтересуйтесь у дам, не согласятся ли они переодеться в мужское платье в целях самозащиты?

— Они уже сами попросили мужскую одежду, сэр, — странным, придушенным голосом отвечал старпом, многозначительно кося глазами, и Реллове, повернувшись, оказался лицом к лицу с молодым человеком с длинными черными волосами леди Араминты, заплетенными в косицу.

Реллове посмотрел на молодого человека, затем отвел взгляд, потом вновь уставился на ее голову — его голову — и снова поглядел вниз, потом ненароком взглянул чуть ниже — и опять в сторону — он просто не знал, куда смотреть. Дело было не в одежде: рубаха была расстегнута слишком глубоко, да и нижняя челюсть изменилась, и талия тоже.

Конечно же, о таких преображениях ходили слухи, но обычно при других обстоятельствах, или же о них говорилось в грубых шутках. Реллове (если он, конечно, вообще задумывался о подобном) едва ли мог представить себе более карикатурное преображение; сам он в изучении колдовского искусства зашел не слишком далеко. В действительности же оказалось, что грань между леди и лордом была мучительно тонка. Пре-

ображенная Араминта была при мече и двух пистолетах, голос ее звучал чуть выше тенора, она сказала:

— Мне бы хотелось быть полезной, сэр, если позволите.

Само собой, он собирался отказать ей и удалить с палубы, если необходимо — силой; конечно же, он так и сделал бы, если бы в этот самый момент «Амфибреяк» не дал предупредительный выстрел, который, к счастью, снес лишь часть ограждения квартердека.

Начался беспорядок, и капитан уже мог думать лишь о том, как остановить панику. Троих чуть зацепило щепками, но даже капли пролитой крови было достаточно для того, чтобы людей затопила волна ужаса. Чрезмерные возлияния пунша привели к тому, что сейчас команды не действовали: многих матросов приходилось силком тащить по местам или подталкивать острием меча, так что Реллове вряд ли заметил, присоединилась ли Араминта к сражавшимся.

Девушка была совершенно счастлива и даже не думала, что они могут проиграть. Их корабль стоил очень дорого, орудия, на ее взгляд, содержались в превосходном состоянии: медь и эбеновое дерево начищены до блеска, свежая краска. Конечно, на палубе ей грозила опасность, но в пылу битвы она не придавала этому особого значения, к тому же отсиживаться в укромном месте ей никогда не было по вкусу.

— Нельзя быть трусом перед лицом этих храбрецов, — строго выговаривала она одному моряку, тощему, похожему на крысу заморышу, пытающемуся ускользнуть вниз по трапу. Обратно к леерам она вернула его пинком под зад.

Было что-то захватывающее в том, как неустанно грохотали орудия, один заряд просвистел прямо над

головой и угодил в бизань-мачту. Во все стороны разлетелись осколки, отшметки кожи, брызнула пугающими горячими струями яркая артериальная кровь. Опешившая девица коснулась щеки и посмотрела на боцмана, мертвым распростертого у ее ног и глядящего на нее остекленевшим взглядом. По ее рубашке расползлась длинная полоса алой крови.

Но Араминта не стала впадать в истерику; за свою жизнь она немало охотилась, и суровые нотации отца искоренили всякую сентиментальность во время охоты, приучили спокойно воспринимать смерть. Конечно, эльфы были гораздо меньше, с нечеловеческими когтями и острыми зубами, но все же походили на людей, поэтому сейчас она не собиралась падать в обморок или терять самообладание, как случилось с молоденьким гардемарином. Совсем рядом его шумно рвало прямо на палубу.

Над головой трещала и стонала падающая бизань-мачта: с глухими хлопками оседали паруса, пергаментом онутывая грот-мачту. Араминта оказалась погребенной под дурноахнущей грудой парусины, рискуя быть задушенной. Изо всех сил пытаясь выбраться из-под нее, девуличка почувствовала, как неожиданно замедлился бег корабля. До нее доносились отдаленные крики, пистолетные выстрелы, и, перекрываая звуки сражения, послышался голос капитана Релловес:

— Огонь!

Но их орудия заговорили неуверенно, словно заикались. Не успели отзнучать раскаты выстрелов, как в ответ громыхнули второй залп вражеского огня, один за другим посыпались ядра, их корабль затрясся, словно старая погремушка. По заглушиющей шум парусине дождем хлестали осколки, и в конце концов Араминте путем неимоверных усилий удалось освободить вокруг

себя достаточно места, чтобы достать меч и прорезать путь на свободу.

Пираты прыгали через борт: в обломки лееров вцепились жала абордажных крючьев, из широких досок навели мостки. Палуба была залита кровью, завалена обломками корабельных снастей, оторванными человеческими конечностями и трупами.

— Предлагаю переговоры! — пронзительно, без особой надежды вскричал капитан Реллове.

С палубы другого корабля донесся раскатистый хот хот главаря пиратов.

— Уже поздно, капитан! — крикнул он в ответ. — Нет, вашим пристанищем станут Затопленные Земли, — весело и ясно звучал его голос, будто звон колокола разносился над водой.

На вид предводитель пиратов казался привлекательным молодым человеком шести футов ростом, одетым в дорогой, отделанный золотой тесьмой малиновый шерстяной камзол с кружевными манжетами. Судьба свела их с печально известным капитаном Уидлом, который как-то раз за один-единственный сезон захватил четырнадцать кораблей и взял в заложники старшего сына лорда Тана Кедера.

Неопытность Араминты отнюдь не предполагала излишний романтизм; развороченная ядрами палуба не оставляла сомнений: они потерпели поражение. Пошатываясь, к ней устремился Моллой и схватил за руку. На лбу евнуха зияла глубокая рана, и его меч был выпачкан кровью. Араминта стряхнула его руку и выстрелила в пирата, прыгнувшего на них.

— За мной, быстро! — приказала она и ринулась в каюту.

У окна, прижавшись друг к другу, дрожали насмерть перепуганные девицы, перед ними, бледная, с кинжалом в руках, стояла миссис Пенулки.

— Миледи, не выходите больше из каюты, — дрожащим голосом попросила дуэнья.

— Спрячьтесь в туалете — и ни звука! — если кто-нибудь войдет, — приказала Араминта, снова роясь в сундуке с приданым. Достала длинную нить отличного жемчуга — прощальный подарок матери — и повязала ее на талию, спрятав под пояс. Также вынула золотые часы, предназначенные в подарок по случаю помолвки, а потом захлопнула и заперла сундук. — Моллой, бери и неси сундук, — велела она, вновь выскочила наружу и указала евнуху на Уидла. Вздохнув глубоко, девушка прошептала: — Или будем вести переговоры, или я швырну его за борт. *Дейсит.*

С губ слетело заклинание. Араминта заметила, как Уидл насторожился и принялся подозрительно оглядываться по сторонам, словно слова жгутами завертелись у него в ушах. Она махала платочком до тех пор, пока взгляд капитана пиратов не остановился на ней, и тогда указала на сундук, который Моллой поставил на поручни судна.

Пиратские капитаны, как правило, люди весьма ушлые. Стоимость направлявшегося в колонии судна с товарами могла быть десять тысяч соверенов, из них обычно можно было реализовать не более четверти. Ценность сундука с приданым могла быть такой же или даже вдвое больше, к тому же украшения и шелка легче обменять на золото.

— Сразу предупреждаю, что на сундук наложено заклятие! — выкрикнула Араминта. — Если кто-нибудь, кроме меня, откроет крышку, все содержимое превратится в пыль.

Конечно же, это не соответствовало действительности. Подобные заклинания были чрезвычайно дороги и к тому же опасны, поскольку какая-нибудь горничная могла невольно уничтожить все содержимое.

К счастью, рискнуть и проверить достоверность ее заявления никто не собирался.

— Внутри находится заговор верности, предназначенный моей невесте, — добавила она, объясняя столь крутые меры предосторожности.

Уидл нахмурился, а потом помрачнел пуще прежнего, когда Араминта наотрез отказалась открывать сундук даже после того, как к ее горлу приставили кинжал.

— Нет, — твердо стояла она на своем. — Я поплыву с вами, можете доставить меня в Кипгспот. Только когда вы отпустите меня где-нибудь в доке, я открою вам сундук. К тому же, смею добавить, моя семья пришлет выкуп, если вы отпустите капитана Реллове, который обо всем расскажет, — добавила она, возвышая голос для того, чтобы остальным пиратам было лучше слышно. — Так что вам выгоднее поступить именно так, а не брать корабль.

Чтобы убедить пиратов, Араминта показала им золотые часы, и все они оживленно зашептались, воображая сундук, битком набитый подобными сокровищами. Уидлу не терпелось продолжить битву, надеясь сократить количество желающих участвовать в дележе добычи. Однако, к сожалению, теперь к стоимости содержимого сундука прибавился выкуп, о ценности которого его головорезы могли только догадываться.

— Ну так что, ребята? Прокатим молодого джентльмена? — крикнул он и швырнул им часы.

Пираты бросились их ловить, хором выражая согласие.

— Лорд Арамин, я протестую, — обиженно заявил капитан Реллове.

Стоило мечам скрыться в ножнах, как его разум тут же начал предвосхищать последующий ропот осуждения и скорое возмездие, которое обрушит на него

семья Араминты. Но едва ли он мог найти другой выход из создавшегося положения. Разве было бы лучше, если бы молодую леди изнасиловали и убили? И в конце концов, ему грозит лишь порицание, если он останется в живых, что само по себе является некоторым утешением. Итак, он стоял в стороне под бременем постыдного чувства облегчения, а тем временем Араминта с непростительным спокойствием перенесла на борт пиратского судна, а за неё осторожно тащили сундук.

«Амфидрейк» ушел на юг. А корабль «Рыба-солнце» похромал обратно в Нью-Джерико, где его встретили тревожными восклицаниями. Семья жениха леди Араминты (чье имя мы тоже опустим из осторожности) тут же отправила посланца в Кингспорт. Также туда помчались гонцы лорда Д.

Ждали месяц, затем второй, но «Амфидрейк» не показывался. Наконец прошел слух, что корабль видели в порту острова Редхук. Для всеобщего успокоения порешили, что пираты впали в искушение и попытались открыть сундук, после чего расправились с замаскированной леди Араминтой, обозлившись на то, что их облапошили.

Девушку уже не чаяли застать в живых, и имя ее не сходило с уст, впрочем недолго. Поступок ее казался, без сомнения, героическим, но ведь гораздо приличнее было бы умереть по-другому, желательно — заколовшись собственным кинжалом. Кроме того, вскорости после прибытия в порт обнаружили двух девиц, что тоже сослужило нелучшую службу доброму имени Араминты.

Жених приспособил положенные жертвоприношения и, по истечении времени траура, женился на молодой особе рождения не стол, высокого, но зато весьма сметливой в бухгалтерии. Лорд Д. вознес молитвы у реки Вэй;

его жены зажгли свечи в Квенсингтонской башне и занесли дату смерти Араминты в фамильные книги. Девиц отослали куда подальше, и краткую жизнь молодой леди предали забвению.

Однако же дело было совершенно не так. «Амфибреик» не заходил ни в Кингспорт, ни в порт острова Редхук по одной простой причине: тремя неделями прежде он сел на мель и ушел на дно морское.

Когда корабль «Рыба-солице», ободранный как липка, плыл назад лишь с небольшим запасом воды и про-вианта, капитан Уидл проводил леди Араминту вместе с сундуком в свою каюту. Эту любезность девушка приняла как само собой разумеющуюся, но капитан, как вскоре выяснилось, вовсе не спешил предоставить свою каюту в ее распоряжение, а вместо этого уселился за элегантным обеденным столом, явно намереваясь остаться. Она уперлась в него взглядом, но вовремя вспомнила о своем маскараде и признала, что чуть было все не испортила.

Понимание пришло с некоторым опозданием, но дело в том, что Араминта обычно рассматривала рамки этикета примерно как правила охоты: вот эти нормы все и всегда нарушают; стоит пренебречь этими — и тебя непременно наградят осуждающим взглядом; ну а если не посчитаешься с этим правилом, и тебя раз и навсегда вычеркнут из списков, — прощай охота. Например, се застукали за изучением книги заклятий: категория номер два. Чересчур переборщила с весельем в компании с подругой: категория номер один. Но ночь, проведенная в одной каюте с неженатым джентльменом, совершенно очевидно попадала в третью.

— Вы женаты? — полюбопытствовала она, впрочем без особой надежды.

В любом случае гипотетическая миссис Уидл, находящаяся где-то за тысячу морских миль, вряд ли смогла бы чем-нибудь ей помочь в глазах леди Д. — вне зависимости от волшебного амулета она однозначно сочла бы репутацию дочери погубленной безвозвратно.

Физиономия Уидла сделалась унылой, и он ответил:
— Нет.

Он был незаконнорожденным отпрыском офицера военно-морского флота и весьма практичной портовой женщины из Вест-Индии, которая не преминула взять торжественное обещание, перед тем как уступить отцу будущего ребенка. Таким образом, мальчик в юном возрасте получил место на борту отцовского корабля. Ребенком он был одаренным и вполне мог бы дослужиться до известных чинов, но отец слишком часто принялся выводить его в свет, и чувствительный юноша по уши влюбился в юную леди происхождения более знатного, нежели его собственное.

Ему хватило духу сделать девице предложение, но родители молодой особы, узнав о наглых притязаниях высокочки, отказали ему от дома. В свою очередь, девица, когда он предложил ей тайный побег, расхохоталась, усугубив душевную рану яркой картиной их оскорбительного (без ее приданого) предполагаемого существования и доходов в ближайшие пять лет.

В приступе негодования Уидл заявил, что за пять лет станет богаче ее отца. Уже позднее он осознал, что поставил себя в скверное положение: никому неведомо, не услышало ли случайно его обещание какое-нибудь божество. В ту пору ему было восемнадцать; от собственного корабля и шанса получить солидное денежное вознаграждение, если таковое случится, его отделяло как минимум несколько лет. А отец девушки был богат неимоверно.

На пиратском корабле толковому парню проще продвинуться, к тому же не нужно было отдавать львиное долю добычи морскому ведомству и никто из начальства не мог против воли поставить моряка в конвой. Итак, он дезертировал, сменил имя и уже через шесть месяцев был третьим помощником на «Амфибрея» под началом жестокого и порочного капитана Этта, когда этот джентльмен преждевременно почил от теплового удара и чрезмерных возлияний дорогого бренди.

Среди офицеров завязалась драка, и Уидлу пришлось убить и первого, и второго помощников, когда те попытались захватить власть на основании старшинства. Особенно он сожалел о втором помощнике, который был и отличным штурманом, и собутыльником.

Терять Уидлу было нечего, вел он жизнь бесшабашную и вот спустя шесть лет все еще был жив, неимоверно богат и не слишком горевал о повороте жизненного пути, хотя по-прежнему строил из себя несчастного.

— Я не женат, — повторил он и вздохнул глубоко-глубоко.

Вообще-то, он не возражал бы, если бы его попросили рассказать всю историю от начала и до конца, но Араминте было не до него: своих неприятностей хватало. Ей вовсе не пристало быть обесчещенной из любви к искусству, так что в критической ситуации она думала не об этом. Но ее пугало быть пойманной с поличным, а потом запертой при храме до сколчания отпущенных ей дней, где ей будет позволено лишь приготавливать аспирин и чинить вещи вдовцов, — а этого стерпеть невозможно. Посему она, в свою очередь, тоже вздохнула и уселась на крышку сундука.

Уидл, неправильно истолковав этот самый вздох, налил ей вина.

— Будьте уверены, сэр, нет нужды меня бояться, — решил выказать расположение предводитель пиратов. — Под моим покровительством вам нечего бояться, вскоре вы воссоединитесь со своими друзьями.

— О, вы правы, — без энтузиазма согласилась Араминта. Она уже раскаивалась в том, что обмолвилась о выкупе. — Благодарю. — Она вежливо приняла предложенный бокал.

Кстати сказать, вино оказалось отменным и обед тоже: Уидл был рад подвернувшейся возможности похвастаться умением закатить прием на широкую ногу, а Араминта вдруг обнаружила, что проголодалась как волк. Она съела преизрядное количество мяса, залившего и сладких пирожков (ничего из перечисленного ей есть, конечно же, прежде не позволялось), также девушка обнаружила, что может выпить вместо двух бокалов вина (больше ей пить также не полагалось) целых три.

К тому времени, как слуги уносили со стола остатки пудинга, мир перед ее глазами засиял столь радужными красками, что беспокойство как рукой сняло. Она придумала несколько способов ускользнуть, если пираты действительно вознамерятся передать ее с рук на руки семье. Спокойствия добавлял стоявший баснословных денег жемчуг, припрятанный от посторонних глаз на талии, под поясом. Изначально она планировала употребить жемчужины на оплату морского пересезда домой, если бы ее не похитили, конечно; теперь они положат начало ее независимости. Кроме того, коль скоро она обесчещена, больше бояться нечего: можно отделаться от громоздкой системы ограничений, которая, как чувствовала девушка, стоила практически всех прочих наказаний.

Да и Уидл оказался не так уж плох. Ее батюшка, лорд Д., всегда считал наиважнейшими качествами для

мужчины хлебосольство, умсние держаться в седле и управляться за карточным столом. Араминта задумчиво разглядывала ногу Уидла, затянутую в шелковые бриджи и белые чулки. Однозначно, тут ни убавить ни прибавить! Длинные черные, как вороново крыло, кудри смотрелись чересчур экстравагантно, по высокий рост и ширина плеч вполне извилили вульгарность волос и малинового камзола. Хороши были глаза и зубы. Во внешности капитана не было ничего, что могло бы не нравиться.

Находясь в таком благодушном настроении, Араминта провозгласила тост за хозяина и потешала его тщеславие такими вполне искренними словами:

— Лучше обедать мне не доводилось! Может, сыграем в «нули и шестерки»?

Капитан был удивлен, что его несчастный молодой узник так развеселился: обычно, чтобы успокоить чувствительные нервы юного вельможи, требовалось как существенные вливания спиртного, так и терпение, а также демонстрация невозмутимой роскошной любезности. Молодых аристократов следовало поражать щедростью хозяина и уверенной властностью. Уидл был не прочь поздравить себя со столь безоговорочным и досрочным успехом и тут же принялся подсчитывать, как скоро сможет он осуществить замыслы относительно добродетелей лорда Арамина. Обычно на это у него уходила неделя. На сей раз, рассудил он, хватит трех дней.

Тем временем Араминта, которая несколько последних месяцев провела в каюте, располагавшейся лад каютой моряков, и, соответственно, уже знакомая с морскими утехами, добавила:

— Выигравший отправляется спать первым, так? — И кивнула в сторону кровати.

Озадаченный Уидл моргнул, с сомнением дал молчаливое согласие и взял карты с чувством, что в мире,

вопреки ожиданиям, отчего-то все пошло наперекосяк. Последствия не заставили себя ждать: в «нули и шестерки» Араминта играла превосходно.

На «Амфидрейке» девушки очень понравилось. Большинство пиратов некогда служили в военно-морском или торговом флоте и не очень-то отличались от матросов судна «Рыба-солнце». К тому же они не догадывались, что перед ними женщина, а потому никто не остался безучастным к ее желанию научиться вязать морские узлы, ставить паруса и находить дорогу по звездам. Напротив, они объявили ее славным малым и храбрецом, и, когда Араминта проходила мимо, матросы начинали приглашивать вихры, чтобы показать: они не держат на нее зла за благородное происхождение.

По большому счету Уидл оказался отличным товарищем. Разве что изредка им овладевали приступы крайней чувствительности, как называла их Араминта. Конечно, только бесчувственный мог посвистывать, когда пороли человека. Но, с другой стороны, котенок, найденный дохлым в углу каюты, — вовсе не повод для скорби. Нужно просто выбросить его в окно и позвать юнгу подтереть пол.

Еда ей очень нравилась. Араминта становилась все более мускулистой, да и рост пошла — что в ее возрасте было весьма удивительно. Порой она задавалась вопросом, что же случится, если придется снять амулет. Когда она начала отращивать бороду, этот вопрос приобрел еще большую насущность. Но поскольку Араминта не собиралась снимать амулет, она выбросила это из головы и выучилась бриться.

Но будущее тревожило ее совсем по другой причине. Если бы они поплыли прямо в Кингспорт, то могли бы носить туда раны и выкупа и ей удалось бы ускользнуть, пока пираты проливают на грабленное добро. Но

Уидл хотел побить собственный рекорд в четырнадцать захваченных кораблей, поэтому вознамерился ходить по морю как можно дольше.

— Я уверен, — попыталась исправить положение дел Араминта, — что выкуп уже на месте. Если мы прямо сейчас не отправимся в Кингспорт, нас не станут ждать вечно; наверняка решат, что я мертв и оттого «Амфибреяк» не явился в указанное место.

Девушка вовсе не считала это возможным: еженощно она воображала себе целую ораву поджидавших ее в доках дуэйн с нацеленным на нее Оком Гора. И с цепями.

— Я должен рискнуть, — отвечал Уидл, — и отсрочить расставание с вами.

Глаза его при этом глядели с опасной нежностью. Час от часу не легче! Араминта решительно не желала провести остаток своей жизни любовницей предводителя пиратов вне зависимости от того, насколько восхитительно мускулисты были его бедра. Хотя и приходила в уныние, представляя едва ли более заманчивую возможность провести остаток своих дней в обществе святых сестер Граала.

На следующее утро она проснулась от вопля «Левиафан!» даже с несколько неуместным облегчением. Едва не наступая на пятки Уидлу, вскочила на палубу. Теперь-то ему точно придется повернуть и отправиться в порт, подумала она, не понимая того, что они в самом деле попались, пока не растянулась на палубе, споткнувшись о полупрозрачное щупальце морского чудовища.

Она вскочила на ноги и поспешила выглянуть за борт. Гигантское пульсирующее куполообразное тело левиафана находилось точно под кораблем и окутывало его со всех сторон, пылая по краям фосфоресцирующим синим цветом и тихо содрогаясь, словно желе.

В прозрачном теле плавали несколько полувареных костей и остатки реберного остова кита. Вокруг корабля на уровне ватерлинии уже виднелась тусклая белесая пепа: дерево разъедала кислота левиафана.

Матросы стреляли в прозрачное туловище, рубили жесткие эластичные щупальца, но все напрасно. Левиафан преспокойно забрасывал все новые конечности и кончиком щупальца ударили одного пирата, который выгнулся спину, выронил из рук топор и разверз рот в безмолвном, леденящем душу крике. Быстро как молния щупальце обвилось вокруг жертвы раз шесть, подняло над палубой, перенесло через борт и опустило вниз, в громаду левиафана тела. Сквозь прозрачную зеленоватую тьму вверх смотрели глаза несчастного — живые, полные ужаса. Араминта видела, как они потихоньку меркли, когда его засасывало в желеобразную массу.

Она схватила меч и принялась рубить протянувшиеся по палубе щупальца, невольно шарахаясь от хлеставших по палубе все новых и новых тонких конечностей, грациозных, извивающихся. К счастью, щупальца только цеплялись за выступающие предметы и ограничивались этим, если, конечно, никто не касался блестящих розовых кончиков.

— Бросьте это, глупцы! — крикнул Уидл. — Ставьте паруса! Все за работу!

Он стоял у штурвала. Араминта, желая помочь, кинулась к парусам, и вскоре корабль уже плыл со скоростью девять узлов в направлении ветра, который гнал их обратно к Затопленным Землям. Для «Амфи-дрейка» такая скорость была жалкой, но прицепившийся снизу левиафан воистину был хуже целого полчища усоногих раков. Казалось, движение судна не особо беспокоило морского гада, он выбрасывал все новые щупальца. Из-за бортов доносился едкий, ядо-

витый запах с привкусом дыма. Почти все моряки попрятались внизу, спасаясь от щупальцев. В одной руке Уидл сжимал штурвал, в другой — весло, которым отбивался от наползавших конечностей морской твари.

Араминта схватила подзорную трубу капитана и полезла на марсовую площадку, чтобы осмотреться: она отлично видела, где вода меняла цвет и начиналась прекрасная сине-зеленая гладь; участки морского пути казались широкими лентами более темного синего цвета, бегущими по Мелководному морю. Ветер дул умеренный, и куда бы она ни бросала взгляд, видела слегка пенистые гребни волн. Но вот вдалеке она заметила что-то белое: то ли риф, то ли отмель неглубоко под водой, — действующая как волнорез. За ней виднелась зеленая полоска. Может быть, остров.

Одно из щупальцев обвилось вокруг мачты, после того как девушка залезла наверх. Ядовитые отростки шевелились в надежде что-нибудь схватить. Вниз не слезть. Араминта попыталась подсказать Уидлу путь с помощью заклинания-шепота: зайд-зайд-вест. А потом мрачно вцепилась в марсовую площадку, поскольку капитан вел корабль прямо на мелководье.

От лсвиафана осталось лишь мерзкое, зловонное, студенистое месиво, мягко покачивающееся на бегущих по мелководью волнах, цепляющееся за скалы вместе с обломками «Амфибреяка». От корабля осталось не так уж много: квартердек, крыша каюты, да еще, к сожалению, сохранилась верхняя двенадцатифутовая часть грот-мачты с флагом, на котором красовался черный череп, весело реющий над ядовитой желеобразной жижей.

Обломок мачты с флагом уже пережил три ливневых шторма. Уцелевшие пираты мрачно взирали с берега на стяг и выдумывали все более и более отчаян-

ные и невероятные способы, чтобы его сорвать, сжечь или же, на худой конец, объяснить наличие такого флага военно-морскому патрулю, который достаточно часто проходил в этих водах, охраняя морские пути. Если этого не сделать, то возможность спастись может просто превратиться из желанной в нежелательную.

— Тогда они на скорую руку соорудят виселицу и перевешают нас одного за другим, — болезненно скривившись, изрек боцман мистер Рибб.

— Даже если и так, — вышла из себя Араминта, теряя терпение от их разговоров, — все же это получше, чем оказаться в чреве левиафана. К тому же можно сделать что-нибудь полезное, а не сидеть на бережку и стечь.

Последняя реплика предназначалась Уидлу, который, горестно повесив голову, устроился под пальмой. Вообще-то, он не имел ни малейшего желания затонуть вместе с кораблем, хотя в глубине души чувствовал, что именно это ему надлежало сделать. Тяжко было признать, что ценой неромантичного избавления от гибели он купил себе несколько недель жизни и бесславную смерть.

Араминте виселица не грозила, но она была не многим счастливее моряков, зная наверняка, что военно-морской флот доставит ее прямехонько в лоно семьи, а от такой охраны сбежать не удастся. Тем не менее девушка не собиралась питаться одними кокосовыми орехами, кидаться камнями в обезьян и день-деньской сетовать на свою горькую судьбу.

Островом стала древняя-предревняя горная вершина, густо поросшая растительностью; отвесные скалы вздымались прямо из океана. Там, где мелководье гасило силу волн, образовалась небольшая естественная гавань с узкой полосой белого песка, на котором расположились потерпевшие крушение. Перебравшись че-

рез крутые скалы, Араминта могла вдоволь любоваться прозрачной, словно стекло, водой, бегущими вдаль горными склонами, а кое-где ей даже удалось разглядеть побелевшие остатки упавших деревьев.

Во время охоты в джунглях они наткнулись на ста-ринную дорогу: ровные блоки шероховатого камня кремового цвета вели вглубь острова; но ни один моряк не пожелал пойти по ним.

— Эта работа Затонувших, — дрожащими от непод-дельного страха голосами заявили они, суеверно осе-няя себя всевозможными оградительными знаками.

Они и ее одну не пустили отправиться по дороге.

Прошло три дня, закончился ливневый шторм, а чер-ный флаг все так же спокойно реял над морем, и угроза болтаться на виселице все возрастала. Когда Араминта снова попыталась убедить их пойти на разведку по древ-нему пути, несколько человек согласились.

Дорога тянулась вверх по горному склону, мимо высеченных в скале небольших ниш, где сохранились покрытые мхом обломки изваяний. Древний путь вел круто вверх, и порой приходилось ползти даже на чет-вереньках, с трудом отыскивая точки опоры. Араминте не хотелось думать о том, как труден был путь три тысячи лет назад, до Потона, когда трона начиналась у подножия горы, а не у ее вершины. При виде каждой новой пещеры мужчины содрогались, но все же про-должали идти вверх. Ничего не происходило, разве только пыль забила им ноздри, заставляя все время чихать, да еще Джема Горея ужалила оса.

Тропа заканчивалась у святилища, расположенного на самой вершине. У входа покоились два массивных изваяния женщин-львов. Прошло столько лет, а их вы-сокая грудь и волосы отлично сохранились. Кровля святилища находилась на высоте двадцати футов, ее поддерживали искусно сработанные колонны не толще

запястья Араминты, каждая из которых представляла собой удлиненную грациозную женскую фигуру. С балок все еще свисали легкие драпировки ткани — колышущиеся ветром широкие полосы чисто-белой материи. В центре возвышался алтарь из белого камня, на котором лежал большой диск сияющего серебра.

— Богиня ветра, — мрачно констатировал мистер Рибб. — Несомненно, богиня ветра; нечего нам тут делать. Даже не думай, Порлок, — добавил он, осаживая моряка жестким взглядом. — Не суйся туда, если тебе жизнь дорога.

— Я только гляну, — сказал Порлок, уставясь на серебряный диск, и поставил ногу на первую ступень.

Зашевелились женщины-львы, распахнули черные как смоль очи и обернулись к незваному гостю. Он было отскочил, вернее, попытался: нога не могла оторваться от ступени.

— На помощь, друзья! — отчаянию вскричал моряк. — Дайте руку...

Но никто не пришел к нему на помощь. Со скрежетом, похожим на треск жерновов, женщины-львы встали на толстые лапы и неспешно двинулись к нему. Взяв несчастного за руки и дернув в разные стороны, они без усилий разорвали его на две части, каждую из которых вновь разодрали надвое.

Матросы бросились прочь, сломя голову помчались вниз по горному склону. Женщины-львы повернули головы и проводили их взглядом. Одна Араминта не стала спасаться бегством, но подождала, пока удерут остальные. Ожившие статуи вновь улеглись на своих местах, но глаза не закрывали, зорко следя за ней.

Некоторое время Араминта размышляла. За свою жизнь она прочла немало и вполне осознавала опасность. Ей вовсе не улыбалось стать вечной узницей святыни и навсегда остаться на горной вершине; возмож-

но, наказание ждало не только безрассудных мужчин, дерзнувших войти в храм. Но в пользу попытки говорил тот факт, что святыня не требовала особой охраны: какая бы магия ни воздвигла и ни поддерживала святилище, ей было достаточно страшных статуй. А камни, которыми была выложена дорога к храму, стали гладкими не только под действием непогоды: некогда ихшлифовали ноги многочисленных паломников.

— Ну ладно, — вслух громко проговорила она и сняла с шеи амулет.

Она даже слегка удивилась, оказавшись в своем прежнем теле, которое было намного меньше; ее формы обрели прежнюю женственность. Она оглядела руки и ноги: они стали прежней длины, но сохранили стальные мускулы. Под рубахой разбухли груди. Бедра и талия словно сговорились поменяться дюймом-другим. Араминта коснулась лица, которое тоже немного изменилось: борода, как радостно отметила девушка, исчезла.

Стражи с подозрением взирали на нее, пока Араминта взбиралась по ступеням. Когда она вошла внутрь святилища, они встали и прошли за ней до алтаря, время от времени наклоняясь вперед и подозрительно принюхиваясь. Девушка сняла с талии нить жемчуга. Со звонким стуком драгоценность опустилась на диск жертвенник — целый сонм белых переливов и серебра.

Удовлетворенные, женщины-львы ушли на прежнее место у входа. От внезапного порыва ветра драпули и взметнулись драпировки, и богиня заговорила: дар прекрасен, прошло столько времени с тех пор, как ей возносили молитвы в последний раз; чего же хочет Араминта?

Происходящее не было похоже на праздник зимнего солнцестояния, когда медиум входил в транс и предсказывал судьбу. Не было оно похоже и на богослужение во время праздника урожая. Богиня Затонувших

изъяснялась беззвучно, речи, как таковой, не было, только ветер гудел в колышущих занавесях. Но Араминта прекрасно слышала слова богини и поняла: заранее заготовленные ответы не годятся. Богиня не просто предлагала какой-то пустяк наподобие делающего невидимым заклятия, или отмыкающего цепи ключа, или даже возможности выбраться с этого острова. Богиня задавала вопрос, на который следовало дать точный ответ.

Проще было назвать то, чего Араминта не хотела: ей не улыбалось вернуться домой, оказаться запертой в женском монастыре или выйти замуж где-нибудь в колониях. Также она не хотела становиться ни пленницей, ни прекрасной дамой, ни любовницей капитана, ни вечно прикрываться чужой личиной. Хотя, добавила Араминта, на протяжении некоторого времени это было весьма занимательно. Вот то, что она действительно желает: самой стать капитаном, капитаном собственной судьбы. И быть свободной. Так ответила она богине.

— Достойное желание, — одобрила богиня, — взамен достойного дара. Возьми жемчужину, спустись к морю и брось ее в воду.

Араминта взяла с диска жемчужину: она легко отделилась от нити. По узкой дороге спустилась к берегу, проплыла мимо моряков, в страхе не сводящих с нее глаз, и бросила жемчужину в чистые, прозрачно-голубые воды тихой гавани.

Какое-то время ничего не происходило, потом на поверхности воды внезапно появилась пена, белая, словно молоко. Дрожь сотрясла землю, расступилась вода, из пучины морской появился разбитый стихией «Амфидрейк», весь покрытый морскими водорослями. Мгновение из наполовину разъеденного корпуса торчали шпангоуты и киль, потом пена покрыла борта

шхуны, оставляя за собой ровное мерцание жемчуга. Гладкие белые доски пришли на смену прежней палубе. Одна за другой взметнулись в небо высокие стройные мачты в форме женского тела. Наполнились мягко дующим ветром большие белые паруса.

Пена скользнула в воду и застыла узеньким пирсом из жемчужин, протянувшимся от корабля к ногам девушки. Араминта обернулась и взглянула в лицо ошломленному Уидлу.

— Это мой корабль, — объявила она. — Я с радостью приглашаю вас вместе с вашими людьми на борт, если вы готовы поступить ко мне на службу, а не дожидаться военно-морского патруля.

Откинув назад волосы, она связала их нитью от рубашки и взошла на пирс. Она почти дошла до корабля, когда Уидл, ступив на жемчужный пирс, окрикнул ее:

— Арамин!

Она обернулась и улыбнулась ему, ослепительно улыбнулась.

— Араминта, — поправила она Уидла и взошла на борт.

ДЖАЙМ ЛИНН БЛАШКЕ

Пасть кита

«**А**виспа Ферос»¹ пронзила тонкую пелену облаков, словно смертоносный серебристый снаряд, нацеленный прямо на группу китобойных судов. Ее длинные мачты были сложены и плотно прижаты к бокам. На носу, поверх красных полос, была изображена черная оса, летящая верхом на зазубренной молнии. «Ависпа Ферос» стремительно снижалась, жужжа четырьмя мощными винтами, располагавшимися на корме гондолы, как раз позади рулевой рубки. Длина ее от носа до кормы составляла четыреста сорок пять футов, и она почти в четыре раза превосходила по размеру самый крупный дирижабль-китобой.

— Так, я вижу пять китобоев, капитан. Все это — охотники, они намертво прикреплены к травянистому киту. По-моему, зверюга немаленькая. — Магда Пинсон, первый помощник капитана, левой рукой с кажущейся небрежностью держала руль высоты, а правой поднесла к лицу подзорную трубу. На ее правом плече залышенными буквами была вытатуирована сидонийская молитва по усопшим. Плечи у нее были почти такими же квадратными, как и подбородок, курчавые

¹ Avispa feroz (исп.) — свирепая оса.

рыжие волосы были коротко подстрижены. Она опустила подзорную трубу и нахмурилась. — Я не вижу воздушной баржи.

— Значит, нам повезло, Магда. Шестью-семью противниками меньше. — Капитан Бальдомеро Вальдес сидел на краешке своего кресла в рубке «Ависпы Ферос», нервно потирая друг о друга большой и указательный пальцы. Глаза его, черные, как и борода, сверкнув, остановились по очереди на присутствовавших в рубке: сначала на Магде, затем на взволнованном молодом парне, стоявшем у руля, Кристобале Таваресе, и одноруком боцмане с кустистыми бровями, Уриэле Зарзаморе. — Сеньор Таварес, передайте первой абордажной группе приказ пока оставаться в резерве. Просто на всякий случай — вдруг один из дирижаблей попытается сбежать. — В голосе его прозвенел металл.

— Будет сделано, капитан, — ответил рулевой, затем повторил слова командира в переговорные трубы.

— Что думаешь, Магда? — спросил капитан Вальдес.

— Я не вижу там ни одного человека, капитан, — пожала плечами Магда. — Никто не работает на туше, на кораблях тоже никого.

— Ну а сколько, по-твоему, там может быть людей?

— Всего человек двадцать, если предположить, что на каждом судне у них по четыре матроса — обычно так принято у этих сукиных детей. Но провалиться мне на этом месте, если у них больше шести ружей, — ответила она. — Вряд ли такая убогая команда решит драться, если только они не совсем свихнутые. Меня больше беспокоит, как бы они не разбежались во все стороны, словно тараканы.

— Добавь к этому еще человек шесть, — буркнул Зарзамора со своего поста у контрольных рычагов га-

зовых ячеек. Выглянув в иллюминатор по правому борту, он посмотрел на огромный золотисто-оранжевый полумесяц Сиболы, их родной планеты, протянувшийся почти через полнеба. — Клянусь Сиболой, это хитрые сволочи. С них вполне станется отпустить баржу, но удвоить экипаж на китобоях.

— Шестью большие, шестью меньшие, какая разница — еще до заката они все станут обедом для акул, — ухмыльнулся капитан Вальдес, сверкнув золотыми передними зубами. — Сеньор Зарзамора, сигнальте обычный абордаж — и, клянусь Сиболой, если нашим ребятам дорога жизнь, пусть не убивают всех охотников на китов до единого. Как эти крысы будут нас бояться, если мы никогда не оставляем живых свидетелей?!

— Будет сделано, капитан, — ответил Зарзамора и протрубил в переговорные трубки сигнал.

— А теперь старая «Ависпа Ферос» даст им хорошего пинка, что скажешь, Магда? Проклятые китобои даже не успеют понять, что на них свалилось.

— Точно, не успеют, капитан. — Магда крутанула штурвал, и «Ависпа Ферос» резко пошла вниз.

— Уравновешивайте, сеньор Таварес. Мы же хотим разбить эскадру, а не в воду нырнуть.

Таварес повернул свой руль влево, а Магда — вправо, и «Ависпа Ферос» выровнялась примерно в сорока футах над волнами. Китобойная флотилия заметно приблизилась.

— Вон там, — указал капитан Вальдес. — Флагманский корабль, второй по правому борту, со знаменем коммодора. Видите его, сеньор Зарзамора?

— Ага. Туда отправляется команда Хавьера. — Зарзамора полез вверх по лестнице, в недра «Ависпы Ферос». — Пойду прослежу, чтобы они не попортили ничего ценного.

— Мне нужен судовой журнал! — крикнул ему вслед капитан, и Зарзамора махнул рукой в знак того, что он это помнит.

— На этих китобоях ни души, — произнесла Магда, опуская подзорную трубу. В голосе ее прозвучали нотки беспокойства. — Ты же не думаешь, что эти охотники до сих пор нас не заметили, а?

— Ну и что, скоро они нас прекрасно заметят, и даже раньше того, Магда. Приготовься дать Галиндо в ходовой отсек сигнал «полный назад».

Магда схватилась за рычаг управления сигнальной системой корабля. Китобойные суда были совсем рядом.

— Потихоньку, потихоньку... — бормотал капитан Вальдес. — Давай!

Магда нажала на рычаг, и корабль задрожал от трех пронзительных трелей колокола. Почти сразу же сверху донеслись резкий скрежет и гул — это в ходовом отсеке, скрытом в корпусе «Ависпы Ферос», Галиндо, управлявший пропеллерами, переключил передачу. Пропеллеры замедлили движение, затем ожили и завертелись в обратном направлении. «Ависпа Ферос» задрожала, но замедлила ход, подобно гигантской акуле, врезавшейся в косяк перепутанной мелкой рыбешки.

Пять абордажных крючьев по очереди вылетели из отверстий в дирижабле-хищнике, словно пули из пулемета. Огромные зазубренные наконечники вонзились в корпуса китобойных дирижаблей, проткнули внешние оболочки и зацепились за каркас. Абордажные команды с помощью лебедок подтянули добычу к «Ависпе Ферос». Застопали бревна — это захваченные дирижабли переворачивались набок, прижимаясь бортами к пиратскому кораблю. Пираты абордажных групп — каждая состояла из трех человек, — взведя курки своих

кремневых ружей и вытащив сабли, скользнули вниз по веревкам, держась за подвешенные к ним петли.

— Я не слышу выстрелы. Почему я не слышу выстрелы?! — воскликнул капитан Вальдес. — Среди китобоев всегда найдется парочка героев, я знаю. Эти ублюдки напрасно усложняют простое дело...

— Матео сигнализ из рубки своего дирижабля, — сообщила Магда, затем наклонилась к ветровому стеклу, чтобы лучше видеть, и нахмурилась. — Он что-то кричит. — Она отодвинула щеколду и открыла окно.

— Никого нет! — надрывался Матео. — На всем чертовом корабле никого нет!

Магда помрачнела и быстро осенила сердце сидонийским охранным знаком.

— Но экипаж должен же быть где-то. Он не мог просто так взять и исчезнуть, — проворчал капитан Вальдес. — Они спрятались наверху, над газовыми мешками. Или все вместе сидят на одном из кораблей. Мне плевать, где они, но я хочу, чтобы их нашли прежде, чем они выкинут какой-нибудь фокус и повредят «Ависпу Ферос»!

Но экипажа китобойного судна не оказалось на газовых мешках. Ни души — ни живого, ни мертвого — не было на всем дирижабле. Остальные захваченные корабли также оказались покинутыми.

— Что же с ними случилось? Китобои не бросят пять отличных кораблей, не говоря уж о здоровенном ките, без веской причины. — Капитан пожевал усы, размышляя над этой загадкой.

— Команда Зарзаморы обнаружила кровь в рубке второго корабля по правому борту, — сообщила Магда. — Чего-то произошло. Что-то такое, что заставило их перебраться на баржу и пуститься наутек. Ни один человек в здравом уме не полетит на одной только барже так далеко от земли.

Капитан Вальдес указал коротким толстым пальцем на Магду:

— Когда Зарзамора найдет судовой журнал коммодора, пусть принесет его мне немедленно... *Madre Dios!*¹

Передний захваченный дирижабль пошел вниз, и канат, соединявший его с «Ависпой Ферос», натянулся. В том месте, где крюк впился в корпус дирижабля, яростно хлопала ткань. Огромная плоская голова кита начала уходить под воду.

— Проклятие! Они попали слишком высоко! — воскликнула Магда. — Кто там в этой команде?

— Это группа Чаго Бонильи, — ответил Таварес. — Двое братьев, которых мы недавно нанияли, — Рубен и Эдуардо Кампос.

— Да, можно было сразу догадаться. Ты сам слышал, как я говорила этим вонючим соплякам: цельтесь ниже, в нижние бревна. Попадете выше — распорете газовый мешок. Но разве они будут слушать!

Капитан Вальдес бросил на нее унылый взгляд:

— Ты знаешь, что делать.

— Да, капитан, — вздохнула Магда. — Старая Магда всегда знает, что делать.

Она взобралась по трапу, ведущему из рубки в тесный проход, который шел вдоль брюха дирижабля, затем, задыхаясь, пустилась бежать вверх, на нос. Добрившись до медных баков с балластом, Магда открыла дверь — деревянную раму, обтянутую холстом, — и втиснулась в узкую щель между первой и второй газовыми ячейками. Три перепуганных жирных, зеленых с черным паука, торопливо перебирая всеми восьмью лапами, понеслись прочь. Магда залезла по веревочной лестнице на установку для метания абордажных крю-

¹ Матерь Божья! (исп.)

чев. Это была всего лишь деревянная клетка, примостившаяся на одном из ребер каркаса «Ависпы Ферос», однако достаточно прочная, чтобы вмещать массивную баллисту и ворот. Держась за перила, Магда высунула голову в иллюминатор, под свернутую холщовую крышку, и огляделась.

Канат резко уходил вниз, туго обтягивая сложенную мачту и свернутый парус, располагавшиеся как раз под окном. Отсюда дыра в газовом мешке китобойного судна выглядела гораздо хуже; Магда услышала шинение выходящего наружу гелия. Местами дирижабль уже обвис. Он снижался, и снижался стремительно.

— Ah, Dios mio! — Она сложила пальцы в сидонийский знак удачи, затем протянула руку к лебедке и сняла тормоз.

Барабан завертелся, канат пополз в иллюминатор. Освободившись от тянувшего ее вниз груза, «Ависпа Ферос» резко задрала вверх нос, и Магда, чтобы не упасть, вынуждена была схватиться за клетку. Китобой коснулся зеленой воды, а лишенный поддержки мертвый кит полностью погрузился в море.

Снизу послышалась брань, затем показались Чаго, Рубен и Эдуардо, уплывающие прочь от дирижабля, чтобы не оказаться под холзовым мешком.

— В следующий раз слушайте, что Магда вам говорит, ясно?! — крикнула она. — Слушайте как следует, чтобы Магде не пришлось больше выгребать за вами дермо, поняли? — Она отмахнулась от просьб о помощи. — Вы, идиоты, сначала освободите крюк, а потом мы возьмем вас на борт. Может быть. Этот дирижабль гораздо дороже трех ваших жалких жизней, так что лучше благодарите Сиболу, что я вас всех не

¹ Боже мой! (исп.)

убила на месте. И еще помните о том, что этот абордажный крюк тоже стоит больше, чем вы все, вместе взятые. Молитесь, чтобы он не начал ржаветь, а то я еще не уверена насчет того, оставлять вас в живых или нет.

Чаго выкрикнул, чтб, по его мнению, Магде следует сделать с ржавым абордажным крюком. Она развернулась к троим ширам спиной и направилась обратно в рулевую рубку.

— Похоже, дирижабль не потонет. Я приказала абордажной группе заняться спасением имущества, — заявила она, слезая по лестнице. — А вообще-то, у меня уже руки чешутся прикончить этого Чаго, капитан. Порезать бы его на мелкие кусочки да скормить крабам.

Капитан Вальдес, высунувшийся в открытый иллюминатор, не обернулся. Он пристально разглядывал туши кита.

— Не уверен, что я могу позволить себе лишиться человека, Магда. Это необходимо?

— Этот сукин сын уже давно лелеет нечистые мысли насчет меня, а теперь он мне еще и надерзил. Однажды я уже спустила кое-кому такое поведение. Но второй раз я такой ошибки не сделаю.

Капитан Вальдес рассеянно кивнул:

— Ну хорошо, думай сама. Но постарайся не взбунтовать команду.

— Еще ни разу не видела команду, которая взбунтовалась бы из-за такой ерунды.

Капитан Вальдес жестом подозвал ее к иллюминатору:

— Посмотри туда. Разделочная платформа еще прикреплена к киту. Почему они улетели на барже, но оставили платформу?

Магда презрительно фыркнула:

— Ты слишком много думаешь, капитан. Кому какое дело до того, что делают эти чокнутые охотники! Корабли покинуты экипажем. Мы отбуксируем их на аукцион, и нам вряд ли придется даже подделывать судовые документы. А вот эта дохлятина набирает воду — видишь, как глубоко она ушла? Я тебе вот что скажу: руби канаты, пока она не утянула за собой четыре хороших дирижабля.

Магда принялась разглядывать травяного кита — она впервые с начала нападения взглянула именно *на него*. Сейчас, когда животное оказалось совсем близко, она поразилась его чудовищным размерам. Голова не виданной величины виднелась под поверхностью воды, над мордой плавали разнокалиберные обломки китобойного судна. Дюжины длинных скоб скрепляли вместе челюсти животного, чтобы внутрь туши не попадала вода. Тусклые мертвые глаза смотрели вверх, на пиратов. Дыхательное отверстие, расположенное чуть по дальше, было закрыто медным цилиндром, сейчас тоже погрузившимся в воду. По бокам, вдоль параллельных спинных плавников, в тушу были глубоко забиты гарпуны; от этих гарпунов канаты тянулись к китобойным судам, захваченным «Авислой Ферос». С дирижаблей на разделочную платформу, находящуюся прямо под пиратским кораблем, спускались веревочные лестницы.

Платформа — плот примерно ста футов в длину и трехсот в ширину — плавала над густым лесом водорослей-сожителей, росших на спине кита и скрывающих большую часть туши. Вдоль левого борта плота, у веревочных ограждений, теснились какие-то бочки, по углам стояли четыре огромных медных котла для вытапливания жира. На палубе валялись серые планги, покрытые налетом соли, соединенные со стоявшими на тележках насосами. Повсюду гнили длинные пласти ворвани, были разбросаны ножи для сдирания

жира. Несколько взъерошенных черных чаек, пронзительно крича и хлопая крыльями, колошились среди разлагающихся останков. По бокам плата были сооружены длинные боны¹, тянувшиеся от него в обе стороны. Система из веревок и блоков на одном из них поддерживала полосу ворвани, еще не отделенную от туши кита. К дальнему концу платформы были прикреплены веревочные лестницы, ведущие на два других дирижабля, которые держались за хвостовую часть туши с помощью гарпунов, скрытых в путанице водорослей.

Капитан Вальдес покачал головой:

— Магда, Магда, Магда. Где твоя любовь к приключениям? Твоя романтическая жилка?

Магда прищурилась:

— Следи за своим языком. Пусть ты и капитан, но я могу нарубить тебя на корм крабам так же легко, как и Чаго.

— *Любопытство*, Магда. Я имел в виду любопытство.

— Ясно, только никакого любопытства у меня отродясь не было. От него одни неприятности. Послушай, у меня есть мысль: берем то, что захвачено, и валим отсюда.

— Я спускаюсь на разделочную платформу, — внезапно заявил капитан Вальдес. — Сеньор Таварес, Андрес еще на наблюдательном посту? Отлично. Приказываю ему оставаться там и быть начеку. Затем передай Галиндо в ходовое отделение, чтобы он утихомирил своих дьяволов и встретился со мной и Магдой на плоту. То же относится и к абордажным группам; только пусть сначала как следует закрепят дирижабли. «Авис-па Ферос» в ваших руках.

¹ Бон — плавучее заграждение из бревен.

Он открыл боковой люк, выбросил наружу моток лестницы и полез вниз.

Магда последовала за капитаном. Плот раскачивался на волнах, которые мягко подбрасывали его вверх. Эта качка отличалась от качки на борту дирижабля, отметила про себя Магда. Она была более мерной, однообразной. Магда моргнула и сморчила нос.

— Я ничего хуже не шухала в своей жизни, кроме, пожалуй, вони в борделе, в который Паоло водил нас в Хейсосе, — заявила она. — Хотя, должна признать, эта Карита, которую я взяла, свое дело знала.

— Никогда бы не подумал, что во всем Хейсосе найдется хоть одна шлюха, способная ублажить Магду так, как надо, — фыркнул мокрый Чаго, забираясь на разделочную платформу.

Плывшие следом за ним братья Кампос уцепились за край плота.

Неуловимым движением Магда выхватила из кобуры кремневый пистолет, взвела курок и прицелилась в голову Чаго. Тот побелел. Рубен и Эдуардо нырнули обратно в море.

— Не сейчас, Магда, — произнес капитан и встал на колени около пустых бочек. — Пойди сюда и скажи, что ты об этом думаешь.

Магда неохотно опустила пистолет, и Чаго с облегчением вздохнул. Она осмотрела бочки, провела пальцами по дырам с рваными краями. Из одного отверстия еще тек густой золотистый китовый жир.

— Ну?..

— Держать в них уже ничего нельзя, это точно.

— Верно сказано. И посмотри сюда, на палубу, — в бревно вошла пуля, и здесь, и здесь... А это что — осколки стекла? Нет, просто какие-то битые ракушки. — Капитан Вальдес, сверкнув глазами, взглянул на

Магду. Он поднял с палубы осколок кремовой ракушки длиной в палец, затем швырнул его в воду. — Большая перестрелка. Кровь на нескольких дирижаблях. Но даже если здесь произошел бунт... Dios, все равно это не имеет смысла.

— Капитан, по-моему, вы это просили, — раздался сверху голос Зарзаморы. Они подняли головы — Зарзамора, словно паук, карабкался вниз по лестнице с одного из китобоев. Его черные волосы, собранные в хвост, яростно бились на ветру, обрубком левой руки он прижимал к груди книгу в кожаном переплете. Когда до плата осталось несколько футов, он спрыгнул и ловким движением выкинул книгу капитану Вальдесу. — Судовой журнал коммодора, как вы приказывали.

Капитан Вальдес погрузился в изучение книги, а Магда обернулась к Чаго, Рубену и Эдуардо:

— Ну ладно, вы, крысы мокрые, хватит валять дурака, пора отрабатывать свое жалованье! Весь этот вонючий жир — убрать! Заодно и дермо, которое гниет в котлах. Меня тошнит от этого смрада. Пошевеливайтесь!

Команда китобойной флотилии содрала со спины туши почти весь жир, обнажив бледное мясо. Вдоль краев раны метались переплетения водорослей, уходивших корнями под кожу, и среди этой «травы» ползали дюжины блестящих зеленых крабов размером со сковородку. Металлический цилиндр — прочная медная конструкция — был крепко приделан к шкуре кита футиах в шести от разделанной области и примерно на столько же ушел под воду. Тяжелая крышка на петлях была надежно закреплена, но зажимы, шедшие вдоль края цилиндра, были открыты.

Когда Магда обернулась, рядом с капитаном уже стоял Галиндо. Он был толстым, лысым, с кожей дубленой, жесткой, как доски плата. У Галиндо не было

носа, и на месте, где когда-то находилась эта часть тела, красовалась черная заплатка. Она делала его ужасно смешным, но Магда видела Галиндо без этой тряпки. Она предпочитала заплату.

— Итак, мы знаем, что это за барабан или нет? — спросила она, ни к кому не обращаясь.

— Знаем, — ответил капитан Вальдес. — Этот люк закрывает дыхательное отверстие кита, чтобы внутрь туши не просачивалась вода и чтобы можно было туда забраться.

— Какого дьявола кому-то может понадобиться внутри этой вонючей тухлятины?

Капитан Вальдес ухмыльнулся:

— Галиндо знает, не так ли, Сегио?

— Жемчужницы, которые живут у него в пасти, — сказал Галиндо. — Похоже, китобои как раз начали собирать жемчуг, когда случилось нечто помешавшее им. Видите — люк не закрыт как следует, только рычаг на крышке опущен? Значит, они смылись оттуда в панике. Любой стоящий коммодор должен с них за это кожу заживо содрать.

— Во времена своей бурной юности сеньор Галиндо служил на китобойном судне, — объяснил капитан Вальдес.

— Только три недели. Потом я сбежал, — уточнил Галиндо.

— Тем не менее по сравнению с остальными он опытный китобой. Он возглавит нашу экспедицию за жемчугом. Магда, помогай ему во всем.

Магда, хлопая ресницами, уставилась на капитана.

— Пахнет работой, — проворчала она. — Вообще-то, если бы я жаждала заняться честной работой, то не нанялась бы на пиратское судно.

— Магда, ты должна мне верить! — воскликнул капитан Вальдес, схватив ее за плечо. — Нам с тобой

приходилось спускать за одну ночь больше денег, чем большинство людей видят за всю свою жизнь. Но, Магда, я говорю тебе — все это жалкие гроши по сравнению с сегодняшней добычей. И в судовом журнале сказано, что вся грязная работа уже позади.

— Конечно, там записано, что они прикончили этого кита почти пять дней назад. Бьюсь об заклад, внутри он основательно протух, — протянул Галиндо, почесывая затылок. — К тому же я не могу понять, как такая маленькая флотилия смогла управиться с этим огромным чудищем. Пять охотников? Я, конечно, не знаток, заметьте, но я бы сказал, что для такого кита нужно минимум восемь судов.

Магда прикрыла глаза, пощипывая переносицу большим и указательным пальцами.

— Что нужно сделать в первую очередь?

— Ну что же, — сказал Галиндо, подтягивая штаны, — для начала нам нужна команда побольше, чем просто мы с тобой.

— Если это грязная работа, то у меня для нее есть отличные парни, — произнесла Магда, взглянув на Чаго, Рубена и Эдуардо, которые тащили к краю плата четырехфутовый пласт ворвани. — Что еще?

Галиндо прищелкнул языком:

— Этим дерзмом нельзя заниматься, если чертова туша под водой. Пока мы не начали, лучше придумай способ приподнять голову этого кита повыше.

Магда взглянула на плававшие вокруг обломки дрикабля, затем вверх, на «Ависпу Ферос»:

— Способ — перед тобой.

Три часа потребовалось на то, чтобы подсоединить абордажные канаты к гарпунным канатам китобоя, хотя на помощь матросам пришел Зарзамора. Затем, поскольку Галиндо решил, что гарпуны держатся плохо

и могут высвободиться, Магда приказала выстрелить в кита еще двумя гарпунами и прицепить их к «Ависпам Ферос». Когда пираты наконец закончили, солнце клонилось к закату, но туша была закреплена на мертвое.

— Готово! — Магда подняла вверх большие пальцы, когда Эдуардо, проверив в последний раз гарпуны, забрался на разделочную платформу.

Галиндо кивнул и крикнул в сторону рулевой рубки:

— Поднимай потихоньку, осторожнее, осторожнее!

Открылись баки с балластом, и на плот обрушился ливень. Канаты натянулись. Вверху, в носовой части «Ависпы Ферос», зловеще застонали бревна. Шкура вокруг гарпунов вс путилась, но выдержала. Голова кита начала медленно всплывать.

— Довольно! — завопил Галиндо, яростно размахивая руками. — Хватит!

Дождь прекратился. Кит по инерции продолжал подниматься, и над волнами показалась морда, затем дыхательное отверстие. Туша задела плот, и он накренился. Кит на мгновение замер, словно собираясь взмыть в небо, затем с призрачным стоном устремился вниз. Он поднялся над водой еще раз и лишь затем выровнялся. Пенящиеся волны лизали его бока, по серо-зеленой шкуре бежали потоки воды.

От туши исходила невыносимая вонь: казалось, вся тухлая рыба мира собралась здесь на какой-то чудовищный праздник миазмов. Рубена вырвало на плот.

— Убери свою блевотину, пока я не заставила тебя вылизать ее языком! — рявкнула Магда. — Мы все здесь дышим одним и тем же воздухом, но никто, кроме тебя, не стонет и не жалуется. — Она обернулась к Галиндо. — Ты за главного. Что дальше?

Тот пожал плечами:

- Наладить насосы и открыть люк.
- Отлично, начали.

Магда, Галиндо и Зарзамора слезли с разделочной платформы и переплыли на тушу. Узловатая кожа была твердой и совсем не такой скользкой, какой казалась на первый взгляд. Запертый люк, закрывавший дыхало кита, ярко блестел на солнце.

— Видишь, затвор этого люка срабатывает сам, когда опускается крышка, так что высокие волны не заливают кита и он не уходит на дно с полным брюхом воды, — объяснил Галиндо. Он ухватился за задвижку и потянул, но та не сдвинулась с места. — Внутри этой тухлятины мощное давление. Должно быть, кит сильно нагрелся на солнце.

— Бьюсь об заклад, там полно газов, — сказал Зарзамора. — Он издох почти неделю назад. Тушу коровы уже разорвало бы на кусочки. Еще удивительно, что этот кит в таком хорошем состоянии.

— Хм... — прокряхтел Галиндо, упершись ногами в цилиндр, и снова налег на крышку. — Вода холодная. Она не дает туше быстро разлагаться, понимаешь? Но она не может полностью остановить распад. Ну а сейчас держитесь. С таким давлением, когда я открою люк, он может...

Внезапно крышка, хлопнув, отскочила, ручка вырвалась из рук Галиндо и громко звякнула о стенку цилиндра. Из отверстия поднялся фонган тумана, словно кит ожил и выпустил воду. Людей окутал липкий, застравающий в горле смрад.

— Спасибо за предупреждение, — съязвила Магда, наклоняясь над люком. Мембрана была срезана, и два дыхательных канала образовали туннель, в который мог протиснуться человек. Веревочная лестница, прикрепленная изнутри к металлическому цилинду, ис-

чезала во тьме. — Нет, это невозможно, — произнесла она, отпрянув. — Никто не сможет работать в такой вонище.

— Для этого и нужны насосы. Пока они действуют, внутрь нагнетается достаточно пригодного для дыхания воздуха, чтобы пробыть там полчаса. Может, чуть больше или меньше.

Магда сморщила нос:

— Что значит «пригодного для дыхания»?

— О, мне кое-что пришло в голову! — воскликнул Галиндо, направляясь обратно к платформе. — Я не-надолго сбегаю на «Ависпу Ферос». Не спускайтесь без меня.

— Не волнуйся, амиго. Как же мы можем тебя бросить, — хмыкнул Зарзамора.

— У него единственного из нас нет носа, так что ему лезть первому. — Магда покачала головой. — Сен-Нор Зарзамора, не знаю, получатся ли из этих лопухов ловцы жемчуга, но как бы то ни было, мы должны постараться сделать из них хоть что-то.

Они приказали группе Чаго заняться насосами: их спустили в воду по обе стороны туши, и равномерное движение волн должно было надувать мехи. Рубен и Эдуардо протянули серые шланги через заросшую водорослями тушу и опустили их в зияющее дыхательное отверстие. Остальные пираты слезли с китобойных дирижаблей и столпились у ограждения платформы, праздно наблюдая за работой. К тому времени, когда вернулся Галиндо, Магда и Зарзамора откопали среди свалки на плоту достаточно масляных ламп, багров и лопат для сдирания ворвани, чтобы снарядить свою экспедицию.

— Слушайте все сюда, говорю один раз и повторять не буду. План такой, — начала Магда. — Сейчас мы просто идем на разведку, выясним, что там и как,

потом решим, что делать дальше, и продолжим завтра утром. Галиндо лезет первым, потому что у него нет носа и он единственный из нас кое-как представляет, что делает. Бонилья и Кампосы идут следующими. Зарзамора, ты отвечаешь за насосы, потому что... дьявол тебя забери, потому что у тебя только одна рука.

— Не возражаю, — пожал плечами боцман.

— А сейчас вот что. Возьмите это и повяжите себе на носы, — вступил Галиндо и протянул им какие-то грязные красные тряпки. — Ну давайте, не стойте столбами, или хотите задохнуться внутри этого тухлого кита? Я побрызгал на эти тряпки немного «эссенции мертвеца» из лекарского шкафчика. Поскольку у нас уже два года нету лекаря, я думаю, никто возражать не будет. Вдохните несколько раз, и у вас как будто нос отрежет. Да не бойтесь, оно подействует.

— Ну, если кому-то об этом и знать, то только тебе, — заметила Магда, повязывая лицо тряпкой.

Она сделала вдох, и ей показалось, что глаза сейчас выскочат из орбит. Ядовитые, вяжущие пары обожгли сий ноздри. Ощущение прошло так же внезапно, как и началось. Вонь разлагающегося кита исчезла вместе с ним.

Галиндо взял фонарь, перекинул ногу через край барабана и исчез внизу. Один за другим пираты последовали за ним. Магда взяла последний фонарь, и Зарзамора в насмешку помахал ей рукой.

Туннель был узким, сго липкие стенки, покрытые ранами, походили на сырое мясо отвратительного сине-зеленого цвета. Было душно, воняло тухлой рыбой, кровью и солью. Несколько раз Магда вынуждена была останавливаться, чтобы крепче ухватиться за яростно качавшуюся лестницу. Снизу доносилась приглушенная ругань.

Неожиданно дыхательные пути свернули куда-то в сторону, но туннель продолжал идти вниз, через дыру, проделанную в кости и окаймленную зазубренными осколками. За костяной перегородкой открывалось обширное пространство. Магда спустилась вниз, навстречу зловещему желтому свечению.

Фонари отбрасывали причудливые перекрещивающиеся тени на темное ребристое небо кита. Рот-пещеру заполнял огромный синий язык, похожий на опрокинутую гору; он исчезал среди густого леса китового уса, обрамлявшего челюсти. Там плескалась черная вода, просочившаяся через неплотно зашитый рот. Узловатая синяя поверхность языка была испещрена черными отпечатками сапог, в которых собралась свернувшаяся кровь, густая и вязкая в сырой атмосфере. Магда подумала, что здесь мог бы поместиться весь экипаж «Ависпы Ферос», и даже после этого пасть кита казалась бы пустой.

— А вот и твои жемчужницы, Магда, — прервал ее размышления Галиндо, указывая куда-то в сторону концом своего багра. — Вопрос в том, как до них добраться.

Похожий на пещеру рот резко сужался, и в глотке кита едва могли поместиться два человека с вытянутыми в стороны руками. Под ногами, в лужах черной крови, валялись сотни осколков раковин. Но по краям глотки торчали еще сотни моллюсков с заостренными коническими раковинами, изяпными, прочными, похожими на клыки; они образовывали целую колонию, подобно устрицам на рифе. Большинство были крошечными, размером не больше мизинца, но на стенах глотки виднелись кровоточащие участки, с которых явно было содрано нечто крупное. Пестрые черно-коричневые ракушки поблескивали в свете ламп, и их заостренные концы представляли бы собой устрашаю-

щую баррикаду для существа, пытающегося вырваться из брюха кита. Здесь были и более крупные моллюски — судя по толщине раковин, более локтя длиной, — но эти раковины частично скрывало какое-то массивное черное... нечто.

— Во имя Сиболы, что это такое?! — воскликнула Магда.

Принесенные волнами бревна и водоросли, огромные куски раковин и костей были скреплены какой-то бесформенной черной массой, и вся эта куча преграждала доступ в глотку, похоронив под собой большую часть моллюсков.

— Будь я проклят, если мне это известно. Область, занятая моллюсками, тянется еще на пятнадцать-двадцать футов в глубину. Что бы это ни было, оно заграживает путь к большей части жемчужниц, — ответил Галиндо. — Похоже, китобои уже ободрали здесь все, что смогли. Если у кого-то есть идеи, самое время их высказать.

Матросы принялись вполголоса переговариваться между собой, но никто ничего не предложил.

— Ясно. Тогда можем на всякий случай проверить, есть ли в этих ракушках хоть что-то стоящее. — Галиндо воткнул лопату в скопление довольно крупных раковин, не тронутое черной массой, и, повернув лезвие, отковырял одну. Подобрав раковину, он вытащил нож и ловко вскрыл ее, как опытный ловец жемчуга. — Ага! Ну-ка взгляните на это! — воскликнул он, зажав в пальцах серо-зеленый шарик размером с горошину. — Нам крупно повезло, парни и Магда. Если я не ошибаюсь, это «когти». Только «тигровый глаз» ценится выше.

— Да что нам толку от этого, — проворчал Чаго, тыча лопатой в странную массу. Лопата почернела. — Все жемчужины — за этой дрянью.

— Я дам тебе ложку, Чаго, можешь прорыть в ней проход, — фыркнула Магда. — Конечно, работенка не из легких, но это помешает тебе создавать нам неприятности.

Чаго набычился, но промолчал.

— Смотрите-ка, эта часть, самая темная, появилась позже остального. Видите? Можно различить шов, — сказал Галиндо, проводя пальцем по неровной дуге. На пальце осталось чернильно-черное пятно. — Похоже, охотники на китов пытались проделать в этом месте проход. Не думаю, чтобы... Эй, это что, лопата?

Из черной массы торчало полукруглое лезвие; ручка была скрыта в недрах кучи неизвестного вещества.

— Похоже, дыра, сделанная ими, заросла снова, — заметила Магда.

— Ты же не... ты же не думаешь, что все китобои оказались в ловушке, за этой черной кучей, а? — не громко обратился Рубен Кампос к своему брату.

— Быть того не может, — заявил Галиндо. — А к тому же они наверняка давно мертвы. Здесь дышать нечем.

— Я видела все, что нужно. Возвращаемся наверх, — скомандовала Магда. — Пусть капитан Вальдес решает, что делать дальше. Лично меня уже тошнит от китовых кишок.

Обратный путь занял немало времени, и к тому моменту, когда Магда выбралась из люка, солнце уже село, и темно-синее небо было лишь слегка тронуто розовым на горизонте. На разделочной платформе было светло, как днем, горели дюжины фонарей, звучала матросская песня. Это была песня «Заморозки», и ее исполняло обычное трио «Ависпы Ферос»: скрипка, гармоника и самбомба¹. Пираты с радостными лицами

¹ Самбомба — испанский музикальный инструмент типа барабана.

теснились на палубе, передавая друг другу высокие коричневые бутылки из деревянного ящика.

Оказалось, ужин тоже подан на плоту: это была густая похлебка из жесткой вяленой говядины и ржаной хлеб, добытые, без сомнения, из запасов китобоя. Магда ухватила себе порцию и отправилась на поиски капитана Вальдеса. Найти его во всей этой суматохе оказалось нелегко, но она в конце концов его заметила — капитан сидел на пустой бочке и с довольным видом наблюдал за тем, как веселится команда.

— Коралловое вино, я правильно понимаю? — спросила она. — На тебя не похоже; обычно ты не так щедро раздаешь добычу.

— Все равно я сам не могу это пить. Мне всегда большие нравился метеглин¹. Как и тебе, — ответил он, отпил глоток желто-зеленой жидкости из бутылки и передал ее Магде. — Большинство из них никогда не пробовали такого дорогого напитка, как коралловое вино. И никогда большие не попробуют. У нас на горизонте маячит необыкновенно крупный куш: продав эти суда, мы загребем кучу денег. Я решил, что для разнообразия могу позволить себе быть щедрым.

Магда что-то уклончиво проворчала, прикладываясь к бутылке. Краем глаза она заметила Чаго — тот спускался по лестнице с «Ависпы Ферос», пряча под мышкой какой-то небольшой бочонок. Контрабандное бренди? Или, может быть, кашаса?² Она нахмурилась и направилась было к лестнице, но остановилась.

¹ Метеглин — мед, сдобренный травами и пряностями.

² Кашаса — бразильский алкогольный напиток крепостью 40 градусов, получаемый путем перегонки забродившего сока сахарного тростника.

— Dios! — проворчала она себе под нос, сделав еще глоток метеглина. — Пусть себе веселятся.

— Что, уже ноги заплетаются? — ухмыльнулся капитан; откуда-то он достал вторую бутылку для себя. — Жемчужина, которую принес Галиндо, — настоящее сокровище. Небольшая, но высшего качества. Я велел ему отнести ее ко мне в каюту. Думаю, несколько дюжин таких шариков — и я смогу уйти в отставку и зажить респектабельной жизнью.

Магда подняла брови.

— Разумеется, мы с тобой никогда не были респектабельными — ни с какой стороны, — добавил он, и лицо его расплылось в широкой улыбке.

— Скорее, просто напьемся в стельку, да и все.

— Ага. Но это особая добыча, она требует особого праздника. Я слышал, что шлюхи Севонии далеко превосходят всех остальных по талантам, красоте и искусству. К сожалению, до сих пор мне не представлялось возможности проверить такие смелые заявления...

— Ну, вот теперь представится. — Магда отхлебнула еще глоток метеглина и просто сказала: — Это мысль.

Песня смолкла, и кто-то из пиратов потребовал «Отмели Сиболы». Победная песня. Магда улыбнулась. Считалось плохой приметой петь эту песню до начала путешествия домой, но метеглин был так хорош, что она сама начала подпевать. Она принялась прикидывать, найдется ли в ее личном ящике со спиртным достаточно выпивки, чтобы как следует отметить удачный рейд.

Капитан Вальдес вздохнул:

— Как приятно бывает помечтать.

Его слова оторвали Магду от размышлений.

— Капитан?

— Ты была там вместе с Галиндо. Что думасишь — все так плохо, как он говорит?

Магда нахмурилась, тщательно подбирая слова:

— Там, внизу, что-то не так — это все, что я могу сказать. Но если Галиндо знает больше, мне он ничего не рассказывал.

Капитан Вальдес кивнул:

— Галиндо говорит, что в этих морях водятся некоторые виды панцирных моллюсков, которые как раз сейчас собираются в стаи для размножения. Они выделяют черную слизь, которая защищает их и их яйца.

— Так он думает, что этот кит проглотил?..

— Этот кит был не в себе, если такая маленькая флотилия смогла забить его, по крайней мере если верить Галиндо. — Капитан Вальдес в задумчивости держал себя за бакенбарды. — Думаю, что наткнуться на моллюсков в разгаре размножения — это все равно что разворошить палкой осиное гнездо. Это объясняет, почему китобои смылись, побросав все.

У Магды мурашки побежали по коже — она вспомнила, как Чаго тыкал лопатой в черную массу.

— Итак... какие будут приказания, капитан?

Капитан Вальдес усмехнулся:

— Должен признаться, я все-таки подвержен жадности. Я серьезно обдумываю, не стоит ли послать Галиндо обратно вниз с небольшой командой, чтобы они собрали все, что смогут, — даже несколько жемчужин составят целое состояние, — но я еще не решил. Я склоняюсь к тому, чтобы как следует задраить люк, пока я не приму...

Откуда-то издалека послышался приглушенный хлопок, и палуба у Магды под ногами закачалась. Туши вздрогнула, и изо рта у нее пошли нузыри. Команда, почувствовав неладное, прекратила танцевать.

Магда и капитан Вальдес переглянулись с озабоченным видом.

— *Madre Dios!* — воскликнул он. — Что это было?

— Вот у него спроси, — фыркнула Магда, указывая на тело Чаго, распростертное на туще кита у открытого люка.

Из отверстия шел густой серый дым; оттуда, кашляя и истерически крича, выкарабкался Рубен Кампос.

— Эдуардо остался там! — орал он. — Кто-нибудь, помогите!

Капитан подбежал к ограждению плота долей секунды раньше Магды; остальные члены команды столпились у них за спиной.

— Что происходит?! — крикнул капитан.

— Шнур — он оказался коротким, — с трудом выговорил Рубен между приступами кашля. — Чаго сказал, мы успеем выбраться, но порох взорвался слишком быстро.

— Какого дьявола вы, идиоты, забрались в пороховой погреб?! — зарычала Магда.

— Чтобы взорвать это дермо, которое загораживало дорогу к жемчугу! — проорал ей в ответ Чаго. — Что? Мы хотели добраться до ракушек, ясно? Жемчуг, вот зачем мы туда пошли.

— Плевать на жемчуг! Эдуардо остался там! — ворил Рубен.

— Магда! Галиндо! Закрыть люк! Быстро! — приказал капитан.

— Нет! Он погибнет! — Рубен ринулся к люку и наклонился над дырой. — Эдуардо! Ты меня слышишь? Ты... *A-a-a!*

В мгновение ока Рубен нырнул в отверстие головой вниз.

Собравшиеся на плоту ширы обменялись недоуменными, встревоженными взглядами.

Магда похолодела. Одна рука ее скользнула к пистолету, вторая легла на эфес сабли.

— Галиндо...

— Я здесь, капитан.

Галиндо осторожно двигался к открытому люку, держа саблю наготове. Он медленно протянул руку и взялся за крышку.

Из дыры возникло извилистое пурпурно-красное, усаженное присосками щупальце, которое обвилось вокруг шеи Галиндо. Глаза толстяка вылезли из орбит, тело обмякло.

За первым щупальцем последовали другие. Затем щелкающий клюв. Затем пара черных блестящих глаз, круглых, как донышко бутылки. Щупальца уцепились за барабан, и чудовище с глухим шленком вывалилось на поверхность китовой туши. В длину оно почти достигало человеческого роста и было полностью заключено в толстую скрученную раковину цвета слоновой кости, покрытую какими-то узорами. В отверстии люка показались новые щупальца.

— *Кракены!* — завопил капитан Вальдес, целясь из пистолета в ближайшую тварь.

Во все стороны полетели осколки раковины. Чудовище, шлепая конечностями, устремилось к капитану.

Магда выстрелила кракену в глаз, и чудовище рухнуло, молотя щупальцами.

— Панцирь слишком толстый — целься в глаза.

— Думаю, можно сказать, что предположения Галиндо оправдались, — заметил капитан Вальдес, вытаскивая саблю. В это время из люка выбрались второй и третий кракены. — Этот люк и *в самом деле* нужно было закрыть.

— Рада, что ты еще здесь, чтобы сообщить мне это, капитан! — Магда взмахнула саблей, но кракен, ползший на нее, заставил ее отступить.

Команда в панике разбежалась после появления первой твари, но теперь некоторые матросы вернулись,

вооруженные баграми и вилами для разделки туши, кое-кто пытался стрелять в гигантских моллюсков из кремневых пистолетов. Зарзамора проскользнул между ними и зацепил крышку люка концом багра, прихлопнув очередное щупальце. Он рубил щупальце, пока оно не втянулось назад, затем закрыл люк как следует. Чудовище с лязганьем продолжало биться внутри.

— И скобы накинь! — крикнула Магда.

Три окровавленных кракена, пришипленные к шкуре кита, вяло дергались. Один пират с криками катался в луже крови — кракен клювом снес ему левую ногу до колена.

— Чертовски неподходящее время, чтобы потерять Галиндо, но нам уже приходилось летать без укротителя тысяченожек, — мрачно заметил капитан. — Нам и так еще повезло, дьявол меня забери.

— Повезло? Ты думаешь... — Магда вдруг обратила внимание на то, что саноги ее полны воды, и посмотрела вниз. — *Madre Dios!* Чертов заряд Чаго вырвал скобы изо рта. Кит идет ко дну.

— И это еще не все, — добавил Зарзамора, указывая куда-то багром. — Смотрите.

Вода вокруг пласти кита словно вскипела, и в свете фонарей брызги ее сверкали, как бриллианты. Повсюду мелькали щупальца и белые панцири.

— Стая вырвалась на свободу, — просто сказал капитан, отмечая очевидный факт. — Мы потеряем много хороших людей.

— На корабли! Шевелите своими жалкими задницами, если не хотите оказаться в брюхе кракена! — проревела Магда, устремляясь к плоту.

Поднимающаяся вода уже плескалась у ее коленей. Матросы беспорядочной толпой карабкались на платформу, ругаясь и отпихивая друг друга локтями.

Море вокруг кита кишело кракенами. Щупальца вылетали из воды, словно камни, выпущенные из пращи. Чудовища с плеском карабкались на тушу, хватая пиратов за ноги. Люди вопили, размахивали руками и тщетно пытались отбиваться лопатами и баграми, но их волокли вниз, в черные волны.

— Капитан! Лезь по лестнице! На «Ависпу Ферос»! — Магда стояла на плоту с саблей наготове, рубя щупальца, появлявшиеся из воды.

Несколько моряков уже карабкались, как пауки, по лестницам, ведущим на китобойные суда. В дальнем конце платформы показалось несколько чудовищ; обвив щупальцами веревки, они последовали за своими жертвами.

— Они могут лазить! — воскликнул капитан Вальдес и остановился с разинутым ртом, поставив ногу на первую перекладину лестницы. — Madre Dios, кто мог знать!

— Скажи спасибо, что они хоть летать не умеют, — огрызнулась Магда и хлопнула его по ноге плоской стороной сабли. — Давай уже, поднимай свою задницу и лезь на этот чертов корабль!

По правому борту прогремел выстрел — это один из пиратов с китобоя выстрелил в кракена, взбиравшегося по лестнице. Внезапно со стороны второго трофеиного судна по левому борту донесся какой-то свист. Канат, соединявший его с разделочной платформой, натянулся, отшвырнув двух кракенов на груду бочек. Лестница оторвалась. Дирижабль застонал, развернулся, затем абордажный крюк «Ависпы Ферос» вырвался из его борта, и китобойное судно исчезло в ночном небе. Они сбежали.

— Негодяи! Трусы! — заорала Магда. — Стойте, не то я вас всех перестреляю!

Туша кита, которую большие не поддерживал дирижабль, в одно мгновение погрузилась в воду на полса-

жени. Под платформой пошли волны, и она накренилась. Бочки покатились за борт. При падении с одной из них слетела крышка, и в море полился китовый жир. Магда схватила попавшийся под руку фонарь и швырнула его вниз. Жир вспыхнул, и стали видны неистово извивающиеся кракены — пламя лизало панцири и поджаривало их содержимое.

Еще одна лестница упала на плот — это второй дирижабль по левому борту последовал примеру первого и отцепился от туши. Вода бурлила, захлестывая бесполезный люк.

Магда дико озиралась по сторонам: вокруг трещал огонь, все было в дыму. По платформе текла кровь. Кричали люди. Время от времени раздавались одиночные выстрелы. Она не могла сказать, сколько они потеряли убитыми и сколько людей еще дрались. Кракены продолжали наступать, а туша кита тонула. Магда больше ничего не могла здесь поделать.

Она бросилась к лестнице и начала взбираться, держа саблю наготове. Магда преодолела половину подъема, когда сзади послышался чей-то крик о помощи.

В полудюжине перекладин под ней висел Чаго; кракен схватил его за ногу. Чаго.

— Помоги мне, Магда! Не бросай меня!

Скрежеща зубами, Магда соскользнула вниз, держась за лестницу рукой; веревка до крови ободрала ей ладонь. Зацепившись коленом за перекладину, находившуюся у плеча Чаго, она откинулась назад, раскачиваясь взад и вперед, и вонзила клинок прямо в глаз кракену. Чудовище, выпустив добычу, полетело вниз.

— Я знал, что ты спасешь меня. Я знал, что ты меня не бросишь, — выговорил Чаго, помогая ей подтянуться обратно.

— Я спасла тебя потому, что у нас не хватает людей. Я бы охотнее скормила тебя кракенам.

— Верю, — подмигнул тот.

— Это ты со своим чертовым порохом во всем виноват!

— Я сделал это ради тебя! — Чаго взял ее окровавленную руку. — Я хотел добыть жемчужины сам, чтобы доказать, что я достоин тебя.

Магда взглянула ему прямо в глаза:

— Ты серьезно?

Чаго кивнул.

— Я так и знала! — рявкнула она и разрубила веревки.

Чаго полетел вниз, в гущу разъяренных кракенов, почувствовавших запах крови.

Лестница яростно закачалась — это оставшиеся китобойные суда покидали пиратский дирижабль. Магда уцепилась за веревки и вскарабкалась в рубку «Ависпы Ферос». Капитан Вальдес, схватив ее за плечи, втащил внутрь.

— С тобой кто-нибудь есть? — спросил он.

Магда покачала головой:

— Чаго полез следом, но мне пришлось прикончить этого тупого ублюдка.

Капитан Вальдес помрачнел.

— Это он во всем виноват, капитан, — защищалась Магда.

— Нам нужны люди, Магда. Кит тянет нас вниз! Мы сбросили весь балласт, но это не помогло.

Магда взглянула из иллюминатора. Море было очень близко, и туша уже исчезла под водой. Три каната, соединявшие дирижабль с китом, уходили в темную воду, покрытую тлеющим маслом; «Ависпа Ферос» продолжала погружаться.

— Итак, кто у нас есть? — спросила Магда.

— Ты, я и Таварес, — вздохнул капитан. — Андрес не отвечает со своего поста.

— Когда вся эта заваруха кончится, я пристукну кучу народа, — пробормотала Магда. — Какие будут приказания, капитан?

— Приказания? *Dios*, Магда, у меня нет команды! Магда рассерженно подняла брови:

— Ты что, *ничего* не умеешь делать сам? Нас трое, и канатов тоже три. Если хочешь спасти «Ависпу Ферос», их нужно обрубить, *pronto*¹!

Капитан Вальдес мгновение пристально смотрел на нее, затем схватил фонарь и полез в коридор, идущий под килем. За ним последовали Таварес и Магда. Спешааясь, они побежали по проходу; пол под ними кренился все больше и больше. Внезапно впереди сквозь швы в корпусе хлынула вода.

— Назад! — крикнула Магда. — Слишком поздно. На корму!

— Нет! Мы еще сможем до них добраться!
— Только если ты отрастишь жабры, капитан.

Пол вздыпался все выше, пока наконец не встал почти вертикально. Трое пиратов перелезли на стены, пользуясь скобами и опорами в качестве лестниц. Снизу раздался хлопок, и внезапно подул ветер: лопнул первый газовый мешок — и начал выходить гелий.

«Ависпа Ферос» мгновенно снизилась на тридцать футов. Капитан Вальдес уронил фонарь. Таварес выпустил перекладину и с криками полетел вниз. Затем раздался удар тела о доски, и крики смолкли. Мимо них пронеслась кучка пауков. Корпус где-то внизу вспыхнул — это огонь перекинулся на судно.

— Шевелись, капитан. Или не отставай, или я иду одна.

Они полезли вверх. В это время лопнула еще одна ячейка с газом, затем еще одна. Каждый раз их захлес-

¹ Живо (исп.).

тывал поток гелия, за которым следовал ужасный рывок. Дирижабль стремительно падал, увлекаемый в море гигантской тушей кита. Они миновали дверь в рулевую рубку, и Магда остановилась. Перепуганные насмерть тысяченожки бились в своей упряжи.

— Перелезай на гондолу, затем прыгай, — велела Магда. — Нам не добраться до кормы — тонем слишком быстро. Плыви как можно дальше от корабля и молись, чтобы кракены последовали за китом в море.

Они забрались по лестнице на гондолу, и в этот момент корабль содрогнулся. Внизу — по-прежнему очень далеко — бледные языки пламени яростно лизали корпус. Над горизонтом, на фоне звездного неба, сверкал широкий белый полумесяц Ансули, над ним — небольшой голубой полукруг Сидоны. Но даже в свете лун Магда не могла разглядеть ни платформы, ни китобойных дирижаблей.

Она закрыла глаза и прикоснулась к сидонийской молитве по усопшим, вытатуированной на плече. Затем прыгнула вниз.

Магда ударилась о воду с такой силой, что у нее перехватило дыхание. По инерции она глубоко погрузилась в море и принялась яростно пробиваться на поверх, пока боль в легких не заставила ее поглотиться воды. Она резко вынырнула, жадно хватая ртом воздух. Затем, не давая себе передышки, поплыла прочь от тонущего корабля, но вскоре усталое тело воспротивилось и руки отказались шевелиться.

«Значит, вот какой он, конец, — думала она, лежа на воде. Набегавшие волны заливали ей лицо. — Все псу под хвост. А я-то мечтала устроить драку в каком-нибудь баре. Взять с собой кучу этих ублюдков».

Кто-то схватил ее за волосы и потянул. Чьи-то руки несколько раз хлопнули ее по лицу, и Магда, заикаясь, сделала вдох.

— Только не думай, что я так просто отпущу своего первого помощника, — сказал капитан Вальдес. Грязные волосы падали ему на лицо, одной рукой он держался за какую-то бочку. — Ты мне еще понадобишься, Магда, когда я оправлюсь после этой катастрофы.

Он помог Магде забраться на бочку, и она уцепилась за скользкие доски. Со слезами на глазах капитан нашупал руку Магды и сжал ее. Они плыли вдвоем, глядя, как корма «Ависпы Ферос» исчезает под водой.

— Капитан.

— Да, Магда?

— Помнишь, что случилось с Чаго?

— Помню.

И он выпустил ее руку.

За морскими воротами ученых-пиратов Сарске

— Помни-ка, почему бы пиратам не потопить нас из дальнобойных? — попросил сэр Гервард, лениво откинувшись на борт скифа¹.

Руки сэр Гервард свесил за борт, и двойные манжеты на алых рукавах промокли насеквоздь. Порой брызги долетали и до затылка. Сэр Гервард наслаждался: воды в этих восточных морях были теплые, волны пологие, и суденышко держало скорость в четырепять узлов при силе ветра в двенадцать.

— Прежде всего, этот скиф принадлежал Анниму Телу, агенту пиратов в Керебаде, — ответствовал мистер Фитц. Кукла ростом всего три фута шесть дюймов, казавшаяся еще ниже за отсутствием излюбленного головного убора — высокой шляпы, — легко управлялась одновременно с румпелем и главным парусом скифа. — Далее, мы оба в красном. Пираты архипелага предпочитают одежды этого цвета и будут считать нас собратьями, пока мы не докажем обратного. И третью, достаточно средней силы подзорной трубы, чтобы разглядеть сундук, привязанный к банке².

¹ Скиф — изначально небольшое парусно-гребное судно.

² Банка — скамья на судне или гребной шлюпке.

Прежде чем пускать его на дно, они захотят ознакомиться с содержимым.

— Если только они не пьяны, что вполне вероятно, — жизнерадостно заметил Гервард.

Он вытащил руки из воды и встряхнул рукавами, стараясь не замочить просмоленный полотняный мешок с личным арсеналом, лежавший у его ног. Учитывая характер задания, он не захватил свое привычное оружие, которое с виду вовсе и не походило на таковое. В мешке скрывались всего-навсего четыре обычных, но хорошо пристрелянных курковых пистолета, клеенчатый мешочек с порохом, коробка с пулями и дага¹ из вороненой стали в ножнах из акульей кожи. Боевой меч в ножнах лежал поперек мешка, упираясь корзинчатой гардой в ступню Герварда.

Он оставил доспехи в той гостинице, где встречался с курьером Совета Союза Безопасности Мира. Ветерок приятно гладил кожу, да и по натуре сэр Гервард был оптимистом, однако это не помешало ему отметить тот факт, что алая рубаха, кожаные штаны и морские сапоги вряд ли послужили бы ему защитой, вздумай пьяные пираты с шебеки², к которой они приближались, поупражняться в стрельбе из мушкетов.

Впрочем, ни дубленая кожа, ни закаленная сталь не спасли бы его, попади пуля в сундук. В этом случае не помогло бы и колдовское искусство мистера Фитца, впрочем, тот мог бы прибегнуть к магии, чтобы отвесить пули и от сундука, и от скифа.

Мистер Фит был одет в штаны с буфами и с виду походил на тех кукол-марионеток, обладающих свободой воли, которых в давние благостные времена мастерили для исполнения веселых мелодий, декламации

¹ Дага — кинжал для левой руки при фехтовании шпагой.

² Шебека — парусно-гребное трехмачтовое судно.

эпических поэм и вообще забавы ради. Внешность не соответствовала его истинной натуре: те представители рода человеческого, кому случалось свести с куклой более близкое знакомство, вовсе не находили мистера Фитца забавным. Хотя его полный швейный набор остался в гостинице вместе со снаряжением сэра Герварда, под тугой красной банданой на голове-тыкве из папье-маше он скрывал несколько магических игл, а в обращении с ними мистер Фитц не имел себе равных ни на суще, ни на море.

— Мы уже на расстоянии выстрела из носового орудия, — отметил Гервард и непринужденно перекатился на живот, так что над носом скифа виднелась только его голова. — Держи прямо на них.

— Я перечислил три веские причины, по которым они не станут нас обстреливать, — напомнил мистер Фитц, однако румпель чуть шевельнулся в его руках, развернув маленькое судно точно носом к стоящей на якоре шебеке и лишив пиратов возможности ударить в борт. — К тому же у носового орудия и пушки-рято нет.

Гервард припнулся. Без своего артиллерийского бинокля он не взялся бы сказать, что происходит на палубе, но зрение Фитца, как он знал, было много острее.

— Ну ладно, предположим, они не расстреляют нас прямой наводкой, — согласился он. — По крайней мере, прежде поговорят. Напомни, как меня теперь зовут?

— Мартин Верный Меч, гроза моря Синдиков.

— Как пышно! — поморщился Гервард. — Вряд ли я сумею это выговорить и подавно не смогу изобразить подобного типа.

— Имя принадлежит настоящему пирату, хотя я сомневаюсь, чтобы к нему часто обращались с полным

титулованием, — пояснил мистер Фитц и поправился: — Мне следовало бы сказать — принадлежало, еще несколько месяцев назад. Он был высокий, светловолосый, как и вы, к тому же море Синдиков достаточно далеко, чтобы вы могли без опаски использовать этот псевдоним.

— А ты? Фарнолио, помнится?

— Фарнолио, — поправил его Фитц. — Артист, оказавшийся в стесненных обстоятельствах.

— Как это кукла может остаться без работы? — спросил Гервард, не глядя на собеседника.

Его внимание привлекло движение на палубе шебеки. Ему хотелось бы верить, что суетятся там не пушкари, готовящиеся к бою.

— Куклы-певцы не так уж редко теряют голос, — пояснил Фитц. — Если горло им сделали из тростника, а не из серебряной трубки, колдовство держится не больше пяти-шести столетий.

— У тебя, как я полагаю, горло серебряное?

— Из сплава нескольких металлов, — сообщил Фитц. — Серебряное более распространено. Между прочим, я вношу поправку в одно из предыдущих утверждений.

— Что?

— Они намерены стрелять, — произнес Фитц и налег на румпель.

Скиф резко уклонился вправо, большой парус хлопнул при повороте. И тут же маленькое пушечное ядро взметнуло воду футах в сорока или пятидесяти по правому борту.

— Держи прямо! — прикрикнул Гервард. — Так мы, того гляди, сами сунемся под выстрел.

— Думаю, следующего выстрела не будет, — возразил Фитц. — Того, кто стрелял, сейчас избивают прикладом мушкета.

Гервард прикрыл глаза ладонью и всмотрелся. Солнце в этих краях было жарким и слепило на воде. Но они подошли уже так близко, что он ясно видел одетых в красное людей, стоявших у бушприта. Они окружили на удивление хрупкого пирата, смертным боем лупившего скорчившегося — или упавшего на палубу — человека.

— Название судна видишь? — спросил Гервард.

— Нет, — ответил Фитц, — но пушечные порты черные, на перилах юта полустертые полосы желтой краски, а носовая фигура, хотя и повреждена ядрами, явно изображает вздыбившегося морского котика. Что соответствует описанию Аннимы Тела. Это те, кого мы ищем. «Морской котик», капитан — некая Ромола Зверь. Подозреваю, что это она обработала прикладом пушкаря.

— Пиратка, — задумчиво протянул Гервард. — Анним Тел не упоминал, она хорошенькая?

— Я и сам вижу, что на ваш вкус она недурна, — ответил Фитц и строго добавил: — Что совершенно не имеет отношения к делу.

— Однако сделает более приятным общество пиратов, — возразил Гервард. — Как ты считаешь, на таком расстоянии голос уже рассыпшат?

— Вполне, — кивнул Фитц.

Гервард встал, упираясь коленями в верхние доски носовой обшивки, и сложил ладони рупором.

— На корабле! «Морской котик»! — выкрикнул он. — Возьмете на борт двоих братьев?

На носу произошло быстрое движение: большая часть пиратов целеустремленно двинулась на верхнюю палубу. На носу остались двое: хрупкая фигурка, в которой теперь уже можно было распознать женщины — почти наверняка капитан Зверь, — и бочкогрудый великан за ее плечом. У их ног лежало изломанное тело.

Великан склонился, чтобы расслышать несколько слов, тихо сказанных женщиной, после чего наполнил грудь воздухом так, что чуть не отлетели пуговицы ало-го камзола, и заорал в ответ. Его голос разнесся куда дальше, чем крик Герварда.

— Ну, подходите, парни! С левого борта, пожа-луйста.

Мистер Фитц налег на румпель и натянул парус, так что скиф, описав широкую дугу, начал уже разворачиваться от левого борта шебеки. В этот момент Фитц опустил парус. Если он рассчитал правильно, скиф должен был мягко прижаться к борту шебеки. Если ошибся — они врезутся в борт носом, повредят скиф и выставят себя на посмешище.

Потому-то рулевым и был мистер Фитц. В дале-ком прошлом кукле довелось несколько десятилетий прослужить матросом, его деревянная шкура неплохо просолилась, память не стерлась и чутье не притупи-лось.

Что касается Герварда, тот прослужил год канони-ром на фрегате Кальянского торгового союза, но ему тогда было пятнадцать, а с тех пор прошло десять лет. За эти годы ему раз-другой приходилось ввязываться в короткие приключения на море, и он вполне мог сойти за моряка на большом корабле. Но в обращении с лодками у него опыта не было, а потому он поспешил выполнить тихий приказ мистера Фитца: спустить па-рус и встать с веслом на борту, готовясь смягчить удар при соприкосновении судов. На деле удара не после-довало, и Герварду осталось только поймать сброшен-ный с шебеки конец, чтобы закрепить скиф у борта. Мистер Фитц тем временем сворачивал паруса. При таком легком волнении не составило труда взобраться на стоящую на якоре шебеку через понижение в сред-ней части борта, цепляясь за пушечные и цепные пор-

ты. Меч почти не мешал Герварду. Пистолеты он оставил на скифе.

Пока Гервард с Фитцем поднимались на ноги, пираты рассыпались по палубе и снова собирались, выстроившись в два неровных ряда. Оружия они не обнажали, однако было вполне очевидно, что морские котики рассматривают гостей с большим подозрением. Гервард без удивления, полагая, что среди пиратов это обычное дело, отметил, что мужчины большей частью уродливы или обезображенены шрамами, а порой то и другое вместе. Фитц, тоже обратив внимание на это обстоятельство, подумал, что в дальнейшем стоит исследовать его причины.

Ромола Зверь спустилась по короткому трапу с бака на палубу и встала рядом с выстроившимися пиратами. Здоровяк в красном камзоле держался позади нее, но сто Гервард почти не замечал. Лицо женщины, правда, не украшали шрамы, и это мешало ему назвать ее настоящей красавицей, и все же Зверь была хороша, а пороховой ожог на высокой скуле лишь подчеркивал ее природное обаяние. На ней был камзол из тонкого синего шелка с вышивкой — тем же морским котиком — и не было рубахи. Камзол оказался застегнут довольно небрежно, и Гервард обнаружил, что не может оторвать от нее взгляда. С запозданием вспомнив о полученных наставлениях, он бодро и неопределенно взмахнул рукой, изображая приветствие.

— Добрая встреча, капитан! Мы — Мартин Верный Меч и ужасная кукла Фаролио с ушедшей на дно «Забытой боли» — имеем немалый вес в Братстве моря Синдиков.

Зверь вздернула одну бровь и склонила набок голову. Ветерок тут же подхватил длинные рыжеватые волосы на невыбритой половине ее головы. Гервард смотрел прямо на нее и старался не выдать готовнос-

ти мгновенно нырнуть в сторону, прорвать пиратский строй, обогнать бизань, выхватить меч и держаться, давая Фитцу время приготовиться и выпустить на волю ад...

— Далеко вас занесло от моря Синдиков, капитан, — отзывалась наконец Зверь. Она говорила странно визгливым гортанным голоском, и Герварду подумалось, что причиной тому мог быть алкогольный или кислотный ожог гортани. — Что привело вас в эти воды, на «Морского котика»? Да еще на посудине самого Аннима Тела и с аппетитного вида сундучком на банке?

Она не подала знака, но что-то в ее тоне или в сказанных словах заставило пиратов в строю расслабиться. Атмосфера надвигающегося боя рассеялась.

— Предложение, — ответил ей Гервард. — К взаимной выгоде.

Зверь улыбнулась и прошлась по палубе. Могучий телохранитель следил за ней по пятам. Остановившись перед Гервардом, она взглянула на него снизу вверх и улыбнулась кривоватой улыбкой, напомнив ему кота, как раз с таким видом примеривающегося забраться на колени к человеку и запустить когти в самое чувствительное место.

— Мы ведем речь о сокровищах, Мартин Верный... Меч? Золото и тому подобное? Работоторговлей «Морской котик» не занимается, что бы ни думали о нем наши братья из моря Синдиков.

— Никаких рабов, капитан, — заверил Гервард. — Только сокровища всякого рода. Столько золота и серебра вы никогда не видели. И никто не видел.

Зверь на мгновение улыбнулась во весь рот и, придвинувшись к Герварду, подхватила его под локоть. Ее ловкое движение лишило его возможности мгновенно выхватить меч.

— Говори же, Мартин, — попросила она. — Нападение на конвой Ингмала? Высадка в бухте Грикена?

Вся ее команда расхохоталась при этих словах, и Гервард ощутил, что настрой снова переменился. Зверь над ним насмехалась: для нападения на пресловутый конвой, раз в два года доставляющий урожай с шаффрановых полей Ингмала, потребовался бы целый пиратский флот, а бухту Грикена прикрывали пушки заслуженно прославленного Алмазного форта и их раскаленные докрасна ядра.

— Я не занимаюсь мечтами и фантазиями, капитан Зверь, — спокойно возразил Гервард. — Но то, что я предлагаю, стоит дороже ингмалского галеона.

— Так что же это? — спросила Зверь и подняла взгляд к небу, где над горизонтом еще виднелся побледневший при дневном свете лазурный диск. — Вы добудете для нас с неба голубую луну?

— Я открою вам путь через Тайные Протоки и Морские Ворота ученых-пиратов Сарске, — произнес Гервард, с каждым словом повышая голос, чтобы перекрыть выкрики пиратов: в их голосах сквозь злобное недоверие уже пробивалась алчность.

Зверь сильнее стиснула локоть Герварда, но с ответом не спешила. Понемногу, заметив, что она молчит, затихли и пираты — так велика была ее власть над командой. Гервард встречал очень немногих, обладавших таким влиянием, а ведь среди его знакомых хватало королей и принцев, королев и верховных жриц. Его не в первый раз уколола иголочка сомнения по поводу их плана, точнее сказать, плана Фитца. Зверь была не из тех кошечек, которых легко обвести вокруг пальца.

— Что же это за путь? — спросила Зверь, когда ее команда притихла настолько, что стали слышны плеск волн, скрип такелажа и — во всяком случае самому Герварду — стук его сердца.

— У меня есть план Тайных Проток, — сказал он. — Фаролио — искусный штурман. Он вычислит курс по звездам.

— Стало быть, Тайные Протоки можно пройти, — кивнула Зверь. — Если твой план верен.

— Он верен, мадам, — подтвердил Фитц, заставив свой голос звучать еще писклявее, чем обычно. Детский голосок внушал мысль о безобидности говорящего. — Месяц назад мы подошли к самым Морским Воротам и вернулись обратно.

Зверь опустила голову и встретилась взглядом с голубыми раскрашенными кукольными глазами, не утратившими за столетия колдовского блеска. Несколько мгновений она мерилась с Фитцем взглядами, и щурилась как кошка, решавшая, перед ней добыча или опасный враг. Затем она медленно обернулась к Герварду:

— А Морские Ворота... Что толку проходить Протоки, если Ворота закрыты?

— Морские Ворота уже не те, что прежде, — ответил Гервард. — Если нажать в нужном месте, они рухнут.

— Нажать? — Самый кончик языка показался между ее губками.

— Я — опытный канонир, — пояснил Гервард. — В том сундуке на скифе — снаряд для мортиры¹ особой конструкции, а вы, как мне известно, на прошлой неделе захватили судно для бомбардировок постройки Харкера и еще не успели сбить его с рук.

Он не упомянул, что судно это было закуплено специально для его команды и потеря его сильно осложнила их первоначальный план.

— У тебя точные сведения, — подтвердила Зверь. — Есть у меня такая посудина. Стоит в бухте за про-

¹ Мортира — стариинное орудие для павесной стрельбы.

ливом. И команда моя — лучшая на этом море. У тебя маршрут, штурман, бомба и знания, позволяющие проломить Морские Ворота... Две трети нам, морским котикам, и одну треть тебе с твоей куклой. Что скажете?

— Идет, — согласился Гервард.

— Да, — откликнулся Фитц.

Зверь выпустила локоть Герварда, поднесла открытую ладонь к губам, очень нежно лизнула и протянула ему. Гервард, помедлив, изобразил плевок на свою ладонь, и они скрепили договор рукопожатием.

Фитц раскрыла свою ладонь, не менее гибкую, чем человеческая, но темную и зернистую, как древесина, и лизнул ее языком, украшенным голубыми полосками и серебряной кнопкой. Зверь хлопнула по ладони Фитца, не глядя на него.

— Джабез! — распорядилась она, и ее великанская «правая рука» в свою очередь поплевал на ладонь.

Его пожатие оказалось на диво легким и мягким, в глазах блестели искорки веселья, и на обветренном лице играла мягкая улыбка. Вызвала ли ее надежда на сокровища или какая-то потаенная мысль, Гервард не знал, а Фитцу Джабез не улыбнулся. Вслед за Джабезом стали подходить остальные. Сделку должны были скрепить все члены команды. «Морской котик», подобно всем кораблям Братства, теоретически был добровольным обществом, и решения на нем принимались сообща.

Трул, оставшийся лежать на баке, доказывал, что теория есть теория, а на практике капитан Зверь полностью правила на борту. Плевки и рукопожатия были всего лишь живописным ритуалом, но пиратам он явно доставлял удовольствие — они с такой горячностью трясли руку Герварда, что у того вскоре заболело плечо. С Фитцем обходились сдержаннее, но не

потому, что распознали его истинную натуру, — просто человек искони с опаской относится к чуждым формам жизни.

Когда с рукопожатиями было покончено, Зверь снова ухватила Герварда под локоть и увлекла его к большой каюте на корме шебеки. Проходя по палубе, она бросила через плечо:

— Готовься к отплытию, Джабез. Нам с капитаном Верный Меч надо кое-что обсудить.

Фитц не отставал от них ни на шаг. Приказ капитана пролетел у него над головой, и кукле пришлось посторониться, когда пираты бросились к вантам и к кабестану, готовясь поднять якорь и паруса.

Каюту Зверя надвое разделяла плотная занавесь, отгородившая место для сна от большей части помещения, куда с трудом влезли стол с тиковой столешницей и два двенадцатифунтовых орудия. Зверь выпустила руку Герварда, чтобы протиснуться в узкую щель между пушкой и углом стола. Избавившись от ее прикосновения, Гервард почему-то почувствовал облегчение. Он не чурался женщин, имел дело с куртизанками и солдатками, с крестьянками и жрицами, и даже с вдовствующей императрицей, но в этой женщине было нечто, выбивавшее его из колеи, что не удавалось ни одной из прежних любовниц.

Поэтому он вздохнул с облегчением, поняв, что она не собирается уводить его за занавесь, скрывающую постель. Зверь уселась за стол и указала ему на место рядом. Гервард повиновался, а Фитц, подпрыгнув, взгромоздился на край стола.

— Выпить! — крикнула Зверь.

Ей ответило ворчание из-за низкой дверцы в кормовой перегородке, которую Гервард принял за дверцу шкафа. Из приоткнувшейся двери показался костлявый обрубок руки, покрытый татуировками. Обрубок

небрежно сбросил на стол винный мех, подцепленный за ременную петлю.

— Иди подбери на баке мясо, — добавила Зверь.

Подняв мех, она изящно направила струйку темного смолистого вина себе в рот и, глотнув, тщательно облизнула губы. Мех перешел к Герварду. Тот ограничился одним глотком. Он следил взглядом за низкорослым, страшно изуродованным человечком, проползвшим у него под ногами. Человечек был так густо покрыт татуировками, что узнать в нем альбиноса удалось не сразу. У него уцелела только левая кисть, правая рука была обрублена у запястья. Не было и обеих ног до колена, так что он перебирал обрубками по палубе, словно трехпалый сверчок.

— Мой стюард, — пояснила Зверь, когда калека скрылся, и сделала еще один большой глоток. — Превосходно готовит.

Гервард мрачно кивнул. Он узнал часть татуировок — человечек был членом одной из общин каннибалов, расплодившихся далеко на юге в умирающих городах Корадона.

— Я бы пригласила вас пообедать со мной, — хитро поглядывая на него, продолжала Зверь, — да мало кто разделяет мои вкусы.

Гервард кивнул. Ему, правда, доводилось питаться человечиной — при тяжелом отступлении от Джемине-ро, когда не оставалось другого выхода. Но повторять этот опыт без крайней необходимости ему не хотелось.

— В конечном счете все мы — только мясо и вода, — заметила Зверь. — О тебе не говорю, кукла.

— Ваши философские взгляды меня не удивляют, учитывая ваше прошлое, — ответствовал Фитц. — Лично я не нахожу странным, что вы поедаете мертвцев, особенно учитывая постоянную нехватку в море свежего мяса.

— А что ты знаешь о моем прошлом? — спросила Зверь, слегка улыбнувшись, так что острый клычок показался над нижней губой.

— Только то, что вижу сам, — заметил Фитц. — Хотя следы стерты, но я распознал рабское клеймо Лурквиста между левой грудью и плечом. Кроме того, на левой руке у вас характерный шрам от наголонских кандалов. Из этого следует, что вы по меньшей мере дважды побывали в рабстве и, следовательно, дважды добивались свободы или получали ее. Наголонцы кормят своих живых гребцов мясом умерших — отсюда и ваши вкусы.

— Думаю, довольно, — перебила Зверь. Она взглянула на Герварда. — Каждому хочется кое-что сохранить в тайне, не так ли? Однако кое-чем нам придется поделиться. Команде хватит старых песен об ученых-пиратах Сарске и опасностях вод у их острова. Но я должна знать все. Расскажи мне побольше об этих ученых-пиратах и об их крепости. Они и до сих пор скрываются за своими Морскими Воротами?

— Морские Ворота не открывались более двухсот лет, — осторожно ответил Гервард. Нужно было определить с ответом Фитца, который не всегда соглашался с необходимостью слегка уклониться от истины, даже при выполнении заданий, требовавших коварства и хитрости. — Все это время никто не видел ученых-пиратов, так что, скорее всего, их крепость теперь — темная и безмолвная могила.

— А если и нет, так станет, — вставила Зверь и, чуть помедлив, добавила: — Для ученых-пиратов. — И трижды постучала по столешнице простым железным кольцом, которое носила на большом пальце левой руки.

Этот древний жест еще кое-что рассказал Фитцу о прошлом капитана.

— Если верить песням, они в самом деле были столько же учеными, сколько пиратами, — проговорила Зверь. — Груду пыльных пергаментов и книг не назовешь завидной добычей. На что, кроме легенд, ты опираешься, говоря об их сокровищах?

— Я видел их крепость изнутри, — ответил Фитц. — Около четырехсот лет назад, прежде чем Морские Ворота... окончательно закрылись. Уже тогда среди них было очень немного истинных ученых, а большинство давно забросило науку ради богатства... И они в самом деле разбогатели, что верно, то верно.

— Ты очень стар, кукла?

Фитц пожал кукольными плечиками и не ответил — Гервард в душе одобрил его сдержанность. Зверь не походила на заурядного пирата, а всякий, знающий возраст Фитца и хоть немного помнивший историю, вполне мог сложить два и два, получив ответ, который сильно осложнил бы им выполнение задания.

— Золота там хватит на всех, — поспешно вмешался Гервард. — Известны четыре или пять сообщений пленников, отпущеных учеными-пиратами за выкуп, и во всех упоминаются груды сокровищ. Готовых участь к вам в руки.

— Да-да, нас от них отделяют всего-навсего непрходимые воды и легендарные Ворота, — усмехнулась Зверь. — Я уже сказала — выкладывай все.

— Хорошо, — согласился Гервард. — Фаролио?

— Если позволите пролить малость вина, я начерчу карту, — предложил Фитц.

Зверь кивнула. Гервард налил лужицу вина на углу стола, и кукла, нагнувшись и обмакнув в вино самый длинный палец — указательный, — быстро набросала на столе карту со множеством островов. Фитц не прибегал к явному колдовству, однако влажные линии не расплывались и не спешили высыхать.

— Собственно крепость построена в естественном укреплении внутри острова, в самом сердце архипелага. Пираты называли и крепость, и остров Крор Холтом, хотя настоящее его название — Сарске. Так же называется и вся группа островов.

Фитц выполнил еще один набросок — увеличенное изображение того же острова — округлого участка суши, рассеченного с востока линией с пятью изгибами, протянувшейся к центру.

— Единственный вход в пещеру Крор Холта — с моря, через этот каньон, прорезанный в известняковом берегу почти на девять миль вглубь. Каньон упирается в сплошную скалу, однако пираты пробили сквозь нее туннель к своей пещере. Вход в туннель преграждают знаменитые Морские Ворота, имеющие ширину сто семь футов и высоту — девяносто семь футов. При отливе вода скрывает около сорока футов нижней части ворот, а в самый высокий прилив — шестьдесят три.

Каньон такой узкий, что три корабля едва пройдут в нем борт к борту, поэтому обстрелять Морские Ворота из пушек невозможно. Однако мы изобрели приспособление, которое позволит, сделав выстрел от входа в каньон, послать снаряд так, что он минует изгибы и ударит в верхнюю часть Ворот. За Воротами открывается вход в гавань, достаточно просторную для дюжины судов, подобных вашему «Морскому котику». От мощеной набережной протянуты три бревенчатых причала. Сокровищница и склады ученых-пиратов расположены на склоне, огибающем гавань, так же как жилые и прочие не интересующие нас здания.

— Ты не совсем обычная кукла, — заметила Зверь, подняла мех и направила себе в горло новую винную струю. — Продолжай.

Фитц, кивнув, опять обратился к первому наброску, прочертив пальцем извилистый курс между островами.

— Прежде всего, чтобы попасть к входу в Крор Холт, нам придется найти путь по так называемым Тайным Протокам. Центральный остров окружают более двухсот островов и рифов, и единственный проход между ними далек от прямого курса. Эту трудность еще осложняет необходимость пройти там ночью, причем ясной ночью, поскольку маршрут можно вычислить, только наблюдая за звездами и промеряя глубины.

Кроме того, нам придется иметь дело с очень сложными течениями. Особенно труден подход к Морским Воротам, где, благодаря расположению островов и рифов и, как я полагаю, колдовскому вмешательству, сталкиваются две приливные волны. Возникающий в результате в устье приливный вал — некоторые называют его *бором* — вливается в каньон за час до высшей точки прилива и откатывается назад через пятнадцать минут. Волна выше вашей стеньги и движется очень быстро. Она уничтожит любое судно, оказавшееся в это время в каньоне.

Далее, мы должны попасть в расщелину Крор Холта до начала отлива, чтобы успеть приготовиться к выстрелу при затишье. У нас только один выстрел, потому Гер... Мартина нужна будет по возможности устойчивая платформа для стрельбы. Я заметил, что затишье между приливом и отливом длится двадцать три минуты. За это время мы должны успеть подготовить судно к выстрелу.

Таким образом, нам следует войти в устье после того, как прокатится и откатится приливный вал, выстрелить во время затишья между приливом и отливом, после чего у нас будет восемь или девять часов

на то, чтобы захватить сокровище и уйти до нового бора, который, учитывая, что Морские Ворота уже не будут преграждать ему путь, целиком захлестнет крепость и утопит всех, кто окажется в ней.

Зверь отвела взгляд от куклы и посмотрела на Герварда. Лицо ее оставалось бесстрастным. Она молчала добрую минуту. Гервард с Фитцем ждали, прислушиваясь к шуму с палубы: шаги матросов, скрип такелажа и досок обшивки и надо всем этим — глухой стук топора на капитанском камбузе, расположенному немного выше и ближе к баку.

— Предприятие безумное. Моя команда взбунтовалась бы, если б знала, что их ждет, — заговорила наконец Зверь. — И не думаю, что даже один из вас сказал мне хоть половину правды. Но... мне надоело подбирать легкую добычу на побережье. Пожалуй, мне пора снова испытать удачу. Мы зайдем за бомбардирским кораблем — он называется «Сильная рука» — к ночи и поплыем дальше вместе. Вы остаетесь на «Морском котике». Сколько нам идти до архипелага, почтенный куклоштурман?

— Три дня при попутном ветре, — ответил Фитц. — Если ночи окажутся ясные, к тому времени в небе будут две из трех лун. Света хватит, чтобы осветить путь, и в то же время они не помешают мне наблюдать звезды. Дальше все зависит от ветра. Даже при самом удачном раскладе мы подойдем к устью Крор Холта часа в два пополуночи, под самый конец прилива.

— Безумие! — повторила Зверь и рассмеялась. Она хлопнула по наброскам Фитца, брызнув в лицо Герварду каплями вина. — Теперь можете идти. Джабез найдет вам каюты.

Гервард встал и едва не поклонился, но вовремя вспомнил, что он — пират. Превратив поклон в небрежный взмах руки, он утер забрызганное вином ли-

ци и повернулся вслед за Фитцем. Тот сиритнул со стола, не тратя времени на любезности.

Они уже выходили, когда Зверь проговорила негромко, но выразительно:

— Запомни одно, капитан Верный Меч. Своих врагов я съедаю, а тех, кто меня обманывает, — съедаю живьем.

Ее прощальная реплика еще звучала в ушах Герварда четыре дня спустя, когда «Морской котик» осторожно пробирался по проливу меж двух белых обрывов шириной не более мили. Бурунов почти не было видно, но каждый на борту хорошо представлял лежащие под ними рифы, готовые вдребезги разбить киль.

«Сильная рука» шла не отставая, покачиваясь на кильватерной струе. Она уступала «Морскому котику» в парусности — главным образом из-за того, что место, предназначенное для фок-мачты, занимала тяжеловесная мортира. Что ж, гонки она не выигрывает, но в глазах Герварда не было корабля прекраснее, он любовался дополнительным тяжелым настилом на палубе и толстыми бимсами, ценным такелажем и, разумеется, самой мортирой.

Зверь не позволяла ему надолго отлучаться с «Морского котика», а Фитца вообще не отпускала с шебеки, однако Гервард чуть ли не все светлое время проводил на бомбардирском корабле, осваиваясь с мортирой и тренируя приданную ему команду. Он муштровал пушкарей, не давая им прудых, хотя единственный снаряд, изготовленный мистером Фитцем, собирался выпустить сам. Но если повезет, снаряд разрушит Морские Ворота, а уж дальше, на входе в тайную гавань Крор Холта, могут пригодиться и обычные ядра.

Фитц напомнил о себе, тронув его за локоть. Оба стояли на баке рядом с рулевым, напряженно вгляды-

вающимся вперед. Зверь не выходила из своей каюты — может, хотела продемонстрировать доверие к новому лоцману — и по всей вероятности, снова подкреплялась останками злосчастного пирата, позволившего себе самовольно выстрелить из носового орудия.

— Ненплохо продвинулись, — заметил Фитц.

В руках он держал странное приспособление, сочетающее маленький телескоп с кропичными десятиразрядными счетами: костяшки на них заменялись резными бусинами. Герварду не случалось видеть подобных устройств у других штурманов. Зато Фитц, проводивший наблюдения за звездами, зачем-то прибегая при этом к помощи серебряного хронометра в форме яйца, точнейшим образом вычислял местоположение. Затем он сверял курс с планом на просоленной коже.

— Отойдем к гакаборту, — шепнул Фитц и добавил громче: — Держи ровней, рулевой. Сейчас дам новый курс.

Человек и кукла отошли вдоль борта к корме, встали под большим фонарем, служившим маяком второму судну. Гервард, опершись на фальшборт, в который раз взглянул на «Сильную руку». В свете двух лун корабль представлялся бледным призраком, огромная мортира непривычно искажала его очертания.

Фитц, не смущаясь качкой, вскочил верхом на фальшборт. Придерживаясь за плечо Герварда, перегнулся вниз и внимательно оглядел корму.

— Кормовые иллюминаторы закрыты — нас не подслушают, — шепнул он спутнику.

— Что ты хотел сказать? — спросил Гервард.

— Надо пересмотреть часть плана, — заявил Фитц. — Зверь не простушка, а после того, как упадут Морские Ворота, уже не удастся скрывать, что мы задумали. Правда, меня ей придется пощадить, иначе не вывести корабль в открытое море. Но, боюсь, вас она

с досады попытается убить. Тогда мне придется вмешаться, а это было бы нежелательно. Пираты еще могут нам пригодиться.

— Надеюсь, ты вмешаешься раньше, чем она меня убьет... или начнет поедать живьем, — усмехнулся Гервард.

Фитц не принял шутки. Оба они знали, что для куклы безопасность Герварда была *почти* первоочередной заботой.

— Полагаю, нам следует поделиться с капитаном частью сведений, — предложил Фитц. — А ваше мнение?

Гервард оглянулся на ют. Ему представилась Зверь за трапезой, которой она ни с кем не делилась.

— Она весьма необычная женщина, даже для пиратки, — протянул он.

— Именно так, — подтвердил Фитц. — Во многих отношениях. Припоминаете железное кольцо, которым она трижды постучала о стол в каюте? Этот жест отражает некоторые виды мелких магических атак. Она использовала его как средство от слгаза — это в обычном у некоторых сект. Я бы предположил, что она когда-то в юности была жрицей или хотя бы служкой.

— Какого божества? — заинтересовался Гервард. — Из числа запретных? Тогда это очень плохо для нас.

— По всей вероятности, какого-нибудь милостивого и безобидного божка, — возразил Фитц. — Иначе она не попала бы из храма на галеру Наголона. Но кое-что в ней говорит против этого предположения... Неплохо бы заранее установить, какой сущности она служила.

— Можешь спросить, я мешать не стану... — начал Гервард и запнулся. Взглянув на старого товарища, он наградил его недоброй усмешкой.

— Мне нельзя прерывать наблюдения, — заявил Фитц и, соскочив вниз, повернулся лицом к баку. — Не

говоря уже о том, что необходимо постоянно давать команды рулевому. Но, думается, в наших интересах более подробно рассказать капитану о цели нашего предприятия, а заодно попытаться выяснить, какому божеству она служила в юности. До устья каньона еще три-четыре часа хода.

— Не уверен... — заговорил Гервард.

— Времени для беседы вполне достаточно, — перебил его Фитц. — Право, не припомню, чтобы вы когда-либо отказывались уединиться с хорошенькой женщиной.

— С женщиной, которая уплетает человечину! — за протестовал Гервард, догоняя уходящего Фитца.

— Она просто экономит провизию, — отметил Фитц. — Я нахожу это похвальным. Вы сами пробовали...

— Да-да, помню! — поморщился Гервард. — Иди займись своими звездами! Я спущусь вниз и побеседую со Зверем.

Рулевой обернулся к ним, и Гервард сообразил, что с шепота перешел почти на крик.

— Я хочу сказать, с капитаном Зверем. С вами мы еще поговорим, мистер... Фаролио!

Когда Гервард, негромко постучавшись, вошел, капитан Зверь сидела за столом. Но не ела, и перед ней не лежало ничего похожего на разделанное человеческое тело. Стояла только склянка из темного стекла да маленькая серебряная чашечка, какие используются при обрядах в честь рождения или крещения. Зверь выпила из нее, одним глотком осушив содержимое чашки. До Герварда донесся резкий запах крепкого спиртного.

— Арак, — сообщила Зверь. — Я все еще порой вспоминаю о нем, хотя он уже не действует, как бывало. Хотел поговорить? Тогда садись.

Гервард опасливо присел, выбрав место подальше, но не слишком далеко, чтобы не обидеть собеседницу, и развернул кресло так, чтобы, выхватывая висящий у правого бедра меч, ни за что не зацепиться. Зверь выглядела если и не вдрызг пьяной, то далеко не трезвой, и Герварду не внушала доверия пиратка-каннибал, да вдобавок во хмель.

— Я не пьяна, — сказала Зверь. — Чтобы меня вырубить, нужно три бутылки такого зелья и стакан побольше. Я просто подмачиваю порох перед штурмом крепости.

— Зачем? — спросил Гервард. Придвигаться ближе он не спешил.

— Я проклята, — объяснила Зверь, наливая себе еще капельку. — Или ты думаешь, меня от рождения называли Зверем?

Гервард медленно покачал головой.

— А может, это благословение, — продолжала женщина и выпила, показав зубки в мимолетной улыбке. — Увидишь, когда завяжется бой. Твоя кукла знает, а? Эти его голубые глазки... это не так уж опасно, но лучше держись подальше. При виде высоких и красивых мужчин она должна либо возлечь с ними, либо убить, а мне не остается ничего другого, как только указывать ей на врага.

— Кто — она? — спросил Гервард.

Он не без усилия заставил голос звучать ровно и спокойно. В то же время он как бы невзначай опустил руку, нащупывая рукоять кинжала, которым пользовался как щитом.

— Та, кем я становлюсь, — сказала Зверь. — Настоящий зверь, когда начинается драка.

Она подняла руку, скрючив пальцы. Гервард видел, что ногти выросли, но пока оставались ногтями. Пока. И новые светлые шрамы... пятна простили на ли-

це, доказывая, что метка на скеле вовсе не пороховой ожог.

— Ты была сестрой Челкиос, леопарда, — обронил Гервард.

Он куда хуже Фитца разбирался в сущностях из перекрестных измерений, однако Челкиос в старой Кварпской империи являлся одним из самых почитаемых божеств. А с точки зрения Герварда, куда важнее было то, что Челкиос не внесен в проскрипционные списки.

— Меня украли работогоровцы, когда я была всего лишь послушницей — глупой мальвкой, вздумавшей нарушить правила и выбраться из храма, — сказала Зверь и сделала новый глоток. — Настоящие сестры контролируют натуру Зверя. Мне по большей части приходится прибегать к рому, а иногда... — Она поставила чашку на стол, протянула к Герварду руку и закончила: — ...к развлечениям.

Гервард тоже встал, но не спешил принять ее руку. В нем боролись две мощные силы — чувственное возбуждение, пронизавшее все тело, и инстинкт самосохранения.

— Возлечь или убить, третьего не дано, — напомнила Зверь.

Она дрожала, ногти на ее руке отросли и начали загибаться.

— Я собирался сообщить тебе необходимые сведения касательно нашего дела, — начал Гервард, но он еще не договорил, когда мысль об осторожности испарилась, и он, поймав ее за руку, притянул к себе. — Тебе следует знать, что Морские Ворота на самом деле — стена...

Он умолк, чувствуя, как холодная ладонь проникает к нему под рубаху, как напрягаются мускулы, предвкушая боль от острых когтей. Но пальцы Зверя уже

стали мягкими подушечками, а руки Герварда тоже отправились в странствие на поиски открытий.

— Стена, — выдохнул он. — Ее построили двести лет назад уцелевшие ученые-пираты, чтобы... чтобы не выпустить нечто, что сами же призвали... Сокровище есть... но его стерегут.

— Потом, — промурлыкала Зверь в самое ухо, увлекая его за занавесь в свое логово. — Расскажешь потом.

Несколько часами позже Зверь стояла на баке, разглядывая сверху Герварда, занимавшего место в шлюпке, которая должна была доставить его на «Сильную руку». Ее взгляд не выражал ни любви, ни симпатии, ни даже воспоминаний об интимной близости. Но Гервард с облегчением заметил сквозь тени раскачивающегося фонаря, что на лице ее осталось всего одно леопардовое пятнышко, а ногти были обычными человеческими ногтями.

Фитц стоял рядом с пей, склонив голову из папье-маше так, чтобы видеть и небо, и шлюпку. Гервард успел бросить ему лишь несколько слов — этого хватило, чтобы уведомить куклу о некоторых свойствах Зверя и сообщить, что известие о том, с каким врагом им предстоит столкнуться, она приняла достаточно равнодушно. А может быть, она его толком не рассыпала или услышанное тут же вытеснили у нее из головы более насущные заботы.

Сейчас «Морской котик» и «Сильная рука» находились в шести милях от устья каньона. Сероватые известковые утесы вздымались на сотни футов по сторонам. Путь освещала только серебристая луна — голубая еще скрывалась за морским горизонтом. Однако три четверти диска серебристой луны давали достаточно света, а небо было ясным и звездным, так что по

крайней мере в одном отношении ночь идеально подходила для предприятия.

А вот ветер становился слабее и уже совсем стих. Паруса, поднятые на мачтах «Морского котика», беспомощно обвисли. Мачты «Сильной руки» были голыми. Судно уже отбуксировали на место, выбранное Фитцем во время предварительной разведки месяц назад, закрепили на трех якорях и зафиксировали каждый канат. Поднявшись на борт, Гервард развернет судно посом точно к Морским Воротам, скрывающимся за северной известняковой стеной в следующем изломе каньона.

Штиль заставил их взяться за весла. Буксир, две гички и скиф Аннума Тела выстроились перед «Морским котиком», готовые отбуксировать его на последнюю милю за следующий изгиб каньона. Гервард предпочел бы обойтись для высадки одними весельными лодками, но в них помещалось слишком мало бойцов. На борту щебеки находились сто девяносто пиратов, и он подозревал, что этого может оказаться мало.

— Вода больше не поднимается! — крикнул кто-то из лодки, ближайшей к «Морскому котику». — Прилив закончился.

— Пошли! — рявкнул Гервард, и шестерка пиратов налегла на весла, рванув его шлюпку вперед.

В узости каньона до «Сильной руки» они добрались за несколько минут, но, раз прилив достиг верхней точки и затишье уже началось, Герварду оставалась всего четверть часа на то, чтобы подготовить мортиру, павести ее и выстрелить.

За спиной он слышал рев Джабеза и иллеск множества весел. Лодки начали буксировку большого корабля. «Морской котик» будет двигаться медленно, так что гичка Герварда легко его нагонит.

Возвращаться придется так же медленно, подумалось Герварду, а опасность будет гораздо большая. Если

в бою они потеряют слишком многих гребцов, а ветер так и не поднимется, они вряд ли успеют выбраться из каньона до нового бора.

Он отогнал видение гигантского вала, с ревом накатывающего по каньону, взобрался на палубу и бросился к мортире. Его команда пушкарей подготовила все заранее. Сундук был открыт, особый снаряд лежал на виду, рядом мешки с порохом на клеенке, а его канонирский квадрант и фитили были разложены по другую сторону от орудия.

Гервард покосился на небо, нашел взглядом колдовские метки, оставленные Фитцем на утесе, — мелкие блестки в лунном свете легко было спутать с жилами кварца. Ориентируясь по этим меткам, он приказал подтянуть якорные канаты, слегка развернув судно. Как ни налегала на канаты его команда, это дело отняло несколько драгоценных минут. Пока пираты трудились, Гервард заложил в мортиру тщательно подобранный пороховой заряд. Потом отмерил и обрезал фитиль, трижды перемерил, еще чуть подправил и только тогда заложил в мортиру. Все это делалось специально для пиратов, только для отвода глаз, — на самом деле Фитц встроил в снаряд колдовской взрыватель, чтобы взрыв произошел точно в расчитанный момент.

— Заряжай! — гаркнул Гервард.

Шестеро пиратов из орудийной obsługi немедля взялись за дело: двое осторожно забили пыжом пороховой заряд, а остальные четверо тем временем бережно подняли снаряд и вкатили его в дуло мортиры.

— Приготовиться к развороту! — отдал следующий приказ Гервард, вложив в ствол свой канонирский квадрант. Пушкари ухватились за две рукояти в форме бабочек, вращающие зубчатое колесо, которое задирало вверх ствол мортиры. — Шесть оборотов вверх!

— Шесть оборотов вверх! — хором отозвалась команда, поворачивая рукоятки.

Бронзовое колесо затикало, подхватывая зубцами нарезку регулятора наклона. Ствол медленно поднялся и замер, нацеленный в чистое небо, всего на десять градусов отклоняясь от вертикали.

— Четверть оборота вниз!

— Четверть оборота вниз!

Ствол чуть опустился. Гервард съе раз измерил угол наклона. Все решит один выстрел.

— Крепи ее и готовь запалы!

Главный канонир присыпал запальное отверстие мелким порохом из фляги, а его помощник отошел к корме за двумя длинными шестами, на концах которых горели запалы.

— Готовься!

Гервард взял один шест, главный канонир — другой. Остальная команда попытилась на ют, подальше от мортиры, в надежде спастись, если снаряд рванет прежде времени и разорвет ствол.

— Раз — море, два — берег, три — жги! — пропел Гервард. На счет «три» он поджег фитиль снаряда и быстро отступил, продолжая напевать: — Четыре — пушкари, пять — гори!

На слове «гори!» пушкарь поджег затравку.

Гервард предусмотрительно зажмурился и, покрепче ухватившись, скорчился спиной к мортире в пятнадцати футах от нее. И все равно вспышка пробилась сквозь сомкнутые веки, а отдача и гром взрыва распластали его по палубе. «Сильную руку» тоже качнуло и развернуло, так что Герварда сбросило бы за борт, не найди он, за что уцепиться. Кое-как расправившись, Гервард поднял голову, проверяя, не задел ли снаряд верхнюю кромку утеса. Он мог бы и не смотреть — случись такое, их уже засыпало бы обломками камня.

Сморгнув радужные пятна, мелькающие в глазах после вспышки, он уставился в небо и несколько мгновений спустя увидел новую вспышку, ярче прежней, и услышал низкий рокот.

— Попадание! Очевидное попадание! — проорал главный канонир: образованный человек, который, несомненно, мог бы рассказать увлекательную историю о том, как его запесло к пиратам. — Хорошая работа, сэр!

— Куда-то мы попали, не спорю, — прервал Гервард торжествующие вопли пиратов. — Но вот снесли ли Морские Ворота? Посмотрим. Пушкари, прочистить мортиру и по местам стоять. Команда, в шлюпку! Мы спешим.

Как и рассчитывал Гервард, тичка без труда догнала и обогнала «Морского котика» с его медленно продвигающимися вперед буксировочными шлюпками, тем более что небольшая волна, накатившая из верховий каньона, на миг ошеломила пиратов, Герварда же воодушевила, указав на значительное смещение массы воды перед Морскими Воротами.

Первое предвестье усугуба вскоре подтвердились. Показался конец каньона, запавешенный тучами пыли и дыма. Посреди сложенной из бледно-зеленых кирпичей стены зияла здоровенная дыра.

— Фонари! — выкрикнул Гервард, и его впередсмотрящий поднял высоко вверх два фонаря.

Два луча выхватили из темноты спирали пыли и синеватого порохового дыма, еще тянувшиеся к серебристой луне.

Пролом в стене, прикинул Гервард, шириной шестьдесят футов, и кирпичи еще обваливаются с одного края, но сверху падать уже нечему. Спокойно можно втянуть в него «Морского котика» и высаживать пиратов на причалы или, если они совсем прогнили, прямо на набережную.

Гервард оглянулся. Шебека шла в ста ярдах позади. Фонари, развесленные на нижних реях, превращали ее в странное огнеглазое чудовище, медленно крадущееся по каньону, а тускло освещенные буксировочные шлюпки представлялись служителями монстра.

— Суши весла, — громче, чем хотел, проговорил Гервард. Уши еще были заложены после взрыва. — Держите оружие под рукой и глаз не спускайте с про-лома.

Большинство пиратов принялись заряжать писто-леты и доставать кортики и длинные кинжалы, но одна женщина, широколицая разбойница с рассеченным кончиком носа, пристально следила, как Гервард достает из голенища припасенную там нарукавную повязку. Он успел надеть кольцо простой ленты на руку, прежде чем поймал ее внимательный взгляд, который стал еще острее, когда вышитые на повязке символы засияли собственным внутренним светом, явно слишком пронзительным для естественного.

— Что это у тебя светится? — спросила она.

Остальные гребцы тоже обернулись к нему.

— Это чтобы вы меня не потеряли, — небрежно пояснил Гервард. — Разрисована внутренностями светляков. А теперь мне нужна минута для молитвы. Если у кого есть желание обратиться к богам, теперь самое время.

Он не терял бдительности, опасаясь предательства или нежелательной реакции на свою повязку, но пиратам было не до того. Многие и в самом деле склонили головы, закрыли глаза, коснулись коленей тыльной стороной руки или приняли другие позы, предписанные обрядами тысяч различных божков, в поклонении которым их вырастили.

Гервард ничего подобного не сделал. Он проговорил почти беззвучно, чтобы никто не подслушал:

— Именем Совета Союза Безопасности Мира, властю, дарованной Тремя Империями, Семью Царствами, Палантинским регентством, Джессарской Республикой и сорока княжествами, я объявляю себя агентом Совета. Я опознал в божестве, явленном в крепости Крор Холта, Форджилл-Ум-Утракса, внесенного Советом в проскрипционные списки. Соответственно, означенное божество и всякий помогающий ему объявляются врагами Мира, и я уполномочен Советом преследовать его и предпринимать любые действия, необходимые для уничтожения, отторжения или изгнания означенного божества.

— Капитан Верный Меч! Вперед, очисти канал!

Это кричала Зверь, не полагаясь уже на трубный глас Джабеза. Шебека быстро приближалась. Гребцы буксиров энергичнее взмахивали веслами: жажды паживы заставила пиратов забыть об усталости. Гервард видел стоящую на носу шебеки капитаншу и рядом с ней — Фитца, тонкую ручку которого подсвечивала такая же, как у него, повязка. Гервард коснулся рукой-тей двух пистолетов за поясом, нащупал гарду боевого меча. Существо, таящееся в темноте за проломом, не боится ни пуль, ни стали, но его служители, надо думать, гибнут так же легко, как прочие смертные. Делом Герварда было прикрывать Фитца от этих служителей, пока кукла не управится с богом при помощи колдовства.

— Весла на воду! — заорал он уже во весь голос. — Вперед, нас ждет богатство! Вперед!

Весла опустились в воду, гичка рванулась вперед, и, миновав разрушенные Морские Ворота, пираты вошли в черные воды Крор Холта. Едва они укрылись от лунного света, их мгновенно окружила тревожная непроницаемая темнота — даже в широком туннеле лучи их фонарей терялись так скоро, что казалось, тьма теснит

их, окружая со всех сторон. И в самом деле, даже зная, что путь по туннелю недолог, Гервард сумел определить, что они вышли в широкую пещеру, только по плеску весел — близкое эхо от стен сменилось отдаленными отзвуками.

— Держи прямо! — скомандовал он, и его голос тоже эхом разнесся над темной водой. — Причалы недалеко — или их опоры, ушедшие под воду.

— Там, капитан!

Там был не причал, а разбегающиеся круги воли от чего-то, потревожившего поверхность воды и вновь ушедшего на глубину справа по борту.

— Греби веселей, — посоветовал Гервард. Достал пистолет и взвел курок.

«Морской котик» немного отстал, и в свете его фонарей Гервард видел низкие своды туннеля над кораблем.

— Вон причал! — выкрикнул впередсмотрящий, и сразу вслед за его словами послышались глухой удар под днищем и треск ломающегося дерева.

Все в шлюпке полетели на дно. Один фонарь свалился за борт и тут же погас.

— Риф! — завопил кто-то из пиратов. Он привстал и, видно, готов был выскоить за борт, но, взглянув вниз, задержался.

Гервард взглянул туда же. Они, несомненно, напоролись на что-то твердое, и гичке следовало бы затонуть. Но в лодке было сухо. Выглянув за борт, он увидел, что лодка стоит на камне. Под ними вовсе не было воды. Второй взгляд, за корму, подтвердил, что не гичка налетела на риф, а вода ушла из-под нее. Ярдах в десяти перед ними виднелся причал, но его настил возвышался далеко над головами, а за ним стеной вставал берег. Чтобы добраться до сокровищниц, им пришлось бы лезть на скалу.

— Что такое? — пробормотал пират с золотым зубом во рту.

Гервард взглянул — и тут же выстрелил в желтую семиугольную морскую звезду, шаркавшую по дну двумя нижними лучами. Пуля, попав в середину звезды, проделала отверстие с мужской кулак, но тварь даже не приостановилась.

— Стреляйте! — заорал он. Повсюду со дна поднимались морские звезды, а в темноте, куда не доставал свет фонарей, их, как догадывался Гервард, скрывалось много больше. — Эй, на «Морском котике», впереди мели и враг!

Ближайшая к ним звезда повалилась — выстрелы в ключья изорвали ей нижние лучи. Пираты, бранясь, перезаряжали оружие и всё жались поближе к Герварду, словно тот мог защитить их от нежданного колдовского противника.

В туннеле эхом отдались более громкие выстрелы. Среди неподвижных огней на шебеке замелькали вспышки. Стреляли из носового орудия и фальконетов, — стало быть, «Морской котик» тоже атакован. К тому же, заметил Гервард, корабль не только не приближался к ним, а как будто отступал.

— Кэп, корабль! Он уходит! — в панике взвизгнул кто-то.

Подхватив уцелевший фонарь, кричавший выскочил из-под защиты шлюпочных бортов, догоняя удаляющиеся огни «Морского котика». Миг спустя из шлюпки увидели, как пирата вместе с фонарем окружила добрая ложина морских звезд, и тут же вокруг сомкнулся мрак, разрываемый только свечением символов на рукаве у Герварда.

— Баковый, конец на причал! — крикнул Гервард. Он сам не заметил, как в руке его оказался боевой меч. Отрубая лучи наступающих тварей, он обратил внимание на то, что те движутся проворнее, словно пролитая

кровь подогрела их боевой задор. — Надо выбраться наверх. Не подпускайте их!

Они вищестером отступали к опорам причала. Огромные ходячие звезды перли следом. Перезаряжать оружие было некогда. Гервард с пиратами рубили и резали тварей мечом, кортиками и шлюпочным топориком, отпихивая куски, которые продолжали дергаться и норовили обвиться вокруг ног. Очень скоро икры и лодыжки каждого пирата покрылись мелкими ранами от присосок, срывавших куски одежды вместе с кожей.

— Зацепил! — крикнул баковый и первым полез вверх по натянувшемуся концу, проворнее, чем марсовые по вантам.

Двое других столкнулись лбами, одновременно ухватившись за конец линя. Один, отпихнув товарища, извиваясь, полез вверх. Второй упал и мгновенно скрылся под массой навалившихся морских звезд. Из-под желтых пятиконечных тел чудовищ раздался сдавленный вопль, оставшиеся на виду пятки отбили частую дробь и замерли.

— Вперед! — прикрикнул на отставшую пиратку Гервард.

Впрочем, ее не надо было подгонять. Она одолела половину расстояния, пока Гервард, упав на колени и сжав рукоять обеими руками, очертил клинком круг, срубив нижние лучи дюжине подступивших звезд. Они еще не успели упасть, когда Гервард забросил меч на настил, вскочил, оттолкнувшись ногой от верхней звезды в груде, задавившей злополучного пирата, в прыжке поймал веревку и полез вверх, чувствуя, как присоски цепляют подошвы сапог.

Едва Гервард вышел наверх, женщина протянула ему меч. И снова оставшаяся четверка сбилась вокруг него, стараясь не выходить из круга света, излучаемого его повязкой.

— Стерегите конец мола! — предупредил Гервард и заглянул вниз.

Все дно под ним теперь скрывали тела морских звезд, но лезть вверх они не могли или не хотели, так что, если не объявится новый враг, у пиратов оставался шанс спастись.

— Она ушла, — прошептал один из его команды.

В самом деле, в туннеле уже не видно было огней шебеки, хотя удаляющиеся звуки орудийной пальбы еще доносились до них.

— Ее остановила поднявшаяся мель, — возразил Гервард. — Но я уверен — капитан Зверь высадит нам подмогу.

— Тут так много этих злобных звезд! — прошептал тот же пират.

— Их можно расстрелять или порубить в котлету, — сурово напомнил Гервард. — Не трусь, справимся.

Он говорил уверенно, скрывая собственные сомнения. Они лишь усилились, когда он увидел, как куски порубленных звезд сползаются вместе, сливаясь в новую, огромную звезду. Такая вполне могла дотянуться до причала.

— Отступаем к берегу, — объявил он, когда два из пяти лучей гигантской звезды начали изгибаться. — Медленно и спокойно, не теряя головы.

Все пятеро двинулись по причалу, держась тесной кучкой, опетинившись клинками, словно пятачийся от хищника еж. На берегу бухты Гервард приказал перезарядить оружие, но выяснилось, что все пираты побросали свои пистолеты и сам Гервард потерял один из пары. Оставшийся пистолет он вручил пирату с золотым зубом.

— Там, наверху, укрепления, — сказал он, махнув рукой в сторону невидимого склона. — Если придется отступать, займем позицию за стенами.

— А чего ждать? Хорошо бы уже сейчас оказаться за стеной!

— Ждем капитана Зверя с остальными, — ответил Гервард. — Они вот-вот будут...

Щелчок выстрела из маленького пистолета не дал ему договорить. Секунду спустя всю пещеру осветила ослепительная вспышка, и сразу за ней горизонтально ударила раздвоенная молния. Разряд пронесся над обмелевшей гаванью, ветвясь и пронзая сотни морских звезд, засверкающих безумной бело-голубой мозаикой.

Резкая тошнотворная смесь запаха соли и смрада тухлятины окатила сбившихся на набережной пиратов. Гервард заморгал, попытался прочистить уши, но без особого успеха. Он по опыту знал, что зрение и слух скоро восстановятся. А вспышка и молния наверняка были работой мистера Фитца. Не сомневаясь в этом, Гервард все же провел несколько тревожных минут, пока зрение не прояснилось настолько, что он различил туманные огоньки — несомненно, фонари идущего к ним на выручку отряда. Расслышал он и голоса своих спутников. Теперь он не сомневался, что услышит и приближение врага.

— Это капитан! — восторженно выкрикнул пират. — Она прикончила этих звезд!

Спору нет, звездам задали жару. Зверь с Фитцем впереди колонны пиратов, с фонарями в руках, шагали по обугленным ключьям морских звезд величиной не больше мужского кулака.

Но пираты еще не додали до набережной, когда обрывки звезд зашевелились, бледным кошмаром извиваясь по донным камням, сливаясь в подвижные мясные шары и скатываясь в одну точку, где-то за пределом света фонарей.

Гервард не тратил времени на догадки, чем зайдутся эти отвратительные останки, собравшись во мраке.

Пробежав по причалу, он протянул руку Фитцу, помогая кукле взобраться по ячейкам абордажной сети, заброшенной на мол командой Зверя. Фитц еще поднимался на ноги, а пираты уже проносились мимо них, толкая на бегу о сокровищах. Битва с морскими звездами была забыта. Шлюпочная команда Герварда, у которой имелись веские причины крепче помнить об угрозе, растворилась в разгоряченной предвкушением добычи толпе.

— Морская звезда снова срастается, — торопливо предупредил Гервард, отталкивая опалевшего пирата, который чуть не наступил на Фитца.

— Не совсем так, — поправил Фитц. — Форджилл-Ум-Утракс воплощается здесь более полно. Он использует тела покорных ему звезд, чтобы обрести телесный облик. И, что более существенно...

— Капитан Верный Меч! — Зверь хлопнула его по спине. Глаза ее горели, на лице темнело несколько пятен, уши выросли и покрылись шерстью, однако она явно сумела предотвратить или отсрочить полное превращение. — Вперед, к сокровищам!

Она с хохотом промчалась дальше. Пираты толпой устремились за ней. Впереди грохот ломающихся дверей уже сменился восторженными воплями — россыпи золота и серебра хлынули из сокровищниц, по бедра затопив пиратов.

— Вероятно, более существенно то, что Ум-Утракс каким-то образом управляет морем, — невозмутимо договорил Фитц. — Он в значительной степени поднял уровень дна гавани, и я ощущаю, что его энергетические щупальца простираются далеко за пределы этого острова. Я опасаюсь, что он может вызвать преждевременный прилив, а с ним придет...

— Бор, — заключил Гервард. — У нас хватит времени отсюда выбраться?

— Нет, — ответил Фитц. — Вал войдет в устье через несколько минут. Нам придется спешно покончить с Ум-Утраксом, после чего укрыться внутри здания наверху склона, выбрав по возможности самое прочное, чтобы я мог создать в нем воздушный пузырь.

— Большой пузырь? — спросил Гервард, окидывая взглядом рассыпавшиеся по склону бухты фонари. Пожалуйста, Гервард, созовите всех пиратов, две с линией сотни пиратов Зверя шарили по городу ученых-пиратов.

— В одной комнате, способной вместить дюжину смертных, — отозвался Фитц. — Ага, Ум-Утракс собрал свое войско. Пожалуйста, Гервард, созовите всех пиратов, сколько сумеете. Вам придется отстреливаться. Мне нужно несколько минут на подготовку.

Кукла потянула с головы бандану, и Гервард поспешно заслонил лицо ладонями. Жесткий пронзительный свет залил бухту, когда Фитц извлек колдовскую иглу, приклеенную к его голове. Свет номерк — колдун скрыл иглу в ладонях. Смертный, решившийся взять в руки такую иголку, уже лишился бы кисти, а то и всей руки до плеча, но Фитца смастерили когда-то специально для таких дел.

В короткой вспышке света Гервард увидел, что гигантская морская звезда уже поднимается на нижних лучах. Боковые лучи у нее распостерлись на шестьдесят футов вширь, и в высоту она оказалась немногим меньше. К тому же эта звезда была не желтой, как прежние, а цвета ядовитого гноя. Поверхность, у малых звезд шершавая от крошечных бугорков-присосок, была испещрена сотнями выпученных губ, и в футовых отверстиях между ними виднелись ряды острых зубов.

— Зверь! — во весь голос заорал Гервард, стрелой летя к началу мола, не замечая острых щепок, вонзавшихся в босые ноги. Остатки сапог хлопали его по лодыжкам. — Морские котики! К оружию! К оружию!

Он все кричал, хотя видел уже, как пираты, опьяные богатством, купаются в грудах золотых монет, засыпавших мостовые.

— К оружию! Враг наступает! — Продолжая кричать, Гервард бросился к ближайшей кучке пиратов, вытащил одного из позолоченной серебряной чаши, в которую тот залез чуть не с головой. — Стройтесь на берегу!

Пират отпихнулся от плечом и вцепился в свою чашу.

— Мое! — завопил он. — Ты ее не получишь.

— Она мне и не нужна! — рявкнул Гервард и развернулся в сторону гавани. — Враг! Смотрите, вы, дурачье!

Ближайшие пираты тупо уставились на него. Гервард развернулся сам и... увидел одну темноту.

— Фитц! Подсвети это проклятое чудище!

Ответом ему была мощная лиловая вспышка, ударившая с конца причала и выхватившая из тьмы гигантскую морскую звезду, уже поднявшуюся на лучах и выдвигающую вперед один отросток, чтобы сделать первый шаг к берегу.

Несколько секунд длилось молчание — потрясенное молчание. Затем спокойный решительный голос произнес приказ:

— Морские котики! Первый дивизион — в ряд вдоль берега от причала. Второй — за ним, перезаряжать оружие! Шевелитесь, негодяи! Добыча вас подождет!

Из-за угла показалась Зверь. Золотое ожерелье с желтыми бриллиантами обвивало ее шею. Прошагав прямо к Герварду, она подхватила его под руку, и они вместе направились к берегу самой беззаботной походкой. Бегущие пираты обгоняли их.

— Ты не стала леопардом, — заметил Гервард.

Говорил он спокойно, но не мог оторвать взгляда от воццелившегося божества. Оно, как и малые мор-

ские звезды, обретало проворство с каждым движением, а Фитц в одиночку стоял перед пим на конце причала. Куклу окружал нимб колдовского сияния, указывавший, что колдун усердно действует одной или несколькими энергетическими иглами, то ли сшивая обрывки иного мира, то ли распуская швы того, что принято называть реальностью.

— Хладнокровные морские твари, какими бы огромными они ни были, не возбуждают во мне ярости, — поведала Зверь. — Или, может быть, мне не хватает красной крови... Готовься!

Последнее слово предназначалось сотне пиратов, выстроившихся вдоль края бухты и ощетинившихся стволами мушкетов, мушкетонов, аркебуз, пистолетов и даже арбалетов. За их спинами второй ряд, придав на колени, заряжал свое оружие, готовясь передать его стоящим впереди. Запасное оружие лежало на земле перед ними.

— Огонь! — отдала приказ Зверь.

Программный нестройный залп, и дымное облако, на миг окутав Герварда, откатилось назад, к сокровищницам. Многие пули нашли цель, но произвели действие не большие чем на малых звезд — на теле Ум-Утракса не видно было даже пулевых отверстий.

— Первый ряд, стрелять без команды! — выкрикивала Зверь. — Второй, заряжай!

Несмотря на то что стрельба не произвела видимого эффекта, движение бешено отстреливающихся и перезаряжающихся пиратов отвлекло внимание Ум-Утракса. Существо развернулось и шагнуло к берегу, попутно раздробив одним щупальцем среднюю часть причального мола по левую руку от мистера Фитца. Не поднимая щупальца из обломков, чудовище поволокло его вперед, вышвырнув на берег обломки бревен. Затем одним взмахом бокового луча оно смело

дюжину пиратов и, изогнув луч в кольцо, подтянуло их к многочисленным пастьям, тут же принявшимся за работу.

— Отступать, отстреливаясь! — приказала Зверь. — Отступать, отстреливаясь!

Посланная ею из длинноствольного пистолета пуля тоже пропала даром. Ум-Утракс захватил еще несколько убегающих пиратов, засыпав кровавыми ошметками плоти и костей их ошеломленных товарищей. Мгновением позже и они отправились вслед за первыми. Гервард со Зверем отбежали за угол одной из сокровищниц. Гервард, споткнувшись о большую золотую солонку, валявшуюся на кучке монет, упал бы, но Зверь выдернула его с места, куда в следующий миг ударило шупальце-луч, смяв в лепешку искусное изделие древнего ювелира.

— Пора бы твоей колдовской куколке что-нибудь сделать, — сказала Зверь.

— Сделает, — задыхаясь, уверил Гервард. Однако Фитца он уже не видел, а Ум-Утракс всей тушей навис над берегом, раскинув лучи вширь. Дома рушились под их ударами, и многие камни омылись кровью пиратов. — Надо подняться выше!

— Отступаем, морские котики! — скомандовала Зверь. — Наверх!

Прикрывавшее их здание сокровищницы рассыпалось осколками плит и пылью, но они уже бежали, спотыкаясь, вверх по крутой мощеной улочке. Их обгоняли перепуганные пираты, растерявшие оказавшееся бесполезным оружие. Вопли сменились стонами и судорожными вздохами раненых и изнемогающих людей и всхлипами тех, кто совсем пал духом.

Гервард указал на проем в туниковой стене, которой оканчивалась улочка. Дверь уже была взломана пиратами, но фасад здания прикрывал пещеру, высе-

ченную в самом камне острова, — более надежного убежища не сыскать.

— Сюда! — проревел он, но тут щупальце Ум-Утракса ударило по мостовой за их спинами, выбросив в стороны кирпичи, булыжник и золото, и пираты в панике рассыпались по боковым переулкам.

Гервард подтолкнул Зверя к двери и обернулся, отыскивая взглядом Фитца.

Увидел он только громадную морскую звезду. Тварь навалилась нижним краем на берег и тянулась к ним тремя из пяти лучей. Каждый луч мог сравняться с углом артиллерийского бастиона. Разбив ударом здание, луч тонким концом, как муравьед языком, выхватывал из руин пиратов

— Фитц! — крикнул Гервард. — Фитц!

Один из лучей Ум-Утракса взметнулся высоко над Гервардом. Тот шагнул назад и остановился: занесенное щупальце божества замерло на полу взмахе, забилось в воздухе. Нижние лучи подгиблись. Крошечное сияющее отверстие появилось в центре звезды и стало расти. Тварь подтянула лучи, скорчилась, пытаясь зажать зияющую дыру, как человек — рану на животе, но отверстие становилось все шире. И вот с грохотом, потрясшим свод пещеры и сбившим Герварда с ног, звезда вывернулась наизнанку, и дыра вновь сомкнулась, унося с лица земли Ум-Утракса, а с ним и почти весь свет.

— Твоя куколка недурило справилась, — заметила Зверь. — Хотя, сдается мне, зовут его Фитц, а не Фаролио.

— Да, — сказал Гервард. Он не смотрел на нее, а размахивал в воздухе рукой, превращая полоску повязки в светящуюся спираль. — Фитц! Ко мне!

— Дельце, в конце концов, вышло кровавое! — прорычала Зверь, и тогда Гервард оглянулся на нее.

Она еще стояла на двух ногах, но тело вытянулось, и пропорции его изменились. Кожа покрылась пятнистой шерстью, челюсть выпятилась, давая место острым зубам, среди которых были два клыка длиной с большой палец Герварда. Длинные кривые когти просели из укоротившихся пальцев, глаза вспыхнули хищным блеском, а хвост подметал землю за спиной.

— Зверь, — сказал Гервард, глядя прямо на нее и не отступая, — мы победили. Бой окончен.

— Я тебе говорила, что съедаю своих врагов! — прошипела Зверь. Хвост ее дергался из стороны в сторону, а голова покачивалась плавным нечеловеческим движением. — Ты скрыл от меня свое имя и настоящую цель.

— Меня зовут Гервард. — Он вскинул открытые ладони. Если леопард прыгнет, единственное, что ему остается, — схватить ее за горло и сломать шею прежде, чем эти клыки и когти выпотрошат его. — Я тебе не враг.

Зверь зарычала. В ее реве уже не различить было слов. Леопард припал на передние лапы.

— Зверь! Я тебе не...

Леопард прыгнул. Гервард принял удар на предплечья и почувствовал, как когти рвут ему кожу. Заслоняясь левой рукой, правой он нашупал бриллиантовое ожерелье и резко натянул, чтобы пережать ей глотку. Но сдва он начал движение, как животное вдруг всхлипнуло человеческим голосом. Странно и грустно было слышать этот звук, вылетевший из звериной пасти. Сияющие глаза леопарда потухли, как будто затянулись морским туманом, и Гервард почувствовал, как тело тяжело обвисло у него на руках.

Ожерелье лопнуло, рассыпав бриллианты, и зверь соскользнул наземь. Фитц так и остался сидеть у него на спине, выдергивая стилет, который он с нечеловеческой

ческой силой вогнал через загривок в мозг леопарда. Рука Герварда сомкнулась на последнем бриллианте. Он секунду стискивал камень в кулаке, потом разжал пальцы.

— Внутрь! — приказал Фитц.

Он успел подскочить к коленям Герварда и теперь заталивал товарища в проем. Рыцарь споткнулся о порог и упал внутрь. Фитц уже вышивал магической иглой, свивая блестящие белые нити быстрее самого искусственного ткача.

Он успел закончить работу, прежде чем ударил вал. Земля содрогнулась, и колдовской воздушный пузырь мячом запрыгал от пола к потолку, задав скрытым внутри Герварду и Фитцу сумасшедшую встряску. Потом так же внезапно волна отступила. Фитц вскрыл пузырь одним ловким движением иглы и тут же сжал ее между ладоней. Гервард стонал, растянувшись на мокром полу. Кровь стекала по превратившимся в лохмотья рукавам, синяки и ссадины, которых он и не заметил в пылу боя, теперь все разом напомнили о себе, страшно саднили сбитые ступни.

Фитц, склонившись над ним, осмотрел его руки.

— Царапины, — провозгласил он, бережно спрятал магическую иглу под куртку и, сняв с головы бандану, разорвал ее надвое, чтобы перевязать раны. — Обойдется простой перевязкой.

Когда кукла закончила лечение, Гервард сел. На секунду закрыл лицо ладонями, но тут же поморщился и опустил их. Обожженная веревкой кожа горела.

— У нас около шести часов на то, чтобы собрать бревна, построить плот и выйти из каньона, — сказал Фитц. — Это если *бор*, и без Ум-Утракса, вернется в обычное время. Нам стоит поторопиться.

Гервард кивнул и уцепился за разбитый в щепки косяк, поднимаясь на ноги. Фитц, стоя прямо перед

ним, заслонял собой гавань, но Гервард легко мог представить трупы пиратов, плавающие в переполненной водой гавани или дрейфующие с отливом по каньону.

— Она была права, — сказал он.

Фитц вопросительно склонил голову.

— Мясо и вода, — повторил Гервард. — Верно, все мы — только мясо и вода.

Фитц не отвечал, стоял неподвижно, уставившись прямо перед собой.

— О присутствующих не говорю, — добавил Гервард.

Об авторах

Стив Айлетт автор книг «Линт» («Lint»), «Наука убийства» («Slaughtermatic»), «Токсикология» («Toxicology»), «Шаманский космос» («Shamanspace»), «Колдун Фэйн» («Fain the Sorcerer») и многих других.

Келли Барнхилл в настоящее время не только пишет сама, но и преподает писательское мастерство. Ее новая работа вскоре появится в «Weird Tales» и «Postscripts». Барнхилл является автором книг «Безглазые животные» («Animals with No Eyes») и «Чудовища глубин» («Monsters of the Deep»), а также других увлекательных научно-популярных произведений для детей.

Кейдж Бейкер — художница, занимавшаяся графикой и настенной живописью, а также преподаватель елизаветинского английского для сценических постановок. Произведения Бейкер номинировались на премию «Хьюго», ее романы о Компании пользуются огромным успехом.

Элизабет Бир родилась в один день с Фродо и Бильбо Бэггинсами, но в другом году. Среди ее произведений трилогия о Дженнин Кейси, завоевавшая в 2006 году премию журнала «Locus».

Джайм Линн Блашке хорошо известен как автор фантастических произведений, питающий нездоровое пристрастие к дирижаблям. Некоторые из этих работ публиковались в «*Interzone*». Сборник его интервью «Голоса провидцев: говорят авторы научной фантастики и фэнтези» («*Voices of Vision: Creators of Science Fiction and Fantasy Speak*») примечателен полным отсутствием букиньерской тематики.

Пол Бэттейджер живет с женой, тремя кошками и бесчисленными змеями. Его рассказ написан в противовес всем пиратским историям в тропическом антураже, которых, как автор полагает, и так слишком много. В то же время он старался сделать произведение максимально реалистичным. Плавание во льдах описано настолько точно, насколько это возможно при экстраполяции.

Энн и Джекф Вандермеер недавно выпустили антологию «*The New Weird*», «*Steampunk*» и «*Best American Fantasy 2*». Джекф, лауреат Всемирной премии фэнтези, опубликовал роман «Хищник: Южно-китайские моря» («*Predator: South China Seas*»), в котором действуют пираты. Энн работает литературым редактором в журнале «*Weird Tales*», отмечившем свой восемьдесят шестой день рождения. Более подробную информацию можно найти на <http://www.jeffvandermeer.com>.

Кэрри Бог воспитали сухопутные жители, но она выучилась ходить под парусом, когда ее отец работал в Военно-морской академии США. Теперь Бог живет в далеком от моря Колорадо. Она написала серию романов об оборотне Китти. Последний из них «Китти и серебряная пуля» («*Kitty and the Silver Bullet*»).

Брендан Коннелл публиковался в «*McSweeney's*», «*Ad-busters*», «*Newtopia*», «*Leviathan 3*» и «*Strange Tales*». Его первый роман «Перевод отца Торту-

ро» («The Translation of Father Torturo») вышел в 2005 году.

Сара Монетт выпустила четыре романа из цикла «Доктрина Лабиринтов» («Doctrine of Labyrinths»), се-
вместная работа с Элизабет Бир вышла в «Tor Books».

Майкл Муркок завоевал практически все крупные пре-
мии как в жанре научной фантастики, так и за его
пределами. Муркок вошел в число пятидесяти са-
мых значительных британских писателей со временем
Второй мировой войны по версии «The Guardian».

Гарт Нике – автор международных бестселлеров, про-
славился своей трилогией «Старое королевство»
(«Old Kingdom») и циклом «Ключи от королевства»
(«The Keys to the Kingdom»). Недавно в «Jim Baen's
Universe» была опубликована повесть о сэре Гервар-
де и мистере Фитце.

Наоми Новик получила премию Джона Кэмпбелла как
лучший молодой писатель, а также премии «Compton
Crook» и «Locus» за лучший дебютный роман.
Четвертая книга се-цикла о Темирэйре «Империя
Слоновой Кости» («Empire of Ivory»), изданная в
2007 году, стала бестселлером по версии «New York
Times».

Рэйчел Свирски вдохновили на представленный здесь
рассказ (такое, по ее мнению, могло прийти в голову
разве что пьяной Беатрис Поттер) ее ручные крысы
Вентворт и Салливан. Салливан умер из-за аномаль-
ного роста зубов еще до выхода антологии в свет.
Его заменила маленькая белая самочка по имени
Альба, которая к моменту написания этой заметки
успела полностью подчинить себе важного Вентвор-
та, хотя он и тяжелее ее втрое.

Кэтрин Спарроу публиковала рассказы в «Escape Pod»,
«Aeon», «Cleis Press» и других изданиях. Недавно

она переехала из Сиэтла в Санта-Крус, где у нее квартира с видом на море, буфет, полный рома, а радиостанции, кажется, без конца передают матросские песни.

Конрад Уильямс на свой второй день рождения получил в подарок от отца чехословацкое издание «Острова сокровищ» в твердой обложке с невероятно красивыми иллюстрациями Джозефа Хочмана. Некоторые из этих картинок с тех пор не давали ему покоя, и, возможно, отчасти поэтому он пишет такие романы, как «Травмы головы» («Head Injuries»), «Лондонский призрак» («London Revenant») и «Безупречный» («Unblemished»), последний был награжден премией Международной гильдии критиков жанра хоррор (International Horror Guild Award).

Говард Уолдроп — автор многочисленных рассказов и повестей. Американский мастер малой формы, Уолдроп удостоен премии «Небьюла» и Всемирной премии фэнтези.

Эрик Флинт в соавторстве с Дэвидом Дрейком выпустил шеститомную серию о Велизарии, а также роман под названием «Тиран» («The Tugant»). Альтернативно-историческая книга Флинта «1632», опубликованная в 2000 году, положила начало обширной серии романов и сборников.

Дэвид Фрир вырос в рыбакском поселке и проводил время, озорничая на лодках в гавани или ныряя за лангустами вместе с другими ребятишками. Впоследствии Фрир стал ихтиологом и работает главным научным консультантом в «Коммерческом акульем промысле» в Вестерн-Кэйп, Южная Африка. Фрир написал десять романов, некоторые в соавторстве с Эриком Флинтом или Эриком и Мерседес Лэки. Десятый, «Почтовый поезд на Арктур» («Slow Train to Arcturus»), вышел в 2008 году.

Джастин Хов публиковал рассказы в «Strange Horizons», «The Internet Review of Science Fiction» и «Abyss & Apex». Он работает в обществе по охране архитектурного наследия, базируясь в Нью-Йорке, и является участником веблога «Homelessmoon.com».

Рис Хьюз намеревается написать ровно тысячу связанных между собой рассказов. Он надеется, что получившийся цикл будет таким же невероятным и поразительным, как испанский галеон, обросший орхидеями, найденный в джунглях. Среди книг Хьюза «Глистоонное для гарпии» («Worming to Nagry») и «Новая всемирная история бесчестья» («A New Universal History of Infamy»).

Содержание

Одержанность пиратами. <i>Энн и Джейфф Вандермеер</i> <i>Пер. К. Павловой</i>	5
Элизабет Бир и Сара Монетт. <i>БУДЖУМ</i> <i>Пер. К. Павловой</i>	7
Рис Хьюз. <i>КАК ЩЕПКИНС ПО ВОЛНАМ</i> <i>Пер. А. Гузмана</i>	35
Кейдж Бейкер. <i>Я НЕ СВЕРНУ, СТУПИВ НА ЭТОТ ПУТЬ...</i> <i>Пер. А. Бродецкой</i>	48
Говард Уолдроп. <i>ОТСТАВИТЬ НА КОРМЕ!</i> <i>Пер. А. Гузмана</i>	81
Келли Баррихилл. <i>ПЛАЧ ПО ГАБРИЭЛЬ, СВЯТОЙ ПОКРОВИТЕЛЬНИЦЕ ЛЕКАРЕЙ, ШЛЮХ И ДОБРЫХ ВОРОВ.</i> <i>Пер. Г. Соловьевой</i>	97
Джастин Хов. <i>СКОВОРОДА И САБЛЯ</i> <i>Пер. Г. Соловьевой</i>	122
Кэрри Бог. <i>ДИТИЯ НИМФЫ.</i> <i>Пер. Г. Соловьевой</i>	143
Конрад Уильямс. <i>68° 07' 15" СЕВЕРНОЙ ШИРОТЫ, 31° 36' 44" ЗАПАДНОЙ ДОЛГОТЫ.</i> <i>Пер. Н. Кудрявцева</i>	163
Майкл Муркок. <i>ЖЕЛЕЗНОЛИЦЫЙ</i> <i>Пер. В. Нолицук</i>	188
Кэтрин Спарроу. <i>ПИРАТСКИЕ РЕШЕНИЯ</i> <i>Пер. В. Нолицук</i>	194
Брендан Коннелл. <i>МЫ СПИМ СРЕДИ ВОЛН ПОД ЗВЕЗДАМИ.</i> <i>Пер. М. Савиной-Баблоян</i>	220

Стив Айлетт. ПУТЕШЕСТВИЕ «ИГУАНЫ» <i>Пер. Н. Кудрявцева</i>	238
Дэвид Фрир, Эрик Флинт. ПИРАТЫ СУАРСКОГО МОРЯ. <i>Пер. М. Пчелиццева</i>	267
Пол Бэтгейджер. ЛЕДЯНОЙ АД. <i>Пер. О. Ратниковой</i>	286
Рэйчел Свирски. ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА ВЕНТВОРТА ЧЕРНОЕ СЕРДЦЕ. <i>Пер. И. Сергиенко</i>	311
Наоми Новик. АРАМИНТА, ИЛИ КРУШЕНИЕ «АМФИДРЕЙКА». <i>Пер. М. Савиной-Баблоян</i>	332
Джайм Линн Блашке. ПАСТЬ КИТА <i>Пер. О. Ратниковой</i>	362
Гарт Никс. ЗА МОРСКИМИ ВОРОТАМИ УЧЕНЫХ-ПИРАТОВ САРСКЕ. <i>Пер. Г. Соловьевой</i>	395
Об авторах	440

Литературно-художественное издание

ПИРАТСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Руководитель проекта Денис Лобанов

Ответственный редактор Марина Смелкова

Редактор Татьяна Бурмыкина

Художественный редактор Антошин Каллас

Технический редактор Ольга Иванова

Корректоры Ирина Кисслева, Елена Орлова

Верстка Алексея Соцкова

Подписано в печать 26.02.2010.

Формат издания 84 × 108 $\frac{1}{32}$. Печать офсетная.

Гарнитура «Петербург». Тираж 7000 экз.

Усл. печ. л. 23,52. Заказ № 0942.

Издательская Группа «Азбука-классика»

191014, Санкт-Петербург, ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н.

www.azbooka.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ЗАО «ИПК Парето-принт», г.Тверь

www.pareto-print.ru

IFLU423301R

**ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ
КНИГ ОБРАЩАЙТЕСЬ:**

Издательская Группа «Азбука-классика»

Санкт-Петербург:

ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н

Почта: 191014, Россия, Санкт-Петербург,

ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н

Тел.: (812) 324-61-49, 388-94-38

факс: (812) 321-66-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Москва:

тел./факс:

(495) 640-07-11

info@azbooka-m.ru

*Информация о новинках и планах,
а также условия сотрудничества
на сайте*

www.azbooka.ru

В

осхитительная смесь захватывающих

баталий и мистики на страницах новой

антологии «Пиратское фэнтези»!

на русском языке!

Мастера с мировым именем, такие как Кейдж Бейкер, Майкл Муркок, Гарт Никс, Наоми Новик, Говард Уолдроп и многие другие, представлят жизнь морских разбойников в кардинально новом свете. Под одной обложкой собраны рассказы на любой вкус: о карибских интригах и пиратской кухне, о романтической любви и кровавых сражениях, о несметных сокровищах и экзотических открытиях. Увлекательные истории об отважных негодяях, путешествующих по бескрайним морям под черными парусами, придется по душе преданным поклонникам приключенческой литературы.

ISBN 978-5-9985-0986-5

01

9 785998 509865

www.azbooka.ru